

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2012
1 (15)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2012
1 (15)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор.

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук.

Виноградов Виктор Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН.

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор.

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук.

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор.

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор.

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич, доктор филологических наук, профессор.

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук.

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор.

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор.

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук.

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор.

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор.

Редактор-составитель выпуска – **Н.В. Уфимцева**.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Выходит 1 раз в полугодие с 2003 года.

Перепечатка материалов из журнала

допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2012

© Учреждение Российской академии наук

Институт языкознания РАН, 2012

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2012

Подписано в печать 12.05.2012. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Зак № 0215. Усл. печ. л. 22. Тираж 500 экз.

Отпечатано «Наша Полиграфия», г. Калуга, Грабцевское шоссе, 126

тел. (4842) 77-00-75

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS

Registration number № ФС 77-38423

EDITORIAL BOARD

E.F. Tarasov, Editor in Chief, Dr., Professor (Philology)
N.V. Ufimtseva, Managing Editor, Dr., Professor (Philology)
T.V. Ahutina, Dr., Professor (Psychology)
O.V. Balyasnikova, Ph.D. (Philology)
V.A. Vinogradov, Dr., Professor (Philology)
V.E. Gol'din, Dr., Professor (Philology)
S.V. Dmitryuk, Executive Assistant Ph.D. (Philology)
A.A. Zalevskaya, Dr., Professor (Philology)
V.I. Karasik, Dr., Professor (Philology)
A.V. Kirilina, Dr., Professor (Philology)
I.Yu. Markovina, Ph.D. (Philology)
E.Yu. Myagkova, Dr., Professor (Philology)
I.A. Strenin, Dr., Professor (Philology)
L.M. Terentiy, Ph.D. (Politology)
V.I. Shahovskiy, Dr., Professor (Philology)
L.A. Shkatova, Dr., Professor (Philology)

Scientific journal of theoretical and applied researches

2 issues per year

The journal has been published since 2003

All rights are reserved

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2012

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2012

© Moscow institute of linguistics, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ПРОЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Ф. Тарасов. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей 8

ЯЗЫК И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

А.В. Кирилина, Е.С. Гриценко, А.О. Лалетина. Глобализация в аспекте лингвистики 18

А.О. Барينوва. Динамика представлений об этничности в американском социуме (по данным корпусов) 38

Е.С. Гриценко, А.О. Лалетина. Многоязычие в профессиональной коммуникации..46

А.О. Лалетина. Глобализация и идеологии языка в современной России: анализ метаязыковой рефлексии в профессиональной сфере 56

М.В. Сергеева. Концептуализация глобального в обыденном сознании (феномен глобализации глазами российской молодёжи) 66

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Л. Соснова. Эмоциональные аспекты общения и творчества 78

И.В. Журавлев. Структура ритуала и «оптика» мифа 92

А.В. Колмогорова. Коммуникативное лицедейство в общении матери с ребенком....102

С.В. Мамаева, Л.С. Шмульская. Социопсихолингвистический портрет школьников-подростков (по материалам анкетирования) 110

Н.Н. Rogoznaya, Чэньчэнь Ли. Психолингвистические аспекты выбора нового имени (китайцами на территории Китая) 116

А.А. Степанова. Психолингвистический подход к описанию фразеологических единиц русского языка 124

Д.Н. Чернов, Ю.Ю. Игнатов. Выражение психологических особенностей в количественных показателях речи 134

А.И. Цой. Рациональное и эмоциональное в сфере деловой / профессиональной коммуникации 140

Е.Г. Свинчукова. Русские в Казахстане: влияние казахской культуры на языковое сознание русской диаспоры 146

О.А. Мельничук, Т.А. Мельничук. Стратегии детективного дискурса (на примере романов А. Кристи) 156

Трибуна молодых ученых

О.Н. Баранова. Психолингвистический анализ субъективного значения слова *справедливость* как основа морально-нравственных ценностей в сознании современной русской молодежи 168

А.В. Жиганова. Английский язык в рекламном дискурсе: переключение кода как универсальная тенденция 178

Д.Н. Макарова. Представления о пространстве в языковом сознании русских, немцев и англичан 184

Н.Ю. Казакова. Общечеловеческая ценность *семья* в русском и немецком языковом сознании 194

У нас в гостях всекитайское общество психолингвистов

Чжао Цюэ. Симпозиум по китайской психолингвистике.....204

Чжао Цюе. Исследование национально-культурной специфики эталона сравнения в психолингвистическом аспекте (на материале китайского и русского языков).....	205
ПАМЯТИ УЧЕНОГО	
Памяти профессора Константина Федоровича Седова.....	208
К.Ф. Седов. Языкознание. Речеведение. Генристика.	210
РЕЦЕНЗИИ	
Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матьяш. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с., ил. (В.И. Шаховский).....	224
Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.–Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с. (О.В. Балясникова).....	231
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
А.Д. Арзамасцева. Международная конференция «Жизнь языка в культуре и социуме – 3».....	234
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	236
ИНФОРМАЦИЯ	238

CONTENTS

FROM THE EDITORS

UNIVERSAL VALUES: RESEARCH PROJECT

- E.F. Tarasov. The Problem of Analysing the Content of Universal Values.....8

LANGUAGE AND GLOBALIZATION

- A.V. Kirilina, E.S. Gritsenko, A.O. Laletina Linguistic Aspects of Globalization 18
A.O. Barinova. Ethnicity Construction in the English Language Corpora 38
E.S. Gritsenko, A.O. Laletina. Multilingualism in Professional Communication.....46
A.O. Laletina. Globalization and Language Ideologies in Contemporary Russia:
Analyzing Metalinguistic Reflexivity in Professional Discourse 56
M.V. Sergeeva. Public Perception of Globalization (Globalization Through the Eyes
of Russian Youth).....66

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL RESEARCH

- M.L. Sosnova. Emotional Aspects of Communication and Creativity.....78
I.V. Zhuravlyov. Ritual Structure and “Optics” of Myth.....92
A.V. Kolmogorova. Communicative Mummery Phenomena in the Mother-Child
Interaction.....102
S.V. Mamayeva, L.S. Shmulskaya. Sociopsycholinguistic Portrait of Pupil-
Adolescents (According to Surveys).....110
N.N. Rogoznaya, Chenchen Li. Psycholinguistic Aspects of Choosing a New Name
(by Chinese on the Territory of China).....116
A.A. Stepanova. Psycholinguistic Approach to the Description of Phraseological Units
of the Russian Language.....124
D.N. Chernov, Yu.Yu. Ignatov. Expression of Psychological Features in Speech
Quantity Indicators.....134
A. I. Tsoy. Ratio and Emotio in Business / Professional Communication.....140
E.G. Svinchukova. Russians in Kazakhstan: the Influence of Kazakh Culture
on Language Consciousness of Russian Diaspora.....146
O.A. Melnichuk, T.A. Melnichuk. Stategies of the Detective Discourse in A.Christie's
Novels.....156

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

- O.N. Baranova. The Psycholinguistic Analysis of the Subjective Meaning of the Word
“Justice” as the Basis of Moral Values in the Linguistic Consciousness of Modern
Russian Young People.....168
A.V. Zhiganova. English in Advertising: Code-Switching as a Universal Tendency.....178
D.N. Makarova. Individual and Cultural Representations of the Concept
“Space” in the Linguistic Consciousness of Russians, Germans and the English.....184
N.Yu. Kazakova. Universal Value ‘Family’ in the Russian and German Linguistic
Consciousness.....194

OUR GUESTS: ALL-CHINESE SOCIETY OF PSYCHOLINGUISTS

- Zhao Qiuye. The 1st Symposium on Psycholinguistics.....204
Zhao Qiuye. Research of National-Cultural Particularity of Comparison Model
in Psycholinguistic Aspect (Based on the Chinese and the Russian Languages).....205

IN COMMEMORATION OF THE SCIENTIST

In Commemoration of Prof. Konstantin F. Sedov.....208
K.F. Sedov. Linguistics. Speech studies. Genre studies.....210

BOOK REVIEWS

Interpersonal Communication: Theory and Practice / O.I. Matiash, V.M. Pogolsha, N.V. Kazarinova, S. Bibi, Zh.V. Zaritskaya. Ed. O.I. Matiash. – 2011. – 560 с., ил.

(V.I. Shahovsky).....224

Ufimtseva N.V.. Linguistic Consciousness: Dynamic and Variability. – М.–Kaluga, 2011. – 252 с. **(O.V. Balyasnikova)**.....231

SCIENTIFIC LIFE

A.D. Arzamastseva. International Conference «Language Existence in Culture and Society – 3».....234

NOTES ON CONTRIBUTORS.....236

INFORMATION.....238

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ПРОЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Ф. Тарасов

УДК 81'23

ПРОБЛЕМА АНАЛИЗА СОДЕРЖАНИЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ (проект)

В статье обосновывается острая необходимость исследования системы общечеловеческих и этнокультурных ценностей, при этом в области духовной культуры автором прогнозируется тенденция к синтезу западных и восточных ценностей, способных обеспечивать наибольшие шансы для выживания человечества. Статья содержит развернутую программу исследования общечеловеческих ценностей (ОЦ), включающей описание объекта и предмета исследования, постановку цели, перечень задач, методику и поэтапный ход исследования, рекомендации по выбору возрастных групп информантов и перечень базовых общечеловеческих ценностей (ОЦ) и антиценностей. Статья может служить руководством к исследованию ОЦ в любых этнокультурных сообществах.

Ключевые слова: общечеловеческие ценности, антиценности, мировоззренческие универсалии, социум, культура, этнос.

Evgeniy F. Tarasov

THE PROBLEM OF ANALYSING THE CONTENT OF UNIVERSAL VALUES (project)

The paper proves that there is an acute need for studying a system of universal and ethnocultural values. The author predicts a tendency to synthesis of Western and Eastern values which makes it possible for humanity to survive. The article contains a detailed programme for investigating universal values where the subject and the object of study, the aim and tasks, methodology and stages, recommendations for selecting groups of respondents and a list of basic universal values and anti-values are given. The paper can serve as a guide for investigating universal values in any ethnical and cultural society.

Key words: universal values, anti-values, world outlook universals, society, culture, ethnos.

Существует распространенное мнение, что все современные этносы стоят перед цивилизационным выбором, к которому их вынуждают угрозы, связанные глобализационными процессами. Если исходить из представления, что развитие общества определяется надбиологическими программами человеческой жизнедеятельности, то можно согласиться с мыслью, что современная цивилизация находится в состоянии перехода к постиндустриальному обществу, сменяющему техногенную стадию, ранее пришедшую на смену традиционному обществу. Постепенность эволюционного развития культуры делает возможным одновременное существование в одном социуме сложной системы надбиологических программ. В каждый конкретный момент культура общества представляет систему таких программ – отмирающих (реликтовых), устойчиво воспроизводящихся и обеспечивающих сохранность общества во времени, и, наконец, проекты будущих социальных программ. Есть основания полагать, что способ понимания всех надбиологических программ задается так называемыми *мировоззренческими универсалиями* (категориями культуры) [Степин, Толстых 2006: 15 – 16].

Сфера общения членов социума друг с другом и с самим социумом детерминирована этими мировоззренческими универсалиями, которые называются общечеловеческими ценностями (ОЦ): *безопасность, вера, власть, внимание к людям, достаток, дружба, здоровье, семья, покой, порядочность* и т.п.

Категории культуры, понимаемые как регулятивы ценностного духовного и практического освоения мира человеком, естественно, содержат не только принципы общения людей, но и характеристики объектов человеческой деятельности: *время, движение, пространство, свойство, отношение, качество и количество, причинность* и т.д.

Глобализация привела к интенсификации обменных процессов между этническими культурами, обычно называемыми диалогом культур. В области духовной куль-

туры, если учитывать процессы регионализации, противостоящие глобализации (со времен крестовых походов и до настоящего времени носители европейской культуры интенсивно навязывают свои региональные культурные универсалии в той форме, как они сформировались в европейском культурном регионе), исследователями прогнозируется тенденция к синтезу западных и восточных ценностей, который, вероятно, будет обеспечивать наибольшие шансы для выживания человечества.

Существует ли сейчас в России прагматическая необходимость в исследовании ОЦ в русской культуре? Ответ на этот вопрос можно найти в интервью директора Института социальных исследований РАН, доктора философских наук профессора В.Бойкова, данного еженедельнику «Аргументы недели» [№ 42 (283), 27 октября 2011 г.]. На вопрос «Что больше всего волнует общество?» он отвечает: «Деньги, деньги и еще раз деньги. 53,6% опрошенных так считают. Обладание властью – 37,3%. Личные достижения в образовании, профессиональной подготовки – 23,6%. Привлекательность, ум и сила – 21,5%. В перестроечном 1987 году только 35,8% голосовали за деньги и материальные ценности. 29% – за образование и профессионализм. А за личные качества – 58,5%».

Утверждение профессора В.Бойкова о наличии в стране состояния политической аномии вызывает тревогу и требует по крайней мере срочной ориентировки в ценностном сознании современных россиян.

Какой объект и предмет исследования может сформировать лингвистика в этом объектном поле?

Культурные универсалии обуславливают категориально-понятийную матрицу для постижения природы и общества и, следовательно, задают категории этического сознания, в том числе, языкового сознания.

Перед лингвистами стоит задача вскрытия и фиксации этнического *содержания* ОЦ.

При изучении ОЦ в нашем исследовании в конкретной этнической культуре объ-

ектом являются содержания ОЦ (см. ниже), предметом – содержания ОЦ, специфичные для конкретной этнической культуры и сопоставительный анализ этих содержаний в разных этнических культурах, материалом могут рассматриваться вербальные и любые невербальные символические овнешнения содержаний ОЦ.

ОЦ – это вырабатываемые обществом ограничения, накладываемые на активность членов социума. Любые совместные действия людей, осуществляемые в рамках социальных отношений, соотносятся с категорией *должного* и, следовательно, получают оценку.

Этические правила общежития, с одной стороны, детерминированы качествами человека, присущими ему как человеку разумному, а, с другой, – религиозными регулятивами, всегда имеющими этноспецифическое содержание. Поэтому в аксиологии – в науке о ценностях – существует представление о них как об общечеловеческих (ОЦ), т.е. как о некоторой таксономии правил человеческого общежития, валидной при описании специфики этнического содержания ОЦ. Аксиологи показали, что номенклатура ОЦ в определенной мере является общей для всего человечества, но различающейся содержанием в каждой ОЦ за счет этноспецифического компонента.

На чем основана актуальность проблемы ОЦ? Научная актуальность проблемы ОЦ обусловлена необходимостью фиксации изменения содержания ОЦ в культурах этносов,

- где произошло изменение социального строя (в странах бывшего соцлагеря);
- где культура изменяется под влиянием глобализационных процессов.

В современной России стремительная трансформация социума привела к изменениям в культуре, которые квалифицируются как «цивилизационный слом» [Степин,

Толстых, 2006: 14-34], коснувшийся, прежде всего, содержания и иерархии ОЦ в русской культуре, и поэтому сейчас перед исследователями стоит задача *вскрыть содержание* ОЦ у носителей русской культуры,

- проходящих социализацию при капитализме (поколение 20-летних);
- прошедших социализацию при социализме и капитализме (поколение 40-летних);
- основная социализация которых прошла только при социализме (поколение 60-летних).

Вскрытие содержания ОЦ у разных поколений носителей русской культуры необходимо для восстановления (корректировки) социализационной деятельности общества по целенаправленному формированию культурной и этнической идентичности членов российского суперэтноса, недостаточная интенсивность которого привела к состоянию аномии¹ в российском социуме.

Прагматическая актуальность изучения содержания ОЦ у носителей русской культуры обусловлена необходимостью знакомства студентов, изучающих русский язык, не только с русским языком, но и с этическими правилами его употребления².

Социологи традиционно изучают ОЦ с точки зрения *отношения* членов различных социальных групп к ОЦ. Примером такой работы может служить коллективная монография «Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. под ред. Рябова А.В., Курбангалиевой Е.Ш. [2003]».

Лингвисты формируют свой предмет исследования в объектном поле ОЦ, вскрывая их содержание и его изменение во времени, а также сравнивая содержание ОЦ в разных этносах.

Кроме того, исследования содержания ОЦ – это одно из направлений внешней лингвистики, начатое еще работой Т.Моммзена по собиранию и изданию древней латин-

¹ Аномия – *anomie* – по Э.Дюркгейму – состояние общества, характеризующееся ценностно-нормативным вакуумом, разрывом в преемственности социальных и культурных норм.

² Аналогичные задачи стоят перед преподавателями других этнических языков.

ской эпиграфики, работой В.О.Ключевского по терминологии в русской истории, входящей в курс лекций по русской истории, за которыми можно поставить «Словарь индоевропейских социальных терминов» Э.Бенвениста. Затем этот ряд должен быть продолжен серией работ по лингвострановедению Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова, а также работами В.В.Воробьева по лингвокультурологии. Особое место в этой проблематике занимает книга Ю.С.Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [2004]. Сейчас, в частности, разработка этой темы продолжается в выпусках сборников «Жизнь языка в культуре и социуме» [2010] и «Жизнь языка в культуре и социуме – 2» [2011].

Анализ вербального овнешнения образов сознания, отображающих по-разному феномены культуры и социума, дает возможность усмотреть специфику использования языковых средств в культуре и социуме.

Как уже упоминалось выше, вся активность человека – и деятельность и общение – описывается мировоззренческими универсалиями: деятельностьное освоение природы (т.е. культура) описывается категориями *время, движение, пространство, свойства, отношение* и т.д., а социум (т.е. общение) постигается людьми при помощи категорий, которые называются ОЦ.

Этническая культура, существующая в предметной, деятельностной и идеальной формах и понимаемая как процесс деятельностного освоения природы, в своей идеальной форме охватывает *знания общества о предметах*, изготавливаемых в конкретной этнической культуре и знания об *операциях (технологиях)* деятельности по производству культурных предметов.

Технологическая дисциплина современного производства требует точного вербального описания всех звеньев деятельности: образа продукта, природного материала, операций, орудий, характеристик продукта. Такая точность поддерживается созданием терминов с однозначно фиксируемым содержанием. Критерием контроля точности *операций* деятельности по изготовлению

культурных предметов служит степень соответствия характеристик изготовленных предметов характеристикам имеющихся образцов.

Социум как устойчивую социальную общность людей с системой социальных *взаимодействий* членов общества соотносим прежде всего с общением, в ходе которого люди организуют как само *общение*, так и их *совместную деятельность*. В ходе общения, по словам К.Маркса «люди обрабатывают людей» в отличие от деятельности, где «люди обрабатывают предметы».

Если в деятельности люди обрабатывают предметы, и точность операций деятельности контролируется в культуре при помощи соответствия характеристик продукта качествам образца, то в общении успешность «обработки людей людьми» предметно не может контролироваться, т.к. внешняя форма людей не изменяется в процессе общения, поэтому *операции (технологии) общения* фиксируются в социуме в виде размытых приблизительных описаний в форме этикетных правил с различной степенью точности прескрипций и т.п., т.к. эти описания рассчитаны на профанного читателя: результат достигается не за счет точности, а за счет политекстовости, т.е. за счет многократного повторения вариативных по форме, но идентичных по содержанию, вербальных высказываний на одну и ту же тему.

Что касается ОЦ в конкретных культурах, то их содержание фиксируется в принципиально политекстовых описаниях.

Политекстовость описания ОЦ реализуется:

- в форме философских и научных текстов, фиксирующих от имени общества содержание ценностей и антиценностей – это уровень общественного сознания;

- в форме устных высказываний профанных носителей языка, содержание которых отображает содержание ценностей и антиценностей в обыденном сознании рядовых членов социума, в аксиологии эту обыденную форму ценностей и антиценностей называют ценностными ориентирами, которые есть не что иное как адаптация со-

держания ценностных прескрипций уровня общественного официального сознания к условиям индивидуальных жизнедеятельностей – это уровень обыденного сознания;

- в форме статей в энциклопедических лингвистических словарях и в толковых словарях – это промежуточный уровень, содержащий научно обработанные *профанные* представления о ценностях и антиценностях.

Политекстовая форма овнешнения содержания ОЦ в конкретном этносе – это, вероятно, специфическая экзистенциальная характеристика ОЦ, присущая им как знаковым овнешнениям содержания, конструируемых в *социуме* в процессе его функционирования. Социальные феномены получают свою содержательную определенность всегда с позиций разных социальных групп, входящих в конкретный социум. Поэтому содержание таких ценностей, как, например, *власть, долг, достаток, дружба, любовь* и других вариативно, хотя, естественно, существует этническая и межэтническая инвариантная часть. Величина межэтнической части содержания ОЦ зависит от таких факторов, как принадлежность этносов к одному или разным культурным регионам, как принадлежность этносов к христианской экумене или нахождение за ее пределами.

Политекстовая форма существования содержания ОЦ реализуется не только при помощи вербальных текстов, но и с опорой на любые знаковые овнешнители; ассоциативные поля, семантические пространства, формируемые при обработке данных психосемантического эксперимента, живописные полотна с символическим образами, скульптурные изображения, архитектурные сооружения и т.п. При анализе содержания ОЦ в конкретном этносе целесообразно различать:

- содержание ОЦ, существующее в сознании членов социума в доречевой форме при помощи психических образов различной психической модальности;

- содержание знакового овнешнения, конструируемого из значений вербальных и невербальных знаков, *отображающее* внутреннее содержание ОЦ, которое было сформировано как образ восприятия предметов (явлений, процессов), получивших оценку.

Следовательно, каждое знаковое овнешнение по-своему, специфическим образом деформирует внутреннее содержание ОЦ как содержание субъективного образа восприятия оцениваемого предмета (явления, процесса)³.

Восприятие ОЦ, опосредуемое ее знаковыми овнешнителями, мультипликативно в том смысле, что перцептивный образ ОЦ формируется в процессе неоднократного восприятия ее политекстовых овнешнителей⁴.

Такое восприятие в психологии называют *перцептивным научением*, в процессе которого «реконструируется и укрупняется информационное содержание предмета восприятия, оптимизируется стратегия и тактика его вычленения [Барабанщиков 2006: 85]⁵ (См. также [Ананьев 1977; Neisser 1982]).

Результатом этого перцептивного научения является *схематизация* знаний, известная из работ по когнитивной психологии.

Сделаем промежуточное резюме.

В социуме конкретного этноса содержание ОЦ формируется и функционирует на разных уровнях:

- на уровне общественного сознания, которое овнешняется в виде текстов, задающих этические прескрипции для социальных взаимодействий членов этноса;

³ О соотношении содержания неязыкового сознания и содержания овнешнителей см. Жинкин 1964; Соколов 1968; Леонтьев 1969; Горелов 1980; Выготский 1982, Ричардсон 2006.

⁴ Идея мультипликативности присутствует в современной психологии [Аткинсон 1980; Ломов 1984; Барабанщиков 2006].

⁵ Целесообразно заметить, что представления о перцептивном научении вполне адекватно может объяснить восприятие гипертекста, когда последовательно воспринимаются тексты, описывающие один и тот же феномен.

- на уровне обыденного сознания профанных носителей культуры, которые адаптируют официальные прескрипции к условиям своей индивидуальной жизнедеятельности (ценностные ориентиры);

- на промежуточном уровне в сознании составителей статей в общедоступных энциклопедических словарях и неспециальных толковых словарях русского языка, обобщающих функционирование ОЦ в речевой и неречевой практике профанных носителей языка и культуры; статьи в этих словарях (типа словаря И.С.Ожегова) отображают представления авторов о содержании ОЦ в сознании профанных носителей культуры.

Еще раз укажем на специфику анализа сознания через его овнешнения, которая заключается в том, что материал для вскрытия содержания ОЦ есть измененная (превращенная) знаковая (вербальная и невербальная) форма этого содержания, искажающая это содержание содержанием своей знаковой формы.

Материалом для вскрытия содержания ОЦ в конкретной этнической культуре служат:

- тексты, овнешняющие этические прескрипции от имени социума (статьи в научных энциклопедиях и трудах аксиологов);

- экспериментальные данные, в которых в ходе психолингвистических экспериментов овнешняется общественное обыденное сознание профанных носителей культуры (ассоциативные поля, семантические пространства, семантические категории-факторы, различные графики и профили, представляющие результаты психосемантического эксперимента и т.п.).

Этот вывод опирается на известную идею Л.С.Выготского о том, что мысль не только оформляется, но и совершается в слове. Этот тезис Л.С.Выготского указывает на процесс овнешнения мысли в слове: мысль как процесс и как результат решения некоторой жизненной проблемы во внутренней форме совершается при помощи *образов сознания* разной модальности (визуальных, слуховых, осязательных образов, наглядных

схем и т.п.), а затем, если решение проблемы осуществляется в совместной деятельности, результаты этого решения овнешняются при помощи речевых текстов, *каждый* из которых обладает такой степенью истинности, которая необходима для целей совместной деятельности.

Для нашего исследования важно не то, что содержание одной и той же внутренней мысли, во внешней вербальной форме может быть выражено по-разному, а то, что значение языковых знаков, с одной стороны, с неодинаковой степенью полноты отображают это содержание внутренней мысли, а, с другой стороны, языковые знаки добавляют к внутренней мысли некоторые *неустранимые* содержания. Воспользуемся для иллюстрации этого тезиса удачным примером В.П.Синячкина [2010: 105-106]. В современной жизни русских случаются дискуссии, где оппоненты используют политический термин «фашист» в значении «сторонник фашизма», однако, использование термина «фашист» помимо воли коммуникантов вызывает в их сознании слова «Гитлер», «война», «не пройдет», «насилие», «немцы», «смерть», «Германия», «жестокость», «зло», «немецкий» [Караулов и др., 2002]. Неустранимая часть содержания языковых знаков возникает в результате использования их в процессе речи: тело языкового знака (означающее) приобретает свойство замещаемого им *предмета* – «немецкого фашиста, появившегося на территории СССР во время развязанной Гитлером войны, фашиста, совершавшего насилие и несшего смерть и зло».

Механизм приобретения телами знаков качеств замещаемых объектов показал М.К.Мамардашвили в своей знаменитой статье «Форма превращенная» [1970].

Программа исследования.

Тема исследования – «Функционирование ОЦ в современной русской культуре».

Цель исследования – вскрытие и описание содержания ОЦ в современной русской культуре, установление динамики изменения содержания ОЦ в связи с соци-

альными трансформациями в российском обществе.

Объект исследования – ОЦ в современной русской культуре.

Предмет исследования – содержание ОЦ в современной русской культуре у представителей трех поколений россиян (20-летних, 40-летних, 60-летних), установление различий в содержании ОЦ в русской культуре у представителей трех поколений россиян.

Задачи исследования

- сформировать представления об ОЦ в современной русской культуре путем метатеоретического анализа работ аксиологов;

- собрать материал для исследования: дефиниции ОЦ в русской культуре в философских, социологических и психологических энциклопедиях;

- провести компонентный (концептуальный) анализ дефиниций ОЦ в русской культуре с целью установления семного состава конкретных ОЦ в современной русской культуре на основе дефиниций в философских, социологических и психологических энциклопедиях;

- провести ассоциативный эксперимент (стимулы – 38 ценностей и 30 антиценностей и 32 названия шкал психосемантического эксперимента);

- провести психосемантический эксперимент с носителями русского языка с целью вскрытия и анализа содержания ОЦ в русской культуре с поколением 20, 40 и 60-летних (38 ценностей и 30 антиценностей);

- провести сопоставительный анализ результатов ассоциативного и психосемантического эксперимента с представителями 3-х разных поколений носителей русского языка;

- описать содержание ОЦ в русской культуре у представителей поколения 20-летних носителей русского языка: 38 ценностей и 30 антиценностей;

- составить словарь-лексикон ценностей (38) и антиценностей (30) в современной русской культуре, т.е. описать все ценности и антиценности в современной русской культуре.

Приложение № 1

Схема описания содержания конкретной ОЦ в русской культуре.

Приведение дефиниции конкретной ОЦ в русской культуре в философском, социологическом, психологическом словарях.

Проведение компонентного (концептуального) анализа с целью установления семного состава дефиниций конкретной ОЦ в философском, социологическом, психологическом словарях.

(пункты 1 и 2 – это анализ официального уровня общественного сознания)

Проведение ассоциативного эксперимента – 78 обозначений ОЦ в русской культуре + 32 шкальные оценки в качестве стимулов, 100 испытуемых. Представление результатов ассоциативного эксперимента в виде ассоциативных полей каждого стимула и интерпретация этих ассоциативных полей.

Проведение психо-семантического эксперимента с 38 ценностями и 30 антиценностями (50 человек – 20-25-летних испытуемых; 50 человек – 40-летних испытуемых; 50 человек – 60-летних испытуемых).

Обработка данных, полученных в психо-семантическом эксперименте, представление результатов обработки этих данных, в разной форме отображающих содержание ОЦ:

- в форме семантических пространств;

- в форме профилей оценок содержания ОЦ;

- в форме дендрограмм, демонстрирующих взаимную близость/удаленность отдельных ОЦ в языковом сознании испытуемых.

(пункты 3, 4, 5 – это анализ обыденного уровня общественного сознания)

Приведение дефиниций ОЦ по общетолковым словарям русского языка типа И.С.Ожегова и С.А.Кузнецова.

Приведение фразеологизмов, пословиц и поговорок, описывающих содержание конкретных ОЦ.

Приведение символических изображений, моделирующих содержание конкретной ОЦ.

(пункты 6, 7, 8 – это анализ содержания промежуточного уровня общественного сознания, отображающего обыденный уровень общественного сознания в рефлексии лингвистов-составителей общетолковых словарей русского языка)

Описание содержания 38 ценностей и 30 антиценностей в русской культуре в языковом сознании поколения 20-25-летних.

Составление аксиологического словаря (38 ценностей и 30 антиценностей) на основе анализа аксиологического сознания поколения 20-25-летних.

Приложение № 2

Научные проблемы, подлежащие решению в рамках проекта

При сопоставительном описании ОЦ в языковом сознании носителей разных этнических культур естественным образом возникает несколько научных проблем, подлежащих решению.

Проблема 1. Проблема номенклатуры и количества сопоставляемых ОЦ.

Базовые ценности (38) и антиценности (30) в русской культуре установлены экспериментальным путем: социологи предъявляли списки названий ОЦ (общим числом 200) и просили ранжировать ОЦ в списках по степени их важности. Наиболее частотные ОЦ составили 38 ценностей и 30 антиценностей. Далее приводится этот список.

Ценности: безопасность, вера, власть, внимание к людям, доверие, долг, достаток, дружба, законность, здоровье, известность, любовь, милосердие, мир, могущество, надежда, независимость, образование, покой, порядочность, природа, профессионализм, равенство, развитие, родина, свобода, семья, смысл жизни, согласие, сотрудничество, справедливость, стабильность, творчество, труд, убеждения, уважение к родителям, удовольствие, успех.

Антиценности: агрессия, бедность, бездуховность, беззаконие, безответственность, безработица, болезнь, взяточничество, война, вырождение, глупость, жестокость, зависть, загрязнение, корысть, лень, месть, наркомания и алкоголизм, непрофес-

сионализм, неудача, обман, одиночество, подлость, порабощение, разврат, разобщенность, святотатство, слабость, хамство, черствость.

Проблема 2. Формирование системы знаковых отображений (овнешнений = знаковых объективаций) содержания ОЦ.

В нашем исследовании эти овнешнения имеют следующий вид:

- дефиниции ОЦ из философских, социологических и психологических словарей определенного этноса, которые далее подвергаются компонентному (концептуальному) анализу для разделения их на семы и определения семной массы ОЦ в конкретном этническом языковом сознании;

- ассоциативное поле каждой ОЦ;

- семанические пространства, отображающие ОЦ в некотором отношении друг к другу;

- дендрограммы ОЦ, отображающие их близость/удаленность друг к другу;

- профили графиков, показывающие оценки ОЦ по различным шкалам;

- изображения символов, демонстрирующих визуальное содержание отдельных ОЦ;

- фразеологизмы, отображающие содержание отдельных ОЦ.

Проблема 3. Обоснование возможностей описания одного содержания (содержания конкретной ОЦ) при помощи знаковых объективаций, осуществленных на разных теоретических основаниях.

Такой способ описания (анализа) одного явления в рамках одной работы при использовании

- разных экспериментальных данных;

- разных (коллективов) исследователей;

- разных теорий;

- разных методов

сформирован в социологии и называется триангуляционным подходом (термин заимствован из геодезии и топографии) [Акромби и др. 2004, 487].

Триангуляционный подход используется, чтобы компенсировать недостатки одних методов достоинствами других. Этот подход напрямую связан с пониманием феномена знания: знание – это один из спосо-

бов овладения миром, которое (овладение) отождествляется с осмыслением мира. [Лекторский 2012: 6].

При описании содержания ОЦ исследователь сталкивается с задачей выбора способа описания, т.е. с выбором знаковых объективаций, восприятие которых читателем должно вынудить его сформировать знания, идентичные знаниям исследователей. Отсюда следует, что проблема множественной презентации содержания ОЦ – это проблема, требующая не только решения, но и осмысления в контексте практики лингвистов, которые используют триангуляционный подход, но не рефлексии над ним. Например, описание тела знака-звука и значения знака осуществляется в терминах разных понятийных систем – в терминах акустики и фонологии, и в терминах семантики.

Проблема 4. Формирование представлений о средствах внутреннего (довербального) отображения содержания ОЦ, которые в речевом общении объективируются (овнешняются) при помощи вербальных средств знаковой презентации.

Довербальное отображение содержания ОЦ (так называемая субъективная реальность, по Д.М.Дубровскому) существует при помощи психических образов различной психической модальности и в речевом общении содержание этих психических образов объективируется при помощи *значений* языковых знаков. В нашем случае в условиях триангуляционного подхода это довербальное содержание ОЦ овнешняется не только при помощи вербальных средств, но и при помощи невербальных знаков объективации.

Проблема 5. Формирование представлений о существовании содержания ОЦ на трех уровнях.

Это содержание можно представить как знание об ОЦ:

- на уровне общественного официального сознания;

- на уровне общественного профанного (обыденного) сознания;

- на промежуточном уровне, сформированном в толковых словарях типа И.С.Ожегова, где лингвист-исследователь теоретически изучил речевую практику профанных носителей языка и описал собственную научную рефлексию над ней в виде словарных статей.

Проблема 6. Формирование представлений о результатах восприятия реципиентом множества текстов, отображающих одно и то же или близкое содержание.

В психологии восприятия построена гипотеза о результатах так называемого мультипликативного восприятия. Согласно этой гипотезе формируемые в результате такого восприятия знания схематизируются: периферийные знания вследствие низкой частотности отпадают, уступая место частотным фрагментам, которые минимизируются, т.к. этих обедненных знаний оказывается достаточно, чтобы функционировать в качестве перцептивного эталона, в качестве основного средства познания.

Проблема 7. Проблема рефлексии исследователя над своей эпистемологической позицией.

Исследователь ОЦ осуществляет анализ в соответствии с постнеклассическими принципами научной рациональности, на основе которых в объект научного анализа включаются цели исследователя в форме прогностической экологической оценки качеств будущих результатов. У исследователя, действующего в рамках постнеклассического типа научной рациональности предполагается наличие рефлексии над своей эпистемологической позицией: из этого следует, что исследователь ОЦ своего родного этноса должен осознавать собственную неустранимую пристрастность к результатам анализа ОЦ в сознании носителей культуры родного этноса или осознавать отсутствие такой пристрастности, например, при анализе ОЦ в культуре чужого этноса.

Литература

Акромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Триангуляция // Социологический словарь. Перевод с англ. – М.: Экономика, 2004. – С.487.

Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. – М.: Наука, 1977.

Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. / Под ред. Рябова А.В., Курбангалиевой Е.Ш. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2003. – 448 с.

Барабанищikov В.А. Психология восприятия: Организация и развитие перцептивного процесса. – М.: Когито-Центр; Высшая школа психологии, 2006. – С. 85.

Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы конференции. Москва, 14-15 апреля 2010 г. /Ред. коллегия: Е.Ф.Тарасов (отв.ред.) и др. – М.: Издательство «Эйдос», 2010. – 310 с.

Жизнь языка в культуре и социуме-2. Материалы конференции. Москва, 27-28 апреля 2010 г. /Ред. коллегия: Е.Ф.Тарасов (отв.ред.) и др. – М.- Калуга: Издательство «Эйдос», 2011. – 280 с.

Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. и др. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: Новая жизнь старых проблем // Эпистемология: перспективы развития / Отв.ред. В.А.Лекторский. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. – С.6.

Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. – М., 1964 – 1970.

Синячкин В.П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании: Монография. – М.: РУДН, 2010. – С. 105-106.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

Степин В.С., Толстых В.И. Поиск новых ценностей и стратегия развития // Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В.С.Степин. – М.: Наука, 2007. – С. 15 – 16.

Neisser U. Memory Observed: Remembering in Natural Contexts. – San-Framncoisco: Freeman, 1982.

ЯЗЫК И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

А.В. Кирилина, Е.С. Гриценко, А.О. Лалетина

УДК: 81:39 81:246

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В АСПЕКТЕ ЛИНГВИСТИКИ¹

Рассмотрено теоретическое состояние проблемы «язык и глобализация» – очерчен значимый для языкознания и социолингвистики методологический аспект глобализации; сформулированы и систематизированы по восьми различным критериям основные исследовательские подходы и концепции рассмотрения проблемной области «язык и глобализация» в современной лингвистике; раскрыта специфика отечественных исследований языка и глобализации.

Ключевые слова: глобализация, локализация, язык, коммуникация, языковые контакты, социолингвистика.

Alla V. Kirilina, Elena S. Gritsenko, Alexandra O. Laletina

LINGUISTIC ASPECTS OF GLOBALIZATION

The article focuses on theoretical aspects of language and globalization as a subject of study. It outlines linguistically and socially relevant methodological issues, identifies key concepts and approaches and presents them systematically in accordance with eight different criteria. The authors analyze the works of Russian scholars on language and globalization.

Key words: globalization, localization, language, communication, language contacts, sociolinguistics.

---

¹ Статья подготовлена в ходе выполнения НИР при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 – 2013 гг.». Проект реализуется в рамках НОЦ междисциплинарных исследований языка и культуры НГЛУ.

С конца 70-гг. (а в ряде случаев – и ранее) проблемы интеграции экономики и культуры разных стран и народов планеты начинают обсуждаться все более интенсивно. В нашей стране резкий рост подобных исследований отмечен с первых лет третьего тысячелетия. Глобализация в большинстве случаев интерпретируется как процесс становления единого взаимосвязанного мира, в котором общие цели и задачи более значимы, нежели задачи локальных сообществ [Штопка 1996; Федотова 2000; Подзигун 2003 и мн. др.].

В любой научной работе по проблематике глобализации присутствует описание истории этого термина. Считается, что в середине 60-х гг. XX века М. Маклюэн ввел понятие «глобальной деревни» (*global village*), в социологический контекст оно вошло в 1981 г. благодаря Дж. Макмелну, указавшему на начавшуюся глобализацию социальных отношений. Некоторые авторы отмечают, что термину «глобализация» предшествовал термин «устойчивое развитие». Р. Робертсон в 1983 г. употребил термин «*globality*», в 1985 г. дал толкование понятию «глобализация», а в 1992 г. – сформулировал основы концепции глобализации [Федотова 2000].

И.А. Кардонова считает: «социокультурный горизонт глобализационных процессов получил внимание со стороны исследователей позднее, чем измерения экономическое и политическое. Однако степень его важности признается сегодня едва ли не доминирующей над другими сферами» [Кардонова 2007: 3].

Практически все авторы отмечают, что с последней трети XX века глобализация приобретает характер главного фактора цивилизационного развития, однако ее научное осмысление характеризуется значительными разногласиями по вопросу о сущности (а, следовательно, и определения) глобализации, времени ее начала и направлениях исследования: «отмечаемая многими исследователями неопределенность смысла, истоков, начала процесса глобализации происсте-

кает не только из новизны данного процесса, но из его многоаспектности, сложности и недостаточной концептуальной осмысленности» [Подзигун 2003: 3] и свидетельствует о становлении научной проблематики глобализации и различных ракурсах ее анализа.

Авторы наиболее новых трудов по рассматриваемой проблематике указывают на формирование самостоятельного междисциплинарного направления – глобалистики, в центре внимания которой находятся все стороны глобализации [Куцобина 2005; Русанов 2009].

Методологические вопросы изучения глобализации находятся сегодня в стадии интенсивного обсуждения. Выделяют два методологических подхода к ее изучению: в рамках первого процессы планетарной интеграции рассматриваются как новая глобальная проблема; в рамках второго глобализационный фактор выступает в роли общей методологии исследования [Куцобина 2005].

Нам, однако, ближе точка зрения, согласно которой «глобализация – это не парадигма, а объект исследования ... Соответственно, глобализационные процессы могут являться и являются не более чем объектом приложения той или иной теоретико-методологической концепции, при котором последняя задает специфику, а первое – фокус того или иного исследования, тем более, когда речь идет не о глобализации «вообще», а о конкретном её аспекте или измерении» [Кардонова 2007: 9]. Аналогичная точка зрения представлена в исследовании И.В. Гордеева [2009], где автор предлагает теоретически осмыслить парадигму постмодерна и место глобализации в ней.

Многообразие сфер действия глобализации диктует необходимость рассматривать вопрос о методологии ее изучения в связи с определенной сферой бытия, общественно-го сознания и социальной практики, поэтому мы ограничиваем методологическое рассмотрение проблемы областью гуманитарного знания.

Н.Н. Федотова считает наиболее приемлемой для анализа постмодернистскую

методологию «с присущим ей отрицанием субъектно-объектного отношения, признанием плюрализма ценностей и подходов» [Федотова 2000] отмечая, при этом, что плюрализм не означает релятивизации знания – он соответствует контексту и раскрывает ракурсы интерпретации. Н.С. Дуреева [2009] обращает внимание на то, что глобализация представляет собой вид социального конструирования – создание нового мирового порядка. Мировой порядок определяет «субъект глобализации, завоевавший господствующее положение в мире посредством войн нового поколения (идеологических, психологических, теоретических и т.д.)» [Там же]. Эта идея перекликается с гипотезой, согласно которой глобализация обнаруживает два компонента – естественный, который является самоорганизуемым вследствие научно-технического прогресса человечества, и искусственный, представляющий собой продукт целенаправленной деятельности партий, религий, государств, корпораций и т.д. [Подзигун 2003].

Важный вклад в разработку методологических оснований исследования глобализации вносят труды, авторы которых сосредоточены на глобализации как социокультурной трансформации. Краткий обзор этих работ представлен в исследовании И.А. Кардоновой [2007: 4 и след.], которая призывает изучать социокультурные трансформации глобализации «с позиций институционального подхода в его новейшей версии, акцентирующей внимание на знаковой составляющей общественных отношений вообще, и в соединении с соответствующими социально-философскими концептуализациями феномена символического». Автор настаивает на применении неинституциональной парадигмы, позволяющей изучить символическую составляющую трансформации общественных институтов, проследить изменение смыслов символов, ритуалов и церемоний в ходе глобализации. В таком случае глобализация предстает как феномен символического порядка, и для ее изучения предлагаются два измерения: *социально-эпистемологическое*

(социальная идентичность, социальный контроль, этнокультурно обусловленные социальные представления; девиантность и под.) и *структурно-институциональное* (институты государства, идеологии, религии, образования и др.) [Кардонова 2007]. Оптимальной представляется трактовка, согласно которой глобализация представляет собой захвативший весь мир процесс трансформации символов и символических форм, в ходе которого опровергаются, подтверждаются, и/или переопределяются «существующие в каждом обществе ценности, нормы, социокультурные практики, конституирующие общество и институционализированные в двух основных измерениях – социально-эпистемологическом и структурно-институциональном» [Кардонова 2007: 12 – 13].

Рассмотренный подход связывает глобализацию с символическими системами – и прежде всего – с языком как главной из них. При этом наиболее продуктивным представляется анализ на основе критической рациональности, так как он позволяет принять во внимание не только явные, данные в бытийной аналитической реальности, но и скрытые, однако также поддающиеся научной рефлексии эффекты глобализации.

Наряду с общепризнанной сложностью языка как объекта исследования должна учитываться и комплексность глобализации как сложной саморазвивающейся системы [Степин 2009 : 251 и след.], что требует исследования с позиций новой эпистемы и нового типа рациональности – постнеклассического, отличающегося и от классических, и от неклассических типов познания.

Глобализация – важнейшая категория новой проблемной области. Однако ее лингвистическая значимость осознана учеными относительно недавно: Н. Коупленд [Coupland 2003] отмечает, что лингвистика заинтересовалась глобализацией лишь в первые годы XXI века – позже других гуманитарных дисциплин. Первой системной попыткой осмыслить формирующийся глобальный мир был специальный вы-

пуск журнала «Journal of Sociolinguistics» в 2003 г., посвященный теме «Sociolinguistics and Globalisation» (социолингвистика и глобализация).

Одной из причин кажущегося пренебрежения обсуждаемой проблематики был факт длительной концентрации внимания на проблемах билингвизма и – особенно – многоязычия [Block, Cameron 2002; Cameron 2002], которые не сразу были осознаны как составляющая именно глобализационной лингвистики.

В нашей стране осознание и осмысление лингвистической глобализационной проблематики также началось в самом недавнем прошлом [Алпатов 2004; Глобализация – этнизация 2006; Гриценко, Кирилина 2010, 2011], поскольку ряд языковых процессов более связывался – по причинам историко-политического характера – с изменениями внутри страны. Одна из особенностей отечественной лингвоглобалистики состоит, на наш взгляд, в том, что глобализационным процессам сначала препятствовало существование СССР как геополитического противовеса США. Затем же – примерно с 1985 г. – события внутри страны и связанные с ними языковые изменения заслонили процессы внешние, которые к тому же в России активизировались и стали заметны несколько позже – в начале первого десятилетия XXI века². Тем не менее, взаимосвязь языка и глобализации в отечественной лингвистике сегодня подвергается интенсивному научному осмыслению, как показывают названные выше труды, а также анализ материалов проведенной в 2010 г. конференции [Язык и общество в современной России и других странах 2010].

Обсуждается *общенаучный статус глобализации* и строятся модели ее соотношения с языком в зависимости от избран-

ного понимания глобализации как таковой [Fairclough 2006; Coulmas 2007; Coupland 2010]. И все же общая для большинства концепций черта – тесная связь толкования и методологического понимания глобализации не столько с лингвистикой, сколько с социофилософским контекстом, а также с культурным происхождением автора. В последнем убеждает анализ научной литературы, позволяющий заключить: глобализация интересует сегодня в значительной мере тех лингвистов, кто вышел – или хотя бы имеет в прошлых поколениях «неевропейский культурный фон» – африканский, японский, индийский и т.п. Этот факт не случаен – движение глобализационных процессов, их воздействие на функционирование языков, видимо, более заметно в сопоставлении с теми языками и на тех территориях, которые не относятся к Западной Европе или США.

Научные подходы к роли языка в развитии глобализации и глобализации как фактора жизни языка характеризуются следующим:

1. Отнесение лингвистики к группе социальных наук и рассмотрение языковых явлений как индикаторов и составляющих социальных процессов; сосредоточенность научной мысли не столько на системе языка, сколько на условиях его существования, социальных аспектах жизни языка.

2. Соответствие концепций глобализации постнеклассической эпистеме – совокупности познавательных установок, задающих основные ограничения для построения методологии и моделей исследования, ценностные ориентиры науки, характеристики объекта [Степин 2009]. Постнеклассическая эпистема рассматривает объект как сложную саморазвивающуюся систему, находящуюся в постоянной динамике, переходящую с одного уровня развития на другой, проходя-

² Ср.: еще в 2005 г. встречается точка зрения, что: «обзор социального контекста новейшей истории России позволяет выделить два социолингвистически значимых периода – перестроечный (с 1985 до 1991) и постперестроечный (с 1991 до наших дней). Все узловое изменения социальной жизни сказались на языковом существовании общества и получили отражение в обыденном метаязыковом сознании» [Вепрева 2005: 19]. Сегодня более ясно видно, что примерно с 2000 – 2002 гг. начался новый этап, более связанный с глобализацией и «перекраиванием» всей российской жизни по «новым лекалам».

щей в своем развитии *потенциальные* возможности, в том числе разрушение. В применении к развитию языков это повышает, например, интерес исследователей к проблеме *жизнеспособности языка* (*linguistic vitality*) – понятию, сформулированному ранее, но соотносимому, как правило, с судьбами т. н. малых языков. Сегодня же речь идет о более значительном количестве контактирующих языков, в том числе – и языков с высоким коммуникативным статусом.

3. Углубление рефлексии над научным познанием: особое внимание уделяется социокультурной детерминации научной деятельности – она рассматривается как погруженная в социальный контекст, определяемый доминирующими в культуре ценностями. Ценностно-целевые структуры субъекта становятся особым предметом анализа; сам же субъект познания признается конструируемым и воспроизводимым в определенных социальных институтах. Следовательно, интерпретация глобализационных процессов зависит от установок исследователя.

4. Широкое участие ученых-лингвистов в обсуждении общенаучных концепций глобализации. В зависимости от принятой модели предлагаются и различные методы исследования. Лингвистической интерпретации предшествует ответ на вопросы: следует ли рассматривать глобализацию как новое социальное условие, заслуживающее широкого междисциплинарного исследования; представляет ли собой глобализация экономический эксперимент или это понятие возникло в 90-е годы в академической среде и соотносится с хорошо всем известным историческим социальным прогрессом [Coupland 2010: 2 – 3].

Н. Коупленд предлагает рассматривать глобализацию как социальную реальность, как важный фактор современности и форму существования общества и как фокус некоторых новых путей понимания языка и общества. Понятие глобализации, на взгляд Коупленда, объединяет в себе слишком многое, чрезмерно абстрактно, а его интерпретация страдает неполнотой. И все же это необхо-

димое понятие «для обозначения целой области изменившихся и все еще меняющихся общественных соглашений и приоритетов, которые действительно различны и действительно новы» [Coupland 2010: 3].

Мнения исследователей отличаются большим разнообразием. Их можно систематизировать по нескольким критериям:

По взглядам на сущность глобализации отметим, дополнив Н. Коупленда, следующее:

1. Традиционалистский подход

Это направление представляют авторы, считающие, что в плане методологии глобализация не принесла ничего принципиально нового [Ammon 2010; Mufwene 2010; de Swaan 2010 и др.]. Они указывают на богатые традиции социалингвистики, давно имеющей дело с расширяющимся многоязычием, с процессами и конкретными примерами языкового контакта, жизнеспособностью языка, его смертью и «изнашиванием». Сторонники традиционалистского подхода считают, что взаимоотношение языка и глобализации могут быть описаны простым расширением традиционной социалингвистики. Все они строят свой анализ в терминах относительности языковой жизнеспособности (витальности).

Традиционалисты работают в рамках сосюррианского понимания языка и рассматривают языковые системы в системе глобализации. Однако и они признают наличие т.н. глобализационного «вызова» – необходимости построить модель отношения между языками в глобальном масштабе.

Критики отмечают, что системный подход слишком мало внимания уделяет отдельным функциям коммуникативных репертуаров в условиях мобильности [Blommaert 2010].

2. Социоконструктивистский дискурсивный подход

Ученые этого круга видят глобализацию как дискурс, разворачивающийся по определенным правилам, которые надлежит установить, вскрыв «порядок дискурса», по М. Фуко. При таком подходе исследуются

области производства дискурсов глобализации. В этом случае фокус переносится с языка, понимаемого как система, на язык, рассматриваемый как социальное действие – дискурс. Наиболее ярко такое понимание глобализации представлено в критическом анализе дискурса Нормана Фэйрклоу [Fairclough 2006].

Ученые этого направления считают:

– глобализация объективно столь сложна, что не поддается полному контролю со стороны человечества;

– глобализм – новый порядок дискурса – новая структурная конфигурация дискурсов, жанров и стилей, основанная на неолиберальных политических взглядах. Исследовать в нем надлежит: процесс трансформации пространственной организации социальных отношений и взаимодействий и расширение сети отношений, пронизывающей всю социальную жизнь.

Выделяют пять главных, но не разделенных непроходимыми границами источников глобализации – «агентов дискурса о глобализации»: академическая / научная среда; государственные структуры; неправительственные организации; СМИ; повседневная жизнь людей [Fairclough 2006: 5 – *здесь и далее перевод наш*].

Эти источники особенно значимы, поскольку отражают важную составляющую жизни современного общества – опосредованность: «Опосредованность социально значима в том смысле, что где бы ни жили люди и чем бы они ни занимались, их опыт сегодня представляет собой сложную смесь опыта непосредственного (например, коммуникация в канонической речевой ситуации) и опосредованного (получаемого, в частности, при просмотре телепередач); «повседневность» – важная корректива *общественного* характера других источников: у индивидов складывается свой опыт глобализации в собственной повседневности и в различных сообществах, частью которых они являются (включая и содержание телепередач); их реакции очень разнообразны, действия согласуются с новым опытом и тем самым создают репрезентации, которые

также являются важной составной частью всего того что говорится и пишется о глобализации» [Там же].

Еще одна лингвистическая задача в границах дискурсивного подхода к глобализации – установить закономерности глобального дискурса, раскрыть некоторые из ключевых коммуникативных жанров и практик, появлению которых глобализация способствовала или даже вызвала их к жизни. Можно также считать, что эти дискурсы и создали глобализацию: дискурсивные практики, связанные со СМИ, туризмом, преподаванием языков, глобальным террором и глобальной религией.

Предлагается также «отдельные варианты устройства отношений в Европе и в мире интерпретировать как системно сформулированные динамические сети дискурсов» [Корженский 2006:103].

Ставится вопрос и об исследовании новых средств коммуникации. Например, обсуждаются новые формы текстов, в т.ч. имеющие вид «спектаклей» [Androutsopoulos 2010] – которым присуща мультимодальность (поликодовость), а не вербальность, например, видеоклипы, которые перемещаются в центр интерактивной коммуникации в Интернете.

Ассоциированные веб-страницы обнаруживают сложную связь визуального синтаксиса и транскодовых отношений. Автор отмечает, что пользователи и исследователи должны проявлять чувствительность к интертекстуальным отношениям, поскольку значения часто создаются при участии ранее существовавших ресурсов и помещают их в новое окружение (см. [Johnson, Ensslin 2007]). На отечественном материале такой анализ предпринят в описании нового интернет-жанра демотиваторов [Кирилина 2012].

3. Понимание глобализации как формирования новой системы ценностей, изменение отношения к языкам и самим языкам, изменение лингвистической семантики и языковой картины мира

Зарубежные лингвисты, рассматривающие язык обществ, где рыночная эко-

номика существует давно и сама влияет на систему ценностей, представлений и языковых метафор, отмечают, что проблематика сводится при таком подходе к анализу языка, ценностей и рынков при глобализации [Coupland 2010]. Лингвисты этой группы считают: силы, меняющие структуры множества языков, в большой мере носят экономический характер. И хотя социолингвистика и ранее обращалась к рынку, глобализация проявляется и в этой области – большим количеством новых способов, которыми рынки и стоимость повышают свою роль. Это предполагает более широкое понимание ценности – как материальной, монетарной, так и культурных ценностей разного рода. В этом научном направлении ставятся два вопроса:

1. Как глобализация создает новую систему ценностей, в которую имплицитно входит и язык (включая новые экономические мотивы для использования языка и его вариантов)?

2. Как оцениваются глобализационные дискурсы в зависимости от места и различных условий? [Coupland 2010: 15].

М. Хеллер отмечает: «...современные способы управления коммуникативным производством и коммуникативными продуктами³ должны уравнивать противоречия, или напряженность между:

– *стандартизацией* коммуникативных практик и форм и усвоением *вариативности* для соответствия ожиданиям потребителей на многочисленных разнообразных рынках, особенно там, где они образуют рыночные ниши, а также для обеспечения *гибкости*;

– восприятие языка как стандартизируемого и измеряемого *навыка*; отношение к языку как к:

- индивидуальному *дару*;
- *аутентичному* и социально обусловленному *культурному товару* ;

• набору ситуативных *практик (действий)*» [Heller 2010: 354].

Б. Джонстоун указывает, что при глобализации сугубо локальные языковые формы и стили ресемiotизируются, приобретая новую идеологическую ценность и нагрузку, особенно в случаях стилизованного употребления [Johnstone 2010].

В отечественной лингвистике картина представляется еще более сложной, так как происходит широкое внедрение в язык и повседневную жизнь общества метафоры рынка, идеи товарности и купли-продажи; смена ценностно-нравственных установок и под. [Гриценко, Кирилина 2010; Кирилина 2009].

Еще один важный вопрос – разное понимание и разное значение термина *глобализация* в разных частях мира, также отмечаемое аналитиками.

4. Труды, посвященные анализу языка и значений при дистантном общении и воздействию расстояния на опыт и идентичность

Подобные взгляды коррелируют с утверждениями Гидденса о том, что глобализация сжимает время и пространство. Социальные отношения и даже формы проявления личного, интимного становятся возможны на расстоянии, но при этом остается необходимость создавать их при помощи сложных и иногда жестко заданных форм медиации [Coupland 2010: 15]. Этот подход также влечет за собой переосмысление важных социолингвистических понятий, например, понятия *языковое сообщество*, поскольку оно не вполне пригодно для учета более мобильных траекторий и потоков населения и не позволяет уйти от эссенциалистской модели социальной идентичности, основанной на «аутентичной» культурной принадлежности.

³ Обратим внимание на формулировки автора: здесь и далее: «коммуникативный продукт» уже переводит предмет обсуждения в плоскость купли-продажи. В отечественном научном дискурсе эта «товарность» пока не представлена или почти не представлена. Понятия чаще характеризуются с позиции какой-либо теории (например, теории деятельности А.Н. Леонтьева) или при помощи метафор, не связанных с рынком.

Как считает Н. Коупленд, в эпоху глобализации социолингвистической теории приходится признать, что «идентичность» – более сложное и многослойное понятие, которое следует подразделять по меньшей мере на уровни «чувствование/ощущение/чувство», «знание», «действие». Исследователь не должен просто ограничиться формой «бытие». Скорее всего, этническая идентичность вступает во взаимодействие – или даже соревнование с другими социальными измерениями: особенно это важно в условиях глобальных потоков [Coupland 2010: 21].

Наконец, глобализация стимулировала обсуждение вопроса о метроэтничности и метроязыке – средствах конструирования «облегченной» идентичности – гибкой, наднациональной, способной жить в условиях любого большого города и пользующейся английским языком. Дж. Мэйер рассматривает жанровые нормы метроэтничности [Maher 2010], сводя их воедино под термином *jouissance* (фр. *наслаждение*), отражающим межкультурный гедонизм. В.В. Иванов предлагает рассматривать крупный город «как модель глобальной картины взаимодействия языков» [Иванов 2010: 27]. Вследствие этого необходимой составляющей становится анализ лингвосоциальных процессов мегаполиса.

Исследование жанров позволяет проследить распространение и устойчивость субкультур, а также исследовать траектории глобализации и локализации и пути, по которым языковые ресурсы избирательно дублируются и встраиваются в создание новых гибридов, как происходит, например, в субкультуре *xun-xon* [Pennycook, Mitchell 2009]. Авторы подчеркивают здесь языковые признаки формирования новых транскультурных отношений и новой идентичности – не в последнюю очередь как противопоставление национальным языковым нормам и политике. Локализацию глобального рассматривают на примерах космического дискурса Е.Ф. Тарасов [2006] и субкультуры велосипедистов Е.С. Гриценко [2012].

5. Критически-оценочный подход к проблемам языка и глобализации

Это направление также обнаруживает значительное разнообразие, которое можно, однако, свести главным образом к экологическому алармизму и трудам, посвященным пост- и деколонизации и их влиянию на судьбы языков. Ученые не скрывают своей идеологической ангажированности и воспринимают глобализацию и ее лингвистические последствия через призму собственных политических взглядов (что сближает их со сторонниками критического анализа дискурса).

Ставится вопрос о том, могут и должны ли страны (и если да, то как) защищать свои лингвистические ресурсы, противостоя глобалистскому неолиберальному дискурсу. Например, Т. Риченто обращается к ранней языковой истории Северной Америки, языковой политике в Южной Африке, Индии и др. странах и доказывает, что ход истории опровергает неолиберальные утверждения о том, что благодаря «открытому рынку» население этих стран будет лучше информировано о преимуществах того или иного языка, сделает осознанный выбор и тем самым повысит уровень демократизации обществ [Ricento 2010].

Т. Скатнаб-Кангас и Р. Филлипсон еще более политизированы и говорят о «лингвистическом неоимпериализме», «лингвистическом геноциде», и «преступлениях против человечности в области образования» [Skutnabb-Kangas, Phillipson 2010: 77–100]. В той или иной мере подобные настроения обнаруживаются в большинстве работ по глобализационной лингвистике (в частности, Дж. Бломмерт рассматривает понятие *linguicide* – уничтожение языка; С.Муфвене – и не только – обсуждает термин *killer language* (язык-убийца) в применении к английскому). В отечественном дискурсе также высказываются опасения: «...при решении проблемы этноязыковой интеграции на первый план выходит вопрос о языковых функциях, о степени полноты коммуникативного спектра интегрируемых языков. В силу этого, если процесс этниче-

ского объединения будет сопровождаться свертыванием наиболее репрезентативных коммуникативных функций языков (тем более, при наличии у них предшествующей длительной культурной традиции), это рано или поздно приведет к возникновению конфликтных ситуаций» [Нещименко 2006: 60].

Ряд ученых обращает внимание на этический императив, считая профессиональным долгом лингвистов «уточнить и, соответственно, разъяснить, чем обернется глобальная форсированная интеграция для культурноязыкового развития этносов, в каком качестве сохранятся культуры и языки интегрируемых государственных образований. И, наконец, не слишком ли дорого может быть оплачено возможное экономическое процветание» [Нещименко 2006: 67].

Предлагается изучать опыт защиты своих языков (прежде всего – французский), а также учитывать, что в социолингвистике есть данные о развитии языковых контактов, которые необходимо использовать для прогнозирования [Корженский 2006: 102; Кирилина 2009, Гриценко 2011].

Л.Ж. Кальвет сосредоточивает внимание на способах функционирования языков в современном мире, предлагает модель «экосистема» и даже модель всемирной гравитационной системы с различными, образующими конstellляции, определяемые их отношениями с другими языками и по их функциям в среде. Таким образом, некоторые языки могут стать более «центральными», другие – периферийными в «галактике», гравитационная сила которой поддерживается существованием билингов. Каждый язык обладает валентностью (*valency*) – способностью «заселять» большее или меньшее число «сред» и переноситься в новые среды. Автор предлагает рассматривать центральные и периферийные языки в одной конstellляции, а также супер-центральные и гиперцентральные (между конstellляциями и галактиками). По принципу гомеостаза экосистемы создают равновесие. Языки экосистемы находятся в текущем состоянии, как показывают

креольские языки и диалекты; изменения в экосистемах становятся пусковым механизмом изменения языков и их отношений и статуса. Л.Ж. Кальвет предлагает новый набор метафор для проблемного поля «язык и глобализация». Однако этот автор избрал дедуктивный подход и свою концепцию с конкретным функционированием языков не связывает [Calvet 2006].

А. Стиббе приводит доводы в пользу создания эколлингвистики, которая призвана показать, что отдельные способы использования языка представляют собой потенциальную угрозу для планеты [Stibbe 2010]. А. Стиббе также указывает на опасность преобладания лишь позитивно окрашенных дискурсов о глобализации.

Отметим и попытку лингвистического инжиниринга [Pool 2010], где автор строит модель «панлингвистической глобализации», в которой маркетинговые и иные стратегии направлены на сохранение всех (или почти всех) языков Земли. Исследователь предлагает набор семантических принципов, в соответствии с которыми может быть осуществлен панлингвистический перевод.

Критический подход ярко представлен в трудах этого направления: К. Крамш и Е. Бонер подчеркивают, что понятия потока и транскультурного обмена, подобно старому понятию межкультурной коммуникации, скрывает неравенство и культурную фрагментацию. Глобализация, считают они, может создавать «воображаемую солидарность» [Kramsch, Boner 2010]. В отечественной лингвистике также сформулированы сходные вопросы:

А. «Каким образом в современных процессах глобальной *модернизации и интеграции* можно обеспечить людским индивидам любой этнической принадлежности в любом месте обитания полноценное современное культурно-цивилизационное развитие и соответствующее качество жизни, не уничтожая при этом их *этнические корни*, их «этничность»?

Б. Каким образом, какими мерами и методами должна осуществляться модернизация жизни и жизнедеятельности этносов

любой численности и уровня культурно-цивилизационного развития, чтобы при этом не были уничтожены *существующее культурное разнообразие человечества*, созданные многочисленными этносами *фонды оригинальных культурных* ценностей?

В. Что необходимо сделать для того, чтобы при наличии объективных предпосылок, а также осознания необходимости осуществления преобразований переход к современному образу и качеству жизни людей протекал максимально *безболезненно*, без внутренних и внешних *конфликтов* и связанных с этим каких-либо трагических последствий?» [Ешич, 2006: 36-37].

И, наконец, ряд авторов, в силу происхождения владеющих этническими языкам Африки и др. бывших колониальных стран, связывают глобализацию с колониальным прошлым и настаивают на деколонизации мышления и дискурса. Так, С. Вигоро и С. Муфвене связывают глобализацию со спецификой колонизации и выводят судьбы языков Африки из этой специфики; отмечают роль региональных языков и конкуренцию в Африке не столько местных языков и английского, сколько местных между собой [Vigouroux, Mufwene 2008].

Обсуждается языковая ситуация в Восточной Европе, где происходит вытеснение ранее ведущих языков, где они из языка большинства превращаются в язык меньшинства (как это происходит с русским языком в республиках Прибалтики) [Глобализация-этнизация 2006; Busch 2010; Pavlenko, 2010]⁴. В коллективной монографии «Глобализация-этнизация» [2006, кн. 1, 2] российские и чешские ученые ставят вопрос о том, как глобализация может воздействовать на развитие языков и культур, как может сложиться судьба коммуникативно мощных языков и культур, а также очерчивают примерный круг проблем, которые требуют научного осмысления или потребу-

ют его в ближайшем будущем. Так, отмечают две основные черты языкового развития эпохи глобализации – динамичность и противоречивость, а также подробно освещают методологические проблемы этнокультурных и этноязыковых процессов – отношение русского и языков народов СССР/России; проблемы развития литературного языка; предлагает различать мировую и государственную полиэтничность как примету новейшего времени [Нещименко 2006: 38].

В этом же разделе отметим исследования, в которых осмысляются глобализационные тенденции в обучении иностранным языкам и возрастание роли коммуникативных навыков на родном языке. Д. Камерон рассматривает обучение иностранному языку и «коммуникативным навыкам» как повод для рефлексии о роли языка в новом глобализирующемся мире, поскольку наблюдается «насаждение единых норм общения, жанров и стилей речи *сквозь* все языки под предлогом того, что они дают максимальный «эффект» в «коммуникации» [Cameron 2002: 69]. На деле же насаждается таким образом не чужой язык, а чужой взгляд, чужое определение того, что приемлемо или желаемо в нашем собственном языке. Все это, как считает автор, затушевывается наиболее расхожим образом современного капитализма – единство в многообразии. Проблема, считает Д. Камерон, состоит не в различии языков как таковых, а в том, что эти языки воплощают различные или несоизмеримые картины мира. Именно унификация этой картины, по мнению Д. Камерон и есть цель новой лингводидактики.

6. По языку, стоящему в центре изучения, также различаются несколько исследовательских линий.

Рассматривается, с одной стороны, язык, осуществляющий экспансию (прежде всего это английский [Crystal 1997, 2003,

⁴ Отметим, что подобный взгляд отражает определенные идеологические установки исследователя. Так, русский язык в Латвии не имеет статуса государственного, хотя на нем говорит около 40% населения. Столь значительная доля говорящих на русском языке вызывает сомнения в правомерности применения термина «язык меньшинства».

2004; Graddol 1997 и др.], который и сам изменяется вследствие экспансии [Mair 2006; Bauer 1994; Görlach 2005; Хильгендорф 2010]) и, с другой стороны, – язык, подвергающийся давлению – один из ведущих европейских языков [см., например, Gardt, Nürpau 2004 о судьбе немецкого языка] или языки более низкого коммуникативного статуса. Интерпретация этого вопроса тесно связана с жизненной траекторией исследователя – как показывают последние сборники исследований, в науку пришло значительно число ученых, в силу происхождения владеющих языками народов Африки, Азии и заинтересованных в осмыслении их судьбы (см., например, [Vigououx, Mufwene 2008; Blommaert 2010]). Систематизируются представления рядовых граждан о «чужом» языке [Flaitz 1988; Park 2009; Garrett 2010; Saraceni 2010].

Весьма обсуждаем сегодня в научной литературе вопрос – каковы результаты языкового контакта *английский – язык X*. Значительное число ученых и еще большее количество граждан европейских стран описывают ситуацию при помощи пессимистических метафор: *английский – язык-убийца, язык-тиранозавр, язык – кукушонок в гнезде языков* и даже *лингвистический геноцид, лингвистический империализм, преступления против человечности в области образования* и под.

Появился термин «*неанглийские языки*». Ученые указывают также и на доминирование английского в сфере науки, торговли, международных отношений [Ammon 2010; Crystal 2004 и многие более ранние работы этих авторов].

Социально-политические процессы обусловили интерес к жизни русского языка за рубежом [Никипорец-Такигава 2009] и возникновение нового направления – георусистики [Георусистика 2010]. Значительное место в изучении языка и глобализации занимают исследования, посвященные конструированию идентичности посредством другого (неродного) языка [Skapoulli 2005; Bucholtz, Hall 2008; Singleton, 2007].

7. Важным критерием разграничения концепций является также *степень обобщения проблематики*.

Здесь различаются:

– широкие концепции, рассмотрение проблемы «язык и глобализация» в целом.

На статус социолингвистической теории глобализации претендует пока лишь труд Дж. Бломмерта [Blommaert 2010]. Дж. Бломмерт предлагает модель, нацеленную на фрагментарность, усеченность использования языков. Критически проанализировав современные взгляды лингвистов на глобализацию, Дж. Бломмерт отмечает, что ученые не могут немедленно переосмыслить весь обширный комплекс вопросов, связанных с лингвистической стороной глобализации, а также что сама формулировка «язык и глобализация» подразумевает две самостоятельные сущности. Язык в таком случае мыслится как сущностно независимый, не затрагиваемый глобализацией. Глобализация же рассматривается просто как новый контекст использования языка и лишь меняет способы его проявления. Все это, на взгляд Дж. Бломмерта, редуцирует проблему языка и глобализации до вопросов метода, в то время как серьезное рассмотрение их связи потребует также онтологических, эпистемологических и методологических разработок – то есть построения теории. Такая теория не может быть лишь лингвистической. Она должна рассмотреть связь языка и общества. Или – более точно – быть теорией меняющегося языка в меняющемся обществе [Blommaert 2010: 2].

Автор предлагает ряд важных понятийных инноваций: указав на изменение сущности миграции вследствие общественных перемен и новых информационных технологий, а также образования крупных общин выходцев из одной страны, Дж. Бломмерт приходит к выводу, что в теоретическом плане это расширяет рамки анализа и понимания многоязычия, динамических языковых изменений. Интернет-сети позволяют мигрантам оставаться в привычной культурной среде. Их пространственная организация локальна и транслокальна, реальна и вирту-

альна одновременно, и это воздействует на структуру и развитие языкового репертуара и модели использования языка.

Автор описывает ситуации, в которых все больше людей сталкивается с необходимостью говорить в разных ситуациях на разных языках, не владея ими в полной мере. Языки используются «фрагментами», связанными с одной – очень узкой – областью (например, в булочной у владельца-турка или в школе у ребенка и т.п.). Репертуар такого «фрагмента» автор предлагает называть усеченным (truncated) использованием языка.

По аналогии с «порядком дискурса» М. Фуко автор предлагает термин «порядок/иерархия указателей» (order of indexicality) – всякое пространство заполнено такими указателями – стратифицированными нормативными комплексами, которые организуют различия между «хорошим», «нормальным», «приемлемым» использованием языка, с одной стороны, и – с другой – «девиантным», «ненормальным» [Blommaert 2010: 6].

Иерархия указателей определяет основные направления для выражения чувства принадлежности, идентичности и ролей в обществе, которые, следовательно, подчиняются тому, что Гофман назвал порядком взаимодействий (interaction order).

У Бломмерта объектом исследования является не дискурс глобализации, а глобализация исследуется с точки зрения ее импликаций для использования языка – в фокусе исследования находятся язык как социальная практика и его изменение под воздействием меняющихся социальных условий глобализации. На микроуровне это реализуется через анализ лингвистических репертуаров, а на макроуровне – через анализ языковых идеологий. Внимание к микроуровню объясняется традицией американской лингвистической антропологии и социолингвистики и ведет к более пристальному изучению различных языковых репертуаров, которые регулируют доступ человека к определенным способам означивания, зависящим от его позиции и контекста. Сосредоточенность на доступе как

к лингвистическим репертуарам, так и к их применению в различных контекстах подчеркивает отношение языковой практики к социальному неравенству, которое и является важнейшим вопросом анализа.

Бломмерт считает, что большинство социолингвистических теорий рассматривает язык как принадлежность города/населенного пункта, но сегодня происходит освобождение от границ. Языковой мир вышел за их пределы, необходима новая теория для анализа этих перемен. В современном мире возросшей мобильности и коммуникации мир сместился от перспективы общины (где социолингвистика просто занимается статическими вариантами) к значительно более сложным формам. Вследствие такой сложности возникает насущная потребность в анализе и осмыслении влияния на язык мобильных сетевых ресурсов, потоков и движений. В качестве решения Дж. Бломмерт предлагает пересмотреть сосюрианскую модель языка. Свою концепцию автор называет социолингвистикой ресурсов, а не языков; центральным теоретическим понятием является *мобильность* – «смещение языка и языковых событий с фиксированных позиций во времени и пространстве, атрибутируемых им более традиционной лингвистикой и социолингвистикой (сосюровская синхрония), что влечет за собой смену парадигмы» [Blommaert 2010: 21].

Автор рассматривает и неравенство языков, характерное для нашей эпохи, представляет очерк феноменологии языка эпохи глобализации и предлагает три новых понятия: *социолингвистический масштаб* (sociolinguistic scales); *иерархия/порядок указателей* (orders of indexicality); *полицентричность* (polycentricity). Вместе эти понятия задают модель описания.

Автор приходит к выводу: языки (трактуемые как мобильные ресурсы) необходимо рассматривать как сущности, проявляющиеся (или тендирующие к проявлению) на уровнях различного масштаба. Вертикальная (уровневая) мобильность подразумевает важные смещения функций, структур и значений.

В развитие этих идей Дж. Бломмерт и Дж. Донг призывают видеть в языке набор мобильных транслокальных оперативных ресурсов, а не локализованные и привязанные к месту, «оседлые» («sedentary») социолингвистические модели. Они обращают внимание на индексальную (указательную) значимость социолингвистических фрагментов «усеченного» репертуара как фокуса управления языковой адекватностью или приемлемостью [Blommaert, Dong 2010]. Такие указательные фрагменты, или «кусочки» языка – материал вариационистской социолингвистики.

В этой же группе трудов находятся:

– *обобщения в конкретных областях* – глобализация как дискурс [Fairclough 2006]; понятийный аппарат для проблемы «глобализация и язык»; анализ сфер функционирования языков и новых языковых контактов и их последствий; исследование жизнеспособности языка, языковых идеологий, многоязычия и обучения иностранным языкам в эпоху глобализации [Алпатов 2004, 2010; Крючкова 2010 а, б; Гриценко, Кирилина 2010, Михальченко 2010 а, б] и др.;

– *проведение отдельных частных исследований* (case studies) – сбор и изучение конкретного эмпирического материала без претензий на широкие обобщения. Труды последней группы наиболее многочисленны; изучается широкий круг локализации глобального – конкретных проявлений глобализации в различных регионах на материале самых разных языков.

Широкая распространенность последнего типа исследований говорит о насущной необходимости набрать материал посредством индуктивных эмпирических наблюдений. Такие наблюдения и представляют сегодня основной поток трудов по научному осмыслению взаимосвязи языка и глобализации. Этот факт свидетельствует о широте и новизне проблематики.

8. *По времени исследований* (история вопроса) также можно определить некоторые этапы теоретического освоения проблемы языка и глобализации.

Так, с 80-х гг. исследования в основном были сосредоточены на развитии многоязычия и его теоретического осмысления.

Следующее десятилетие, 90-е гг., характеризовалось первыми попытками зафиксировать новые явления и предложить первые новые понятия для рассмотрения проблемы (*лингвистический ландшафт; языки-убийцы* и под.). В конце этого десятилетия началось выполнение ряда проектов, результаты которых в массовом порядке стали появляться в печати примерно с начала 2000-х гг. Типичные примеры такого коллективного творчества:

– Специальный выпуск журнала «*Journal of Sociolinguistics*» в 2003 г., посвященный теме «Sociolinguistics and Globalisation» (социолингвистика и глобализация);

– Проект «Немецкий язык и будущее Европы: виды идеологий, политики, практики» (The German Language and the Future of Europe: Ideologies, Policies and Practices), выполнявшегося в 2004 – 2007 гг. Результаты изложены в трудах руководителя проекта П. Стефенсона и его исполнителей [Carl, Stevenson 2007; Stevenson 2008]. Исследователи искали ответ на вопрос, какова роль немецкого языка в сохранении и развитии национальной и этнической идентичности в «постнациональной Европе». В связи с главной проблемой решались и промежуточные задачи⁵, которые четко продемонстрировали общую методологическую установку большинства зарубежных исследователей – данные о языке валидны лишь тогда, когда дополняются экстралингвистическими данными; язык позволяет увидеть нелингвистическую реальность и сделать о ней обоснованные выводы.

– Проект 2006 г. «Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые

⁵ Подробнее см. сайт фонда, поддерживавшего проект <http://www.glipp.soton.ac.uk/index.html> 11 дек 2010.

процессы», выполненный под руководством Г.П. Нецименко в рамках долгосрочной международной (российско-чешской) целевой программы по изучению проблематики «Язык – Культура – Этнос».

– Проект Нижегородского государственного лингвистического университета «Глобализация и язык: анализ современной социолингвистической ситуации на материале русского, английского и немецкого языков» (руководитель – Е.С. Гриценко), поддержанный в 2010 г. Минобрнауки РФ;

– Проект ИЯ РАН «Языки России в контексте общественного развития», поддержанный РГНФ на 2011 – 2013 гг. (руководитель В.Ю. Михальченко) и некоторые другие.

2005 – 2012 гг. характеризуются увеличивающимся количеством монографий – коллективных и индивидуальных – полностью или частично посвященных различным сторонам проблемы «глобализация и язык» [Coulmas 2005, 2007; Глобализм... 2005; Fairclough 2006; Backhaus 2005, 2007, 2009; Vigouroux, Mufwene 2008; Shohamy, Gorter 2009; Blommaert 2010; Shohamy, Ben-Rafael, Barni 2010; Гриценко, Кирилина (в печати)], а также подготовкой справочника *The Handbook of Language and Globalization* (ed. by N. Coupland, 2010)].

Наконец, сегодня можно назвать и систематизировать ряд социолингвистических понятий, вызванных к жизни или переосмысленных глобализацией: *повседневность; языковое сообщество; (усеченное) владение языком; язык как рыночная ценность и мобильный ресурс* и др.

Обнаруживаются и некоторые различия в акцентах и интерпретации фактов в трудах отечественных и западноевропейских ученых.

Это, например, вопрос о национальном языке и этничности. В большинстве отечественных трудов этничность рассма-

тривается как ценность, которую необходимо сохранять. В западной же научной литературе более широко распространен социоконструктивистский подход, согласно которому нации – воображаемые сообщества, а национальный язык – идеологический конструкт⁶. В отечественном языкознании традиционно высок интерес к взаимоотношению языка и культуры, что проявляется и при исследовании глобализации – она также часто рассматривается с позиций лингвоконцептологии [Тульнова 2009 а,б; Тульнова 2010 а,б,в; Тульнова, Глебова 2010; Гулинов 2011].

И, наконец, с сожалением, необходимо отметить, что работы западноевропейских лингвистов не всегда учитывают результаты исследований и взгляды ученых России и СНГ, а также в ряде случаев обнаруживают идеологизированный подход. Например, в выпущенном в 2010 г. справочнике “*The Handbook of Language and Globalization*” не представлены труды отечественных лингвистов и не упоминается даже масштабный двухтомник 2006 г. «Глобализация – этнизация».

Русский же язык подчас интерпретируется как «агрессор» по отношению к таким языкам, как латышский, литовский, эстонский и др., а расширение сферы действия английского, к которому эти народы обращаются, отринув русский, расценивается как переход к свободе и демократии [Braselmann 2004].

В ряде вопросов, тем не менее, точки зрения близки, и прежде всего – это озабоченность судьбой языков в эпоху глобализации.

Изложенное позволяет заключить, что соотношение языка и глобализации приобрело статус сложной и динамичной научной проблемы, нуждающейся одновременно и в постоянном теоретическом осмыслении и в продолжении разнообразных эмпирических исследований.

⁶ Разумеется, конструктивизм как методологию мы не отвергаем, а лишь обращаем внимание на то, что эта методология используется избирательно и с явной идеологизацией.

Литература

Алпатов М.В. Глобализация и развитие языков // Вопросы филологии. 2004. – № 2 (17). – С. 23 – 27.

Алпатов В.М. Двадцать лет спустя // Язык и общество в современной России и других странах Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. – М., 2010. – С. 1 – 6.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 384 с.

Георусистика. Первое Приближение: Сб. науч. ст. / Под ред. А.Н.Рудякова. – Симферополь: Антиква, 2010. – 152 с.

Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. в 2 книгах / Рос. акад. наук, Науч. совет «История мировой культуры», Ин-т славяноведения; [отв. ред. Г. Нецименко]. – М.: Наука, 2006. – Всего страниц: 947 Кн. 1. – 2006. – 486 с.; Кн. 2. – 461 с.

Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. Коллективная монография /Под ред. М.С. Кагана.– СПб.: «Янус», 2005. – 426 с.

Гордеев И.В. Глобализация в парадигме постмодерна: теоретико-политологический анализ: диссертация ... кандидата политических наук. – М., 2009. – 196 с. Эл. адрес: <http://dlib.rsl.ru/rsl01004000000/rsl01004272000/rsl01004272085/rsl01004272085.pdf>; Дата доступа 30.11.2010.

Гриценко Е.С. Язык и безопасность в контексте глобализации // Власть № 11, 2011. – С. 9 – 12.

Гриценко Е.С. Идеология, идентичность и стиль: глобальное и локальное // Полифония большого города. Сб. научных статей /Под ред. Л.М.Терентия, В.В.Красных, А.В.Кирилиной, – М., 2012. – С. 141 – 149.

Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия Филология, 2010. – №6. – С. 14 – 21.

Гриценко Е.С., Кирилина А.В. «Язык и глобализация» в контексте лингвистического образования: конструктивистский подход // Высшее образование в России, 2011. – №3. – С.69 – 75.

Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация. Монография. В печати. Выход – 2012 г.

Дурева Н.С. Глобализация как социальное конструирование нового мирового порядка: диссертация ... кандидата философских наук. – Красноярск, 2009. –130 с.

Еишч М.Б. «Естественный» язык людей как специальная знаковая система и феномен культуры: объективно-исторические причины языково-культурного (этнического) плюрализма человечества (некоторые тезисы). / Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 книгах / отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С.9 – 37.

Иванов Вяч. Вс. Проблемы урбанистической лингвистики // Язык и общество в современной России и других странах Международная конференция, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. – М., 2010. – С. 23 – 28.

Кардонова И.А. Глобализация как социокультурная трансформация: институциональная перспектива.– АКД. – Иркутск, 2007. –21 с. (дисс. – 172 с.).

Куцобина Е.В. Глобализация как общенаучная проблема: Философско-методологические аспекты: дисс. канд. филос.н. – М., 2005. – 193 с. Эл.адрес <http://dlib.rsl.ru/rsl01002000000/rsl01002800000/rsl01002800929/rsl01002800929.pdf>. Дата доступа – 12.09.2010.

Кирилина А.В. Русский язык в мегаполисе как индикатор изменения языковой ситуации // Русский язык в условиях культурной и языковой полифонии. Под ред. В.В. Ждановой. Verlag Otto Sagner. München – Berlin, 2009. S. 75 – 87.

Кирилина А.В. Жанр «демотиватор» как проявление полифонии и фиксация повседневности / Полифония большого города. Сб. научных статей / Под ред. Л.М. Терентия, В.В. Красных, А.В. Кирилиной, – М., 2012. – С. 54 – 74.

Корженский Я. Коммуникация в Европе: глобализация и этничность / Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 книгах / отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С.94 – 105.

Крючкова Т.Б. Функционирование иностранных языков на территории России // Язык и общество в современной России и других странах Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. – М., 2010. – С. 32 –38.

Крючкова Т.Б. Языковая политика и реальность Вопросы филологии. 2010, №1 (34). – С.30 – 34

Михальченко В.Ю. Национальные языки в эпоху глобализации: языки России и Монголии. Вопросы филологии. 2010, №1 (34).

Михальченко В.Ю. Принципы функциональной типологии языков России // Язык и общество в современной России и других странах Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. – М., 2010. – С. 47 –51.

Нецименко Г.П. К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации / Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 книгах / отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн. 1. – С .38 – 68.

Никипорец-Такигава Г. Язык русской диаспоры в Японии // Вопросы языкознания. – 2009. – №1. – С. 50 – 62.

Подзигун И.М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ.– М., 2003. – 384 с.

Русанов Д.В. Глобализация как триггер развития современного высшего образования: социологический аспект: дисс. канд. социол. н. – Тамбов, 2009. – 164 с. АКД – 23 с. Эл. адр.<http://dlib.rsl.ru/rsl01004000000/rsl01004327000/rsl01004327671/rsl01004327671.pdf>; дата доступа 2.11.2010.

Тарасов Е.Ф. Глобализация и этнизация: семиотические проблемы / Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 книгах / отв. ред. Г.П. Нецименко. – М.: Наука, 2006. – Кн.1. – С. 69 – 74.

Тульнова М.А. Национальная специфика институционального дискурса сопротивления глобализации // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире. – 3: сб. статей / отв. ред. Г.Г. Слышкин. – Волгоград, ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы». – Волгоград: Парадигма, 2009а. – С. 125 – 131.

Тульнова М.А. Концепт «перемены» как отражение процесса глобализации // Высшее культурологическое образование: VI Международная научная конференция. Москва, 19–21 ноября 2009 г.: доклады и материалы. Секция 9. Выпуск 2 / отв. ред. А.В. Костина. – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009б. – С. 70 – 81.

Тульнова М.А. Концепт «прогресс» в глобалистском дискурсе // Вестник Иркут-

ского государственного лингвистического университета. № 2 (10). 2010а. С. 169 – 175.

Тульнова М.А. Концепт «утрата» в дискурсе сопротивления глобализации // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С.Пушкина: Научный журнал. № 2. Том 1. 2010б. Филология. С. 201 – 209.

Тульнова М.А. Концепт unification – «объединение» в институциональном глобалистском дискурсе // Коммуникативные аспекты лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 8 февр. 2010 / сост. А.В. Простов [и др.]: ВолГУ, ВГПУ. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010в. – С. 267 – 272.

Тульнова М.А., Глебова Е.А. Образная составляющая лингвокультурного концепта «глобализация» // Аксиологическая лингвистика: проблемы языкового сознания и коммуникативной деятельности. Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Красавского. – Волгоград, «Колледж», 2010. – С.49 – 57.

Гулинов Д.Ю. Языковая политика: определение и характеристики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – №5 (59). 2011. С.7 – 11.

Федотова Н.Н. Глобализация как фактор формирования новой парадигмы в социологии дисс. канд. социол.н. – М., 2000. – 149 с. Эл.адрес: <http://dlib.rsl.ru/rsl0100000000/rsl01000311000/rsl01000311200/rsl01000311200.pdf>. Дата доступа 2.11.2010.

Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / Постнеклассика: философия, наука, культура. Коллективная монография / Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. – СПб, 2009. – С. 249 – 295.

Хильгендорф Сьюзен К. Английский язык в Германии: контакт, распространение и отношение к нему [Текст] / Сьюзен К. Хильгендорф ; пер. с англ. З.Г. Прошиной // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. 12, № 4. – С. 215 – 234.

Штомпка П. Социология социальных изменений. Пер. с англ. – М., 1996. – 416 с.

Язык и общество в современной России и других странах. Международная конференция. Москва, 21–24 июня 2010 г. Доклады и сообщения. – М., 2010.

Ammon U. World languages: trends and Futures // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 101 – 122.

Androutsopoulos J. Localizing the Global on the Participatory Web // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd.– 2010. – P. 203 – 231.

Backhaus P. Signs of multilingualism in Tokyo – a diachronic look at the linguistic landscape // International Journal of the Sociology of Language. V. 2005, Issue 175–176, P. 103 – 121.

Backhaus P. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio // Multilingual Matters (136). – NY–Ontario–Cleveland. – 2007. – 158 P.

Backhaus P. Rules and regulations in linguistic landscaping: A contrastive perspective. Florian Coulmas (ed.). 2007. Language Regimes in Transformation. Future Prospects for German and Japanese in Science, Economy, and Politics (Contributions to the Sociology of Language 93). Berlin, New York: Mouton de Gruyter. – P 152 – 172.

Backhaus P. Rules and regulations in linguistic landscaping: A contrastive perspective // Shohamy E., Gorter D. (eds). Linguistic Landscape. Expanding the Scenery. – Routledge, Ny- Oxon, 2009. – P 152 – 172.

Bauer L. Watching English change: an introduction to the study of linguistic change in standard Englishes in the twentieth century / Laurie Bauer. London: Longman, 1994. 200 p.

Block D., Cameron D. (eds) *Globalization and the Language Teaching*. – Routledge, 2002. – 196 p.

Blommaert Jan A. *The Sociolinguistics of Globalization*. Cambridge University Press, 2010. – 230.

Blommaert J., Dong J. *Language and Movement in Space // The Handbook of Language and Globalization* (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 366 – 385.

Braselmann, Petra. *Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalization // Gardt, A.; Hüppauf, B.*(eds). *Globalization and the future of German*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S.99 – 118.

Bucholtz M.; Hall, Kira. All of the above: New coalitions in sociocultural linguistics. / Mary Bucholtz; Kira, Hall // *Journal of Sociolinguistics* 12/4, 2008. pp. 401–431.

Busch B. *New National Languages in Eastern Europe // The Handbook of Language and Globalization* (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 182 – 200.

Calvet L-J. *Towards an Ecology of World languages*, 2006.

Cameron D. *Globalization and the teaching of “communication skills” // David Block, Deborah Cameron* (eds) *Globalization and the Language Teaching*. – Routledge, 2002. – P. 67 – 82.

Carl J., Stevenson P. *Being a German-speaker in Central Europe: Language Policies and the Negotiation of Identities // Fandrych Ch. and Salverda R.* (eds). – *Standard, Variation und Sprachwandel in germanischen Sprachen* (Mannheim: Institut für Deutsche Sprache), 2007. – S. 91 – 112.

Coulmas F. *Changing language regimes in globalizing environments*. In: Coulmas, Florian; Heinrich, Patrick (eds.): *Changing Language Regimens in Globalizing Environments: Japan and Europe*. *International Journal of the Sociology of Language* 175/176. Mouton de Gruyter: Berlin, New York, 2005. – P. 3 – 16.

Coulmas F. (ed.). *Language Regimes in Transformation. Future Prospects for German and Japanese in Science, Economy, and Politics* (Contributions to the Sociology of Language 93). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2007. – xi, 216 p.

Coupland N. (ed.) *Sociolinguistics and Globalisation* (thematic issue of *Journal of Sociolinguistics* 7 (4)).

Coupland N. (ed). *The Handbook of Language and Globalization* (ed. by N. Coupland). – D Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – 662 p.

Crystal D. *English as a global language / David Crystal*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997. – 150 p.

Crystal D. *English as a global language / David Crystal*. Second edition. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. – 212 p.

Crystal D. *The Past, Present, and Future of World English // Gardt, A.; Hüppauf, B.*(eds). *Globalization and the future of German*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004 – S.27 – 45.

Fairclough N. *Language and Globalization*. – Routledge, 2006. – 167 p.

Flaitz J. *The ideology of English: French perceptions of English as a world language / by Jeffra Flaitz*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. – 225 p.

Gardt A., Hüppauf B. (eds). *Globalization and the Future of German*. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. – 375 p.

Garrett P. *Attitudes to language / Peter Garrett*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. – 257 p.

Görlach M. *A dictionary of European anglicisms: a usage dictionary of anglicisms in sixteen European languages / Manfred Görlach* (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – 351 p.

Graddol D. The future of English?: a guide to forecasting the popularity of the English language in the 21st century / David Graddol. London: British Council, 1997. – 64p.

Heller M. Language as Resource in the Globalized New Economy // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland).- Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 349 – 365.

Johnson S., Ensslin A. Language in the media: Theory and practice . In S. Johnson and A. Ensslin (eds), Language in the Media. – London: Continuum, 2007.– P. 3 – 22.

Johnstone B. Indexing the Local // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 386 – 405.

Kramsch C., Boner E. Shadows of Discourse: Intercultural Communication in Global Contexts // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 495 – 519.

Maher J.C. Metroethnicities and Metrolanguages // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 575 – 591.

Mair Ch. Twentieth-century English: history, variation, and standardization / Christian Mair. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006. – 244 p.

Mufwene S.S. Globalization, Global English, and World English(es):Myths and Facts// The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd.- 2010. – P. 31 – 55.

Pavlenko A. Linguistic landscape of Kyiv, Ukraine: A diachronic study // Shohamy E., Ben-Rafael E., Barni M. (eds). Linguistic Landscape in the City. – NY Bristol – North York, 2010. – P. 133-150.

Saraceni M. The relocation of English: shifting paradigms in a global era / Mario Saraceni. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2010. – 156 p.

Singleton D. Globalization, language, and national identity: the case of Ireland / David Singleton. Dublin : Trinity College, Centre for Language and Communication Studies, 2007. – 11 p.

Skapoulli E. Local and global cultural encounters and the linguistic negotiation of youth identity in Cyprus. A dissertation submitted for the degree Doctor of Philosophy in Education. University of California: Santa Barbara, 2005. – 260 p.

Stevenson P. The German language and the future of Europe: towards a research agenda on the politics of language // Davies W.and S. (eds) Special issue of German Life and Letters, 61/4, 2008, P. 483 – 496.

Park J. S.-Y. Ideologies of English in South Korea. Reihe: Language, Power and Social Process [LPSP] 24 Mouton de Gruyter, 2009.

Pennycook A., Mitchell T. Hip hop as dusty foot philosophy: Engaging Locality // Alim, H.S., Ibrahim A., Pennycook A. (eds). Global Linguistic Flows: Hip Hop Cultures, Youth Identities, and the Politics of Language. New York: Routledge, 2009. – P. 25 – 42.

Pool J. Panlingual Globalization // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 142 – 161.

Recento T. Language Policy and Globalization // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 123 – 141.

Shohamy E., Gorter D. (eds). Linguistic Landscape. Expanding the Scenery. – Routledge, Ny- Oxon, 2009. – 352 p.

Shohamy E., Ben-Rafael E., Barni M. (eds). Linguistic Landscape in the City. – NY Bristol – North York, 2010. – 354 P.

Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. The Global Politics of Language: Markets,

Maintenance, Marginalization, or Murder? //The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland).– Blackwell Publishing Ltd. 2010. – P. 77 – 100.

Stibbe A. Ecolinguistics and Globalization // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 406 – 425.

Swaan A. de. Language System // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P.56 – 76.

Vigouroux C. B., Mufwen S.S. (eds). Globalization and language Vitality: perspectives from Black Africa. Continuum International Publishing Group Ltd., 2008. – 292 p.

А.О. Барина

УДК 811.111'374:39

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ЭТНИЧНОСТИ В АМЕРИКАНСКОМ СОЦИУМЕ (ПО ДАННЫМ КОРПУСОВ)¹

В статье на материале корпуса текстов исторического и современного американского варианта английского языка рассматривается динамика представлений об этничности и идеологические причины фиксируемых изменений. Показана роль глобальных социальных процессов и дискурса мультикультурализма в концептуализации этничности как социокультурного конструкта.

Ключевые слова: этничность, этнический, корпуса текстов, языковое конструирование, дискурс, глобализация, мультикультурализм, политическая корректность.

Anastasia O. Barinova

ETHNICITY CONSTRUCTION IN THE ENGLISH LANGUAGE CORPORA

The paper highlights the dynamics of ethnicity construction in the corpora of historical and contemporary American English and shows how linguistic representations of ethnicity reflect societal (ideological) transformations. It emphasizes the role of global social transformations and multiculturalism discourse in the discursive representation of ethnicity as a sociocultural concept/construct.

Key words: ethnicity, ethnic, corpus, language use, discourse, globalization, multiculturalism, political correctness.

---

¹ Статья подготовлена в ходе выполнения НИР при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 – 2013 гг.». Проект реализуется в рамках НОЦ междисциплинарных исследований языка и культуры НГЛУ.

Глобализационные процессы и новые тенденции в развитии общества ставят вопрос о необходимости пересмотра традиционных представлений о языковой картине мира, языковом сознании, языковых контактах и аспектах изучения языка [Глобализация-этнизация 2006; Гриценко, Кирилина, Лалетина 2011]. Идеологичность этничности как социального конструкта также претерпевает изменения под влиянием дискурса мультикультурализма и политической корректности [Гриценко, Сергеева, Барина 2011].

Анализ динамики лексикографического конструирования этничности, проведенный на материале словаря Хорнби (Oxford Advanced Learner's Dictionary) разных лет издания, показал, что формирование категории этничности в современном понимании начинается во второй половине XX века. Этничность в этот период понимается с эссенциалистских позиций как неизменное, внутренне присущее человеку качество. В последующие годы восприятие этничности меняется. Так, если в словнике середины XX века преобладали этнонимы, обозначающие титульные национальности, то в современных словарях значительно шире представлены лексемы, называющие представителей нетитульных народов и этнических меньшинств. Словари фиксируют появление этногибридов (Russo-Japanese) и глагольных лексем, свидетельствующих о канонизации типичных признаков того или иного этноса или национальности (Italianate, Americanize). Наряду с появлением политкорректных наименований (African American), отмечен шестикратный рост числа прозвищных этнонимов-пейоративов (Chink, Paddy и т.д.), при этом большая их часть сопровождается пометами, предупреждающими о неприемлемости их публичного употребления [Барина 2011]. Это свидетельствует о влиянии процессов глобализации на изменение картины мира, переходе от этноцентричной (евроцентричной) к мультиэтнической идеологии и усилении кросс-культурной рефлексии в англоязычном социуме.

Наряду с исследованием динамики репрезентации этничности в лексикографическом дискурсе, интерес представляет анализ динамики представлений об этничности в масс-медийном, научном и других типах дискурса. Необходимость анализа иных коммуникативных практик связана с тем, что лексикографический дискурс является одним из наиболее консервативных в плане отражения языковых изменений. Словарная фиксация новых единиц и особенностей их употребления, как правило, происходит уже после того, как данные единицы и языковые формы (модели) прочно вошли в языковую обиход и стали частью языковой системы. Более полные данные о характере и динамике представлений об этничности могут быть получены при обращении к корпусам, в которых представлены различные сферы коммуникации, оперативно фиксируются значимые события жизни социума, находят отражение новые тенденции и актуальные проблемы (процессы). В корпусах содержится также богатый материал для изучения концептуализации самого феномена (категории) этничности в динамике.

В статье представлены результаты исследования частотности и лексической сочетаемости лексем *ethnic* и *ethnicity* в корпусе текстов исторического и современного американского английского языка The Corpus of Historical American English (COHA) за 1960-1970 гг. [Электронный ресурс] и The Corpus of Contemporary American English (COCA) за 2010-2011 гг. [Электронный ресурс], анализ тематических сфер употребления и семантической просодии данных слов, показывающей характер восприятия обществом феномена этничности. Новизна исследовательского подхода заключается в том, что этничность трактуется как динамичный продукт дискурса эпохи, запечатленный в различных типах текстов. Основная цель предпринятого исследования – проследить динамику концептуализации этничности в связи с глобализационными процессами.

По данным COHA в период с 1960 по 1970 гг. прилагательное *ethnic* зафиксировано в 124 контекстах, главным образом в

медийном жанре (magazines и newspapers) – 75,8 %. Существенно меньшее количество вхождений зарегистрировано в жанрах нехудожественной (non-fiction) – 13,7% и художественной литературы (fiction) – 10,3% .

При рассмотрении сочетаемости данной лексемы в текстах в период с 1960 по 1970 гг. выявлен ряд особенностей.

Наиболее типичным сочетанием, в котором лексема *ethnic* выполняет атрибутивную функцию, является коллокация *ethnic groups* (28 вхождений), а также словосочетания *ethnic group* (7 вхождений), *ethnic minorities* (4), *ethnic origin* (4), *ethnic communities* (4).

Контексты с прилагательным *ethnic*, относятся к разным семантическим областям: **разногласия, конфликты** (*dissident ethnic groups, pervasive conflict among ethnic groups in America, the rival ethnic groups, polarization of ethnic groups* и т.д.), **политика, выборы** (*metropolitan center vote (including Negro and ethnic groups) that boosted the Johnson victory margins, to strike an ethnic balance in the selection committee, specifically ethnic identification and the vote* и т.д.), **культура, искусство** (*eating ethnic foods, with a unique amalgam of jazz and ethnic music* и т.д.), **социальные проблемы, дискриминация** (*ethnic prejudice and discrimination, fueled by ethnic prejudices* и т.д.); **этнические группы, сообщества** (*ethnic fringe groups, ethnic minorities, nation's ethnic groups, white, black, brown or red, primary ethnic elements* и т.д.). Каждая из названных областей представлена примерно одинаковым числом вхождений (13 – 17), однако в целом культурная и социально-политическая тематика, а также тематика конфликта преобладают.

Анализ особенностей употребления прилагательного *ethnic* и его сочетаемости позволяет заключить, что наиболее актуальным концептообразующим признаком этничности в американском обществе 1960-70 гг. была проблема расовой сегрегации (*ethnic distribution, ethnic division, polarization of ethnic groups, current bitterness between the two ethnic communities, quota system based upon race or ethnic origin*), а также кон-

фликтов на этнической и расовой почве (*antagonism between the ethnic communities, pervasive conflict among ethnic groups in America, movements of ethnic intolerance*), дискриминация, унижение и притеснение (*ethnic prejudice and discrimination, fueled by ethnic prejudices*). В истории США данный период знаменует активную борьбу различного рода меньшинств за гражданские права и свободы. Наиболее мощным было движение за права афроамериканского населения против расовой дискриминации. Эта тема отчетливо прослеживается в текстах корпуса, хотя сама лексема *equality* в сочетании с прилагательным *ethnic* не встречается ни в одном из вхождений на протяжении рассматриваемого периода. Она актуализируется коллокациями, в которых говорится о сохранении этнической идентичности и защите (прав) этнических меньшинств (*clauses about minority tribal and ethnic rights which need almost unanimous action by the legislature to change, protecting an ethnic minority, retain their ethnic identity, fiercely insistent on its ethnic identity*), а также контекстами, содержащими призыв к отмене расовой и этнической дискриминации (*aiming to abolish racial and ethnic discrimination*).

Дискурс борьбы за гражданские права наиболее четко представлен в газетных и журнальных текстах:

A Regression while thirty and one hundred years ago in America minority group members sought their identification and power in their own ethnic groups, this is far less true today. Some Negro theorists say that it is historically inevitable for the Negro to seek power and identification, mainly or exclusively, through his own group...

... In a society where ethnic differences play an important part in determining class position this is an odd line of argument. It means recognition that the human condition is substantially similar for all and that a «black man» is 100 per cent a human being, plus the color of his skin.

Как следует из приведенных примеров, особенностью восприятия данной темы в американском социуме в 1960 – 1970 гг.

была концептуализация этнического (расового) конфликта как социально-классового. Косвенным подтверждением этого является использование лексемы *ethnic* в предвыборном дискурсе в суженном значении за счет исключения афроамериканского населения из числа этнических меньшинств и придания им особого политического статуса: *states that are heavily populated with Negroes, ethnic groups, and the poor; including the Negroes and the ethnic groups, within the zone of those which the Republican Party will, and must, continue to woo.*

В материалах корпуса фиксируются случаи лексического символизма – контекстуально обусловленного («протестного») употребления этнонима *Nigger* в значении «притесняемые, лишенные прав»: *Hippy youth, angry and exhausted by continual harassment, sometimes say of themselves: "We're the new niggers!"*

Примечательно, что политкорректный этноним *African American* зафиксирован лишь в одном из 124 контекстов периода 1960-1970 гг.: *These principles were developed long before there was any thought of an Afro-American institute and they have no exclusionary racial or ethnic connotations.* Можно предположить, что названный период знаменует лишь начало институализации феномена политической корректности, который в лингвистическом смысле выразился в вытеснении лексемы *Negro* из публичного речевого репертуара и ее последующей семантико-стилистической диверсификации (табуизация vs амелиорация).

Наряду с широко представленными тематическими сферами конфликта, политики и общественного устройства, в текстах СОНА 1960-1970 гг. фиксируются в значительном объеме колокации *ethnic* с лексемами, относящимися к области кулинарии и развлечений: *foods, restaurants, reception, sandwich, music, jazz, dance, pitch, trait, blend* – всего 11 вхождений, что составляет 8,8% от общего числа (124).

Сочетания с прилагательным *ethnic* могут далее уточняться лексемами, именующими конкретные этносы и национальности,

при этом анализ не выявил этногибридов (за исключением *Russian Jews*), что можно рассматривать как отражение этноцентризма американского социума в рассматриваемый период:

- *American ethnic groups, Chinese and Malay ethnic communities, ethnic Germans;*

- *And finally there is the fantastic ethnic diversity of a city composed of Russian Jews, Italians, Puerto Ricans, Negroes, Irish, Germans, and more than sixty other ethnic groups.*

Анализ расширенных контекстов (Expanded Contexts) корпусов с точки зрения семантической просодии (semantic prosody), определяемой как оценочное отношение говорящего к содержанию высказывания, обозначение информации как позитивно или негативно окрашенной [Partington 2004: 131], показал, что для контекстов социальной и политической тематики характерна негативная семантическая просодия:

But are not the Negroes and Puerto Ricans who are denied jobs because of their ethnic backgrounds innocent bystanders in a 300-year-old drama whose curtain call we are demanding?

But the German-American community did not have much prestige in comparison with several of the other American ethnic groups.

The ethnic minorities have, in fact, often appeared as sympathetic to criminals, as supporters of violence directed against the police.

При этом для контекстов, связанных с культурной тематикой, негативная просодия не характерна:

The number seemed to owe its ancestry to the ethnic music of Bessie Smith, sort of Negro blues and gospel mildly crossed with hillbilly.

He learns about the country's ethnic composition. Do the people in the north speak the same language as those in the south, worship the same divinities, eat the same foods?

In the Yakutsk A.S.S.R., as in others that reflect ethnic divisions, the people take pride in their racial and linguistic individuality.

Таким образом, можно сделать вывод, что в указанный период в концептуализации

категории этничности в американском социуме преобладало социально-политическое измерение, что связано с историческим и политическим контекстом, а также эссенциалистское восприятие этничности как категории, отражающей сущностные, внутренне присущие индивиду признаки.

Аналогично данным словаря “Advanced Learner’s Dictionary of Contemporary English”(ALDCE) 1963 года издания [Hornby 1963] в корпусе СОНА в 1960-1970 гг. не зафиксировано ни одного вхождения слова *ethnicity*. Первое вхождение датируется 1973 годом. По данным СОСА, в 2010-2011 гг. прилагательное *ethnic* и существительное *ethnicity* зарегистрированы в 621 и 319 контекстах соответственно. Существенное увеличение количества вхождений по сравнению с предыдущим периодом свидетельствует о росте социальной актуальности данной проблематики и переходе от этноцентризма к мультикультурализму. Наибольшее число вхождений лексем *ethnic* и *ethnicity* фиксируется в научных текстах – 339 (54%) и 250 (78%) контекстов соответственно – что отражает расширение интереса к феномену этничности в ракурсе его научного осмысления. Далее следуют жанры *newspaper*, *magazine* и *spoken*, в то время как частота употребления прилагательного *ethnic* и существительного *ethnicity* в жанре художественной литературы существенно меньше: 2% и 1% соответственно.

В подавляющем большинстве контекстов прилагательное *ethnic* выступает в атрибутивной функции. Наиболее типичным сочетанием является коллокация *ethnic groups*, зарегистрированная в 93 контекстах, из которых 66 контекстов относятся к научному жанру. При этом во многих контекстах научного жанра названия этнических групп далее уточняются: *Indian, Vietnamese, Chinese, Korean, Iranian; the Beja, the Dinka, the Funj, the Nuba, and the Nuer; Pashtun, Hazara, Tajik, and Uzbek; Blacks and Latinos; Irish, Jews, Italians; Mano, Dan, and Kran* и т.п. Таким образом, количество уточняющих этномаркированных атрибутов количественно и качественно разнообразнее, по сравне-

нию с более ранним периодом.

Вторыми по количеству вхождений после коллокации *ethnic groups* являются сочетания *ethnic minority* и *ethnic studies* – 47 примеров: в научном жанре зафиксировано 33 и 38 контекстов соответственно. Высокая частотность коллокации *ethnic minority* свидетельствует об актуальности социально-политического признака угнетенности, а значительное количество вхождений коллокации *ethnic studies* отражает интенсивность научного осмысления данной категории в современном мире.

Анализ контекстов с точки зрения их распределения по тематическим областям позволил выделить наиболее значимые семантические сферы для конструирования этничности. Для прилагательного *ethnic* наиболее распространенными тематическими областями являются: **названия представителей социальных групп, национальностей** и этнических групп (46 различных коллокаций) (*other ethnic identities, ethnic immigrants, ethnic Pashtuns, Kikuyu ethnic group, ethnic Russians, ethnic Ukrainians, ethnic Roma migrants* и т.д.); **общественное устройство** (29) (*ethnic enclaves, ethnic boundaries* и т.д.); **социальные статусы и процессы** (28) (*ethnic orientation, ethnic population shifts, ethnic homogeneity, ethnic diversity* и т.д.); **негативные социальные явления, проблемы, дискриминация, унижение** (27) (*ethnic discrimination, ethnic disparities, ethnic influences and pressures, ethnic scapegoats* и т.д.); **искусство, культура, творчество** (20) (*authentic ethnic foods, ethnic cuisines, ethnic art* и т.д.); **военные действия, конфликты** (15) (*ethnic divisions, ethnic fighting, ethnic wars, ethnic cleansing, ethnic conflict, ethnic violence* и т.д.); **политика** (3) (*ethnic voters, ethnic leaders, ethnic politics*).

В контекстах с прилагательным *ethnic*, зарегистрированных в корпусе СОСА за период 2010-2011 гг., значительно чаще, чем в 1960-1970 гг., употребляются неодушевленные существительные, которые обозначают поведенческие, коммуникативные и идеологические характеристики индивида и обще-

ства, а также культурные артефакты. Таким образом, этничность получает привязку к широкому перечню предметов и явлений, связанных с человеком опосредованно – через культуру, музыку, религию, кулинарию, одежду. Это ослабляет позиции эссенциалистского подхода и создает основу для понимания этничности в конструктивистском ключе: *authentic ethnic foods, ethnic cuisines, ethnic art, ethnic dishes, ethnic patchwork, India's religious and ethnic mosaic, ethnic features, festive ethnic celebration, ethnic comedians, ethnic dolls, colorful ethnic quilt work* и др.).

Существенно большее, чем ранее место занимают контексты, где слово *ethnic* определяет процессы социализации, (само)идентификации и культурной рефлексии: *the role of ethnic identification, communal ethnic pride, notions of ethnic awareness, ethnic make-up, ethnic harmony, ethnic interaction, affinity for ethnic identity and pride, the criterion of ethnic authenticity, ethnic particularities, ethnic solidarity, a desire for ethnic cohesiveness, ethnic identitarianism, ethnic reasoning, religious and ethnic neutrality*. Представляется, что данный факт связан с упрочением дискурса мультикультурализма как одного из дискурсов глобализации.

Однако наибольшее число коллокаций с прилагательным *ethnic* (42) затрагивают проблемы этнического неравенства (*ethnic divisions, wide racial and ethnic disparities, ethnic bigotry, ethnic complexities, ethnic differences, ethnic scapegoats*), этнического насилия (*ethnic violence, ethnic tensions*) и конфликтов (*ethnic riots, inflaming ethnic conflicts, ethnic cleansing, ethnic fightings, ethnic unrest*). При этом из текстов практически исчезла проблема дискриминации черного населения и других этнических меньшинств США, т.е. осмысление этнического неравенства и конфликтов приобрело глобальное измерение и не ограничивается более национальными рамками.

Сочетания *ethnic minority* и *ethnic minorities* встречаются в сумме 84 раза, в то время как коллокация с противоположным значением – *ethnic majority* – употребляет-

ся всего 4 раза. Словосочетания со значением «большинства» – *major/ majority /the largest/ dominant /better established/ principal ethnic group(s)* – зафиксированы лишь 10 раз, что составляет 10,5 % от общего количества сочетаний *ethnic group(s)* (105 контекстов), употребляющихся с прилагательным, числительным или местоимением в атрибутивной функции. Остальные 95 примеров позиционируют этнические группы как «другие», «определенные», «разные» и т.п. (*other, certain, diverse, various, different, particular*), т. е. наиболее актуальными для современного общества становятся проблемы этнических меньшинств и социальной составляющей этнической диверсификации.

По сравнению с употреблением прилагательного *ethnic* в СОНА снизилась значимость политических и предвыборных контекстов в концептуализации этничности, однако употребление прилагательного *ethnic* в текстах военной тематики и тематики конфликта по-прежнему интенсивно: частота коллокаций *ethnic disparities* (12), *ethnic cleansing* (11), *ethnic violence* (10), *ethnic tension* (7), *ethnic conflict* (5) является весьма показательной. Эти коллокации, а также словосочетания *ethnic divisions, ethnic fighting, ethnic wars, ethnic bloodshed, ethnic tension(s), ethnic separatists, ethnic bloodbath, inflaming ethnic conflicts* идеологически нагружены и являются частью глобального дискурса войны с террором.

По сравнению с СОНА, в корпусе СОСА наблюдается значительная дифференциация в репрезентации национальностей. Из общего количества наименований национальностей и этнических групп (30 коллокаций) лишь два сочетания в контекстах СОСА в 2010-2011 гг. относятся к представителям титульных (европейских) национальностей (*ethnic Finns* и *Ethnic Germans*), все остальные именуют представителей стран третьего мира и иммигрантов (*ethnic Roma migrants, ethnic Han migrants, ethnic Uzbek refugees*), а также лиц, так или иначе связанных с войной (*the ethnic Tajik warlord*). Эти особенности связаны, очевидно, с массовой миграцией и иными событиями, опре-

деляющими социальный, экономический и идеологический контекст современности.

Что касается сфер употребления существительного *ethnicity*, то для научного жанра (academic) наиболее характерным является использование термина *ethnicity* в социальном (106 вхождений), медицинском (68), образовательном (71) и политическом (18) контекстах. В масс-медийном и бытовом дискурсе (newspapers, magazines, spoken) наиболее широко представлены проблемы этнической дискриминации (12 вхождений); вопросы общественного устройства (16) и др. Поскольку наибольшее число коллокаций так или иначе затрагивают проблемы дискриминации, насилия и борьбы, можно заключить, что этничность в СОСА предстает как «проблемная» характеристика – причина и источник социальных конфликтов.

Анализ употребления прилагательного *ethnic* и существительного *ethnicity* в корпусах СОНА и СОСА двух временных срезов позволяет сделать вывод об историчности категории этничности, значительной роли социально-политического (идеологического) контекста в ее осмыслении и об увеличении удельного веса культуры как концептообразующего признака этничности.

Исследование материала корпусов подтверждает тенденцию к «диаспоризации мира» как об одном из сценариев развития человечества» [Лопарев, Яценко, 2011: 122]. Речь идет о стремительном росте иммигрантских сообществ и их институционализации, языковой иллюстрацией которой могут служить, в частности, результаты анализа лево- и правосторонней сочетаемости лексем *American* и *Americans*. Так, в текстах СОСА за 2010-2011 гг. выявлено 63 коллокации с лексемами *American* и *Americans* в качестве главного слова и этномаркированными прилагательным в адъективной позиции: *African Americans*, *American Indians*, *Native Americans*, *Mexican Americans*, *Arab Americans*, *Hispanic Americans*, *Asian Americans*, *Japanese Americans*, *American Jews*, *Haitian Americans*, *European Americans* и т.п. Дальнейший анализ подобных сочетаний, составивших в сумме 1769 вхож-

дений, показал, что в материалах корпусов многие наименования диаспор или этнических групп оказываются сопряженными с определенной «тематикой» – преступность, неграмотность, бедность, безработица, нелегальная иммиграция, терроризм и др. Выявленная тенденция свидетельствует о языковом (вос)производстве процесса этнизации социальных групп, одним из проявлений которого является, например, отмечаемая многими исследователями соотнесенность понятий ‘араб’, ‘мусульманин’ и ‘террорист’ (ср.: *I interviewed Muslim and Arab Americans in early days after Sept. 11, who freely admitted that they, too, looked at other Arabs or Muslims in a new way at airports*), ставшая следствием глобального распространения дискурса войны с террором после событий 2001 г. в США.

В корпусах содержатся и другие свидетельства названного процесса. Так, этноним *Latin(o) American(s)* (176 вхождений) чаще всего регистрируется в контекстах о нелегальной иммиграции (75%): *Once in Central America, these immigrants join the thousands of Latin Americans who make the treacherous journey to the Mexican-US border*. Этноним *African American(s)* (643 вхождения) регистрируется преимущественно в контекстах, связанных с неграмотностью, бедностью и социальным неблагополучием (73,3%): *A strengths-based parenting intervention with low-income African American families; In writing whites did just about as well as Asian Americans (two points higher) and considerably better than African Americans (94 points higher). Exploring how school counselors position low-income African American girls as math and science learners*.

В контекстах с этногибридом *Mexican American(s)* (48 вхождений) акцентируется неграмотность (20,8%), нищета, безработица и злоупотребление алкоголем (14,5%): *Acculturation and disordered eating patterns among Mexican American women; Family and peer influences on Mexican American adolescent alcohol use*. А выходцы из Сомали (*Somali (Somaliborn) American(s)*) (3 вхождения) в материалах корпусов соотносятся

с преступностью (терроризмом) (2 вхождения) и безработицей (1 вхождение): *Somali Americans have the highest unemployment rate among East African diasporas in the United States and the lowest rate of college graduation; U.S. officials devising social programs for Somali American youth can learn not only from previous anti-gang efforts in the United States but also from the experiences of*

European governments and their efforts to lure lower-achieving immigrant youth away from gangs and terrorist groups.

Таким образом, анализ корпусов углубляет представления о роли лингвистических и социокультурных факторов в концептуализации этничности, подтверждая ключевую роль языка как средства конструирования социального мира.

Литература

Барина А.О. Репрезентация этничности в английской лексикографии // Вестник НГЛУ. Выпуск 16. Язык и культура, 2011. – С.11 – 18.

Глобализация–этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 кн./ Коллективная монография / Отв. ред. Немищенко Г.П. // Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006. Кн.1. – 2006. – 486 с.

Гриценко Е.С., Кирилина А.О., Лалетина А.О. Методологические аспекты изучения языка и глобализации в зарубежной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. VIII. Проблемы языкового сознания. Материалы международной конференции 15 – 17 сентября 2011 М.: Ин-т языкознания, Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Державина, 2011. – С. 55 – 58.

Гриценко Е.С., Сергеева М.В., Барина А.О. Динамика этничности и гендера в англоязычном лексикографическом дискурсе // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы. Материалы международной научной конференции, Москва, 17-18 ноября 2011.– М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 145-146.

Лалетина А.О. Глобализация как объект лингвистических исследований // Политическая лингвистика № 3 (37), 2011. – С. 39-46.

Лопарев А., Яценко И. Этнополитические процессы в России и проблема глобальной диаспоризации мира // Власть. № 3, 2011. – С. 122. The Corpus of Contemporary American English // Электронный ресурс Интернет: <http://corpus.byu.edu/coca/>

ALDCE 2nd ed.: A.S.Hornby, E.V.Gatenby, H.Wakefield. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. 2nd edition, 1963. Oxford University Press, 1972. – 1214 p.

The Corpus of Historical American English // Электронный ресурс Интернет: <http://corpus.byu.edu/bnc/>

Partington A. 'Utterly content in each other's company': Semantic prosody and semantic preference // International Journal of Corpus Linguistics. – №9:1, 2004. – P. 131 – 156.

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ¹

В статье анализируется языковая ситуация в российских филиалах двух международных корпораций. Описываются использование английского и русского языков в формальной и неформальной коммуникации на рабочем месте и соответствующие языковые идеологии. Путем опросов (анкетирования) сотрудников и методом включенного наблюдения выявлено, что при декларируемом равенстве английского и русского языков, имеет место статусное превосходство английского языка, обладающего более высокой престижностью. Особенностью общения в неформальной сфере является креолизованный профессиональный жаргон – гибридный язык, используемый русскоязычными сотрудниками как маркер профессиональной (корпоративной) идентичности в условиях, когда английский имеет статус лингва франка. Анализируются психологические и социолингвистические причины активного использования английских слов в русскоязычной неформальной профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: языковые контакты, глобализация, профессиональная коммуникация, языковая гибридизация, идентичность.

Elena S. Gritsenko, Alexandra O. Laletina

MULTILINGUALISM IN PROFESSIONAL COMMUNICATION

The paper focuses on professional discourses in Russian offices of two international companies. The purpose of the study is to describe language practices in formal and informal professional settings and to identify language ideologies underlying workplace practices not defined by organization policy. While drawing on the language contact research and studies of language in the workplace from sociolinguistics and discourse studies, the analysis reveals the formally declared equality of the Russian and English languages and the undeclared superiority and prestige of the English language. One of the most salient characteristics of workplace conversations is the evolvment of the creole professional slang with English as a lexifier-language and Russian as a recipient language that provides phonological, morphological and syntactic foundation. The hybrid language serves as a distinct marker of the Russian professional identity in the English lingua franca workplace. Although most employees are bilingual and capable of easily switching languages, a set of psychological and sociolinguistic reasons motivates extensive use of English in informal settings.

Key words: language contacts, globalization, professional discourse, language hybridization, identity.

---

¹ Статья подготовлена в ходе выполнения НИР «Глобализация и язык: социолингвистический анализ языковой ситуации на материале русского, английского и немецкого языков» в рамках НОЦ междисциплинарных исследований языка и культуры ФГБОУ ВПО НГЛУ при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

Исследования языка и глобализации, начавшиеся относительно недавно, охватывают все более широкий круг вопросов и явлений. Активные процессы в языке анализируются на разных уровнях системы (фонетика, морфология, лексика, синтаксис), с позиций языковой и образовательной политики, в аспекте языкового сознания и городской повседневности. Взаимодействие лингвистических и глобализационных факторов влияет на социальную базу функционирования языков, приводит к изменениям в предметном поле и категориальном аппарате лингвистики. Активно дискутируются трансформации русского и ведущих европейских языков в контексте толерантности и безопасности. Исследуются глобализационные инновации в языковых контактах, языковой ситуации, коммуникативном статусе языков и связанных с ними языковом варьировании и норме. Все большее внимание уделяется системному осмыслению социолингвистических процессов с позиции того, какие данные об обществе можно получить путем анализа структур языка. Речь, в частности, идет об идеологической основе языковой вариативности, которая проявляется в использовании языка как средства манифестации групповой принадлежности, создания статуса, демонстрации престижа, разграничения своего и чужого и др. Особый интерес в этой связи представляет формирование новых зон двуязычия, к которым можно отнести и международные корпорации на территории России.

Языковая ситуация в профессиональной сфере (на рабочем месте) до настоящего времени практически не исследована в отечественной лингвистике, хотя приход в Россию многочисленных иностранных компаний и почти повсеместная востребованность английского языка на рынке труда – одно из наиболее ярких проявлений глобализации.

В зарубежной лингвистике вопросы взаимодействия языков в международных

корпорациях анализировались в социолингвистическом и социоконструктивистском ключе. Примером первого подхода могут служить работы Брит-Луиз Гунарссон, рассматривавшей особенности языковой политики и практики использования английского, шведского и финского языков в международных корпорациях АВВ, Scania, Electrolux, Ericsson, Astra Zeneca в скандинавских странах [Gunnarsson 2009]. Второй подход иллюстрируют исследования Кин Зан, которая анализирует, как просодия и стилизация используются в целях конструирования профессиональной (деловой) идентичности сотрудниками государственных (местных) и международных (зарубежных) предприятий в Китае [Zhang Qing 2005: 431 – 466].

Исследования показывают, что значимость того или иного коммуникативного и/или когнитивного механизма, оказывающего влияние на языковую материю, зависит от конкретной ситуации языкового контакта. Варьируют и представления о норме, а также о психологических границах родного языка.

В статье анализируются социальные и психологические особенности взаимодействия языков на примере языкового контакта в офисах российских представительств двух крупных международных компаний, работающих на рынке программного обеспечения и аудиторских услуг. Общим для обеих компаний являются:

- их иностранное происхождение (учреждены за пределами РФ и республик бывшего СССР);
- начало глобальной деятельности (1970-е годы);
- время прихода на российский рынок (начало 1990-х);
- активная работа во многих странах мира (одна из компаний располагает офисами в 150 странах, вторая – имеет собственные представительства в 26 странах и работает с поставщиками из более чем 100 государств).

Объединяющим для обеих компаний является также выбор английского языка как основного средства внутрикорпоративного общения.

Рассматриваемые организации представляют два пути исторического выбора внутрикорпоративного языка: (1) язык страны учредителя и (2) язык международного общения. Одна из компаний основана и осуществляет большую часть своей деятельности на территории США. Вторая создана путем слияния нескольких фирм и отдельных компаний-членов из различных стран, имеет штаб-квартиру в одном из государств Европы и зарегистрирована по европейскому законодательству. Очевидно, что выбор языка внутрикорпоративного общения в последнем случае в значительной мере продиктован преимуществами, которые предоставляет английский язык, и связан с его коммуникативным статусом.

Следует отметить, что наряду с глобализацией сферы деятельности (расширение территории), обе компании нацелены на учет местной специфики, адаптируясь в той или иной мере к локальным языковым и культурным практикам. Об этом свидетельствует и возможность выбора языка на сайте компании. Информация об организации, ее продукции и услугах представлена как на главном «глобальном» сайте (на английском языке), так и на многих локальных (на языках стран, где расположены филиалы).

При этом наличие калек («Узнай больше», «Избранные примеры проектов») и использование английских слов для заполнения лексических лакун (раздел «Alumni») в текстах русскоязычного сайта показывает, что он является переводной копией базовой англоязычной версии, что, в свою очередь, подтверждает корпоративный статус английского языка как лингва франка. Не случайно, независимо от первоначального выбора языка и страны сайта, раздел «Вакансии» в той и другой компаниях, предлагает заполнить анкету соискателя на английском языке и, таким образом, ин-

дексирует владение английским языком как одно из основных требований для приема на работу.

Вместе с тем, отмечены случаи, когда выбор языка на сайте диктуется прагматикой рынка. Например, главная страница и раздел «магазин» украинского сайта компании-производителя программного обеспечения представлены на украинском языке, в то время как гиперссылки на описание продукции – на английском или русском языках.

Практика ориентации на покупателя/клиента при выборе языка корпоративного сайта используется и другими международными компаниями. Так, информация на сайте нью-йоркского офиса о России и СНГ (New York Russia and CIS desk) компании Deloitte представлена только на русском языке, что, очевидно, продиктовано стремлением обеспечить максимальные удобства поиска информации для клиентов – российских компаний, работающих на территории США. Примером влияния рыночных механизмов на языковую политику можно считать англоязычные и двуязычные указатели в помещениях одной из крупных нижегородских компаний-разработчиков программного обеспечения: 1L14A (1L – первый этаж, левое крыло ряд 14, место А); «3L23 Конференц-зал», но «OL26 Enterprise core lab. Restricted area» и т.п. По словам сотрудников, это сделано для удобства приезжающих в офис зарубежных клиентов и партнеров.

Исследование языковой ситуации в нижегородских представительствах международных корпораций проводилось методом включенного наблюдения и опроса. В результате были выявлены лингвистические особенности коммуникации на рабочем месте, причины и принципы выбора языка общения и идеологические позиции в отношении языка.

Ситуация языкового контакта в российских офисах международных компаний может быть охарактеризована как диглос-

сия с обязательным русско-английским билингвизмом². Диглоссия осложнена двуязычием в высокой коммуникативной среде (Табл. 1). Под высокой средой в данном случае понимаются ситуации внутрикорпоративного формального общения; низкая среда представляет собой неформальное общение между сотрудниками на рабочие и бытовые темы.

Английский и русский являются официальными языками, на которых ведется документооборот и осуществляется внутрикорпоративная коммуникация. Равный статус русского и английского языков декларируется их параллельным использованием в ряде коммуникативных сфер – составление трудового договора с сотрудниками, внутрикорпоративная коммуникация (корпоративный электронный вестник новостей, обращение высшего руководства компании ко всем сотрудникам и проч.). Фактическое доминирование английского языка, выявленное в ходе исследования определяется рядом факторов. Во-первых, итоговая отчетность о деятельности всех филиалов компании предоставляется на английском языке. Программное обеспе-

чение и программный продукт также представлены на английском языке. Во-вторых, использование английского языка необходимо во всех случаях взаимодействия с подразделениями или отдельными сотрудниками, не знающими русского языка и/или работающими в других территориальных представительствах. Выбор английского языка в качестве лингва франка профессионального общения позволяет сократить расходы на перевод документов и оптимизировать совместную работу по времени. И, наконец, частью внутрикорпоративного обучения и повышения квалификации сотрудников являются курсы английского языка за счет компании и в рабочее время. Дальнейшее обучение профессиональным навыкам, например, принципам работы по программе АССА (Association of Chartered Certified Accountants) ведется исключительно на английском языке.

Языковая политика компаний реализуется не в форме нормативных актов, предписывающих использование того или иного языка (хотя наличие таковых опрошенными не исключается), а объясняется при инструктировании новых сотрудников

Таблица 1. Двуязычие в высокой коммуникативной среде.

	Тип языка (субязык)	Тип коммуникативного взаимодействия
Высокий язык	Литературный английский язык/ литературный русский язык	Официальные документы, переписка между сотрудниками, переговоры, официальные встречи
Низкий язык	Разговорный русский язык/ креолизованный профессиональный жаргон	Неформальное устное общение между сотрудниками на рабочие и бытовые темы

² В лингвистической литературе термины «билингвизм» и «диглоссия» употребляются как в узком, так и в широком понимании, и зачастую используются как синонимы. Разграничение понятий основывается на отношениях между контактирующими языками и их социальном статусе. Традиционное определение билингвизма предполагает «одинаковое совершенное владение двумя языками», а диглоссия трактуется как «владение двумя языками, применяемыми в разных условиях общения, напр. родным диалектом и литературным языком». Диглоссия, по мнению Ч. Фергюсона и Дж. Фишмана [Ferguson 1971], [Fishman 1967], является средством институциональной поддержки билингвизма и затрагивает разграничение на «высокий» и «низкий» язык как отражение «высокой» и «низкой» сфер коммуникации.

(«При приеме на работу мне сообщили, что официальный язык в компании – английский, все файлы, отчеты, которые мы готовим, обязательно должны быть на английском языке»), усваивается в процессе трудовой деятельности как требование системы («большинство внутренних систем и программ рассчитаны на использование только английского языка») и норма профессионального этикета («Существует ряд негласных правил. Согласно одному из них, ответ на письмо должен быть составлен на том же языке, что и текст отправленного письма. По другому правилу, различного рода запросы – к ИТ-поддержке, к менеджеру и т.п. - так же составляются на английском языке. Нарушение этих правил не влечёт за собой каких-либо дисциплинарных взысканий, а является, скорее, дурным тоном»).

Все должностные инструкции, регламенты и описания в обеих компаниях существуют только на английском языке. Часть документации создается на русском языке в случаях, если это обусловлено требованиями российского законодательства (например, договоры оказания услуг составляются на двух языках, поскольку они нужны при проверках налоговой инспекции).

Сотрудники обеих корпораций используют английский язык во всех случаях письменного и устного общения с участием иностранных партнеров (на совещании, в личной беседе, по телефону). Официальная переписка ведется только на английском языке (объявление, оповещение, вопрос, отчет, задание). Это связано с тем, что иностранные коллеги всегда могут запросить ту или иную переписку, которая должна быть им понятна. Русский язык используется в устном общении с российскими коллегами

(на совещании, в личной беседе, по телефону), а также в письменной форме (приглашение пойти в столовую, поздравление с днем рождения, консультация у российского коллеги по рабочему вопросу и проч.). Русский язык может также использоваться в общении с сотрудником-иностранцем, который изучает его и предпочитает общаться по-русски.

Функциональные обязанности сотрудников того или иного подразделения компании определяют глубину вхождения английского языка в рабочую среду и тип билингвизма (продуктивный vs рецептивный, симметричный vs асимметричный)³.

Основной штат сотрудников, непосредственно контактирующих с филиалами в других странах, владеет иностранным языком в полной мере для осуществления всех видов речевой деятельности. Определенные категории сотрудников административного штата, в частности, работники бухгалтерии, практически не соприкасаются с английским языком, так как им приходится иметь дело с реалиями российской действительности: порядок ведения учета и отчетности, взаимодействие с другими финансовыми структурами (банками, налоговыми органами) осуществляется в соответствии с российским законодательством. Однако регламентирование внутренней деятельности компании на английском языке требует от всех сотрудников минимального уровня владения английским языком, поэтому билингвизм во вспомогательных службах организации рецептивный и асимметричный.

В неформальных коммуникативных ситуациях наряду с разговорным русским языком сотрудниками широко используются языковые единицы, которые представ-

³ Рецептивный билингвизм имеет место в случаях, когда билингв владеет одним из языков на уровне понимания иноязычной речи на слух и/или на письме, в отличие от продуктивного билингвизма, предполагающего владение обоими языками для осуществления продуктивных видов речевой деятельности (говорение и письмо). Асимметричный билингвизм предполагает, что человек владеет одним языком лучше, чем другим, в отличие от симметричного билингвизма, предполагающего владение обоими языками в равной мере.

ляют собой смешение элементов русского и английского языков. Данные единицы не являются заимствованиями в традиционном представлении, поскольку в основном связаны с профессиональной деятельностью коммуникантов и не известны за пределами коллектива – назначить *митинг* (т.е. встречу); *залочить* компьютер; *забучить конференц-рум*, *уйти в сик* (от англ. sick, т.е. «уйти на больничный»), *за(а)прувить тайм-шит* (ведомость учета рабочего времени), *анпейд лив* (административный отпуск), *пофиксить багу в коде* (устранить ошибку в программе) и т.п.

Ограниченность сферы функционирования, сниженный социальный статус и осознанное использование данного (субъ) языка позволяют отнести его к профессиональному жаргону [Скребнев 1975]. Дополнительным признаком жаргона является возможность кодировать информацию от посторонних. В рассматриваемом случае нет признаков секретного кода, однако поскольку данная разновидность языка используется лишь в контекстах, связанных с профессиональной деятельностью, и непонятна за ее пределами (на что, в частности, указывает реакция новичков, пытающихся первое время переводить незнакомые слова и общаться с другими, используя русские эквиваленты), логично предположить, что описываемый язык является индексом внутригрупповой принадлежности и используется сотрудниками как средство конструирования профессиональной (корпоративной) идентичности.

Социальные причины появления и лексико-грамматические особенности рассматриваемого профессионального жаргона указывают на его креолизованный характер. Традиционно пиджины и креольские языки возникали в условиях межэтнических деловых контактов европейских мореплавателей и торговцев с коренными народами в Юго-Восточной Азии, Океании, Африки, в бассейне Карибского моря. Глобализационные факторы экономической деятельности (стирание национальных

границ), возникновение пиджинов и креолов являются одной из тенденций развития языков, особенно в коммуникативных ситуациях, основой которых является экономическая составляющая (получение прибыли). Характерная лингвистическая особенность пиджинов и креольских языков – уровневое распределение языковых единиц, принадлежащих к разным языкам, ср.: «у пиджина туземные фонетика, грамматика, словообразование и европейская лексика» [Мечковская 2001: 110]. Особенностью профессионального жаргона в российских филиалах международных компаний является интенсивное использование англоязычной лексики в русскоязычной фонетической, морфологической и синтаксической аранжировке (ср.: «*Он сегодня в анпейде*», «*Запрувь свой тайм-шит у инчарджа*»). Очевидно, что в дальнейшем эволюционном развитии рассматриваемого субъекта языка становление коллектива исконных носителей исключено, т.е. субъект языка не перейдет в статус креольского языка в традиционном понимании. Однако стабильность языкового смешения и появление новых носителей (овладение жаргоном новичками) указывают на его креолизацию – анализируемый язык становится неотъемлемой составляющей коммуникации в трудовом коллективе.

Среди мотивирующих факторов использования английских лексем в речи сотрудников российских офисов международных корпораций особую значимость, согласно полученным данным, имеют: (1) заполнение лакун, (2) актуализация более устойчивой лексемы, (3) экономия речевых усилий и (4) эстетическая ценность (социальный престиж).

Отсутствие русских лексем для обозначения профессионально значимых понятий характерно для обеих сфер деятельности (информационные технологии и аудит). Терминологическая система в вычислительной технике создана на базе английского языка, так как именно в США компьютерная техника и технология получили наибольшее развитие, а в дальнейшем

были заимствованы другими странами вместе с соответствующими словами, обозначающими те или иные объекты и процессы. Сфера аудиторских услуг в России начала развиваться в начале 1990-х годов в результате экономических реформ и во многом путем заимствования иностранного опыта ведения финансового учета. До этого времени финансовый контроль осуществлялся государственными ревизионными структурами. Отсутствие сферы аудиторских услуг в названный период обуславливает наличие широкого ряда лексических лакун. Информанты также подтверждают данное обстоятельство, поясняя преимущества использования англоязычных лексем следующим образом: «...*область, в которой я работаю со своими коллегами, относительно новая, и русских аналогов для английских терминов и выражений или просто нет, или они очень длинные и/или не совсем точно передают смысл*».

В ряде случаев даже при наличии полноценного и лаконичного русского термина сотрудники в неформальной беседе отдают предпочтение английским лексемам, объясняя это частотой использования английских терминов в рабочих документах. Другими словами, речь идет об актуализации двусторонних понятий в русской речи лексемами английского языка (двусторонними называют понятия, ассоциирующиеся с лексемами двух языков [Верещагин 1969: 92]). Составление итоговой аудиторской документации и использование англоязычного программного обеспечения (и соответствующих инструкций и описаний) обуславливают устойчивость связи между понятием и английским словом, которая формируется напрямую («в обход» русского языка): «*Я посмотрел, от этого гейна никакого*» и др.

Схожими когнитивными процессам вызван отказ от перевода ключевых слов сообщения. Так, прочитав объявление об отключении электричества на английском языке, сотрудник пересказывает содержание коллеге: «*Завтра будет шатдаун*». Повсеместное знание английского языка

позволяет экономить речевые усилия, которые в данном случае необходимы, чтобы подобрать слово с аналогичным значением в русском языке. Выбор же слов «завтра» и «будет» объясняется их большей частотой в потоке русской речи, чем словосочетаний «отключение электричества» или «отключат свет».

Эстетическая ценность (социальный престиж) английского языка в профессиональном жаргоне отражает общую идеологическую позицию современного российского общества. Терпимое отношение к иноязычным словам в русскоязычном социуме сформировано, по мнению Л.П.Крысина, политическими, экономическими и культурными условиями развития страны и во многом мотивировано таким фактором, как стремление к интеграции с цивилизованными странами [Крысин 2002]. Переоценка социальных ценностей и открытая ориентация на Запад облегчают процесс заимствования иностранных слов. Более того, социальный статус индивида в российском социуме во многом определяется его материальным положением, средством достижения которого служит знание английского языка. Как показывают опросы, именно перспектива достижения материального благосостояния является главным мотивирующим фактором в изучении английского языка [Тер-Минасова 2008]. Таким образом, наблюдается корреляция между высоким социальным статусом и знанием иностранного языка. Другой признак эстетической ценности – способность заимствований к эвфемизации, сглаживанию потенциально негативных коннотаций русского слова. Примером может служить предпочтение английского *cleaning lady* русской лексеме «уборщица».

Когнитивные механизмы интерференции, задействованные в создании креолизованного жаргона как разновидности коммуникации в профессиональной сфере включают переключение кода и чередование кода⁴. Переключение кода осуществляется произвольно, все собеседники

владеют обоими языками в необходимом объеме, что облегчает процесс коммуникации. Чередование кода вызвано необходимостью переключаться на иностранный язык, если один из собеседников иностранец, не понимающий русский язык, а в письменной коммуникации, если исходное сообщение написано на английском языке.

Достаточно хорошее владение обоими языками исключает возможность пассивного переноса иноязычных моделей на русский язык, минимизирует возможность адаптации русского языка под языковые модели английского и делает маловероятным целенаправленное влияние как на нормы русского, так и на нормы английского языка. Вместе с этим, возможен перенос моделей русского языка на английский язык как результат следования правилу «X в одном языке = Y в другом языке», также вероятно расширение функций или сферы употребления определенных языковых единиц под влиянием другого языка. Однако для выявления этих тенденций необходимо провести исследование английских и русских текстов, создаваемых сотрудниками компаний и относящихся к высокой коммуникативной сфере (официальные документы, деловая переписка).

Завершая обсуждение проблемы двуязычия в профессиональной коммуникации

в глобальном контексте, хотелось бы выделить следующее:

1. Механизм создания креолизованного профессионального жаргона как формы общения в 'низкой' коммуникативной среде не уникален: он повторяет модели, характерные для неформальной коммуникации в зонах двуязычия, связанных с миграцией – образование специфических языков типа *Kanak Sprak* и *квёля* (жаргон русских немцев-переселенцев из России) [Кирилина 2011(а)], язык русскоязычных эмигрантов в США [Земская 2001, Мельник 2006]. Аналогичные модели характеризуют общение представителей молодежных субкультур в современной России [Гриценко 2012], гибридные тексты рекламы и «переводов-адаптаций», свидетельствующих о «неосознанном восприятии двух языков как единой сущности» [Кирилина 2011(б): 38]. Можно предположить, что мы имеем дело со становлением новой глобальной разновидности гибридных языковых форм на базе локального идиома и английского языка либо на базе локального идиома и языка мигрантов и появлением нового измерения языковой вариативности. Особенностью современного глобального контекста является то, что оба контактирующих языка принадлежат социумам с высоким уровнем развития; высокоразвитыми являются

---

⁴Переключение кода является одним из наиболее изученных механизмов интерференции. Под переключением понимают «использование языковых единиц двух и более языков одним говорящим в пределах одного коммуникативного акта», при этом предполагается, что другие коммуниканты говорят или, по крайней мере, понимают оба языка. Основной функцией переключения кода является замещение лексической лакуны (лексемы одного языка посредством лексемы другого). Одним из дополнительных факторов может быть стремление к эвфемизации. Переключение кода представляет собой механизм, благодаря которому новые формы и новые структурные черты включаются в принимающий язык, после чего это иноязычное вкрапление проходит тот же путь развития, что и внутренние нововведения, например, неологизмы. Как правило, переключение кода ведет к заимствованию лексических единиц, однако зафиксированы случаи и структурных переносов [Thomason 1988].

Чередование кода схоже с диглосным использованием языка, когда выбор языка обусловлен коммуникативной ситуацией. Билингв, например, использует один язык в одной коммуникативной среде или с одной группой коммуникантов, а второй язык – в другой среде или с другой группой адресатов. Интерферентные явления в данном случае осуществляются неосознанно, однако могут приобрести широкое распространение и быть зафиксированными в языке. Гросеан и Соарес подчеркивают, что в речи билингвов не происходит полной деактивации одного из языков, поэтому элементы одного языка проникают в другой [Grosjean 1986].

и сами взаимодействующие языки (имеют письменность, литературу, широкий круг сфер использования). В этой связи важно исследовать не только социальные факторы, но и идеологические (ценностные) параметры конкретных языков, определяющие их статус в общественном сознании.

2. Тенденция к сужению сферы использования русского языка в профессиональной коммуникации характерна не только для российских филиалов транснациональных корпораций, но и для российских компаний, имеющих зарубежные активы и (или) иностранных партнеров. Одна из респонденток, принявших участие в опросе, поделилась опытом работы в такой компании: *«Официальным языком компании, является русский, но внутри направления, в котором я работаю, существуют негласные правила, по которым мы чаще используем английский язык <...> так как коллеги в зарубежных активах по-русски не разговаривают»*. Использование русского или английского языка в устном общении определяется тем, участвуют ли в нем иностранцы. Письменная коммуникация чаще всего ведется на двух языках: в одном и том же письме даются и русский, и английский варианты. При этом *«если есть уверенность, что все участники*

переписки владеют английским языком, то пишем только на английском (обычно это бывает в случае, если пишем не в российские компании Группы)». Внутренние инструкции в управлении готовятся на английском языке, так как *«есть четкая установка на использование английского <...> руководители полагают, что это мотивирует сотрудников к изучению языка»*. Как видим, языковая политика компании поощряет не изучение русского языка сотрудниками зарубежных представительств, а изучение английского языка работниками российских отделений. В перспективе, с учетом англоязычной ориентации российских филиалов международных корпораций, это может привести к сужению сферы функционирования русского языка в профессиональной коммуникации. Хотя существующие на сегодняшний день темпы массового овладения английским языком не дают оснований говорить о возможности скорого вытеснения русского языка английским из профессиональной сферы, выявленная тенденция представляется важной как отражение языковой идеологии современного российского общества.

Литература

Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). – М.: Издательство МГУ, 1969. – 160 с.

Гриценко Е.С. Идеология, идентичность и стиль: глобальное и локальное // Полифония большого города: Сб. научных статей / Под ред. Л.М. Терентия, В.В. Красных, А.В. Кирилиной. – М.: МИЛ, 2012. – С. 141 – 150.

Кирилина А.В. (а) Контакт языков в немецком языковом пространстве // Вестник МИЛ, 2011, №2. – С. 36 – 45.

Кирилина А.В. (б) Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материалы русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики № 1, 2011. – С. 30 – 39.

Крысин Л.П. О русском языке наших дней // Изменяющийся языковой мир. – Пермь,

2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-02.htm>

Мельник Ю.В. Языковая ситуация на фоне глобализации в Украине и в среде постсоветских эмигрантов // Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. в 2 кн. [отв. ред. Г.П. Нещименко]; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006. Кн. 1. – С. 351 – 364.

Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков: Учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических спец-тей. – М.: Флинта; Наука, 2001. – 312 с.

Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учеб. пособие для студ. и аспирантов филолог. специальностей / Ю. М. Скребнев; Мин-во просвещения РСФСР, ГГПИИЯ им. Н.А.Добролюбова. – Горький: Изд-во ГГПИИЯ, 1975. – 174 с.

Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 344 с.

Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.- Вена: Языки славянской культуры, 2001.– 456 с.

Ferguson Ch. Language structure and language use; essays / Charles A Ferguson. Stanford, Calif., Stanford University Press, 1971, 327 p.

Fishman J. Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism // Journal of Social Issues, Vol. 23, 1967. pp. 29 – 38.

Grosjean F. Processing mixed language: some preliminary findings / Grosjean, François, and Carlos Soares // Language Processing in Bilinguals: Psycholinguistic and Neuropsychological Perspectives (Jyotsna Vaid, ed.), Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1986. pp. 145 – 179.

Gunnarsson B.-L. Professional Discourse (Continuum Discourse Series). – London and New York: Continuum, 2009.

Thomason S.G., Kaufman T. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley: University of California Press, 1988. 411 p.

Zhang Qing. A Chinese yuppie in Beijing: Phonological variation and the construction of a new professional identity. Language in Society, 2005. – 34: 431 – 466.

А.О. Лалетина

УДК 808.53 – 81'272

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИДЕОЛОГИИ ЯЗЫКА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
АНАЛИЗ МЕТАЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ ¹**

Статья посвящена анализу доминирующих идеологий языка на российском рынке труда. Рассматриваются идеологические пресуппозиции по отношению к языку как объекту рефлексии. На материале метаязыковой рефлексии в контексте российского рынка труда формулируются основные идеологии языка: язык – профессиональный навык; владение русским литературным языком – особый профессиональный навык; иностранный язык – это дополнительный доход с позиции соискателя и наличие положительных личностных качеств потенциального сотрудника с точки зрения работодателя.

Ключевые слова: глобализация, идеология, русский язык, иностранный язык, экономическая ценность языка, профессиональная сфера.

A.O. Laletina

**GLOBALIZATION AND LANGUAGE IDEOLOGIES
IN CONTEMPORARY RUSSIA:
ANALYZING METALINGUISTIC REFLEXIVITY
IN PROFESSIONAL DISCOURSE**

The article analyzes language ideologies dominant in the Russian labour market. Ideological presuppositions about language as an object of reflexivity are the primary focus of the research. The following ideologies are singled out: language competence is a professional skill, standard Russian competence is an exclusive skill, job applicants see foreign language competence as a source of higher earnings, while employers regard foreign language proficiency as a marker of positive personal characteristics.

Key words: globalization, ideology, Russian language, foreign language, economic value of language, professional discourse.

---

¹ Статья подготовлена в ходе выполнения НИР «Глобализация и язык: социолингвистический анализ языковой ситуации на материале русского, английского и немецкого языков» в рамках НОЦ междисциплинарных исследований языка и культуры ФГБОУ ВПО НГЛУ при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

Изменения в жизни общества неминуемо сопровождаются переосмыслением ценностной системы и трансформацией общественного сознания. Одним из основных элементов общественного сознания являются представления о языке (языках), их роли и функциях в жизни лингвокультурного сообщества. Современный этап развития общества характеризуется целым рядом глобальных тенденций, наиболее значимыми из которых являются: экономическая и политическая интеграция, проявляющаяся в становлении транснациональных корпораций и ослаблении суверенитета национальных государств; рост населения Земли (в абсолютных и относительных величинах) и интенсивная миграция, ведущая к становлению мультикультурных сообществ; создание планетарных средств массовой информации и коммуникации и т.д. Синхронность и динамизм данных процессов дают основание характеризовать глобализацию как социокультурный сдвиг [Иванов 2002:3], который, помимо изменений в социальной среде, влечет за собой пересмотр основных ценностей в глобализационном ключе.

Глобализация служит контекстом переосмысления как научной модели языка, так и обыденных представлений о языке. Так, возросшая мобильность и коммуникация стоят в центре «социолингвистики ресурсов» - новой теоретической модели языка Дж. Бломмерта [Blommaert 2010: 20]. Язык в глобальном обществе, по Дж. Бломмерту, представляет собой набор мобильных транслокальных оперативных ресурсов. Исследования динамики представлений о языке рядовых граждан в условиях глобализации представлены незначительным числом работ и затрагивают лишь вопросы, связанные с выходом английского языка за пределы англоязычных стран, в первую очередь Великобритании и США [Flaitz 1988, Seargeant 2009, Park 2009]. Вместе с этим анализ концептуализации языка в общественном сознании позволяет не только выявить статус определенного языка в жизни человека в рамках того или иного социума, но и рас-

крыть основы понимания собственного «Я» (коллективного «Мы») как участников общественной жизни. Так, национальное самосознание и стремление закрепить узнаваемость «своей» социальной группы лежит в основе языковой идеологии и политики многих государств на постсоветском пространстве.

На основании металингвистической рефлексии в современном российском обществе представляется возможным сформулировать основные положения существующих в российском обществе идеологий языка. Под идеологией языка понимается «набор представлений о языке, сформулированных говорящими на этом языке как обоснование или оправдание существования данной языковой структуры или ее употребления» [Silverstein 1979: 193]. Отправной точкой рассуждений лингвистов-антропологов, введших данный термин в научный оборот, является понимание того, что изучение самого кода недостаточно для того, чтобы объяснить, как работает социальная функция языка. «Чтобы понять, как речь становится эффективным социальным действием, мы должны систематизировать описание отношений сосуществования между элементами речи и контекстом речи» [Silverstein 1979: 205]. Для описания этих отношений, М. Сильверстейн использует терминологию Ч. Пирса и вводит понятие «индексальность» - идеологический аспект языка, который и служит индикатором конкретной пресуппозиции об употреблении определенной языковой единицы.

Как отмечает К. Вулард [Woolard 1998], анализ идеологии языка может вестись в двух направлениях: во-первых, изучение реализации символического значения в конкретных стратегиях регулирования языка и соотношение этих стратегий с другими формами социальной практики; во-вторых, изучение влияния идеологии языка на употребление языка, на метапрагматику конкретного социолекта или варианта языка.

Многомерность языковой идеологии, по мнению П. Кроскрити [Kroskrity 2004: 501], заключается в сочетании следующих

характеристик: идеология выражает индивидуальные или групповые интересы; идеологии множественны; говорящие всегда в той или иной мере осведомлены о языковой идеологии; идеология выполняет посредническую функцию между общественными структурами и видами языковой практики; языковая идеология играет важную роль в конструировании идентичности. Представления членов социума или отдельной группы внутри социума о том, что является «хорошим», «правильным» по отношению к языку, и соответствующий дискурс основаны на общественном опыте и зачастую обусловлены политическими и экономическими интересами. Язык служит механизмом защиты, оправдания и поддержания этих интересов. Так, полемика вокруг использования метагендерного местоимения «he» в американском социуме является проявлением не столько различных представлений о корректном использовании языка, сколько политической борьбы отдельных социальных групп за свои права на «включение» в общественную жизнь. Множественность идеологий обусловлена разнородностью общества, в котором каждая социально значимая группа формулирует свои взгляды на язык. Говорящие при этом сопоставляют свой социокультурный опыт с лингвистическими и дискурсивными ресурсами, наделяя языковые формы индексальным значением, которое связано с характеристиками их социокультурного опыта. Экпликация этих индексальных значений служит средством натурализации границ социальных групп и обеспечивает продуктивность языковой идеологии в создании и репрезентации различных социальных и культурных идентичностей.

Таким образом, концепция языковой идеологии объединяет когнитивный, психолингвистический и социоконструкционистский подходы. Изучение метапрагматики языковых единиц, их культурной специфики и концептуализации языка в общественном и индивидуальном сознании является одной из основных задач когнитивной лингвисти-

ки и психолингвистики, в то время как роль языка как средства конструирования реальности наиболее широко представлена в работах школы критического дискурс-анализа.

Настоящая работа представляет собой попытку проанализировать параметры концептуализации языка в российской профессиональной среде: исследуются контексты упоминания языка, ассоциации, вызванные конкретным языком, и рефлексия какой-либо деятельности, связанной с изучением или использованием языка. Материалом исследования послужили тексты электронных СМИ, посвященные проблемам языка в трудовой деятельности; объявления о вакансиях, обзоры рынка труда, результаты опросов, проведенных среди посетителей порталов по трудоустройству, опросы нижегородских студентов и интервью с сотрудниками одного из крупных российских кадровых агентств.

Обращение к профессиональному дискурсу обусловлено рядом факторов. Во-первых, работа как оплачиваемый труд является одним из основных аспектов жизнедеятельности современного человека, следовательно, на рабочем месте во многом совершается выработка общей идеологии языка. Во-вторых, жизнь в глобальном обществе во многом строится на основе рыночных отношений, а экономические показатели все чаще становятся критерием качества. Более того, идеология как система идей и мнений всегда последовательна в рамках конкретного общества или социальной группы. Следовательно, идеология языка на рабочем месте соотносима и сопоставима с представлениями о языке в других областях: например, в быту, в (само)образовании, научной деятельности и т.д. Совокупность вышеперечисленных признаков общественной жизни позволяет предположить, что анализ профессиональной среды позволяет получить достаточно объективную картину оценок и суждений о языке, преобладающих в настоящее время в российском обществе.

Объектами метаязыковой рефлексии в современной российской действительности

являются русский и иностранный языки. Рост национального самосознания в ряде регионов и вместе с ним повышенное внимание к статусу национальных языков не находит значительного отражения в суждениях и высказываниях участников трудовой деятельности.

Основой идеологии, как русского, так и иностранного языка служит пропозиция «язык – профессиональный навык». Данное понимание природы языка во многом обусловлено длительной историей структуралистского подхода к языку как замкнутой системе знаков; в общественном дискурсе наиболее распространенным было понимание главной функции языка как средства общения. Дж. Бломмерт называет это «артефактным» взглядом на язык, язык рассматривается как артефакт, состоящий из структур с четкой функцией и поддающийся манипулированию [Blommaert 2006: 511-512]. Важным, по мнению автора, является не только факт владения языком, но и возможность влиять на язык, который в данном случае трактуется как языковая компетенция, что зафиксировано в таких типичных выражениях как *«подтянуть английский», «совершенствовать знания английского языка»*.

В российской профессиональной среде владение языком приобретает особое значение, при этом речь идет не только об иностранном, но и о русском языке. Так, категорией по умолчанию признается владение русским языком гражданами страны, занятыми в трудовой деятельности. К трудовым мигрантам, согласно проекту нового Федерального закона, предъявляется требование знать русский язык *«хотя бы на базовом уровне»* [Поясн. записка к проекту]. Ориентируясь на языковую политику других государств, Государственная Дума РФ разработала ряд законодательных поправок, обязывающих иностранных граждан при найме на работу предоставлять документ, подтверждающий владение русским языком. Обоснованием для реализации данного направления языковой политики является

защита прав иностранных граждан, предоставление им возможности *«полноценно адаптироваться к культурным и социальным условиям страны»*, поддержание социальной стабильности и безопасности принимающего общества. Защита и поддержание стабильности государственного языка всегда является проявлением идеологии национальной (этнической) идентификации. Законодательная практика в данном случае направлена на легитимизацию сложившихся в социуме убеждений. В глобализационном ключе рост национального самосознания является одним из процессов, сопровождающих интенсивную интеграцию в области экономики и политики [Grin 2001]. Дополнительные меры по сохранению статуса государственного языка и предупреждению ксенофобских настроений являются следствием сужения сферы использования русского языка, который перестает восприниматься как обязательный навык полноценного участия в общественной жизни; владение русским языком *«хотя бы на базовом уровне»* служит юридическим механизмом поддержания дихотомии «свой» – «чужой».

Другим аспектом идеологии языка как профессионального навыка является включение общелингвистических компетенций в список требований к кандидату на замещение вакансии, напрямую не связанных с различными видами речевой деятельности (преподаватель, переводчик, редактор, корректор и пр.). Так, *«коммуникативные навыки», «коммуникативные способности», «презентационные навыки», «грамотная речь», «умение вести переговоры», «навык/опыт ведения переговоров», «умение логично и последовательно излагать свои мысли», «опыт в оформлении различных документов», «навыки бизнес-переписки»* входят в разряд обязательных качеств для соискателей на должности любого звена организации, как-то: руководитель проекта регионального развития, директор, руководитель группы продаж, торговый представитель, менеджер по продажам, офис-менеджер, декоратор, менеджер по работе с клиентами,

консультант по работе с персоналом, инженер, специалист контактного центра, специалист отдела закупок, продавец-консультант, кассир-операционист, хостес (в кафе-клуб). Традиционным объяснением формирования коммуникативной компетенции как самостоятельного профессионального навыка служит структура российского рынка труда. Действительно, большинство из вышеперечисленных профессий относятся к сферам торговли и предоставления услуг, в том числе услуг по работе с клиентами (клиентскому сопровождению, или клиентской поддержке бизнеса). Эффективность деятельности, критерием которой является объем прибыли в краткосрочной (продажа) или долгосрочной перспективе (сохранение клиентской базы), в конкурентной глобальной экономике зависит во многом как от убедительности аргументов, приведенных в пользу компании или товара, так и от общего впечатления клиента в результате коммуникации с представителем организации. Должностные обязанности новых «коммуникативных» профессий включают в себя *«консультации покупателей по товару», «мотивирование на покупку», «переговоры с прямыми заказчиками (сотрудниками/ с первыми лицами компаний)», «поддержка отношений с уже имеющимися корпоративными клиентами - встречи, выезды к клиентам, переговоры», «проведение презентаций», «участие в выставках», «информационная поддержка клиентов компании».* Необходимость привлечения и удержания внимания клиента выражается также в эксплицитном требовании к внешности (*«приятные (хорошие) внешние данные», «презентабельная внешность»*) и личностным качествам кандидата (*ответственность, оперативность, гибкость, системность, заряженность на результат, бойцовский дух, амбициозность, энергичность, позитивность, самостоятельность, активность и др.*). В целом, выделение коммуникативных навыков в отдельную группу профессиональных умений является одним из направлений развития глобальной экономики: увеличение доли сектора услуг, а, сле-

довательно, и количества интеракций с другими участниками рынка. [Cameron 2000]. Более того, в эпоху роботизированных систем коммуникации, призванных минимизировать расходы, возрастает значимость межличностного общения с клиентом, что в свою очередь и накладывает свои требования к соискателям.

Однако, на фоне положительного образа современного российского служащего, диссонансом звучат требования, раскрывающие суть понятия *«коммуникативные навыки»* и свидетельствующие о негативных тенденциях снижении общего уровня грамотности экономически активного населения и актуализации идеологии сохранения русского литературного языка. В данном случае речь идет не о направлениях развития русского языка и полемике вокруг арготизации (вульгаризации) речи или обилия заимствованных (преимущественно из английского языка) слов. На первое место работодатели ставят вопрос об общих учебных умениях и навыках, которыми, как предполагает система образования, должен владеть каждый выпускник средней школы и, тем более, высшего учебного заведения. Так, к общеучебным умениям, востребованным на рынке труда, относятся: *«умение логично и последовательно излагать свои мысли», «умение усваивать и ориентироваться в большом объеме информации», «способность грамотно предоставлять информацию».* Именно грамотность, как умение излагать свои мысли в соответствии с нормами литературного языка, чаще всего упоминается в ряду уточнений понятия *«коммуникативные навыки»:* *«чистая речь», «грамотная русская речь», «речь правильная, беглая, активная», «грамотная, хорошо поставленная речь», «грамотная речь (письменная, устная)».*

С точки зрения анализа идеологических посылов, определяющих выбор языковых единиц и их интерпретацию в данном социокультурном контексте, включение грамотности в объявление о вакансии является результатом когнитивного профилирования.

Отсутствие данного элемента означало бы включение по умолчанию, другими словами, эксплицитное требование грамотности позволяет говорить о том, что данной характеристикой обладает лишь часть соискателей, несмотря на наличие высшего образования. Убеждение в том, что качество высшего образования в современной России неуклонно снижается, также находит свое отражение в объявлениях о вакансиях. Так, работодатели указывают, что *«предпочтение отдается выпускникам ведущих ВУЗов»*, зачастую приводится перечень «ведущих» учебных заведений. Например, на должность молодого специалиста, в круг обязанностей которого входит *«работа с локальными розничными сетями, поддержание и расширение клиентской базы, проведение переговоров с работающими и потенциальными контрагентами холдинга»*, принимаются *«выпускники ведущих ВУЗов РФ (МГТУ им. Н.Э.Баумана, МГУ им. М.В. Ломоносова, МИФИ, МФТИ, МАИ, МАМИ, МАТИ, МЭИ, МАДИ)»*. Возможно, установка на то, что образование, полученное в университетах с долгой историей, является конкурентным преимуществом, характерна только для столичного региона. Однако, думается, что данная идеология в будущем получит повсеместное распространение.

Владение иностранным языком рассматривается на российском рынке труда в экономических категориях: «иностранное знание – дополнительная прибыль», «иностранное знание – хорошая инвестиция» и «иностранное знание – конкурентное преимущество».

Вопрос об экономической ценности языка получил широкое освещение, как в научной литературе, так и в общественном дискурсе. В научный оборот был введен термин «коммодификация языка», или превращение языка в товар. Основные дискуссии ведутся в двух направлениях: экономическая выгода билингвизма [Heller 2011] и коммуникативный статус различных языков в контексте распространения английского языка [Crystal 2003]. Исследования, выполненные

с помощью как лингвистических [Heller 2011, Lippi-Green 1997], так и экономических [Bloom 1993, Grin 2001, Vaillancourt 1996] методов, подтверждают, что владение иностранным языком является одним из факторов, определяющих рост заработной платы. В условиях современной российской действительности исследование корреляции лингвистической и экономической переменных не проводилось, однако, представление об иностранном языке как инструменте достижения финансового благополучия, относится к числу наиболее распространенных; более того, оно институционально поддерживается и постоянно вербализуется в различных контекстах.

Ведущая роль в воспроизводстве идеи принадлежит средствам массовой информации, которые, в свою очередь, основываются на данных кадровых агентств. Предлагая обзор профессиональных навыков в различных областях, порталы по трудоустройству всегда включают данные о знании иностранного языка. Так, публикации о тенденциях на рынке труда отмечают, что *«требования к знанию английского языка выдвигаются перед соискателями практически во всех сферах бизнеса»*, *«уверенное знание иностранного языка повышает размер зарплаты на 10-30%, при этом конкуренция среди соискателей довольно высока»*, *«без хорошего владения иностранным языком (лучше – двумя) рассчитывать на престижную и высокооплачиваемую работу не приходится»*. Более высокий уровень заработной платы объясняется возможностью работать в *«иностранной или «прозападной» российской компании с иностранным менеджментом, либо в российской компании, ориентированной на иностранных клиентов»*. Интересно, что данное правило распространяется, в том числе и на сферу бытовых услуг: *«Сейчас становятся востребованы охранники со знанием иностранного языка... Причем это касается не только телохранителей, но и «объектных» сотрудников... Зарплата охранников «со вторым языком» на 3-7 тысяч выше, чем тех, кто владеет толь-*

ко родной речью»; «*Специалисты в самых разных отраслях ежедневно сталкиваются с необходимостью что-либо перевести с английского или на английский, прочитать какую-либо информацию на иностранном сайте, ответить на телефонный звонок из-за границы. Совершенно не факт, что те же бармены и официанты не столкнутся с необходимостью обслужить иностранного гостя, курьеры – доставить пакет в иностранную компанию, водители – объехать на таможне».*

Идеология иностранного языка как источника дополнительной прибыли основывается на целом ряде взаимосвязанных явлений и процессов на рынке труда. Первоначальная цепочка причинно-следственных связей включала три элемента: «иностраный язык – зарубежная компания – высокая заработная плата». Логика рассуждений основывалась на неотъемлемых характеристиках явлений: иностранный язык необходим для работы в зарубежной компании, уровень заработной платы в которой выше, чем в аналогичной российской организации. В настоящее время наблюдается упрощение схемы, из которой исключается центральный элемент (зарубежная компания), а иностранный язык, таким образом, становится символом благосостояния.

Достижение финансового благополучия является основным мотивирующим фактором изучения иностранного языка. О натурализации данной идеологии свидетельствуют как медийные тексты («*Что же может заставить нас наконец взяться за иностранный язык? К сожалению, не любовь к испанским спряжениям или стремление читать Гете в оригинале, а мысль об увеличении своей конкурентоспособности на рынке труда и прибавка к окладу»*), так и результаты опроса студентов НГЛУ им. Н.А. Добролюбова и ННГУ им. Н.И. Лобачевского. По мнению студентов разных специальностей (филологи, журналисты, педагоги, психологи, менеджеры, программисты), язык действительно рассматривается как товар и инструмент, как средство достиже-

ния материального процветания. Знание иностранного языка воспринимается как обязательное условие успеха в профессиональной сфере, возможность получить «*престижную, хорошо оплачиваемую работу»* («*не только в англоговорящей компании»*), «*знание английского языка – одно из условий работодателей при приеме на работу»*. Интересно, что карьерные перспективы и высокая заработная плата стоят в одном ряду с высоким социальным статусом («*престижная работа»*», «*престижно знать языки»*).

Специализированные опросы, проводимые порталами по трудоустройству, также указывают на дополнительные смыслы идеологии экономической ценности языка. Знание иностранного языка представляется как конкурентное преимущество, а затраты времени и денежных средств на его изучение – как доходная инвестиция, что в целом вписывается в общую логику рынка, определяющей иерархию ценностей в современном обществе: значимо то, что имеет большую денежную ценность. Так, согласно опросу портала headhunter, 37% респондентов когда-либо посещали языковые курсы, у 55% участников опроса в ближайших планах стоит прохождение языковых курсов, при этом чаще всего респонденты платят за обучение самостоятельно (54% – полностью и 27% – частично).

Специфика работы кадровых агентств служит механизмом поддержания идеологии экономической ценности иностранного языка. Доход и чистая прибыль организации во многом зависят от оклада сотрудника, подбором которого занимается агентство. Следовательно, чем «дороже» специалист, тем выше стоимость услуг по его подбору, стоимость же специалиста определяется его профессиональными навыками, в том числе иноязычной компетенцией.

Согласно Государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования, способность использовать один из иностранных языков для осуществления взаимодействия с партнерами в профессиональной деятельности

входит в общекультурные компетенции специалиста в любой сфере деятельности; фактически иностранным языком в разной мере владеют чуть более половины соискателей. В ходе изучения резюме, размещённых на портале SuperJob.ru, было установлено, что английским языком на базовом уровне и уровне чтения спецлитературы владеет более половины соискателей (55%), навыками свободного общения – только 18 %. Таким образом, обязательность иностранного языка как компонента профессиональной подготовки, популярность языковых курсов и обилие иностранного языка, например, английского, в российском медийном пространстве не гарантируют адекватной языковой подготовки. Изучение иностранного языка требует не только финансовых затрат и времени, но и усердия и трудолюбия со стороны изучающего язык. В данном контексте иностранный язык приобретает особый символический смысл, так как индексирует целеустремленность, трудолюбие, усидчивость и интеллектуальные способности: «строчка в резюме *«English fluent»* или *«upper intermediate»* иногда способна творить чудеса, ведь к вашему свободному общению с иностранными партнерами работодатель мысленно дорисует усердность, хорошую память и системность мышления».

Результаты опроса работодателей также подтверждают данное утверждение: 59% работодателей требуют от соискателя свободного знания английского языка, так как без этого невозможно осуществление прямых должностных обязанностей, в 27% случаев знание языка требуется лишь изредка, а 14% работодателей считают английский язык таким же необходимым атрибутом, как и высшее образование. В объявлениях о вакансии данная идеология чаще всего представлена формулировками: «*знание английского языка приветствуется*», «*английский язык желателен*». Преимуществом соискателей, владеющих иностранным языком, по мнению работодателей, является наличие положительных личностных качеств:

«Специфика не требует. Однако мы будем рады видеть у нас кандидатов, владеющих любым иностранным языком. Замечено, что такие люди более эрудированны и общительны, в отличие от не владеющих иностранными языками».

С целью проверки достоверности и степени распространенности данной идеологии в рамках настоящего исследования были проведены интервью с сотрудниками одного из ведущих кадровых агентств. Консультанты по подбору персонала констатируют, что в ряде случаев речь действительно идет о минимальном знании языка (*«иногда придется два слова сказать на языке»*) или о потенциальном карьерном росте работника, «*сфера обязанностей которого будет включать некий объем иноязычной коммуникации*». Однако в большинстве случаев знание иностранного языка имеет символическое значение: такой кандидат «*чуть более образован, усидчив, интеллектуален, готов к пониманию западной культуры*»; знание языка «*говорит о том, что человек в принципе целеустремленный, тянется к новым знаниям, дисциплинированный*»; иностранный язык «*расширяет границы человека и его талантов*». Примечательно, что, по мнению рекрутеров, другие дополнительные квалификации, например, второе или третье высшее образование, менее важны: из двух кандидатов «*предпочтение отдает тому, у кого одно высшее образование, но есть знание языка*».

Вышесказанное позволяет констатировать, что ввиду глобальных процессов в российском обществе наблюдается пересмотр существующей идеологии языка и выработка новых коллективных представлений о языке. Главной особенностью современной метаязыковой рефлексии является признание роли языка в социальных процессах; язык рассматривается как неотъемлемая составляющая политической жизни общества, в первую очередь поддержания единства социокультурного пространства, вместе с этим языковая идеология и языковая политика выполняют функцию ре-

гулятора экономических отношений. Вос-
 требованность литературного русского
 языка индексирует актуальность идеологии
 языковой нормы как необходимым усло-
 вии эффективного взаимодействия внутри
 общества, вербализация данной идеи есть
 первый шаг к изучению социального фено-
 мена самим обществом (саморефлексии) и
 разработке мер по изменению социальной
 реальности. Дальнейшее изучение идеоло-
 гии языка может и должно быть продолжено
 в первую очередь с точки зрения того, как
 различные представления о языке служат
 средством натурализации границ социаль-
 ных групп и конструирования социальной
 идентичности.

Литература

- Иванов Д.В.* Эволюция концепции глобализации // Телескоп, 2002. – №4. – С. 3-14
- Blommaert J.* Language Ideology // Encyclopedia of Language and Linguistics (Second Edition) / Brown K. (editor-in-chief). – Vol. 7. – Boston: Elsevier, 2006. – P. 510 – 522
- Blommaert J.* The sociolinguistics of globalization – Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press. – 2010. – 213 p.
- Bloom D.* Language, employment, and earnings in the United States: Spanish-English differentials from 1970 to 1990. - Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, 1993. – 24 p.
- Cameron D.* Good to Talk? Living and Working in a Communication Culture. – London: Sage Publications, 2000. – 213 p.
- Crystal D.* English as a Global Language (Second Edition). – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
- Flaitz J.* The Ideology of English: French Perceptions of English as a World Language. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. – 225 p.
- Grin F.* English as economic value: facts and fallacies // World Englishes, 2001. – № 20 (1). – P. 65-78
- Heller M.* Paths to Post-Nationalism: A Critical Ethnography of Language and Identity. – New York: Oxford University Press, 2011. – 223 p.
- Kroskrity P.* Language Ideologies // Companion to Linguistic Anthropology / Duranti, A. (ed.) – Malden, MA: Blackwell Pub, – 2004. – P.496-517
- Lippi-Green R.* English with an accent: language, ideology, and discrimination in the United States. – London; New York: Routledge. – 1997. – 286 p.
- Park J.* The Local Construction of a Global Language: Ideologies of English in South Korea. – Berlin, Germany: Mouton de Gruyter, 2009. – 274 p.
- Seargeant P.* The Idea of English in Japan: Ideology and the Evolution of a Global Language. – Bristol: Multilingual Matters, 2009. – 188 p.
- Silverstein M.* Language Structure and Linguistic Ideology // The Elements: A Parasession on Linguistic Units and Levels, April 20-21, 1979. – Chicago: Chicago Ling. Society; 1979. – P. 193 – 247.
- Vaillancourt F.* Language and socioeconomic status in Quebec: measurement, findings, determinants, and policy costs // International Journal of the Sociology of Language, 1996. – Vol. 121. – p. 69 – 92

Woolard K. Introduction: Language Ideology as a Field of Inquiry // Language Ideologies: Practice and Theory / Schieffelin B., Woolard K., Kroskrity P. (eds.) – New York, NY: Oxford UP, 1998. – P. 3 – 47

Список источников иллюстративного материала

Батенёва Т. Менеджеры нарасхват: для успешной карьеры предъявите язык // Российская Бизнес-газета, № 830 (1), 10.01.2012, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/10/trud.html> (дата обращения: 28.02.2012).

Иностранный язык: знать или не знать? // Портал headhunter.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://hh.ru/article.xml?articleId=933> (дата обращения: 28.02.2012).

К барьеру... языковому! // Работа.ру. - 2010. – 23 июня [Электронный ресурс]. URL: http://www.rabota.ru/soiskateljam/tehniki/k_bareru_jazykovomu_.html (дата обращения: 28.02.2012).

Кожеватова Е. Зарплата менеджера по маркетингу // Работа.ру. – 2007. - 12 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://www.rabota.ru/research/statistika_rynka_truda/zarplata_menedzhera_po_marketingu.html (дата обращения: 28.02.2012).

Полетаева Н. Английский язык как двигатель карьеры // Работа.ру. 2008 – 09 декабря [Электронный ресурс]. URL: http://www.rabota.ru/soiskateljam/tehniki/anglijskij_jazyk_kak_dvigatel_karyeru.html (дата обращения: 28.02.2012).

Полетаева Н. Зарплата охранников // Работа.ру. – 2008. – 23 мая [Электронный ресурс]. URL: http://www.rabota.ru/soiskateljam/career/zarplata_ohrannikov.html (дата обращения: 28.02.2012).

Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении дополнений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: [asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&8C8CB431B036378DC3257941003CCC12](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&8C8CB431B036378DC3257941003CCC12) (дата обращения: 28.02.2012).

Уверенное знание иностранного языка повышает размер зарплаты // Портал Superjob.ru. – 2009. – 09 апреля [Электронный ресурс]. URL: <http://www.superjob.ru/community/career/30114/> (дата обращения: 28.02.2012).

Языковые курсы интересны большинству респондентов // Сайт группы компаний Headhunter. [Электронный ресурс]. URL: <http://hh.ru/article.xml?articleId=2178> (дата обращения: 28.02.2012).

М.В. Сергеева

УДК 811.161.1'37;159.955

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ (ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ)¹

В статье анализируется характер восприятия глобализации российской молодежью на основе метода ассоциативного эксперимента. Формат эксперимента, в котором приняли участие сто студентов нижегородских вузов в возрасте от 19 до 21 года, повторяет аналогичный эксперимент, проведенный П. Гарреттом в нескольких странах для выявления специфики концептуализации глобального в языковом сознании. Выявлены наиболее частотные комментарии к словам-стимулам *глобализация* и *глобальный*, наиболее значимые и многообразные тематические группы ассоциаций, проведен анализ соотношения позитивных и негативных ассоциаций в каждой тематической группе.

Ключевые слова: глобализация, конструирование, восприятие, тематическая область, ассоциация.

Marina V. Sergeyeva

PUBLIC PERCEPTION OF GLOBALIZATION (GLOBALIZATION THROUGH THE EYES OF RUSSIAN YOUTH)

The paper deals with the perception of globalization by young people in Russia. Spontaneous associations, elicited from students aged 19-21, reveal the cultural specificity of perceiving globalization. The technique employed is a free-response association task based on the original experiment by Peter Garrett. Data analysis highlights the most frequent responses to the Russian words “globalizatsiya” (globalization) and “globalnyi” (global), the most salient thematic spheres and the prevalence of positive or negative responses in each association group.

Key words: globalization, constructing, perception, thematic group, free-response association.

---

¹ Статья подготовлена в ходе выполнения НИР в рамках НОЦ междисциплинарных исследований языка и культуры ГОУ ВПО НГЛУ при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг.

Хотя концепт «глобализация» наиболее актуален для научной коммуникации [Гриценко 2011; Кирилина 2011; Лалетина 2011; Сергеева 2011: 71 – 72], немаловажными представляются особенности восприятия глобализации как популярного конструкта в обыденном сознании. Специфику восприятия феномена глобализации в разных странах проанализировал П. Гарретт в работе “Meanings of ‘Globalization’: East and West” [Garrett 2010], поставив перед собой задачу установить, насколько общественное мнение отражает взгляды на глобализацию, излагаемые в научной литературе, или отлично от них. Объектом исследования, таким образом, стало восприятие глобализации людьми, не являющимися специалистами в данной области (*non-experts*), то есть так называемое наивное восприятие (*folk perception*) этого комплексного феномена.

Задавшись вопросом, как обычные носители языка реагируют на то, что для них может означать глобализация и как она может повлиять на их жизнь, исследователь исходил из того, что восприятие глобализации может быть в корне различно у представителей разных стран и культур [Garrett 2010: 451]. Исследование проводилось им в шести странах – Австралии, Новой Зеландии, Китае, Японии, Великобритании и США.

Избрав в качестве метода исследования ассоциативный эксперимент, П. Гарретт опросил в среднем около ста респондентов в каждой из стран. В качестве информантов выступили студенты гуманитарных специальностей университетов, которые должны были записать пять ассоциаций со словом-стимулом «глобализация» на своём родном языке. На первом этапе исследования вычленились более или менее дискретные мысли, выраженные в каждом ответе (так называемые «референциальные единицы» – “*referential units*”); далее эти референциальные единицы объединялись в более широкие тематические

категории (“*thematic units*”) и проводился анализ их процентного соотношения. Порядок следования ассоциаций (какое слово/словосочетание было записано первым, вторым и т.д.) во внимание не принимался [Garrett 2010: 451 – 455]. В результате исследования было выделено семь широких тематических категорий, в рамках которых студенты концептуализируют глобализацию, а именно:

1. культура, единение, кооперация и многообразие (*culture, unity, cooperation and diversity*);
2. экономика (*economy*);
3. политика и власть (*politics and power*);
4. коммуникация и технологии (*communication/technology*);
5. экология и здоровье (*ecology and health*);
6. антиглобализм (*anti-globalization*);
7. война и мир (*war/peace*).

Анализ показал, что в ответах респондентов из разных стран доминируют различные тематические группы, что дало основания для вывода о культурной специфике в концептуализации популярного конструкта. Так, например, в Китае, Японии, США и Великобритании большинство ассоциаций связаны с тематической группой «культура», в то время как в ответах австралийских и новозеландских респондентов доминирует группа «экономика». П. Гарретт при этом обращает внимание на то, что именно в Австралии и Новой Зеландии зарегистрировано максимальное высочайшее, по сравнению с другими странами, число ассоциаций негативного характера (27% и 30% соответственно) [Garrett 2010: 456 – 457].

Восприятие феномена глобализации на материале русского языка до настоящего момента исследованию не подвергалось. В рамках настоящей работы был проведён ассоциативный эксперимент среди российских студентов. Хотя традиции российской (Московской) психолингвистической школы предусматривают учет в рамках экс-

перимента лишь одного (первого) слова-реакции [Русский ассоциативный словарь 2002], в целях проводимого исследования было решено повторить формат эксперимента П. Гарретта, предусматривавшего анализ первых пяти ассоциаций к слову-стимулу. В качестве респондентов выступили сто студентов с различных факультетов Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова и Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Средний возраст студентов, как и в эксперименте П. Гарретта, составил 20-21 год. Большинство респондентов – женщины (79%). Такое соотношение вполне соответствует базе данных П. Гарретта, так как в его исследовании во всех странах, кроме США, процент опрошенных студенток составил от 70 до 86% [Garrett 2010: 453].

Исследование П. Гарретта показало, что в собранном материале практически отсутствуют такие ассоциации, как «глобальное потепление» (*global warming*), «глобальный терроризм» (*global terrorism*) или «глобальная эпидемия» (*global epidemics*), хотя именно эти тематические области являются наиболее частотными в современном научном дискурсе о глобализации и в средствах массовой информации. В связи с этим автор делает вывод о существенном отличии конструирования глобализации в дискурсе экспертов от восприятия этого феномена обычными носителями языка [Garrett 2010: 469]. Думается, однако, что отсутствие таких ассоциаций в базе данных П. Гарретта могло быть вызвано тем, что в качестве слова-стимула использовалось существительное *globalization*, а не прилагательное *global*, которое могло бы активизировать более широкий спектр ассоциаций. Поэтому при опросе российских студентов в качестве стимулов было предложено два слова – существительное *глобализация* и прилагательное *глобальный/-ая/-ое*.

Так же, как и в эксперименте П. Гарретта, респондентам было дано задание записать первые пять ассоциаций (в виде

отдельных слов, словосочетаний или коротких предложений), которые возникают у них при восприятии этих слов. В части анкет, однако, число ассоциаций было меньше пяти, а в ряде опросных листов студенты отмечали, что у них возникают одинаковые ассоциации при восприятии обоих слов и приводили единый список для двух слов-стимулов. Всего в результате опроса было получено 483 комментария-ассоциации к существительному *глобализация* и 433 комментария к прилагательному *глобальный/-ая/-ое*.

Произведём краткий обзор ассоциаций, которые студенты привели к каждому из слов-стимулов, сохраняя тематическую рубрикацию П. Гарретта, сделав оговорку, что данная рубрикация, как представляется, носит относительный характер и не является классификацией в полном смысле слова. Например, комментарии типа *развитие экономики, создание общего экономического рынка, сращивание национальных рынков, взаимодействие национальных экономик* и т.п., как представляется, могут быть отнесены не только к разделу «экономика», но и к рубрике «культура, единение, кооперация и многообразие», так как именно в ней рассматриваются ассоциации, связанные с идеей развития, объединения и взаимодействия. Аналогичным образом, в рубрике «культура, единение и т.п.» могут быть рассмотрены такие комментарии, как *множество конфликтов, связанных с навязыванием другим культурам своих правил* или *единое информационное пространство*, хотя наличие здесь слов *конфликт* и *информационный* требует отнести эти комментарии к разделам «война» и «коммуникация и технологии» соответственно.

Отметим также, что 20 из 483 комментариев к слову *глобализация* и 43 из 433 комментариев к стимулу *глобальный/-ая/-ое* не могут быть с уверенностью отнесены ни к одной из обозначенных тематических областей (напр., *церковь, синий цвет, ум, глобальный возраст, периодизация, галстук, стол, пять*) и остались за рамками анализа.

Анализ показывает, что восприятие существительного *глобализация* и однокоренного прилагательного во многом сходно (всего зафиксировано 93 слова и словосочетания, которые встречаются среди ассоциаций к обоим словам-стимулам), но и имеет определённую специфику. Помимо того, что общее число комментариев к прилагательному несколько меньше, чем к существительному (433 vs 483), обнаружено, что при восприятии двух слов-стимулов наиболее значимыми оказываются разные тематические области. Значимость различных тематических областей в восприятии глобализации опрошенными студентами, а также соотношение числа позитивных и негативных комментариев в каждой тематической группе отражены в таблице 1

(отдельно для существительного и прилагательного) и в таблице 2 (для общей базы данных).

1. Культура, единение, кооперация и многообразие

В эту весьма широкую категорию П. Гарретт включает разнообразные комментарии о всемирности, масштабности и объединении (*global/unity*), сотрудничестве (*cooperation*), новых возможностях (*opportunity*), культурном объединении и ассимиляции (*assimilation*), культурном многообразии (*diversity*), культурной экспансии (*expansion*) и изменениях (*change*) [Garrett 2010: 455, 458 – 460].

В анкетах российских студентов эта тематическая группа самая многочислен-

Таблица 1.
Концептообразующие тематические признаки глобализации

Тематическая группа	Количество комментариев к слову-стимулу		Количество позитивных ассоциаций		Количество негативных ассоциаций	
	глобализация	глобальный /-ая/-ое	глобализация	глобальный/-ая/-ое	глобализация	глобальный /-ая/-ое
1. культура, единение, кооперация и многообразие	283	227	33	20	23	2
2. экономика	40	22	4	–	–	1
3. политика и власть	51	17	4	2	7	1
4. коммуникация и технологии	50	12	3	1	–	–
5. экология и здоровье	4	30	–	–	2	28
6. антиглобализм	25	79	–	–	24	78
7. война и мир	10	3	–	–	7	3
<i>всего в группах 1–7</i>	<i>463</i>	<i>390</i>	<i>44</i>	<i>23</i>	<i>63</i>	<i>113</i>

Таблица 2.

Соотношение позитивных и негативных ассоциаций в тематических группах

Тематическая группа	Общее число комментариев к двум словам-стимулам	Общее число позитивных ассоциаций	Общее число негативных ассоциаций
1. культура, единение, кооперация и многообразие	509	53	25
2. экономика	62	4	1
3. политика и власть	68	6	8
4. коммуникация и технологии	62	4	–
5. экология и здоровье	33	–	30
6. антиглобализм	105	–	102
7. война и мир	13	–	10
<i>всего в группах 1-7</i>	<i>852</i>	<i>67</i>	<i>176</i>

ная (всего 283 комментария к слову *глобализация*). Ассоциации здесь связаны с восприятием глобализации как масштабного явления, касающегося всего человечества и носящего наднациональный характер:

глобальность (2) (здесь и далее в скобках указано количество совпадений в разных опросных листах), *глобальное, большой охват, одно на всех, везде, общемировой феномен, весь мир (2), мировой (2), общее (2), общность (2), обобщение (4), что-то всеобъемлющее, всеобщее (3), всеохватченность, всемирный (4), охватывает весь мир, массовость, большое количество людей, занимает большой объём* и пр.;

огромный (2), что-то огромное, масштабный, масштаб (3), мировой масштаб, всемирный масштаб, масштабность, масштабный проект и пр.;

мировая значимость, важность;

расширение (8), распространение (2), увеличение;

мир (9), вселенная, планета (2), зем-

ной шар (3), глобус (2), шар, океан;

единое пространство, уменьшение мира;

народ, общество (3), общественность, общее мнение, мировое сознание;

международный (2), международные союзы (2), международный обмен, международные организации/объединения/отношения (3), более тесные отношения стран, транснациональный, интернациональность, международное общение и пр.

Значительным лексическим многообразием характеризуется также группа ассоциаций, связанных с идеей взаимодействия, сотрудничества и интеграции:

сотрудничество, взаимодействие (4), взаимодействие государств по каким-л. аспектам, беспрепятственное общение и взаимодействие, взаимозависимость (2);

соединение, всемирное объединение, объединение (20), объединённость, объединение с целью решения проблем, объе-

динение в большом масштабе, единство (3), интеграция (18), кооперирование (2), слияние (2), совместное сосуществование, совместный, общие ценности, коллективизм, общность (2);

нет наций, одна нация, мировое гражданство, смешанные браки.

Следует подчеркнуть, что слова *объединение* и *интеграция* зарегистрированы в двадцати и в восемнадцати анкетах соответственно, что является максимально высоким числом совпадающих ассоциаций к существительному *глобализация*. Это свидетельствует об особой значимости идеи объединения в конструировании феномена глобализации среди молодых россиян. Отметим также, что эта группа ассоциаций, помимо оценочно нейтральных характеристик, включает значительное число позитивно окрашенных единиц (*взаимодействие, сотрудничество, беспрепятственное общение и взаимодействие, единство, общие ценности, коллективизм*).

Идея сближения и объединения в целом относится также к культурной интеграции, которая, однако, часто воспринимается как нечто негативное:

единая культура, культурная глобализация (2), культурное влияние, сближение культур, диалог культур, массовая культура;

разность культур, терпимость, расовая терпимость, космополитизм, идентичность, потеря идентичности;

отсутствие самобытности культур, потеря национальной культуры (2), стирание национальной самобытности, уничтожение локальных культур, обесценивание локальных традиций, разрушение традиций, разрушение национальных устоев, навязывание одним народом своих традиций другому народу;

универсальность, стандарт, унификация (4), уравнение, смешение (3), ассимиляция, однотипность, однообразие (2), одинаковость, безличность, безликость, серость, нет индивидуальности, утрата уникальности и самобытности, плоский

мир;

разрушение, деградация, изоляция, отдалённость людей друг от друга и пр.

В комментариях, относящихся к тематической группе «культура, единение, кооперация и многообразие», часто подчёркивается идея новизны и современности (а), изменения и развития (б), новых возможностей (в), в том числе возможности свободно перемещаться по миру (г), при этом слова и словосочетания здесь часто обладают позитивной семантической просодией, (*semantic prosody*), определяемой в корпусной лингвистике как оценочное отношение говорящего к содержанию высказывания, обозначение информации как позитивно или негативно окрашенной [Partington 2004]:

(а) *XXI век, модерн, новое, современность (2);*

(б) *изменение (3), инновация, нововведение, смена, революция, развитие (3), усовершенствование (2), модернизация, улучшение, прогресс (6), наука (4), общие достижения в науке, культуре, медицине;*

(в) *удобство, возможности, доступность, расширение возможностей для личностного роста;*

(г) *миграция (2), (высокая/социальная) мобильность (3), путешествия (2), размытие границ, размытые границы (2), открытые границы, отсутствие границ (2), нет границ (2), стирание (политических) границ (2), уничтожение понятия границы, безграничность, сокращающееся расстояние, отмена виз и пр.*

Особого внимания заслуживает тот факт, что в группе ассоциаций «культура, единение, кооперация и многообразие» глобализация зачастую получает полярные оценки, что говорит о том, что данное явление воспринимается как неоднозначное и противоречивое, ср.: *увеличение – уменьшение мира, прогресс – деградация, объединение – изоляция, близость – отдалённость людей друг от друга, разность культур – единая культура, многогранный мир – плоский мир, улучшение/развитие –*

разрушение и т.п. Отметим также, что противоречивое отношение к глобализации как комплексному феномену проявляется иногда в одной и той же анкете, например: *глобальное развитие* и *глобальная проблема*; *прогресс* и *проблемы человечества*; *победы, достижения, успех* и *проблема*; *прогресс* и *опасность*, *возможности* и *глобальный кризис* и т.д.

Как и для слова *глобализация*, эта тематическая область является наиболее значимой для прилагательного *глобальный/-ая/-ое* (227 комментариев). Среди слов с максимально высоким числом совпадающих ассоциаций также присутствует слово «*объединение*» (7 упоминаний), но, в отличие от ассоциаций с существительным, здесь лидируют синонимы к прилагательному: «*всемирный*» (9 случаев), «*огромный*» (8) и «*большой*» (7). Здесь представлены те же основные лексические группы, которые выделяются в этой тематической области для существительного «*глобализация*». Однако бо́льшая часть ассоциаций связана с восприятием глобальных процессов как масштабных явлений, затрагивающих всё человечество (а), в то время как группы ассоциаций, связанные с интеграцией и сотрудничеством (б), культурной глобализацией (в), новизной (г), изменениями и развитием (д), новыми возможностями (е) и исчезновением границ (ж), характеризуются меньшим лексическим многообразием.

(а) *мировой* (6), *общемировой*, *всемирный* (9), *охватывает весь мир*, *всеохватывающий* (2), *всепоглощающее*, *всеобъемлющий* (9), *повсеместный* (3), *для всего мира*, *планетарный*, *всеобщий* (6), *обобщённый*, *общий* (2), *известный всем*, *общеизвестный*, *многогранный*;

огромный (8), *огромное* (3), *массовый* (2), *широкий* (2), *большой* (7), *обширный* (4), *внушительный*, *сильный*, *масштаб* (4), *масштабный* (8), *широкомасштабный*;

затрагивающий все сферы/всех, *касающийся всех*, *важное для всех*, *важный* (7), *актуальный*, *имеющий большое значе-*

ние, *насущенный* (2), *мировая значимость*; *выход за рамки*, *расширение*; *мир* (6), *вселенная*, *космос* (2), *земля*, *материк*, *(вся) планета* (2), *(земной) шар* (3), *сфера*, *круглый* (2), *океан*, *вселенная*; *общество* (3), *человечество*, *люди*, *сообщество*, *организация* (2), *интересы* (2);

международный (6), *транснациональный* (2), *общенациональный*, *интернациональный* и пр.;

(б) *отношения*, *взаимоотношения*, *взаимодействие*, *объединение* (8), *объединённый/объединяющий* (5), *интеграция* (4), *интеграционный*, *осуществляемые посредством сотрудничества*, *сплочение*, *единство* (2), *единый*, *союз* (2);

(в) *культура* (2), *разность культур*, *универсальная*, *унификация* (2), *уравнение*, *смешение*, *плоский мир*, *одинаковое*, *деградация*;

(г) *новый* (2), *инновационный*, *открытие*;

(д) *изменение/-я* (6), *всё меняющийся*, *глобальные перемены*, *усовершенствование*, *глобальное развитие*, *развивающийся*, *переворот* (4), *реконструкция*, *революция*;

(е) *возможности* (2), *рост*, *достижения*, *победы*, *успех*, *расширение возможностей для личностного роста*, *это хорошо*;

(ж) *смывает границы*, *безграничный* (2), *без границ*, *нет наций*.

Полярность оценок, которая свойственна восприятию существительного *глобализация*, не проявляется столь ярко в комментариях к прилагательному *глобальный/-ая/-ое*, и в целом эта область ассоциаций менее негативна (См. таблицу 1).

2. Экономика

Вслед за П. Гарреттом, в данный раздел включаются упоминания о компаниях и корпорациях, включая названия популярных брендов, о крупном бизнесе, корпоративной экспансии, монополии, конкуренции и судьбе малого бизнеса (*corporate sphere*), а также комментарии, в которых

речь идёт о деньгах, банках, торговле, капитализме, рынке, экономических связях, сглаживании экономических барьеров, благосостоянии и доступности товаров (*economy sphere*) [Garrett 2010: 455, 461 – 463].

В анкетах российских студентов данная группа представлена 40 комментариями к слову *глобализация*, среди которых по частотности лидируют слова *экономика* и *ТНК* (четыре совпадения в каждом случае):

экономика (4), единая экономика, развитие экономики, движение рынков и капиталов, капитализм, рынок, беспощинная торговля, создание общего экономического рынка, срастание национальных рынков, сеть, Всемирный Банк, банки других стран, инвестиции, быстрый оборот денег, корпорации (2), ТНК (4), ВТО, Макдональдс (2), кока-кола, маркетинг, промышленность, урбанизация (2), города, экономическое влияние, взаимодействие национальных экономик и пр.

Ассоциации в разделе «экономика» представлены, как правило, оценочно нейтральными номинациями. Негативных ассоциаций в данной группе не зарегистрировано, что говорит о том, что экономическая глобализация не вызывает у современных российских студентов отрицательных эмоций, а иногда получает даже позитивную оценку (*единая экономика, развитие экономики, взаимодействие национальных экономик*).

Среди 22 комментариев к стимулу *глобальный/-ая/-ое* в этой группе так же, как и для однокоренного существительного, наиболее частотным является слово *экономика* (4 случая): *экономика (4), слияние (мировых) экономик государств, общая экономическая система, глобальное экономическое пространство, капитализм, рынок (3), торговля (2), сеть, корпорация, ТНК, мировая валюта, Макдональдс, экономический кризис* и т.п. Спецификой восприятия прилагательного является присутствие отрицательно коннотированного сочетания *экономический кризис*.

3. Политика и власть

В данную группу П. Гарретт включает ассоциации, связанные с политикой и властью (*politics/power*), и, в частности, властью Запада (*Western domination*), американизацией (*Americanization*), а также с эксплуатацией и социальным неравенством (*rich/poor*) [Garrett 2010: 455, 463 – 464].

Студенты привели 51 комментарий к слову «глобализация», который может быть отнесён к этой тематической области:

политика, политическая глобализация, геополитика, государство, право нации на самоопределение, потеря независимости/суверенитета, межправительственные организации, международно-правовое регулирование, регионализм, НАТО (2);

американизм, американцы, американизация (5), США (3), Америка (3), Европа (2), Еврозона, Евросоюз, (страны) ЕС, Япония, Африка и Азия;

правительство (2), единое правительство, взаимопомощь, защита населения, свобода, равноправие, зависимость (3), усиливающаяся бедность стран третьего мира, бедность, обогащение (2), обогащение богатых, неравенство и пр.

Наиболее частотная из ассоциаций – существительное *американизация* (5 упоминаний). Если принять во внимание, что в опросных листах трижды встречаются слова *Америка* и *США*, а также, однократно, лексемы *американизм* и *американцы*, то можно сделать вывод об особой значимости этой ассоциации для российских студентов.

Также отметим полярность восприятия феномена глобализации в политическом измерении, ср.: *равноправие – неравенство, свобода – зависимость, обогащение – бедность*. Наряду с положительно коннотированными единицами (*взаимопомощь, защита населения, свобода, равноправие*) зафиксированы номинации с явной негативной оценкой (*зависимость, бедность, неравенство* и т.п.), при

этом негативные ассоциации преобладают (См. таблицу 1).

В комментариях к слову *глобальный/-ая/-ое* данная тематическая область в целом менее негативна, чем соответствующая сфера для слова *глобализация*, и представлена 17 комментариями: *политика (2), правительство, атлантизм, регионализм, НАТО, американизация, Америка, появление новых участников на мировой арене, помощь, право слова, равноправие, влияние (3), контроль, неравенство*. Тема американизации здесь проявляется менее ощутимо (всего два комментария), а наиболее частотным (три упоминания) является слово *влияние*.

4. Коммуникация и технологии

В эту тематическую область входят ассоциации с языком вообще и английском языке в частности (*languages, English, English domination, one language*), а также с коммуникацией, включая СМИ, новыми технологиями и интернетом (*communication, technology, Internet*) [Garrett 2010: 455, 464–465]:

язык (3), языковая глобализация, иностранные языки, английский язык, общий язык; много разных языков, но есть один общий;

информация (4), единое информационное пространство, информационное общество/влияние, коммуникация, СМИ (2), знание, обмен знаниями, возможность узнать другие культуры;

реклама (2), телевидение (3), зарубежные фильмы;

интернет (10), интернет-глобализация, информационные технологии, планшетный компьютер, презентация Power Point, компьютеризация, технологический прогресс, технологии (3), техника, машины, роботы, сотовая связь.

Среди 50 комментариев к слову «глобализация» в данной группе, лидирует слово «интернет», упомянутое десятью респондентами. Восемь студентов связывают глобализацию с языком, в частности с не-

которым общим языком, однако сочетание «*английский язык*» зафиксировано в анализируемой базе данных только один раз.

Комментарии, которые свидетельствовали бы о негативном восприятии глобализации, в данной группе не зарегистрированы, в то время как присутствует ряд ассоциаций, говорящих о том, что глобализация в сфере коммуникаций и технологий видится российскими студентами как позитивный процесс (*обмен знаниями, возможность узнать другие культуры, технологический прогресс*).

Среди 12 комментариев к прилагательному в этой рубрике также лидирует ассоциация глобальных процессов с интернет-коммуникацией: *иностранные языки, информация (2), информирование, коммуникация, технический прогресс, современная техника, интернет (4), глобальная система интернета* и пр.

5. Экология и здоровье

Данная тематическая область, включающая комментарии об окружающей среде, включая её загрязнение, о климате и здоровье человека (*environment, health*) [Garrett 2010: 455, 466] представлена в анкетах российских студентов всего четырьмя комментариями к существительному: *экология (2), проблемы экологии, загрязнение окружающей среды*. Как видим, два последних комментария отражают озабоченность респондентов экологическими проблемами.

Существенно более значимой, чем для однокоренного существительного, оказалась данная тематическая область для прилагательного *глобальный/-ая/-ое*. Здесь зафиксировано 30 комментариев, главным образом негативного характера, среди которых доминирует тема глобального потепления: *экология, климат, плохая экология, проблемы экологии, (глобальное) потепление (23), похолодание, изменение/загрязнение окружающей среды, болезни*. Только слово *потепление*, как видим, упоминается респондентами 23 раза, что является

весьма высоким показателем. В результате, полностью подтвердилось высказанное выше предположение, что отсутствие ассоциаций с экологическими проблемами в базе данных П. Гарретта могло быть связано с частеречной принадлежностью слова-стимула.

6. Антиглобализм

В эту группу входят любые комментарии, связанные с оппозицией глобализации и протестами против неё [Garrett 2010: 455, 466]. В отличие от всех предыдущих тематических областей, данная сфера отличается явной негативной оценочностью подавляющего большинства комментариев (единственный комментарий, оценочный потенциал которого не может быть оценен однозначно – это сочетание *новые вызовы*): *проблемы человечества, проблема(-ы) (5), преемственность проблем, катастрофа, кризис, препятствие, опасность, недоверие*. Как видим, наиболее типичный комментарий к слову *глобализация* – *проблема(-ы)*.

Интересно, что почти половину всех ассоциаций в данной группе составляют комментарии, выражающие отрицательно оценочную эмоциональную реакцию респондентов на слово-стимул: *неинтересно, надоело, неоригинально, ерунда, скука, бессмысленность, издевательство, глупость, недостаточно, плохо, всё плохо* и пр.

Аналогично и все ассоциации с прилагательным «глобальный» в этой группе, за исключением оценочно нейтральной коллокации *движение антиглобалистов*, характеризуются отрицательной оценочностью; это относится в том числе к комментариям, которые выражают негативную эмоциональную реакцию опрошенных на слово *глобальный/-ая/-ое*:

проблема(-ы) (24), глобальная проблема (5), (глобальные) проблемы современности/человечества (3), (глобальная) катастрофа (10), катастрофичный, разрушительный, устрашающий, неизбежный, (глобальный) кризис (13), опасность,

хаос, потоп, вымирание, передел, заговор, мятеж, преступность (2);

смятение, негативное, неудобный, сумасшествие, издевательство (2), скука (2), ерунда, бессмысленность.

Как и однокоренное существительное, прилагательное *глобальный/-ая/-ое* в этой тематической области ассоциируется прежде всего с проблемами (именно это слово упоминается 32 раза, что является максимальным количеством совпадающих комментариев во всей анализируемой базе), а также с кризисом (13 упоминаний) и катастрофой (10 упоминаний).

Несомненного внимания заслуживает тот факт, что для прилагательного *глобальный/-ая/-ое* данная тематическая область является второй по значимости после области «культура, единение, кооперация и многообразие». Это даёт основание говорить о том, что глобальные процессы негативно воспринимаются многими молодыми россиянами.

7. Война и мир

Данная тема отражена в десяти комментариях к существительному, лишь два из которых (*мировая обстановка, мир во всём мире*) не связаны с войнами и конфликтами. Остальные ассоциации в этой группе характеризуются негативной семантической просодией: *терроризм (2), экстремисты, война, оружие, борьба, этнический конфликт, множество конфликтов, связанных с навязыванием другим культурам своих правил*. Негативно оценочными номинациями являются также все три комментария к прилагательному *глобальный/-ая/-ое*: *конфликт, терроризм, война*.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Глобализация воспринимается современными российскими студентами как явление комплексное, неоднозначное и противоречивое (*прогресс – деградация, объединение – изоляция, хорошо – плохо* и т.п.).

2. Наиболее частотными реакциями на слова-стимулы являются *проблемы* (максимальное число упоминаний), *объединение/интеграция*, *потепление*. Многие студенты также связывают глобализацию с интернетом, кризисом/катастрофой и с американизацией.

3. Восприятие российскими студентами существительного *глобализация* и прилагательного *глобальный/-ая/-ое* во многом сходно, хотя имеет и определённую специфику.

4. Наиболее значимая и наиболее лексически многообразная тематическая группа ассоциаций, которые возникают у российских студентов при восприятии слов *глобализация* и *глобальный/-ая/-ое*, – «культура, единение, кооперация и многообразие». Среди комментариев к существительному значимыми тематическими областями являются также «политика и власть» и «коммуникация и технологии», в то время как при восприятии прилагательного чаще актуализируются тематические области «антиглобализм» и «экология и здоровье».

5. Максимальное количество позитивных ассоциаций зарегистрировано среди комментариев к существительному *глобализация* в рамках тематической области «культура, единение, кооперация и многообразие», однако именно в этой группе ассоциаций полярность в восприятии глобализации как популярного конструкта проявилась особенно ярко. Максимальное

число негативных ассоциаций зафиксировано в тематической группе «антиглобализм» для прилагательного *глобальный/-ая/-ое*. Тематические области «экология и здоровье», «антиглобализм» и «война и мир» характеризуются отсутствием позитивных ассоциаций.

6. Соотношение числа позитивных и негативных комментариев как к существительному, так и к прилагательному позволяет заключить, что феномен глобализации воспринимается опрошенными студентами скорее негативно: общее число негативных ассоциаций более, чем в два раза превосходит количество позитивных комментариев.

7. Основные концептообразующие тематические признаки глобализации в русскоязычной картине мира совпадают с признаками, выявленными П. Гарреттом в других странах. Однако результаты опроса позволяют вести речь и о специфике в восприятии глобализации российскими студентами. Наиболее заметное расхождение выражается в том, что тематическая область «антиглобализм», к которой относятся не более 2% ответов в каждой из шести стран по данным П. Гарретта, составила 12% ответов российских студентов. Это может интерпретироваться как более глубокое и выраженное осознание негативных экономических, экологических и геополитических последствий глобализации и следствие интенсивности соответствующего дискурса в российских СМИ, науке и образовании.

Литература

Гриценко Е.С. Язык и безопасность в контексте глобализации // Власть № 11, 2011. – С. 9 – 12.

Кирилина А.В. Некоторые новые черты научной коммуникации, обусловленные Интернетом // Вестник Московского института лингвистики. № 1, 2011. – С. 24 – 30.

Лалетина А.О. Глобализация как объект лингвистических исследований // Политическая лингвистика № 3 (37), 2011. – С. 39 – 46.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с.

Сергеева М.В. Лексема *global*: история лексикографического описания // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 13. – Н. Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2011. – С. 68 – 73.

Garrett P. Meanings of “Globalization”: East and West // The Handbook of Language and Globalization. Ed. by N. Coupland. – Wiley-Blackwell, 2010. – P. 447 – 474.

Partington A. ‘Utterly content in each other’s company’: Semantic prosody and semantic preference // International Journal of Corpus Linguistics, 2004. – №9:1. – P. 131 – 156.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.Л. Соснова

УДК 81'23

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВА

В статье рассматривается проблема влияния эмоциональной составляющей на качества общения, взаимосвязь эмоций с творческим процессом в разных видах искусства и в науке. Кроме того, предлагается модель, креативный прием, по воздействию на негативные эмоции, разрушительное влияние которых в случае долгой и значительной их выраженности очевидно.

Ключевые слова: творчество, эмоции, художественное и научное творчество, деятельность, смысл, функциональный орган, пластичность мозга, структура творческого процесса.

Margarita L. Sosnova

EMOTIONAL ASPECTS OF COMMUNICATION AND CREATIVITY

The article deals with the influence of emotional component on communication quality, interconnection between emotions and creative process in various art forms and in science. A model, a creative technique affecting negative emotions the destructive influence of which is apparent is suggested.

Key words: creativity, emotions, artistic and scientific creativity, activity, sense, functional organ, brain plasticity, structure of creative process.

Проблемы влияния эмоциональной составляющей на качества общения и взаимозависимости эмоций и творчества издавна становились предметом философских и психологических исследований, начиная со времен Платона и Аристотеля. Пристальное внимание им уделяли Б. Спиноза, И. Кант и другие выдающиеся мыслители. Они изучались в работах зарубежных и отечественных ученых У. Джеймса, В. Вундта, У. Макдауголла, А. Бергсона, К. Роджерса, А.Р. Лурии, П.К. Анохина, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, П.В. Симонова, Ф.Е. Василюка, В.К. Вилюнаса, Д.А. Леонтьева и др. Большое внимание было уделено данной проблеме в трудах З. Фрейда, К.Г. Юнга и их последователей. В этой статье мы попытаемся различить два аспекта проблемы: с одной стороны, важно находить методы творческой работы индивида со своими переживаниями, в первую очередь с негативными эмоциями, с другой, – увидеть место и значение эмоционального богатства личности как перводвигателя творческих процессов и жизнедеятельности в целом. В обществе, особенно в семье и в образовательных учреждениях должна быть осознана необходимость воспитания эмоциональной культуры, эмоциональной грамотности как одного из факторов предотвращения асоциального поведения молодежи, предупреждения «варварства по вертикали» (т.е. внутри страны), о котором пишут философы (В. Кантор, Н.В. Мотрошилова и др.).

Широкий спектр способностей, необходимых для эффективного общения, включает в себя и развитый эмоционально-чувственный компонент. Однако анализом влияния эмоциональной составляющей на последствия и свойства общения в лингвистике занимаются чрезвычайно редко. Изучается эта проблема в психологии общения и отчасти в психолингвистике (Э.А. Носенко, В.А. Лабунская, Н.В. Витт и др.).

Влияние эмоциональных состояний на производство и порождение речи известно давно. Управление эмоциональными состояниями хотя бы в какой-то степени яв-

ляется одной из важнейших компетенций для осуществления эффективного общения. Об этом говорится и в концепции языковой личности Ю.Н. Карауловым, хотя и не всегда напрямую. Под «языковой личностью» автор концепции понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1989: 3]. Как «за каждым текстом стоит языковая личность» (Ю.Н. Караулов), так и за каждым восприятием произведения, текста и любого речевого высказывания стоит *другая* языковая личность.

Углубляя идеи, затронутые в наших предыдущих исследовательских работах [Соснова 2008а, 2008б, 2009, 2011], в данной статье мы ставим двойную цель: увидеть место эмоциональной составляющей в общении индивида с партнером, предложить креативный прием по ее коррекции, а во-вторых, проследить связи функциональных органов творчества с эмоциональным аспектом жизни субъекта творчества и творчества.

Развитие компетенций общения и творческого потенциала субъекта является предметом изучения многих научных дисциплин: философии, психологии, психолингвистики, педагогики, психофизиологии и др. По-видимому, междисциплинарный подход может дать искомую научную парадигму, в рамках которой можно продвигаться по пути создания эффективных «орудий-результатов», о которых писал Л.С. Выготский. Его предвидения подтверждаются не только теоретическими и экспериментальными исследованиями в психологии и педагогике, но и инновационными разработками в области нейрофизиологии, в частности, в теории «пластичности мозга».

Для целей статьи важно учитывать исследования в этой области, поскольку они напрямую расширяют представления о возможностях выработки моделей управления

эмоциональными состояниями и поведением индивида в целом и, в частности, в творческом процессе. Становится очевидным, доказанным, что «мозг способен менять собственную структуру и функционирование благодаря мыслям и действиям человека» [Дойдж 2010: 27]. Исследователи пишут о «революции» в представлениях о поведении мозга в целом и основной его структурной единицы – нейрона. Новые данные подтверждают сведения исследований в НЛП, в практике так называемых «настроев» (разрабатываемых Г.Н. Сытиным) и т.д. Новые факты не могут не учитываться в процессах обучения, воспитания, в практике разных видов искусства, СМИ и т.п. ***Нейропластичность влияет на формирование как более гибкого, так и ригидного поведения.*** Н. Дойдж называет этот феномен «пластическим парадоксом». Нейтрализовать и компенсировать некоторые негативные влияния пластичности мозга и полнее использовать ее позитивные возможности можно с помощью построения новых орудий и средств расширения творческого потенциала человека. Как говорил В. Кандинский, «внутреннее требует частой смены инструмента». Теперь стало ясно, что в противном случае будет бесконтрольно развиваться ригидность и деградация.

Эвристический и практический потенциал понятия «функциональных органов» (А.А. Ухтомский, Н.А. Бернштейн, В.П. Зинченко), позволяющих субъекту более осознанно и целенаправленно формировать у себя важнейшие жизненные и профессиональные установки, умения и навыки, развиваться в разных направлениях, неоспорим. Новые открытия подтверждают необходимость активного влияния на увеличение этого потенциала. Воспитание у индивидов грамотного подхода к таким психологическим проблемам, как отсутствие должной самомотивации, наличие повышенной тревожности, монотонии, депрессии и т.д., может улучшить качество жизни большинства людей, через это повлиять на атмосферу в обществе. Исследователи активно продвига-

ются по пути открытий «карт мозга», детализируется поведение в нем так называемых «операторов», одни из которых помогают усваивать данные от одного из видов чувств (например, операторы цвета), «однако операторы пространственных отношений, движения и формы обрабатывают сигналы *нескольких чувств*» [Там же: 350]. К сожалению, мы слишком мало используем те возможности, которыми нас наградила природа и культура.

Многие из вышеназванных навыков универсальны. Но универсальность человеческих способностей и устремлений далеко не всегда приветствуется в наш «специализированный век». Теория пластичности мозга дает дополнительную аргументацию в пользу того, что разные условия жизни требуют разных установок, что «некоторые контексты требуют «узкого» взгляда, а другие – целостного восприятия» [Там же: 475], умения влиять, управлять самыми разными подходами. Совместимость работы мозга с электронными средствами передачи информации несет в себе как явные позитивные, так и еще мало изученные негативные последствия. Дети и подростки, еще не владеющие достаточным жизненным опытом, не имеющие возможность обрести навыки сочувствия, эмпатии, сострадания, оказываются не подготовленными к сложным коммуникативным ситуациям, что несет в себе значительную опасность. Слишком долго привлекательным и приоритетным полем их коммуникации являлась не система «человек – человек», как у предыдущих поколений людей, а система «человек – машина». Многие из детей и подростков, а затем и инфантильные взрослые к серьезным, жизненно важным явлениям относятся как к игровым. Они привыкли, что на новом уровне игры можно исправить ошибки, совершенные ранее, или получить в качестве подарка и поощрения «новую жизнь».

Эмоции, саморефлексия, общение

Важность нашего обращения к проблеме эмоционального развития индивида подтверждается и таким наблюдением: чем

старше становится психолог-исследователь, тем чаще его внимание обращается на проблемы эмоций, задачи эмоционального развития. По-видимому, это не случайно. По мере роста жизненного опыта все более становится понятно то значение, подчас разрушительное для человеческих отношений и судеб, которое несут в себе именно негативные эмоциональные процессы в психике индивида. Недаром вполне типичным названием книги, посвященной работе с эмоциями, является следующее название: «SOS: Обуздай свои эмоции. Как справиться с тревогой, гневом и депрессией» [Кларк 2007]. Однако, у эмоций широкое поле функций: мотивационных, энергетических, смысловых. По выражению А.Н. Леонтьева, именно эмоции «ставят задачу на смысл». Эмоциональная оценка по-своему «метит» явления, придавая им определенный для субъекта уровень ценности и значимости, помогая выбирать приоритеты, сообщая одной деятельности статус ведущей, а другой – второстепенной или даже вынужденной, в силу определенных обстоятельств.

На практике нередко эмоциональный аспект воспитания и просвещения игнорируется, что приводит к «эмоциональной тупости» либо к феномену «эмоционального выгорания», получившему свою проработку в психологических исследованиях. Необходимо изучить меры по профилактике «эмоционального выгорания» как одной из сторон профессиональной деформации. Это имеет особенное значение для людей, чья деятельность связана с общением (продавцы, полицейские, преподаватели, чиновники, работники сферы обслуживания и т.п.). Работа с эмоциями перекладывается на их плечи, она не включена в комплекс первоочередных компетенций, профессиональных навыков, а это чревато не только срывами, невротами, но и соматическими изменениями в организме, даже преступлениями. Именно управление своим и отчасти своего коммуникативного партнера эмоциональными состояниями является «главной одаренностью» человека, как считает иссле-

дователь «эмоционального интеллекта» Д. Гоулман [2008: 142]: «Неуправляемые эмоции связывают интеллект... **Эмоциональная компетентность и есть главная одаренность, способствующая пользованию всеми остальными видами умственных способностей**» (выделено нами. – М.С.). Реальное коммуникативное поведение человека – многофакторный процесс, а сильные эмоции, состояние аффекта у субъекта восприятия и порождения речи, являются тем механизмом, который «запускает» подчас действие агрессивного характера с необратимыми последствиями.

Как для обыденной жизни, для выполнения рутинных действий, так и для творческих процессов необходимо нахождение баланса между «интуицией» и «рефлексией», понимаемой как применение рационального подхода, разума. Философ, исследователь творчества И.И. Лапшин писал: «Показать роль чуткости, проницательности и чувства целостной концепции в творчестве – это значит дать живо почувствовать, как бережно нужно культивировать эти драгоценные свойства человеческого духа... И в научном, и в философском, и в художественном творчестве рефлексия нужна, только надо уметь ею пользоваться, и необходимым спутником "ума сердца" должен быть "ум ума" (Л.Толстой)» [Лапшин 1999: 336]. Гармонизация внешних обстоятельств с внутренними процессами, установление диалога «ума» и «сердца», разума и эмоций, чувств, умение обрести адекватное ситуации эмоциональное состояние – всё это можно отнести к сложным процессам самотворчества, к навыкам межличностного и внутриличностного интеллекта. Разумеется, способность к ним базируется на природных задатках, но культивирование своих реакций, эмоций, их обработка, зависят от социальной среды. Однако, такой вид творчества, как построение внутреннего диалога, познание своей эмоциональной структуры, понимание эмоций Другого, рефлексия на свое эмоциональное поведение и своего партнера, адекватная ситуации речь, соответствие ожиданиям ком-

муникативной среды – все это редко становится предметом специального внимания, изучения и обучения.

Взаимосвязь свободы, творчества и эмоций

Цели статьи ставят перед нами задачу хотя бы кратко осветить историко-культурный и социально-психологический контекст условий жизни современного социума и каждого индивида. Нарастание процессов глобализации, тектонические сдвиги в политической структуре нашей страны, информационный взрыв, появление новых технологий, социальные катаклизмы не могут не породить совершенно новую по сравнению с еще недавним прошлым (например, двадцатипятилетней давности) ситуацию в стране. Многие ее следствия должны учитываться и в исследовании творчества во всем объеме его разновидностей. Как писал Н. Бердяев, «творчество неотрывно от свободы. Лишь свободный творит... Свобода – положительна и содержательна» [Бердяев 1989: 368, 369]. Нам, свидетелям исторического перелома в жизни России, было заметно появление «на гребне перестройки» поначалу творческого взрыва в виде новых изобретений, новых видов искусства, обращения к творчеству людей, еще вчера и не помышлявших об этом. Однако, многие порывы так и остались не востребованными, что естественно, ведь общество в своих политических, экономических, инфраструктурных институтах не так пластично, как сознание и мозг отдельной талантливой личности. И хотя количество свобод резко увеличилось, это повлекло за собой не только позитивные изменения в виде освобождения сознания части населения, появления зародыша демократической власти, но и огромное количество новых проблем.

Управлять социумом в целом и отдельными личностями при социализме было легче, привычнее, т.к. были созданы и функционировали институты и механизмы идеологической обработки сознания. Хотя на определенном этапе они и сыграли свою стабилизирующую роль, но со временем их неталантливость и негибкость как раз и

привели к неожиданным для их кураторов изменениям, сбоям в системе. Теперь же мыслители говорят о наступлении «нового варварства», т.к. более свободные, чем в Советском Союзе, граждане не всегда выбирают цивилизованные формы поведения. Отчасти это объясняется неблагополучием института семьи, бедностью значительной части населения, разрушением традиций, нарабатанных в сфере производства, в образовании, в СМИ, в сфере досуга, равнодушием и некомпетентностью властных структур и их представителей. А результатом становится все большее нарастание культурной дезадаптации людей, отсутствие должного уровня социализации и развитости массы детей и подростков, разрыв между поколениями.

Поэтому автор считает, что долг российских исследователей, педагогов, психологов, психолингвистов – создавать эффективные средства и методы социализации представителей новых поколений граждан нашей страны, содействовать воспитанию их сознания и личности, искать новые методы и формы адаптации взрослых к реалиям новой жизни. Среди видов творчества насущным вопросом становится и творчество, опирающееся на моральные ценности родителя, исследователя, управленца, воспитателя, педагога и т.д. По словам Н.Бердяева, «в творческой морали личное переживается как мировое и мировое как личное... Творческая мораль есть мораль призвания, она утверждает нравственный смысл призвания, она знает лишь неповторимые индивидуальные пути» [Бердяев 1989: 475, 476]. В словах мыслителя заключен призыв к действенной, творческой работе в соответствии с высшим долгом человека, личности, гражданина. Этот человек не только осуществляет профессиональный процесс, но и выражает своего коммуникативного партнера (коллегу, ученика и пр.) своим отношением к обретенным в процессе жизни ценностям и смыслам, это невозможно без соответствующих эмоций и чувств.

Эмоциональная составляющая деятельности и общения неоднократно подвергалась изучению в психологии и в пси-

холингвистике. Для нас важным является положение, обоснованное в работах А.Н. Леонтьева о том, что «эмоции выполняют роль внутренних сигналов», «самая важная особенность эмоций заключается в том, что они релевантны именно деятельности, а не входящим в ее состав процессам, например, отдельным актам, действиям... А это значит, что присущая эмоциям функция положительного или отрицательного санкционирования относится не к осуществлению отдельных актов, а к соотношению достигаемых эффектов с направлением, которое задано деятельности ее мотивом» [Леонтьев А.Н. 1984: 164, 165]. Таким образом, **мотив** становится смыслообразующим регулятором деятельности, связывает в единую систему конституирующие ее действия, что подспудно подготовлено эмоциональным компонентом жизнедеятельности.

Эмоции и ценностный аспект в передаче культуры

Существует хорошо усвоенное представление о **средствах передачи родовых качеств человека**, о роли **наставничества, об освоении индивидом культуры** с помощью Учителя. *Для овладения культурой всегда необходим наставник.* Вхождение юного человека в новую социальную среду, в новую для него деятельность драматично, а потому ему нужны талантливые посредники, медиаторы, которые способны выделить, подчеркнуть позитивные стороны его способностей и конкретной человеческой деятельности и снять остроту трудно постигаемых аспектов, таких, как овладение техникой и технологиями познания и профессиональной работы. Например, замечательный поэт Арсений Тарковский всю жизнь был благодарен Г.А. Шенгели, своему первому учителю в литературе, он писал: «Мне хотелось бы, чтобы у всех молодых людей, ищущих ключа к искусству или науке, был свой Шенгели – без него так трудно!» [Тарковский 2009: 101]. Деятельность строит сознание субъекта, а сознание и подсознание отзываются на **свою** деятельность, которая «нашла своего субъекта» (по выражению А.Н. Леонтьева). К тому же нельзя не учи-

тывать, что в этих процессах большое место (и время) занимает наличие у ученика так называемого «смутного мышления», о чем пишут специалисты по теории аргументации. В этом процессе многие объекты, мыслительные операции, трудно осознаются, не выделяются приоритеты и акценты в последовательности действий. Именно пример, образец, модель действий, совершаемых взрослым для обучения ребенка и учителем для ученика, становятся теми ориентирами, благодаря которым умение формируется.

Только постепенно закладываются основы профессионального и «жизненно-го» сознания молодого человека, включающего бытийный, рефлексивный и духовный слои (по схеме А.Н. Леонтьева – В.П. Зинченко). У ученика целенаправленно совершенствуются свойства *чувственной ткани, биодинамической ткани движения и действия*, развивается спектр и глубина *значений*, появляются все новые и новые **смыслы** деятельности, происходит обогащение его сферы МЕЖДУ ним и учителем, представляющим мир в целом и профессии, в частности. (Напомним, что об этой сфере писал автор идеи, М. Бубер: «Это МЕЖДУ не является вспомогательной конструкцией, – наоборот, это место и носитель межчеловеческой событийности... По мере человеческих встреч в зависимости от обстоятельств оно **заново конституируется**» (выделено нами. – М.С.; цит. по: [Зинченко 2010: 320]).

Разумеется, во многих методиках обучения различным видам профессиональной деятельности уделяется определенное внимание воспитанию духовных ценностей. Но выработка прочных основ сознания не может проходить без активного участия в процессах познания и самотворчества самого ученика. Особенно это касается художественного творчества. Многие философы, психологи и культурологи считают художественно-преобразующую деятельность важнейшей для формирования личности, для воспитания человеческих качеств. Так же считал и Н. Бердяев: «Творчество художественное лучше всего раскрывает сущность творческого акта. Искусство есть

сфера творческая по преимуществу. Принято даже называть художественным творческий элемент во всех сферах активности духа. Яркое творческое отношение к науке, к философии, общественной жизни, морали считают художественным... Сущность художественного творчества – в победе над тяжестью необходимости» [Бердяев 1989: 437]. Об этом же пишет и Х.Г. Гадамер в статье «Игра искусства». А М.С. Каган во многих своих работах ставит художественно-творческую деятельность в центр системы человеческих деятельностей, придавая ей важный, связующий статус в контексте с познавательной и, подчеркнем, коммуникативной, ценностно-ориентационной и реальной, утилитарной, жизненно-полезной деятельностью.

Художественное творчество и сотворчество – «сиамские близнецы», друг от друга зависящие. Второе не менее значимо для индивида и для социума, поскольку человек «обработанный», окультуренный представляет собой иную личность по сравнению с неопитом, невеждой. Входить в миры искусства, науки, в сферу МЕЖДУ с гениями не просто, участвовать в этом должны институты и учреждения, посредники в лице талантливых управленцев, педагогов и т.д. В противном случае неизбежны тотальная дикость и варварство. «Эстетическое переживание – не пассивное восприятие, не отображение в психике читателя, зрителя и слушателя эстетической эмоции художника, а *действенный акт рефлекторного восприятия произведения, воссоздания в психике воспринимающего субъекта типических черт структуры творческой эмоции художника*», – пишет исследователь творчества С.О. Грузенберг [2010: 33]. Он приводит слова выдающегося художника Н.Н. Ге о том, что «в искусстве дорога нам лишь та разница между тем, *чем мы должны быть, и тем, что мы есть, на которую указывает нам произведение искусства*» [Там же: 43]. «Вторая реальность», как называют сферу искусства, не отделена от первой непроходимой стеной, это единая система, о чем замечательно писал Ф.И. Тютчев:

*«О, вещая душа моя,
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!»*

Философы и психологи (И.И. Лапшин, С.О. Грузенберг и мн. др.) подчеркивают значимость способности к перевоплощению как у художника, создающего «вторую реальность», так и у реципиента. Реципиент в каких-то фрагментах своего сознания сближается с авторским мироощущением, мировоззрением, перенимает его идеи и смыслы. Для большинства читателей не прошел даром трагически непоправимый опыт Раскольникова, гениально показанный Ф.М. Достоевским. В частности, об этом благодарно писал выдающийся юрист А.Ф. Кони в письме к писателю, своему другу.

О «художественной эмоции»

Интересная трактовка эмоций в сфере искусства дается психологом Е. Басиным, который вводит понятие «художественной эмоции». Он подходит к психологии субъекта, в частности, к «эмоции, как к явлению, которое создается в акте художественного творчества. Создаваемая, творимая, формируемая в акте творчества эмоция и есть то, что мы называем художественной эмоцией». Далее он развивает идеи Л.С. Выготского о значении для художника взаимосвязи воображения и эмоции: «Воображение опосредует детерминацию психики художника со стороны художественной формы. Через него и только через него происходит формирование художественной эмоции», она есть «жизненная эмоция творца, преобразованная, трансформированная под воздействием художественной формы и в первую очередь ее первичной функции – создавать художественный вымысел. Художественная эмоция – воображенная эмоция, созданная, "сотворенная", как и все остальные компоненты художественной системы». И наконец, важное: «Разгадка природы художественных эмоций лежит в природе художественного "Я", в естественном «раздвоении» на реальное и воображаемое "Я"» [Басин 2000: 291, 294, 296].

Многие художники в своих теоретических работах подвергают анализу этот

феномен, например, об этом говорит К.С. Станиславский, когда он во многих своих приемах дает способы перехода от одного «Я» к другому (приемы «Магическое "Если бы..."», «Предлагаемые обстоятельства», «Эмоциональная память», «Сверхзадача» и «Сквозное действие» и др.). Развивает мысли своего учителя в искусстве М.А. Чехов в концепции «трех сознаний» актера. Можно сказать, что технике работы с художественной эмоцией, причем не напрямую, а опосредованно, через так называемые «манки», посвящена большая часть методик обучения актерскому мастерству. Именно поэтому мы считаем, что многие важные творческие навыки эффективно усваиваются в юном актере, затем он может стать профессионалом другой сферы, но внутренняя гибкость, лабильность, способность к эмпатии, станут уже его неотъемлемой чертой, «потянут» за собой иные творческие способности. (Что подтверждают примеры Ч. Диккенса, Б. Шоу и мн. др.).

Из сферы подготовки актеров был заимствован и психологический тренинг, занявший важное место в системе воспитания навыков практической саморегуляции. Однако имеется большая необходимость в просветительстве индивидов относительно грамотного подхода к эмоциям. Одной из эффективных работ, где современная наука находит выход в практику, является книга автора теории эмоционального интеллекта Д. Гоулмана «Эмоциональный интеллект». Автор называет такие необходимые компоненты и соответствующие направления по работе над своими эмоциями: «самоосознание; личное принятие решений; умение владеть чувствами; умение справляться со стрессом; эмпатия; коммуникация (как результативное обсуждение чувств); самораскрытие; пронизательность; личная ответственность; уверенность в себе; групповая динамика (сотрудничество); разрешение конфликтов» [Гоулман 2008: 463-464].

Для развития эмоциональной составляющей в практике общения субъекта мы предлагаем использовать креативный прием «Антивулкан» (или «Шкапулка с жеста-

ми» (к самому себе и к Другому)). (По аналогии с «думательными шляпами» Эдварда де Боно, с нашим приемом «Багаж» и т.п. [Соснова 2008б, 2009]).

Цель данного приема: развитие саморефлексии, управление эмоциональными состояниями (в основном, негативными: с тревогой, гневом, фрустрацией и т.д.), наработка эмоционального опыта, эмоциональной устойчивости. Зрительный образ – жест своей же рукой в перчатке определенного цвета.

«**Черная перчатка**» – жест «Стоп!» (Торможение негативных эмоций, перевод их в другой режим интенсивности).

«**Зеленая перчатка**» – жест вопросительный (Что это? Какая эмоция? – во мне или в Другом, начало эмпатии).

«**Синяя перчатка**» – жест самоуспокоения и через это – успокоения партнера. (Развитие рационального компонента общения).

«**Коричневая перчатка**» – жест указующий. (Как результат *выбора*: «бежать или бороться» (цивилизованными методами)).

«**Серебряная перчатка**» – жест принятия. (Получение нового личного опыта, выработка дисциплины, воли, помощи Другому).

«**Золотая перчатка**» – жест дружеских объятий. (Вдохновение Другого, накопление духовной и эмоциональной силы, выход на новый уровень, перевод эмоциональной энергии в творческое русло).

Как и в случае с другими нашими и «чужими» приемами, в которых объединены понятийный и образный компоненты, знакомство с таким креативным приемом дает субъекту возможность оттолкнуться от него и создать СВОЙ, наиболее эффективный для решения СВОЕЙ проблемы, прием. В какой-то степени данный прием может помочь сформировать «почти художественные эмоции», где своеобразным «произведением» будет более окультуренное поведение субъекта речетворчества.

Связь эмоционального самовоспитания с художественно-эстетическим развитием личности очевидна, хотя, разумеется,

здесь случай сложных зависимостей. Творец и сам способен испытывать эмоции в широком диапазоне, и через свои произведения заражать ими своего читателя, зрителя, слушателя. Как писал М.А. Булгаков, страстный человек и художник, «настоящий писатель не может не творить. Если может, значит, был не настоящим». В его произведениях мы видим не только глубокие философские обобщения, но и большой спектр перевоплощений автора, эмоции и чувства как самого рассказчика, так и его персонажей – от Иешуа до Шарика. Все творцы, а особенно гении – энтузиасты. Энтузиазм можно отнести к интегративным явлениям, объединяющим темперамент, характер, ум, доминирующие яркие эмоции, их явную выраженность, чувство долга и ответственности. Это подтверждает и этимология слова; «в Древней Греции, откуда слово *enthusiasmus* пришло во многие европейские языки, оно означало "вдохновение", "восторг", "воодушевление"... И далее автор исследования феномена гениальности, пишет: «Если вспомнить формулы К. Ясперса о "экзистенциальном" и "наличном бытии", то мы вправе сказать, что энтузиазм – это экзистенциальное и одновременно наличное бытие гения. Гений как человеческий тип – это энтузиаст!» [Плахов 2010: 115, 117]. Только энтузиаст мог повлиять на формирование национального языка и литературы, как это сделал А.С. Пушкин, или поставить задачу помочь человечеству, о чем писал в своих дневниках двадцатитрехлетний Лев Толстой. Только энтузиаст сталкивал идеи Востока и Запада с намерением высечь новые искры Духа, как это делали Р. Киплинг и Г. Гессе... Подобное можно перечислять без конца.

Через посредство искусства личные интересы переходят в сверхличные, как об этом писали И.И. Лапшин, С.О. Грузенберг, опиравшиеся на идеи Платона. Искусство становится «функциональным органом» по очеловечиванию человека, по-своему решая задачи, близкие в воспитании морали к мировым религиям, делая свое дело гуманно и мягко. Если так называемые «низкие жан-

ры» попкультуры (комедия, фарс, пародия и пр.) занимаются развлечением, релаксацией, компенсацией жизненных трудностей, влиянием на психологическое состояние, то «высокие» жанры элитарной культуры выполняют более значимую работу по возвышению Духа, по воздействию на самые базовые основы личности. Как пишет Д.А. Леонтьев, подлинное искусство «соотносится не с эмоциями (мы бы уточнили: не только с эмоциями. – М.С.), а с личностью, которая несводима ни к интеллектуальной, ни к эмоциональной сфере» [Леонтьев Д.А. 2007: 163].

Немного о творчестве и его тайнах

Изучая феномены и процессы творчества нельзя не опираться на опыт предшественников, ведь творчество как явление интересует исследователей с давних пор. При этом некоторые считают, что познание его невозможно в принципе, но сами все же пытаются анализировать его сущность и феномены. Например, Н. Бердяев писал, что «творчество – тайна. Тайна творчества есть тайна свободы. Тайна свободы – бездонна и неизъяснима, она – бездна» [Бердяев 1989: 369]. Но всегда находились те, кто пытается отвоевать у этой тайны хотя бы небольшой освещенный фрагмент, в какой-то степени осознаваемый, понимаемый и годный для последующего «обучения творчеству». Здесь, как нигде справедлива формула «научить – нельзя, научиться – можно», но и методики следует разрабатывать более полно и адекватно задаче. Следует не пренебрегать поиском, осуществленным нашими предшественниками. Целесообразно привести интересную схему И.И. Лапшина [1999: 211] показывающую взаимосвязанные процессы в творчестве как в сложной системе.

Несмотря на то, что автор данной схемы относит ее к творчеству ученого или философа, по нашему мнению, и для любого развитого сознания она очень интересна. Также представляет интерес идея мыслителя: «Творческая воля человека находит себе наивысшее и конечное выражение в стремлении не только *познать мировое единство*, но и преобразить его, усовершенствовать

Интеллектуальные процессы	Двигательные акты (с их психическими коррелятами)	Аффективные наклонности
1) <i>Накопление запаса знаний</i>	<i>Сноровка</i>	<i>Чуткость</i>
2) <i>Изобретательность</i>	<i>Ловкость</i>	<i>Проницательность</i>
3) <i>Систематичность мышления</i>	<i>Мастерство</i>	<i>Чувство целостной концепции</i>
<i>Понятие о мире в данной философской системе</i>	<i>Стремление к полному завершению системы в вещественной форме</i>	<i>Чувство целостной концепции мира в данной системе</i>

сообразно известному понятию должного... Разумная творческая воля человека вырастает на почве глубоких и сильных страстей» [Лапшин 1999: 211].

На уровне лично присвоенных установок и навыков всё «специализированное» при умелом использовании и самообучении начинает взаимодействовать, обнаруживая универсальность. Система «специализация плюс универсальность» порождает новые находки для системы в целом и для частей. Справедливо сказано, что «культура – поле коллективных смыслов» (Д.А. Леонтьев), в ней сосредоточены богатства, прикоснуться к которым не хватит человеческой жизни. Но эти «коллективные смыслы» должны быть максимально приближены к юному субъекту, который может в соприкосновении с ними быть «обожженным глаголом» гения, построить свою уникальную судьбу, заложить конструкты и механизмы окультуривания и просвещения, мимо которых не пройдут новые поколения творцов.

Общие «культурные смыслы» становятся реальными и действенными только через посредство личностных смыслов. Д.А. Леонтьев, опираясь на работы Ф.Е. Василюка, характеризует **эмоции как «чувственную ткань смысла»**, что очень важно в контексте и наших исследований. Д.А. Леонтьев пишет, что именно «эмоциональная

реакция, как правило, сигнализирует нам о личностном смысле. Можно говорить о том, что эмоции выполняют вспомогательную функцию презентации личностного смысла на осознаваемом уровне, не столько содержательно отображая его (это невозможно, поскольку смысл гораздо сложнее и глубже эмоции), сколько привлекая к нему внимание и ставя задачу на его содержательное раскрытие» [Леонтьев Д.А. 2007: 164–165]. Смысл всегда комплиментарен, т.е. он всегда смысл чего-то, эмоция либо привлекает к объекту, процессу, либо отталкивает от них, либо заставляет сомневаться в них, задуматься о них. Но определить для себя смысл художественного произведения – непростая задача, она решается успешно только в том случае, если реципиент более или менее становится конгениальным автору, если разделяет его отношение к общечеловеческим ценностям (Жизни, Любви, Совести, Свободы, Труда, Достоинства личности и т.п.). Здоровая часть общества отвергает тех, кто пренебрежительно относится к этим ценностям. Известный исследователь эмоций К. Изард [1999: 30] считает, что «от способности ощущать, чувствовать и выражать свои чувства с предельной ясностью и настойчивостью зависит наша жизнеспособность», либо мы испытываем чувства, которые привлекают нас к жизни, либо отталкивают от нее.

Решая центральную задачу статьи, а именно – раскрытие системных связей общения, творчества, сотворчества и эмоций – мы приходим к необходимости внимательно присмотреться к структуре творческого процесса. Наиболее часто исследователи называют следующие его компоненты: 1) подготовку, глубинную работу над проблемой; 2) фрустрацию; 3) инкубацию, вынашивание идеи; 4) инсайт или озарение; 5) проверку идеи, доработку ее до уровня применения. Эмоционально-психологический смысл знакомства начинающего творца с информацией об этой системе очевиден. Если мы знаем, что ВСЕ творцы неизбежно испытывают фрустрацию, недовольство собой, неверие в свои силы, утомление и пр., становится легче переживать все это самим. В.П. Зинченко [2010: 369] в своей книге приводит близкую к приведенной схему, но начинает список шагов с «возникновения темы», с «чувства необходимости начать работу». Говоря об инсайте, напоминает «о высокой роли подсказки, имеющей самые неожиданные источники».

Он, автор замечательных психологических исследований, находит возможность графически изобразить «хронотоп (виртуальную единицу вечности) живого движения», где важное место занимает «зазор длящегося опыта». Следует такое объяснение: «Функционально зазор – это не провал, а промер того, сколько и какой (внешней или внутренней) **энергии** необходимо тратить **для достижения результата**, для решения той или иной задачи. Но для «промера» нужна информация, а в зазоре-точке ее нет. Такая информация о прошлом и будущем имеется в петлях времени, в ментальных облаках и глубинах. Собранная во внутренней форме, она **концентрируется в настоящем – в зазоре** – и сопоставляется с настоящим. И переход одной формы в другую либо осуществляется либо не осуществляется» (выделено нами. – М.С.) [Там же: 208-209]. Приведенная цитата важна для понимания *самой сути* творческого процесса, для осуществления которого помимо многочисленных способностей нужен сильный

эмоционально-смысловой заряд и богатый жизненный материал. Созидательный процесс только и может происходить в упомянутом «зазоре длящегося опыта» при условии высочайшей концентрации творца на своей проблеме (художественной, научной, педагогической, политической и т.д.). Перманентное решение определенного класса задач порождает в субъекте **функциональный орган творчества**, нацеленный на создание новых продуктов деятельности. В этом функциональном органе помимо многообразных психических способностей творца, ключевыми компонентами становятся: осознание новой **проблемы**, ее формулирование; подбор или создание определенных **методов**, приемов; **критерии оценки результата** деятельности и др. Мы здесь привели некоторые ключевые моменты 4-х шагового метода мышления (по В.Ф. Юлову [2005: 482]), который неоднократно использовали в качестве базовой основы технологии некоторых творческих процессов, осуществляемых нами и нашими студентами.

«Технологичность» подхода к творчеству не устраняет, а обогащает эвристическую ценность креативного процесса и продукта, предупреждает субъекта о необходимости овладения «школой», культурными традициями в определенной профессиональной сфере. Д.Б. Богоявленская пишет о понятиях «квазикреативности» и «псевдокреативности», которые означают недисциплинированность мысли, отрыв от реальности, отсутствие ориентировки на получение определенного продукта. Подлинное творчество опирается на живую систему знаний, поиска, личностных ценностей и огромных усилий. Технологии можно освоить, а затем их творчески усовершенствовать, а эмоциями и ценностями мы вначале заражаемся, затем подзаряжаемся от себя же и от творческой среды (если она есть), в результате чего и возникает определенная ценностная шкала как один из важнейших атрибутов мастера.

Краткое описание некоторых творческих установок

Поскольку автором используется кроме прочих и метод интроспекции, приведем

несколько типовых установок на разные виды творческой деятельности без претензий на их полноту и раскрытие «всех тайн». Идея «малой» и «большой программы» порождения речи восходит к ранним работам Ч. Осгуда, что было учтено и использовано в схеме Т.В. Ахутиной – А.А. Леонтьева. В соответствии с этим представлением мы видим два главных уровня творения и речетворчества: уровень «большой программы» речи (уровень замысла) и уровень «малых программ» (уровень фраз, предложений, высказываний):

При создании *стихотворения* (лирического, гражданственного и пр.) происходит глубинное погружение в стихию наиболее остро заявивших о себе личностных смыслов, воспоминаний, переживаний и пр. Произведение строится вначале на уровне замысла (тема, идея, не всегда четкие сразу), а затем текст создается с учетом законов стихосложения с последующим многократным усовершенствованием текста.

При создании *басни* – вначале анализ наиболее актуальных проблем в наблюдаемом социуме, выбор одной, самой острой темы (на уровне ее предощущения, может и не быть четкой формулировки). Подбирается коллизия, ситуация, герои-персонажи (в двух ипостасях), с учетом требований вольного стиха и рифмы строится текст, отдельное внимание уделяется «морали» для уточнения главного смыслового посыла текста. Затем следуют многочисленные правки.

На *занятии* в позиции педагога (в том числе, педагога-художника) осуществляется попытка активно повлиять (рационально и эмоционально) на формирование фрагмента сознания и некоторых навыков ученика в отношении его познаний, мировоззрения, владения технологией или техникой определенной деятельности, на соиздание культурного профессионального сообщества.

Как исполнитель *роли в спектакле* – на этапе репетиций, вынашивания образа роли для последующего перевоплощения в нее, строится и вырабатывается с учетом культурного контекста новое существо в себе – на уровнях художественной концепции, вну-

тренней и внешней жизни, пластики, голоса и пр. На этапе игры в спектакле – на базеработанного на репетициях обязательно добавляется импровизационная составляющая игры в образе с учетом общения партнеров и «дыхания зала».

В качестве исследователя и автора *научной статьи или книги* – определяется и формируется проблема, вынашивается идея, формируется основная гипотеза, проводится исследование, которое завершается написанием текста с необходимыми выводами (читатель данного журнала не нуждается в подробных сведениях о данном процессе).

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что **ни один** из вышеназванных процессов и продуктов не может состояться без участия самых разнообразных по своему качеству и силе переживаний, чувств и эмоций.

Художник (и ученый, и педагог) творит «при свете совести», как писала М.И. Цветаева. Все его усилия направлены на создание шедевра, на выявление содержательных идей, выраженных в совершенной художественной форме, ведь именно она, «художественная форма (эстетическая структура произведения), выполняет психологическую функцию настройки сознания реципиента на восприятие данного конкретного содержания» [Леонтьев Д.А. 2007: 429]. Психолог далее пишет о своеобразном «гипнозе», «трансе», в который впадает реципиент. М.К. Мамардашвили тоже писал о «впадении в сознание» зрителя в театре, которое не может быть достигнуто другими средствами. Именно этот *эмоциональный и смысловой резонанс* может спровоцировать в реципиенте катарсис, может заложить в нем особые, ни на что более не похожие, эстетические потребности, мотивы, ценности, которые не всегда прямо, но влияют на его личность.

Анализ проблемы эмоционального компонента в общении, в творчестве и сотворчестве, подводит нас к попытке сформулировать систему **взаимосвязанных принципов**, которыми, по нашему мнению, руководствуется (более или менее осознанно) субъект, коммуникант, (творец и/или ре-

ципиент «чужого», становящегося в какой-то степени «своим» произведения):

- Принцип **активизации** внутренних (и внешних) процессов, принцип готовности к деятельности и общению. (В первую очередь он направлен на снятие страхов творца перед провалом, а реципиента – перед сложностями понимания произведения.)

- Принцип **концентрации внимания** на проблеме, цели, процессе. (Когда пробуждаются разнообразные, творимые в данный момент «умные эмоции»).

- Принцип «качелей»: **от образа - к понятию (и обратно)**, от визуализации объекта к идее и т.д. (Когда процессы в коре обеих полушарий мозга подключаются к решению проблемы).

- Принцип **посильного предвидения эмерджентностей** (внезапно появляющихся системных свойств). (Когда тренируются способности к интуиции, предвидению.)

- Принцип **открытости** (недовольства привычными путями, постоянного раз-

вития). (Когда воспитываются наблюдательность, талант к восприятию, собиранию нужного материала в себе и в окружающей среде.)

- Принцип **синергии** (сложения и умножения сил и энергий). (Когда формирующийся «функциональный орган творчества» становится всё более зрелым.)

- Принцип **«взвешенного перфекционизма»**. (Когда воспитывается необходимость стремления к совершенству продукта, в форме, не разрушающей самого творца).

Культура многолика и полифункциональна, человек и ее объект, и ее субъект. Эмоции, переживания – важнейшее драматическое поле внутреннего бытия субъекта и компонент его деятельности, и объект для творчества ради усовершенствования качества жизни. Наука исследует, уточняет некоторые этапы, механизмы этого сложнейшего процесса, а искусство способствует тому, чтобы человек испытывал неповторимые мгновения.

Литература

Басин Е. Художественная эмоция // Творчество в искусстве – искусство творчества / Под редакцией Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. – М.: Наука; Смысл, 2000. – 549 с.

Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества/ Под ред. Е.В. Антоновой. – М.: Правда, 1989. – 607 с.

Гоулман Д. Эмоциональный интеллект / Дэниел Гоулман; пер. с англ. А.П. Исаевой. – М.: АСТ, 2008. – 478 с.

Грузенберг С.О. Гений и творчество: Основы теории и психологии творчества. – Изд.2-е. – М.: КРАСАНД, 2010. – 264 с.

Дойдж Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга / Норманн Дойдж; [пер. с англ. Е. Виноградовой]. – М.: Эксмо, 2010. – 544 с.

Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 592 с.

Изард К.Э. Психология эмоций / Перев. с англ. – СПб.: Издательство «Питер», 1999. – 464 с.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность // Языки и личность. – М., 1989. – С. 3–8.

Лапшин И.И. Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. – М.: Республика, 1999. – 399 с.

Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Виллюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – С. 162–171.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 3-е изд., доп. – М.: Смысл, 2007. – 511 с.

Плахов В.Д. НОМО GENIALIS за чертой нормальности: Философско-антропологический дискурс. – СПб.: Издательский дом «Петрополис», 2010. – 256 с.

Соснова М.Л. Искусство актера: Учебное пособие для вузов. – 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2008а. – 432 с.

Соснова М.Л. Креативные приемы конструирования сознания // Вопросы психолингвистики. – 2008б. – № 7, С. 26–36.

Соснова М.Л. Технологии креативных решений (в рекламе и не только). – Калуга,: Эйдос, 2009. – 218 с.

Соснова М.Л. Универсальный субъект // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 1 (13). – С. 40–51.

Тарковский А.А. Судьба сгорела между строк / Арсений Тарковский. – М.: Эксмо, 2009. – 400 с.

Юлов В.Ф. Мышление в контексте сознания. – М.: Академический Проект, 2005. – 496 с.

Кларк Л. SOS: Обуздай свои эмоции... Как справиться с тревогой, гневом и депрессией / Линн Кларк; пер с англ. М.Колесниковой. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 301 с.

И.В. Журавлев

УДК 159.95; 165.21; 392.9; 397.4; 81'23

СТРУКТУРА РИТУАЛА И «ОПТИКА» МИФА

Статья представляет собой расширенный текст доклада, прочитанного автором на конференции «Жизнь языка в культуре и социуме – 2» (Москва, 27.05.2011). Работа посвящена анализу основных характеристик сознания, предпринятому из перспективы ритуала и мифа. В качестве центрального механизма осознания рассматривается феномен запрета, что позволяет обратиться к метафоре «оптики» и ввести в круг анализируемых феноменов сознания феномен власти. Главный тезис, отстаиваемый автором, может быть сформулирован следующим образом: быть в сознании – значит действовать как другой.

Ключевые слова: сознание, ритуал, миф, смысл, действие, запрет, власть, другой.

Ignaty V. Zhuravlyov

RITUAL STRUCTURE AND “OPTICS” OF MYTH

The article is based upon the author's report at the conference “Language Life in Culture and Society – 2” (Moscow, 27.05.2011). It deals with basic characteristics of consciousness analyzed from a perspective of ritual and myth. The phenomenon of prohibition is considered the main awareness mechanism; the use of an “optics” metaphor makes it possible to account for authority as one of the phenomena of human consciousness. The main thesis the author upholds is: to be conscious means to act like the other.

Key words: consciousness, ritual, myth, sense, action, prohibition, authority, the other.

1. Говоря о механизмах или органах (органах-механизмах) сознания, я буду иметь в виду средства порождения в нас не-природных состояний – или состояний, в которых мы действуем и испытываем нечто *по-человечески*. Метафора органа сознания может быть прояснена следующими словами М. Мамардашвили: «Фактом является то, что, для того чтобы испытать, действительно пережить какое-то живое чувство или живое восприятие, человек должен иметь, получить или создать сам, сотворить какую-то конструкцию, которая является органом, или средством, для человека испытать неорганические восприятия и чувства, которые он не мог бы испытать в результате функционирования своих естественных природных устройств» [Мамардашвили 2008: 222].

Первая идея, которую я постараюсь эксплицировать, заключается в следующем: быть в сознании – значит действовать *определенным* образом и действовать так потому, что ты не можешь действовать иначе. Эта идея, конечно, идет вразрез с нашими профанными представлениями о произвольности собственных действий, а потому может вызвать некоторое недоумение. Однако ее достаточно легко обосновать. В минувшем столетии в ряде гуманитарных дисциплин (и даже не столько в психологии, сколько прежде всего в антропологии, социологии, культурологии) было продемонстрировано, что сознательные явления – это такие явления, которым свойственно повторяться, несмотря на их уникальность. Нам, как сознательным существам, свойственно сталкиваться с одними и теми же проблемами, продумывать одни и те же вопросы – те, с которыми, конечно, до нас кто-то уже сталкивался; мы формулируем проблему как свою собственную – а оказывается, что историей и культурой уже подготовлены и кем-то до нас уже пройдены пути движения нашей мысли, и даже слова, которые мы произносим как свои, всегда (или практически всегда) являются чужими словами. Высказывая слово, формулируя проблему и даже испытывая уникальные, казалось бы, чувства, мы про-

изводим нечто и в то же время воспроизводим себя в культуре, движемся по силовым линиям, культурой для нас уготованным. К примеру, когда мы испытываем любовь, мы, как говорил американский психоаналитик Ролло Мэй, можем быть настолько ошарашены, что будем практически убеждены в том, что происходящее с нами никогда и ни с кем больше не происходило [Мэй 1997: 105–106]. Но с другой стороны – это наша конструкция, которая нас же конструирует в качестве способных нечто переживать: мы в буквальном смысле в нее вляпываемся или впадаем, падаем в нее, как это удачно фиксируется английским языком, и в то же время мы ее воспроизводим, как воспроизводим чужие слова, присваивая их, воспроизводим «уникальное» переживание восторга от предмета искусства и т.д.

Для нас как для агентов сознания такая повторяемость сознательных явлений часто неочевидна – ибо *мы присваиваем сам факт присвоения* (не проблематизируем его, перестаем его замечать). Но повторяемость эту достаточно легко обнаружить, обратившись к устройству первобытного и невротического сознания. А чтобы увидеть это устройство, нужно посмотреть прежде всего на то, что *делает* первобытный человек или невротик, т.е. обратиться к структуре и смыслу *ритуала*.

2. Рассмотрение структуры и смысла ритуального действия мы начнем с двух примеров, которые позаимствуем из книги Дж. Фрэзера «Золотая ветвь». В первом примере описываются действия, предпринимаемые жителями острова Ява для предотвращения дождя. «Когда яванец намеревается устроить большое пиршество в дождливое время года, он идет к ведающему погодой “специалисту” и просит его “подпереть тучи, которые могут надвинуться”. Если тот соглашается употребить на это дело свои профессиональные способности, то после ухода просителя он начинает регулировать свое поведение при помощи определенных правил. Он должен соблюдать пост, не пить и не купаться; то небольшое, что он употре-

бляет в пищу, должно быть сухим; ни в коем случае он не может прикасаться к воде. Со своей стороны устроитель пира и его слуги мужского и женского пола не должны в течение всего времени, пока длится пир, стирать белье и купаться; им надлежит также соблюдать строгое целомудрие. Колдун же усаживается на новой циновке в своей спальне и незадолго до начала пира шепчет перед небольшим светильником следующую молитву или заклинание: “Дедушка или бабушка Срекель (имя, по-видимому, выбрано наугад, иногда называются другие имена), вернись в свою страну, в свою страну Аккемат. Заставь замолчать свою бочку с водой, закрой ее хорошенько, чтобы ни одна капля не вытекла из нее”. Во время молитвы колдун смотрит вверх и воскуряет благовония» [Фрэзер 1998: 77].

Второй пример известен среди психологов благодаря его интерпретации А.Н. Леонтьевым как факта внешне опосредствованного забывания [Леонтьев 1983: 35 и далее]. Речь пойдет о мексиканских индейцах, исполняющих своеобразную процедуру очищения от «грехов» путем сжигания веревок с завязанными на них узелками. «Мексиканские индейцы племени гуичоль обращаются как с полубогом с одним видом кактусов, который приводит отведавшего его человека в экстатическое состояние. В их стране это растение не произрастает, и поэтому мужчины должны для его добычи ежегодно отправляться в поход, длящийся 43 дня. В течение всего времени, которое проходит до начала праздника кактуса, мужчины и женщины моются только в особых случаях, и то лишь водой, приносимой из дальней страны, где растет священное растение. Те и другие подолгу голодают, не употребляют в пищу соль и строгим образом воздерживаются от половых сношений. Считается, что нарушители этих правил подвергают себя опасности заболеть, а главное, ставят под угрозу достижение цели, к которой устремлены желания всех членов племени. С нахождением кактуса, этого вместилища бога Огня, индейцы связывают

здоровье, счастье и жизнь. Но подобно тому как чистый огонь не может принести пользу человеку нечистому, мужчины и женщины обязаны не только временно сохранять целомудрие: они должны очиститься от скверны прошлого греха. Поэтому через четыре дня после начала экспедиции женщины собираются вместе и исповедуются Деду Огню в том, скольких мужчин они любили, начиная с детских лет. Они не имеют права ничего упускать, иначе мужчины не найдут ни одного кактуса. Для того чтобы ничего не забыть, каждая женщина завязывает на веревке столько узелков, сколько у нее было любовников. С этой веревкой она приходит в храм и, стоя перед огнем, громким голосом поименно перечисляет отмеченных узелками мужчин. После окончания исповеди она бросает веревку в огонь, и, когда “чистое божественное пламя” ее поглотит, женщине отпускаются все грехи, и она уходит с миром. С этого момента женщины неохотно позволяют мужчинам даже просто проходить рядом с ними. Таким же образом очищаются от своих былых прегрешений и сами искатели кактуса. На каждый прошлый грехок они завязывают на веревке по узелку и, исповедавшись “на все четыре стороны”, отдают эти своеобразные четки с перечнем грехов руководителю экспедиции, который сжигает их» [Фрэзер 1998: 31–32].

Двух этих описаний вполне достаточно для того, чтобы приступить к структурному и феноменологическому анализу ритуальных действий. Что прежде всего бросается нам в глаза, когда мы рассматриваем эти примеры? Нам кажется, будто, *делая нечто одно, человек делает нечто другое*: переставая контактировать с водой, он пытается избежать дождя; сжигая веревки с узелками, он избавляется от грехов и т.д. В этом и можно усмотреть суть ритуала: *ритуал – это совокупность действий, смысл которых не выводится напрямую из их структуры*. Когда я забиваю молотком гвоздь, смысл моих действий может быть выведен из их структуры: я хотел забить гвоздь, и я его забил. Но представьте, что я страдаю навязчивыми состояниями и вынужден забивать в косяк

двери по одному гвоздю в день, чтобы избежать смерти от инфаркта. Глядя на мои действия со стороны, вы вряд ли догадаетесь об их смысле. В этом случае мы и имеем дело с ритуалом. Или, например, я поправляю волосы. Я могу это делать, потому что не хочу, чтобы они были растрепаны. Но я помню пациента психиатрической клиники, который, выходя из подъезда, должен был трижды поправить волосы, чтобы в доме за время его отсутствия не случился пожар. Стороннему наблюдателю смысл его действий был бы недоступен. Более того: смысл ритуальных действий может быть недоступен не только стороннему наблюдателю, но и самому человеку, самому субъекту ритуала. В связи с этим можно вспомнить описанную Фрейдом женщину, которая была вынуждена многократно выходить в соседнюю комнату, вставать у стола с пятном на скатерти, звать горничную и давать ей какое-то незначительное поручение. Оказалось, что женщина, сама этого не понимая, воспроизводила болезненную ситуацию брачной ночи, когда ее муж, бывший значительно старше, чем она, обнаружив свое бессилие, переживал о том, что горничная не обнаружит на простыне пятен крови [Фрейд 1999: 27 и далее]. Как в случае первобытных ритуалов, так и в случае болезненных симптомов мы имеем дело с действиями, смысл которых трудно или невозможно напрямую вывести из их структуры: он скрыт не только от нас, но часто и от субъекта ритуала. Или, если сказать точнее, смысл ритуального действия многослоен, и то, что доступно самому субъекту, может не совпадать (и, скорее, не должно совпадать) с тем, что может быть вскрыто в ритуальном действии путем реконструкции. А это означает, что даже в таком простом, казалось бы, ритуальном действии, как предотвращение дождя путем отказа от контакта с водой, исследователь может вскрыть более глубокий смысл, чем тот, который доступен самому исполнителю ритуала.

Мы определили ритуал как совокупность действий, смысл которых не выводится из их структуры. Отсюда следует первая

характеристика первобытного сознания, т.е. сознания, основывающегося на ритуальных действиях. Эта первая характеристика – *произвольность смысла*. Слово «произвольность» я употребляю здесь в том же значении, в каком его употреблял Соссюр, говоря о произвольности *знака*. Знак (например, слово «дерево») произволен постольку, поскольку звуковое представление (означающая часть знака) может не иметь ничего общего с понятием обозначаемого объекта (означаемой частью знака). Однако произвольность знака – не абсолютна, происхождение знака детерминировано целым рядом внутриязыковых и внешних по отношению к языку факторов. Точно так же дело обстоит с произвольностью смысла. Смысл ритуального действия произволен, потому что одно и то же (с внешней стороны) действие, будучи включенным в разные ритуалы или же воспроизводимым представителями разных культур, будет и осмысливаться по-разному. Тем более это справедливо, когда мы обращаемся к психическим болезням: если взять несколько больных, навязчиво поправляющих волосы, то смысл этого действия для каждого из них будет свой. Но смысл ритуального действия детерминируется культурой (а в случае болезни – индивидуальной историей, разыгрываемой на фоне культуры), а это значит, что его произвольность, как и произвольность знака, также не абсолютна. И поэтому *смысл ритуального действия может подлежать реконструкции* – как это, к примеру, было продемонстрировано в психоанализе.

Но именно детерминация смысла культурой (или – историей индивида на фоне культуры), обеспечивающая возможность его реконструкции, вскрывает для нас вторую характеристику первобытного сознания (а отчасти, раз уж мы проводим эту параллель, и невротического сознания). Вторая характеристика первобытного сознания – *циклическая организация времени*. Дело в том, что ритуал каждый раз воспроизводит некое идеальное событие, происходящее как бы вне времени. Как первобытный человек,

так и невротик в своих ритуальных действиях, производимых здесь и сейчас, воспроизводят каждый раз нечто неизменное и к настоящему моменту не относящееся; ритуал выводит человека за предел цепочки времени: яванец, предотвращающий дождь, разыгрывает каждый раз одну и ту же ситуацию; индейцы, поклоняющиеся кактусу, проходят одну и ту же процедуру очищения; дама, описанная Фрейдом, болезненно воссоздает ситуацию своей первой брачной ночи, и *то, что стороннему наблюдателю кажется цикличностью ритуала, изнутри является его вневременностью*. В ритуале, действительно, происходит *устранение мирского времени*, как говорил румынский культуролог Мирча Элиаде [1998].

Если действие, когда бы оно ни совершалось, является актуализацией каждый раз одного и того же смысла, если оно воспроизводит некое идеальное событие, существующее как бы вне времени, то само это действие должно обладать устойчивой структурой, которая не должна трансформироваться от раза к разу – такая трансформация, если мы все-таки ее обнаружим, будет свидетельствовать о трансформации смысла. Трансформация смысла ритуала возможна тогда, когда ритуал только еще формируется (или усложняется, как это бывает в условиях невроза), либо, наоборот, когда он умирает. Антропологами хорошо изучен процесс умирания ритуала, который можно наблюдать у современных первобытных обществ [Леви-Стросс 1999]. Но подлинный ритуал должен быть неизменным. Здесь мы сталкиваемся со следующим парадоксом, который я бы назвал *парадоксом времени ритуала*. С одной стороны, ритуал есть тогда, когда есть действие (или совокупность действий) с устойчивой структурой и устойчивым смыслом, и поэтому ритуал не может трансформироваться. В конце концов, он ведь существует вне времени! С другой стороны, ритуал может рождаться, формироваться, претерпевать постепенный распад и, наконец, умирать (существуя во времени). Парадокс этот разрешается имен-

но как парадокс времени. Действие является ритуальным в момент, когда оно воспроизводит идеальное вневременное событие, и, стало быть, ритуал не трансформируется. То, что подлежит трансформации, – это уже не ритуал, или, по крайней мере, это уже другой ритуал, который также не должен трансформироваться...

С устойчивостью ритуала мы свяжем третью характеристику первобытного (а с ним и невротического) сознания – наличие в нем *персеверативных тенденций*. Персеверация в широком смысле есть стереотипное повторение какого-либо действия. Персеверативные тенденции лежат в основе устоявшихся привычек, навыков, ряда болезненных симптомов. Принципиально важная особенность персеверации состоит в неравнозначности исходного действия и его последующих повторений. Чтобы продемонстрировать это, обратимся сначала к клиническому материалу: симптом, именуемый в клинике персеверацией, заключается в бессмысленном повторении действия, которое первоначально имело смысл. Например, человек называет свое имя в ответ на вопрос о том, как его зовут, а затем продолжает называть свое имя в ответ на уже совсем другие вопросы. Здесь смысл, сформированный в ходе первоначального действия, при последующих повторениях как бы стирается, исчезает. Более сложная ситуация характерна для навязчивых состояний. Болезненный симптом, как мы уже выяснили, характеризуется произвольностью смысла: навязчивое действие одновременно лишается своего собственного исходного смысла (например, позвать горничную или поправить волосы), но обретает другой, произвольный смысл, связанный с актуализируемой травматической ситуацией (продемонстрировать горничной пятна крови или избежать пожара). Такая подмена смысла (а лучше сказать, напластовывание или расщепление смысла) отмечается и в первобытном ритуале. Отсюда также следует, что идеальным событием, воспроизводимым в ритуале, является только такое событие, для

которого уже сформирована цепочка повторений. Или – скажем более жестко: *событие, воспроизводимое в ритуале, появляется сразу как свое собственное повторение*. Только событие, являющееся собственным повторением, может воспроизводиться в ритуальном действии. Ведь в противном случае смысл этого события не был бы расщеплен... Здесь, в этом рассуждении, мы попутно избавляемся от необходимости искать в истории культуры *реальные* события, которые впоследствии были ритуализованы, а равным образом и в индивидуальной истории – искать *реальные* ситуации, которые впоследствии включаются в механизм невротического воспроизведения. Их можно иногда найти, глядя на ритуал извне, но не при феноменологическом его анализе, исключаящем, как мы убедились, фактор времени. Но именно такой анализ позволяет нам увидеть персеверативную тенденцию в действии, наблюдаемом здесь и сейчас, даже если нам ничего не известно о том, совершалось ли оно когда-либо ранее...

Из сказанного можно вывести четвертую характеристику первобытного сознания, состоящую в тенденции к *тотальной регламентации* деятельности человека. В первобытном обществе существует весьма строгая система правил и запретов, касающаяся самых разных ситуаций и вещей: каких животных и когда можно употреблять в пищу, по каким тропинкам можно ходить, с кем и как здороваться, с кем можно вступать в брак и т.д. [Фрейд 2008]. Такая регламентация пронизывает все аспекты деятельности представителя традиционной культуры, причем сознательной эта деятельность является в той мере, в какой каждое действие соотносится с правилом или запретом, закрепленным традицией (феномен сознания, с этой точки зрения, и состоит первоначально в расщепленности или удвоенности действия, выполняемого здесь и сейчас, на актуальный и представляемый компоненты; значительно позже эти компоненты разводятся и обретают относительную независимость, закрепляясь в форме предметных и

вербальных значений). Аналогичная ситуация имеет место при неврозе навязчивых состояний, когда человек буквально обрастает правилами и запретами, оказываясь вынужденным выполнять сложнейшие ритуалы, которые постепенно поглощают самые разные аспекты его деятельности. Больные навязчивостями очень хорошо чувствуют эту вынужденность и противопоставляют себя своим болезненным действиям (я не хочу считать вагоны у проезжающего поезда, но не могу этого не делать), а представители традиционных обществ, напротив, ее не осознают, ибо противопоставить себя своим действиям они еще неспособны. Первоначально сознательное действие – это не произвольный акт, а вынужденное следование правилу, столкновение с необходимостью или запретом; осознать нечто – значит осознать недопустимость того, чтобы было иначе (объективация через запрет). В дальнейшем нам это позволит рассматривать власть как феномен сознания. Пока что зафиксируем вытекающую отсюда идею: *быть в сознании – значит действовать как другой*.

Следующая, пятая характеристика первобытного сознания состоит в *парадоксальной реальности субъекта ритуального действия*. Мы уже выяснили, что событие, включающееся в механизм ритуального воспроизведения, не обязательно должно было иметь место в действительности: оно обладает феноменальной реальностью и как бы схлопывается со своими повторениями. Ведь если, как говорил М. Элиаде, любое действие первобытного человека «обретает свою значимость в той мере, в какой оно в точности *повторяет* действие, совершенное в изначальные времена богом, героем или предком», то это отнюдь не указывает на объективную реальность повторяемого действия: для существования ритуала она как раз наименее важна. Однако человек, это действие выполняющий, обретает свою реальность именно тогда, когда он действует сообразно традиции, сообразно правилу, закрепленному ритуалом – ибо именно тогда он действует как сознательный субъект.

«При комплексном рассмотрении поведения человека архаической стадии развития общества поражает следующий факт: дела людей, равно как и предметы окружающего их мира, *не имеют собственной реальной значимости*. Предмет или действие приобретают *значимость* и, следовательно, становятся *реальными*, потому что они тем или иным образом причастны к реальности трансцендентной. <...> Подобная тенденция может показаться парадоксальной, в том смысле, что человек на архаической стадии развития осознавал себя реально существующим лишь тогда, когда переставал быть самим собой (с позиций современного наблюдателя) и довольствовался тем, что *воспроизводил* или повторял поступки *другого*. Иными словами, он не осознавал себя *реально существующим*, то есть ощущал себя “самим собой” только в той степени, в какой он переставал им быть» [Элиаде 1998].

Уточним: сознательный субъект – это и есть тот, кто действует как *другой*. И отсюда мы выведем последнюю, шестую характеристику первобытного сознания: *ритуальные действия, выполняемые первобытным человеком, оказываются способом обеспечения единства его сознания*. Иначе говоря, быть в сознании – значит делать то, что предписано традицией, а первоначально это и означает не что иное, как быть участником того или иного ритуала. И как только представитель традиционного общества «выпадает» из ритуала, он тут же перестает быть «подключенным» и к сознанию. Эту ситуацию блестяще продемонстрировал К. Леви-Стросс на примере индейцев бороро, которых пытались обратить в христианство приехавшие в Южную Америку миссионеры. Эти индейцы из века в век строили свои поселения в соответствии со строгими правилами; в центре они располагали большой мужской дом для специальных обрядов, а по окружности выстраивали семейные хижины, соединенные с центральным домом системой тропинок. Выяснилось, что обратить индейцев бороро в христианство значительно проще, если предварительно заставить

их отказаться от традиционного типа поселения и, к примеру, поставить хижины вдоль берега реки [Леви-Стросс 1999: 278–279].

3. В связи с этим я напомним вопрос, которым часто ставил в тупик психологов отечественный философ Л.К. Науменко. Он говорил: вот вы, психологи, проводите различие между внешним планом деятельности и внутренним планом деятельности, но скажите пожалуйста, *внутри чего находится внутреннее?!* Ведь если ты, будучи психологом, скажешь, что внутреннее находится внутри мозга, то ты перестанешь быть психологом. А как тогда ответить на этот вопрос? Можно сказать (и сам Науменко озвучивал этот ответ), что *внутреннее находится внутри ряда образов*. Но здесь нужно существенное уточнение, ибо этот ответ сохраняет для нас опасность ступить на картезианское поле (бог есть «место духов»). Требуемое уточнение касается *специфики образа*. Есть такая легенда об А.Н. Леонтьеве. Якобы однажды какой-то студент во время лекции задал Леонтьеву вопрос: «Алексей Николаевич, скажите все-таки, где же находится психика?». Леонтьев, проходя по рядам, постучал костяшками пальцев по столу и двинулся дальше... Это значит, что психика находится *как бы* в самих предметах, а если точнее, то она есть тогда, когда есть *взаимодействие* субъекта (которому наша абстракция атрибутирует психику) с предметом, или, как выразился еще один знаменитый философ (Э.В. Ильенков), *движение тела по форме другого тела*. Добавлю, что в случае человеческой психики речь идет о движении тела по внутренней или социальной форме другого тела (человеческого предмета). Итак, внутреннее, конечно, находится исключительно во внешнем, но только тогда, когда мы его там *находим*... Например, когда я воспринимаю этот стол, я двигаюсь по его форме (глазами или пальцами), и форма движений моего тела как бы встречается с формой самого стола. Ильенков называл это встречным движением формы деятельности и формы вещи. А примерно за тридцать лет до Ильенкова аналогичную мысль высказал

Леонтьев, сформулировав по сути центральную дихотомию неклассической психологии сознания – я имею в виду дихотомию образа и процесса... Центральной она является потому, что фактически выражает феноменологический поворот или сдвиг в исследовании сознания, произошедший в начале XX века – поворот, состоявший в различении условий, на которых в сознании эксплицируется некоторое содержание, и самого этого эксплицируемого содержания. Как говорил об этом М. Мамардашвили, есть еще неуловимый феномен существования содержания, который мы не замечаем, поскольку через содержание смотрим на мир. И если у Ильенкова речь шла о встрече формы деятельности с формой вещи, то Мамардашвили, имея в виду фактически то же самое, говорил о порождении нами органов или структур, которые, в свою очередь, сами порождают в нас неприродные или структурные состояния (в качестве такой структуры можно рассматривать, к примеру, язык). Кстати, называя сейчас разных мыслителей и приписывая им по сути дела одну и ту же мысль, я тем самым еще раз демонстрирую факт повторяемости явлений сознания...

Итак, у нас прозвучали две главные идеи: 1) быть в сознании – значит действовать определенным образом (или не быть способным действовать иначе, потому что иначе ты просто выпадешь из сознания), и 2) быть в сознании – значит действовать через структуры или действовать как другой. Мне представляется возможным продемонстрировать сразу и ту, и другую при помощи метафоры «оптики» власти¹ и «оптики» мифа – и на этом мы будем заканчивать.

4. Я уже говорил о возможности рассматривать власть как феномен сознания, имея в виду механизм объективации через запрет (осознается то, с чем мы вынуждены считаться, то, что нельзя обойти, то, что в буквальном смысле является необходимым). Напомню слова А.Ш. Тхостова, рассматри-

вавшего закон как своеобразный «зонд» сознания: «...законы, посредством которых строится топология социального субъекта, могут быть лишь жесткими, “мертвыми”. “Мягкость” закона не позволяет его интериоризовать и разрушает четкость границ ответственности. С феноменологической точки зрения “закон” – это не то, что написано на бумаге, пусть оно и называется “Конституцией”, а в первую очередь именно его неумолимость, пусть нигде не записанная, ибо я могу превратить в зонд лишь негибкие, однозначно предсказуемые вещи. В этом смысле древние были правы, говоря, что “*dura lex, sed lex*”. Это свидетельство не ограниченности, а, наоборот, пронизательности. Размывание карательных функций власти, обязанной быть гарантом неукоснительности исполнения закона, приводит к коррозии морали и нравственности именно потому, что “необъективность” законов, возможность их неоднозначной интерпретации – путь к деструкции топологии социального субъекта. Нестабильность закона-зонда – это прежде всего нестабильность *меня*» [Тхостов 2002: 84].

Рассмотрим два вида властных отношений, описанные и разграниченные Мишелем Фуко. Их можно различать по топологическому и темпоральному критериям. Для *власти-господства* характерна индивидуализация снизу вверх (тело короля противопоставлено управляемой массе) и оглядка в прошлое (например – происхождение династии связывается с некоторым сакральным событием в прошлом), в то время как *власть-дисциплина* характеризуется индивидуализацией сверху вниз (анонимная, безличная власть противопоставлена дисциплинуемым индивидуальным телам) и взглядом в будущее (ожидание от индивида определенных форм поведения) [Фуко 2007].

Дисциплинарная власть стремится все видеть, оставаясь невидимой, и все учитывать, оставаясь анонимной; ее идеальное

¹ Метафора «оптики» власти принадлежит Кириллу Журавлеву.

воплощение – это паноптикум, идеальная тюрьма, состоящая из башни в центре и просматриваемых насквозь камер, расположенных по окружности (проект английского философа конца XVIII в. Дж. Бентама). Надзиратель, находящийся в башне, видит заключенных, в то время как они его не видят; он может вообще отсутствовать в башне, и более того – место его может занять любой посторонний человек, прошедший в башню по подземному переходу, – но паноптикум работает, создавая у наблюдаемых индивидов чувство перманентной поднадзорности.

Теперь подходим к самому интересному. Структура паноптикума не может не напомнить нам уже упоминавшуюся здесь структуру первобытной деревни, в которой дома расположены по окружности, а в центре находится некое помещение для ритуальных действий... Фуко демонстрировал на примере паноптикума диспозитивы дисциплинарной власти, которые, как он говорил, стали повсеместно распространяться в Европе в течение XVIII века (вытесняя диспозитивы власти-господства). Но, может быть, прообразом этих диспозитивов являются отношения, существовавшие внутри первобытного общества? Видимо, отчасти это действительно так, хотя более точной была бы идея о том, что господство и дисциплина первоначально не отделены друг от друга. Например, в племени есть жрец, обладающий властными полномочиями, но правит не он – правит ритуал, закон, запрет...

Если власть-господство нуждается в артикулируемом мифе, подтверждающем легитимность носителя властных полномочий, то власть-дисциплина сама функционирует как миф, пронизывая контролируемых индивидов невидимыми нитями, формирующими в них виртуальные поведенческие пат-

терны (дисциплинированное тело – и есть тело, функционирующее в соответствии со сформированным паттерном). Примечательно, что условием правильной «работы» этих паттернов или правил является запрет на их артикуляцию: подобно многоножке, которой не следует задумываться о своих движениях, индивиду, чтобы адекватно функционировать в рамках определенного мифа, не следует объективировать задаваемые этим мифом правила поведения (естественно, это не исключает той или иной степени объективации на этапе овладения правилом, но впоследствии такая объективация правила скорее вредит, чем способствует его реализации).

С этой двойственностью феномена власти и может быть связана фундаментальная двойственность мифа, отмеченная Р. Бартом [1996]. С одной стороны, миф должен объективироваться, должен быть осознаваемым и транслируемым, но с другой стороны – он всегда должен сохранять свою оптическую неуязвимость, быть всепроникающим и – в силу этого – бестелесным (Барт это демонстрировал при помощи метафоры стекла, на которое либо сквозь которое может быть направлен человеческий взгляд). Объективация мифа необходима для его трансляции в виде феномена сознания. Но подлинная жизнь мифа разыгрывается не в ходе его объективации и трансляции, а лишь тогда, когда он сам служит средством объективации и трансляции чего-либо другого.

Невозможность сцепить в едином рефлексивном акте взгляд на миф и взгляд посредством мифа – невозможность, задающая неизбежную оторванность сознания от самого себя, – представляется в то же время конститутивной его характеристикой.

Литература

- Барт Р.* Мифологии. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1996. – 312 с.
- Леви-Стросс К.* Печальные тропики. – М.: АСТ, 1999. – 576 с.
- Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. – Т.1. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.
- Мамардашвили М.* Опыт физической метафизики. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 304 с.
- Мэй Р.* Любовь и воля. – М.: Рефл-бук, 1997. – 384 с.
- Тхостов А.Ш.* Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – 287 с.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции 16–35. – СПб.: Алетейя, 1999. – 288 с.
- Фрейд З.* Тотем и табу. – М.: АСТ, 2008.
- Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: АСТ, 1998. – 784 с.
- Фуко М.* Психиатрическая власть. – СПб.: Наука, 2007. – 450 с.
- Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. – СПб.: Алетейя, 1998.

А.В. Колмогорова

УДК 81'223

КОММУНИКАТИВНОЕ ЛИЦЕДЕЙСТВО В ОБЩЕНИИ МАТЕРИ С РЕБЕНКОМ

Статья посвящена анализу одного из аспектов речевого общения в диаде «мать-ребенок» – коммуникативному лицедейству. Рассматриваемый феномен включает в себя все виды речевой активности матери в общении с ребенком, в которых она выступает для ребенка в других коммуникативных ролях, нежели привычное «здесь – и – сейчас говорящая твоя мать». Выделяются и описываются виды коммуникативных ролей матери, их когнитивные функции во взаимодействии матери и ребёнка.

Ключевые слова: речевая коммуникация, материнское общение, коммуникативные роли, речевая практика.

Anastasiya V. Kolmogorova

COMMUNICATIVE MUMMERY PHENOMENA IN THE MOTHER-CHILD INTERACTION

The article deals with the problem of communicative mummery in the mother-child interaction. The cases when the mother does not communicate with her child as 'your mother speaking *hic et nunc*' are treated as the realizations of communicative mummery, e.g. the mother speaks to the child as if his/her doll would do it. It is suggested that the main function of the discussed phenomenon is to build up the child's communicative competence.

Key words: communicative competence, mother-child interaction, communicative mummery, baby talk, cognition, communicative expectations.

Введение

Данная публикация посвящена описанию и анализу некоторых результатов включенного наблюдения за общением матерей с детьми разных возрастных групп. Материалом для исследования послужили видео- и аудиозаписи речевого общения в 17 коммуникативных парах «мать – ребенок». Общая длительность записей – 8 часов 30 минут. В 10 коммуникативных парах дети принадлежат возрастной группе от 0 до 1 года, в 7 коммуникативных парах – от 1,5 до 3 лет. Возраст матерей варьирует от 21 года до 34 лет.

Наблюдения обнаружили присутствие в общении мать – ребенок такого явления, как общение «понарошку». Оно может принимать разнообразные формы – мать разговаривает в присутствии еще не говорящего ребенка за себя и за него; мать может говорить за какого-то вымышленного персонажа или игрушку, говорить вместо ребенка в разговоре с вымышленным взрослым и т.д.

Опираясь на тезис о тесной взаимосвязи коммуникации и когниции, отстаиваемый современными когнитивными психологами (С. Коули, М. Томаселло), мы выдвинули гипотезу о том, что, поскольку такие формы общения «понарошку» регулярно реализуются в материнском общении, а соотношение их разновидностей меняется в зависимости от возраста детей, такое общение, или «коммуникативное лицедейство», выполняет некие важные когнитивные функции в процессе развития психики и познавательного аппарата ребенка.

Коммуникативное поведение матери как объект научного исследования

Касаясь вопроса о степени изученности особенностей общения в диаде «мать-ребенок», следует отметить определенную асимметричность интереса, проявляемого исследователями к участникам данной диады.

Так, закономерности овладения ребенком навыками речевой деятельности,

становления и развития у него языковой способности широко изучаются в рамках онтолингвистики – одного из направлений психоллингвистики.

В работах Н.И. Лепской [1997], А.Н. Гвоздева [2005], Т.А. Гридиной [2006], С.Н. Цейтлин [2000, 2009] описана динамика, этапы и особенности усвоения детьми фонетической, лексической, морфологической и синтаксической подсистем русского языка. Однако подчеркнем, что объектом данных исследований, ценность которых неоспорима, является, преимущественно, речевая деятельность ребенка, которая, тем не менее, протекает не изолированно, а всецело обусловлена и направляется речевой деятельностью взрослого.

Последний аспект выделен в исследованиях М.Д. Воейковой, Т.О. Гавриловой, В.В. Казаковской, посвященных процессу усвоения ребенком морфологических категорий русского языка [Воейкова 2011], типам текстов в регистре общения с детьми [Гаврилова 2007] и семантической типологии вопросно-ответных единств на этапе раннего речевого онтогенеза [Казаковская 2007].

Так, М.Д. Воейкова отмечает, что важную роль в овладении ребенком качественными конструкциями (*Яблоко – красное*) играет речевое поведение матери, интуитивно следующей определенным когнитивным стратегиям, которые, объективируясь в ее гибком речевом поведении, создают благоприятные условия для овладения ребенком именно в этом возрасте качественными конструкциями [Воейкова 2011: 235-237]. Т.О. Гавриловой выделены типы текстов – тексты-воркования, тексты-комментарии, тексты «покажи», тексты-побуждения, – которые характерны для взрослых, общающихся в регистре «взрослый-ребенок». Автор, в том числе, отмечает наличие в регистре общения «взрослый-ребенок» текстов «от имени ребенка», но при этом подчеркивается, что данные тексты имеют информативный, а не фатический характер, и «информация, содержащаяся в них, как правило, адресова-

на не ребенку, а другому взрослому» [Гаврилова 2007: 395]. В дальнейшем анализе и интерпретации результатов наших собственных наблюдений мы позволим себе не согласиться с данным утверждением. В.В. Казаковская подчеркивает воздействующе-формирующую роль модусных высказываний в речи матери: мать, интуитивно задавая различные модусные вопросы, «формирует представление ребенка о себе как о субъекте мышлящем – практически во всех его ипостасях» [Казаковская 2007: 382].

Коммуникативное поведение матери является объектом ряда исследований по проблемам психоанализа, ставящих своей целью выявление и описание внутренних психологических процессов, происходящих в сознании матери. Так, анализируются особенности речевых высказываний беременных женщин о своем будущем ребенке [Исенина, Барановская 2001; Исенина 2003] как показатель предпосылок и динамики становления «базовых качеств» матери, свидетельство развития группы психологических качеств, обуславливающих «готовность к материнству» [Миронова, Брутман 2001].

Среди работ, создающих непосредственный контекст для рассмотрения проблематики нашего исследования «коммуникативного лицедейства» в речевом поведении матери и его когнитивных функций в развитии ребенка, важное место занимают исследования отечественной школы возрастной психологии. В частности, в исследованиях М.И. Лисиной и ее учеников [Лисина 1992; Божович 1992], посвященных развитию личности ребенка от 0 до 7 лет, не раз отмечается, что коммуникативное поведение взрослого (в частности, матери) является важнейшим фактором познавательного, мыслительного развития ребенка [Лисина 1992: 225].

Однако методологической основой нашего исследования являются концепции современной когнитивной психологии, представленные в работах М. Томаселло [2011] и в трудах представителей так называемой теории распределенной когниции [Cowley 2004, 2005, 2009; Perry 2003].

М. Томаселло, развивая идеи совместной интенциональности, отмечает: «Способность создавать общий смысловой контекст (совместное внимание, совместный опыт, общие культурные представления) представляет собой абсолютно неотъемлемое измерение человеческой коммуникации, включая языковую коммуникацию, со всеми ее «он», «она», «оно»» [Томаселло 2011: 29]. Анализируя результаты наблюдения за человекообразными обезьянами и за младенцами, исследователь приходит к выводу о том, что стремление к сотрудничеству и кооперации, мотивированное не только опасностью и желанием выжить, как это принято у обезьян, но и желанием предложить помощь, разделить чувства и эмоции, информировать, является базисом человеческой коммуникации и, одновременно, важнейшей формой биологического приспособления, а собственно лингвистические характеристики языка, включая грамматические, конструируются культурно и передаются внутри отдельных сообществ [Там же].

Наблюдая за взаимодействием матери и младенца четырнадцати недель [Cowley 2006], С. -Коули делает вывод о том, что в когнитивном аппарате ребенка репрезентации события или явления окружающего мира возникают – осуществляется «познание мира» – благодаря наблюдениям за поведением взрослого и его аффективными, эмоционально окрашенными реакциями на всякое изменение окружающей среды, а главное – на действия и поведение самого ребенка. Благодаря врожденному стремлению к кооперативному взаимодействию с другими, ребенок стремится к получению положительной аффективной реакции взрослого, а для этого необходимо уметь формировать зону совместного внимания и совместной интенциональности и уметь взаимодействовать в рамках совместной активности.

Таким образом, приобретение навыков общения, становление коммуникативной компетенции ребенка являются биологически важными процессами – процессами, успешное развертывание которых обуслов-

ливают социальную адаптацию человеческого организма к окружающей среде. Наша гипотеза в данном случае состоит в том, что «коммуникативное лицедейство» в материнском общении является одной из форм развития коммуникативной компетенции ребенка, позволяющей формировать социально-речевые предвосхищения и ожидания будущего члена лингвокультурного сообщества еще до момента приобретения им статуса активного коммуниканта.

Понятие коммуникативного лицедейства

«Коммуникативное лицедейство» – терминологическое новообразование, предлагаемое нами для обобщенного обозначения широкого круга явлений в общении матери с ребенком, в которых мать отклоняется от когнитивной роли «я, здесь – и – сейчас действующая/говорящая», занимая другие когнитивно-коммуникативные позиции, описать которые можно, используя коннектор условности *как бы*. Например, нами зафиксирован ряд ситуаций в которых мать говорит и действует как *как бы* а) ребенок, разговаривающий с ней самой; б) ребенок, взаимодействующий с другим взрослым; в) посторонний человек или вымышленный персонаж, разговаривающий с ребенком; г) мать, но находящаяся в другом эмоциональном состоянии и в другой ситуации, нежели она есть на самом деле (понарошку рассерженная мать, например, хотя она таковой на данный момент не является); д) другой человек, разговаривающий о данной матери и о данном ребенке.

Термин «коммуникативное лицедейство» призван отразить некоторое раздвоение, манифестирующееся в речевом поведении матери. Значение лексемы *лицедейство* толкуется, как правило, через лексемы *представление* (театральное) и *притворство* [Ожегов, Шведова 1999]. Опираясь на театральный контекст употребления лексемы *лицедейство*, предполагающий временное отождествление актером себя и персонажа [Захава 1978: 66] при сохранении самоидентификации, мы употребляем сочетание

«коммуникативное лицедейство», акцентируя момент ограниченного во времени перевоплощения матери. При этом «затушевывается» параметр сознательности данного действия: для профессионального актера лицедейство есть осознанно выбранное ремесло, тесно связанное с набором профессиональных навыков перевоплощения, а для матери, общающейся с ребенком, степень осознанности перевоплощения варьирует.

Виды «коммуникативного лицедейства» в общении матери с ребенком

Рассмотрим виды коммуникативного лицедейства в материнском общении.

Коммуникативные «перевертыши»

Мать обращает какую-то реплику к ребенку и сама же воспроизводит якобы его ответные реплики, маркируя условность этого диалогического взаимодействия коммуникативным коннектором *скажи*:

(1) *Давай ушки почистим? Не хочешь? Скажи, вот мать издевается: то ей ногти, то ей уши чистить...*

(2) *А ты чего, что такое? Мама, скажи, покушать не дает, вот я уже 15 минут лежу, прошу, а она не дает. Скажи, я тут язык тебе показываю, а ты мне не даешь покушать, скажи, давай есть быстрее, я хочу есть, страх как хочу, а она не дает.*

При этом, как правило, в якобы «репликах ребенка» реализуются речевые акты упрека, обиды, возмущения. Мать референциально смещенно употребляет дейктическое местоимение *я*, обозначая им не себя – говорящую – а ребенка, якобы являющегося субъектом высказывания. Себя же мать обозначает либо дейктическим местоимением *она*, либо номинациями *мать, мамка, мама*. Во время этого взаимодействия мать хмурит брови, покачивает головой, но одновременно ласково смотрит на ребенка. Ребенок при этом демонстрирует контактный взгляд.

Данный вид коммуникативного лицедейства характерен для взаимодействия матери с детьми от 0 до 1 года, т.е. для детей так называемого доречевого периода развития.

Коммуникативное суфлерство

Вид коммуникативного лицедейства, характерный для взаимодействия матерей с детьми от 2-х до 3-х лет и заключающийся в том, что мать как бы встает на позиции своего ребенка, разговаривающего с чужим взрослым. В данном случае мать как бы дает модель для имитации. Например, мать и ребенок (2,8) вместе смотрят мультфильм. Во время просмотра раздается резкий звук работающей дрели. Мать знает, что это сосед вновь принялся за ремонт, и говорит:

(3) *Кто там? Дядя бж-жи делает? Попроси дядю не делать больше бж-жи. Скажи, не надо, дядя, так делать! Мне не нравится, не нравится.*

Важно отметить, что в примере 3, так же как и в 2-х предыдущих примерах, используется коннектор *скажи*, маркирующий коммуникативное перевоплощение. После употребления данного коннектора меняется и невербальная семиотика общения: произнося реплики якобы ребенка, мать энергично поворачивает голову из стороны в сторону, хмурит брови, ее голос становится более низким, но глаза при этом лукаво прищурены, взгляд ласков и направлен на сына. Мальчик при этом смотрит перед собой, а не на мать.

Коммуникативное превращение

Данный вид коммуникативного лицедейства используется в ситуации ролевой игры (с игрушкой, куклой), когда мать говорит вместо вымышленного персонажа. Например, мама и Костя (2,4) вместе играют. Мама берет куклу и изображает то, как кукла пришла в гости к мальчику. Мама двигает тело куклы из стороны в сторону (визуальный маркер говорения) и произносит громче и выразительнее, чем в обычной речи:

(4) *Здра-авствуй, Ко-остя! Я тебе-е пода-арочки привезла.*

Важно, что при этом она растягивает практически все гласные, но особенно – ударные. Что касается невербальной составляющей, то мать покачивает головой из стороны в сторону в соответствии с полуповоротами туловища куклы. Мальчик смотрит на куклу и отвечает ей, а не матери.

Коммуникативное раздвоение

Так называемое «коммуникативное раздвоение» можно наблюдать во взаимодействии матери с ребенком как на доречевом периоде, так и на речевом. Мать делает вид, что она находится в том или ином эмоциональном состоянии, которое на данный (реальный) момент ей не свойственно. Чаще всего мы наблюдали случаи изображения «обиженной мамы», «расстроенной мамы», «плачущей мамы». Так, мама, пытаясь справиться с капризом ребенка, говорит:

(5) *Ну, все. Мама будет плакать – сын не слушает (и начинает изображать плач). Тема, пожалей маму!*

Или в подобной же ситуации, когда ребенок плачет, не хочет играть в то, во что предлагает мама, мама говорит:

(6) *Мама пойдет сейчас и тоже будет психовать (начинает изображать истерику, кричит, дергает ногами и руками).*

Важно, что при этом мама говорит неестественно громко, совершает слишком резкие движения, поглядывая при этом лукаво на ребенка.

Коммуникативное дистанцирование

Как показывают наблюдения, коммуникативное дистанцирование свойственно общению матери и ребенка не только в возрасте от 0 до 3-х лет – оно проявляется и в общении с детьми более взрослого возраста. Суть данной разновидности коммуникативного лицедейства состоит в том, что мать как бы перевоплощается в постороннего взрослого человека, который видит всю ситуацию общения мамы и ребенка как бы со стороны. При этом мама вновь, как и в случае с коммуникативными перевертышами, использует смещенную референцию, обозначая и себя (чаще), и ребенка местоимениями 3-го лица, либо личными именами или другими номинациями. Например, мама кормит малыша кашей:

(7) *Мама кашку Антоше наварила, кашку-малашку! (немного позже) Ой, какой мама чаек сделала с молочком! Допивай пока. Мама кружечку Антоше помоем. Съешь всю кашку – мама даст тебе вкусный киви.*

**Когнитивные функции
коммуникативного лицедейства
в материнском общении**

Нам представляется обоснованным проанализировать функции коммуникативного лицедейства с уже обозначенных выше методологических позиций теории распределенной когниции. Основной исследовательский пафос данной парадигмы заключается в том, что познание, когниция не есть ни отражение внешнего мира, ни проецирование структур сознания вовне, но выработка согласованных линий поведения, взаимодействия с окружающим миром, непрерывно совершающаяся в социальной интеракции. В работах С. Коули [Cowley 2004; 2005; 2006; 2009] раскрываются следующие аспекты распределенной когниции:

а) распределенная когниция основана на феномене совместной деятельности коммуникантов, в которой собственно языковые структуры являются структурами второго порядка;

б) она является контекстуализованной деятельностью, так как локализована в контексте аффективных реакций окружающих, в контексте реального времени, в социально значимом взаимодействии;

в) в ее основе лежит не собственно языковая деятельность, а «высказывательная активность» (*utterance activity*) – формируемая в опыте социальной интеракции способность к осуществлению различных форм интенциональной активности в ответ на воздействия других участников общения;

г) базисом распределенной когниции является так называемое «соглашение о мнениях и суждениях», имплицитно существующее между членами одного социального коллектива и заключающееся в том, что все его представители негласно разделяют общую систему норм, установок, стереотипов, организующих взаимодействие внутри сообщества и воспроизводимых в каждом новом поколении в процессе воспитания.

Рассматриваемый нами феномен коммуникативного лицедейства является одной из форм реализации распределенной ког-

ниции. Психологи отмечают, что первоначально мать не воспринимается ребенком как отдельный человек, ребенок не дифференцирует себя и свое окружение. Мать также испытывает чувство глубокого единения с младенцем, воспринимая его как свое продолжение [Чодороу 2006: 76]. С другой стороны, для того, чтобы человек мог устанавливать связь с другими людьми, ему необходимо устойчивое чувство своей собственной автономной идентичности [Лейт 1995: 55]. По сути дела, все рассмотренные нами виды коммуникативного лицедейства являются различными фазами постепенного отделения коммуникативного Я ребенка от матери. Это – своего рода когнитивный ритуал инициации в социокоммуникативную практику в целях своеобразного предвосхищения, «проигрывания» возможных будущих действий [Белик 2001: 533], осуществляемый в материнском общении с ребенком.

В самой онтологически ранней разновидности коммуникативного лицедейства – «коммуникативные перевертыши» – мать подсознательно демонстрирует ребенку модели социального взаимодействия в рамках неделимого еще коммуникативного целого «мы», как бы ориентируя ребенка: «так МЫ с ТОБОЙ общаемся».

В других разновидностях коммуникативного лицедейства мать последовательно ориентирует ребенка на различные комбинации социального взаимодействия в пространстве МЫ – Я – ТЫ – ОН.

В случае коммуникативного суфлерства актуализируется модель социальной интеракции «МЫ с тобой разговариваем с чужим (с НИМ)»; в случае коммуникативного раздвоения – модель «Я – здесь, но отдельно от ТЕБЯ»; если говорить о коммуникативном дистанцировании, то здесь используется модель «чужой (ОН) говорит о НАС», при коммуникативном превращении мать обучает ребенка максимальной автономии, реализуя когнитивную модель «чужой (ОН) разговаривает с ТОБОЙ».

Выводы

Подводя итог проведенному анализу феномена «коммуникативного лицедейства», представляется обоснованным сделать следующие выводы:

1. когнитивная, будучи рассмотрена в широком контексте адаптивной деятельности человека, образует тесный симбиоз с коммуникативной деятельностью;

2. «коммуникативное лицедейство» представляет собой одну из форм реализации распределенной в социуме когнитивной деятельности;

3. «коммуникативное лицедейство» в общении матери с ребенком формирует в опыте ребенка представления-предвосхищения

будущих коммуникативных взаимодействий в социальном пространстве Я – ТЫ – МЫ – ОН;

4. «коммуникативное лицедейство» имеет ряд разновидностей, частотность использования которых в материнском общении изменяется в зависимости от возраста ребенка;

5. выявленные разновидности коммуникативного лицедейства – коммуникативные перевертыши, коммуникативное суфлерство, коммуникативное раздвоение и дистанцирование и, наконец, коммуникативное превращение – имеют как вербальную, так и невербальную составляющие.

Литература

Белик А.А. Измененные состояния сознания как междисциплинарная область исследований // *Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология.* – М.: Смысл, 2001. – С. 523–546.

Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // *Возрастная и педагогическая психология: Тексты.* – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 210-229.

Воейкова М.Д. Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. – М.: Знак, 2011. – 328 с.

Гвоздев А.Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. – 2-е изд. – М., 2005. – 320 с.

Гридина Т.А. Онтолингвистика: язык в зеркале детской речи: учебное пособие. – М.: Флинта, 2006. – 152 с.

Захава Б.Е. Мастерство актера и режиссера. – М., 1973. – 233 с.

Исенина Е.И. О некоторых понятиях онтогенеза базовых качеств матери // *Перинатальная психология и психология родительства.* – 2003. – № 4-5. – С. 49-63.

Исенина Е.И., Барановская Т.И. Предпосылки базовых качеств матери и их связь с социопсихологическими характеристиками будущей матери // *Ребенок. Раннее выявление отклонений в развитии речи и их преодоление.* – Москва-Воронеж, 2001. – С. 32-38.

Лейт Р.У. Разделенное Я. – Киев, 1995. – 317 с.

Лепская Н.И. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). – М., 1997. – 152 с.

Лисина М.И. Генезис форм общения у детей // *Возрастная и педагогическая психология: Тексты.* – М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 210-229.

Миронова Н.И., Брутман В.И. Речь женщин в разные периоды беременности // Сироты России: Право ребенка на семью: Материалы Общероссийской конференции (Москва, 15–19 января 2001 г.). – М., 2001. – С. 158–164.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2010. – 944 с.

Томаселло М. Истоки человеческой коммуникации. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 328 с.

Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. – М.: Знак, 2009. – 592 с.

Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. – М., 2000. – 239 с.

Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология гендера / Пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2006. – 496 с.

Cowley S.J. Language: How humans and bonobos lock on to human modes of life. *International Journal of Computational Cognition*. – 2005. – Vol. 3(1). – Pp. 44-55.

Cowley S.J. Distributed language and dynamics. *Pragmatics & Cognition*. – 2009. – Vol. 17(3). – Pp. 495-507.

Cowley S.J. Bridges to history: biomechanical constraints in language // *Integrational Linguistics and History*. – London: Routledge, 2006. – Pp. 200-223.

Cowley S.J. Simulating others: the basis of human cognition? // *Language Sciences*. – 2004. – Vol. 26. – No. 3. – Pp. 273-299.

Perry M. Distributed cognition. In: Carroll JM (ed) *HCI models, theories, and frameworks: toward an interdisciplinary science*. Morgan Kaufmann Publishers, San Francisco, 2003. – Pp. 193–223.

С.В. Мамаева, Л.С. Шмульская

УДК 81' 25

**СОЦИОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
ШКОЛЬНИКОВ-ПОДРОСТКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АНКЕТИРОВАНИЯ)**

В данной статье мы охарактеризуем социальные, психологические и лингвистические особенности школьников-подростков, выделяя наиболее общие признаки, чтобы показать, как они отражаются в речевом портрете коллективной языковой личности учащихся 5–7 классов.

Ключевые слова: речевой портрет, языковая личность, языковая субкультура, культура, психолингвистические особенности личности подростков.

Svetlana V. Mamayeva, Larisa S. Shmulskaya

**SOTSIOPSIHOLINGVISTICESKY PORTRAIT
CHILDREN-ADOLESCENTS
(ACCORDING TO SURVEYS)**

The article describes social and psychological characteristics of adolescent students. The authors distinguish the most common signs to show the way they are reflected in the speech portrait of the collective linguistic personality of pupils the 5th to the 7th grades.

Key words: speech portrait, language identity, language subculture, culture, psycholinguistic peculiarities of the adolescents personality.

Подход к языковой личности с позиции ее места в данном социуме, в конкретном социальном пространстве (страны, региона, города), проблематика взаимосвязей и взаимодействий между языковой личностью и обществом в социолингвистическом аспекте подробно рассматриваются в ряде работ Л.П. Крысина (например, [Крысин 1989; 2000]) и некоторых других авторов.

Если рассматривать языковую личность школьника в обычной для него коммуникативной среде, то это, прежде всего, учебная ученическая группа, членом которой он официально является, затем класс и школа в целом. Л.П. Крысин относит учебные, производственные, служебные, спортивные, военные и т.п. коллективы ко вторичным малым группам (социальным общностям), в которые индивид входит, уже будучи членом групп первичных, формальных (например, семья) или неформальных (круг друзей, одноклассников и т.п.) [Крысин 1989: 79-80].

В малых социумах школьник как языковая личность вступает в личные и деловые формы взаимодействия людей, разграничение которых предложил Дж. Гамперц [1975: 313]. Это разграничение важно для описания типов речевого поведения языковой личности школьника.

Личные формы речевого взаимодействия школьника связаны с такими группами, как семья, компания друзей или сверстников, круг людей, имеющих общие интересы (музыкальные, спортивные и т.д.). Деловые формы общения – с такими микросоциумами, как учебная группа, класс. Иными словами, социальный круг коммуникативных ролей обычного школьника довольно обширен: семья, учеба, друзья по месту проживания, неформальные контакты в других сферах общения, связи с иногородними лицами и т.п.

Обычно любой человек является одновременно членом нескольких малых социогрупп. Этот факт подтверждается и нашими материалами: школьник является членом своей семьи, у него есть своя компания близких друзей или подруг, он входит в какую-нибудь группу по интересам (например, в круг поклонников, скажем, группы «Звери» или в компанию любителей футбола и т.п.) и, конечно, является членом своей учебной группы. Кроме того, школьник может входить в другие малые группы, более или менее формальные, имеющиеся в классе или в школе (редколлегия школьной газеты, общешкольная команда КВН и т.п.).

В данной статье охарактеризованы социальные и психологические особенности школьников-подростков, выделены наиболее общие признаки, которые отражаются в речевом портрете языковой личности, «ведь языковая личность – это углубление, развитие и насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще» [Полякова 2002: 5].

При всем разнообразии взглядов на языковую личность и ее составляющие исследователи в конкретных описаниях речевых портретов опираются на такие социально обусловленные факторы, как время и место рождения, семья, образование, объем и разнообразие речевой деятельности и т.д., а также на психологические характеристики данной языковой личности.

Объектом для создания социопсихолингвистического портрета стала коллективная языковая личность школьников-подростков (150 учащихся средних школ № 1, № 2, № 5, № 6, № 9, № 15 г. Лесосибирска 5–7-х классов).

В нашем исследовании участвовали как мальчики, так и девочки, но количественный состав девочек оказался бóльшим примерно на 30%. Этот показатель мы объясняем двумя причинами: во-первых, девочки охотнее вступали в беседу и были более непринужденны в разговоре,

нежели мальчики, а во-вторых, девочек в анализируемой нами возрастной группе оказалось больше, чем мальчиков, что объясняется известными демографическими факторами. При описании речевого портрета мы, конечно же, учитывали пол информантов, но в задачи нашего исследования не входило составление гендерных речевых портретов. Поэтому при анализе речи школьников мы выделяли общие признаки, характерные для обоих полов. Информантами явились школьники 10-13 лет. Из них 10-летних детей – 36 человек, 11-летних – 41 человека, 12-летних – 40 человек, 13-летних – 33 человека. В основном это дети, которые пошли в школу либо в полные 7 лет, либо в первой половине учебного года отметили свое семилетие.

Большинство школьников являются коренными жителями г. Лесосибирска. Только 5 человек родились в другом населенном пункте. Специального вопроса, выясняющего национальность школьников, в анкете не было (об этом мы могли судить только по фамилиям школьников), поэтому при создании социопсихолингвистического портрета данный параметр не учитывался, но при характеристике речевых особенностей школьников некоторые наблюдения были отмечены.

103 ребенка воспитываются двумя родителями, то есть имеют полную семью, 45 детей воспитываются одним из родителей, 2 детей не имеют родителей: один воспитывается бабушкой, другой – близкими родственниками. Многие школьники имеют брата и/или сестру, как младшего, так и старшего возраста.

При анализе ответов нами была выявлена такая особенность: большинство детей знают, как зовут их родителей (имя, отчество), но многие (53%) не могут назвать точного места их работы, либо должности.

(1) Мама работает на базаре/ У папы своя фирма// Кто он?/ я не знаю// И

как называется не знаю//.

(2) Папа – Анатолий Павлович/ он говорит, что предприниматель// Ну фирма какая-то/.

(3) Э-э-э, мой папа работает хореографом/ ну помощником/ потом крановщик//.

(4) Мама – Зинаида Кузбассовна/ там, в администрации кто-то//.

(5) Папа – тракторист/ мама – не знаю//.

(6) Мой папа работает на лесосеке/ не знаю/ не знаю кем// Мама наша дома работает//.

(7) Мама с папой в части работают/ мама – ефрейтор/ папа/ не знаю кто//.

(8) Папа – Ринат/ где работает папа – не знаю//.

Причину таких ответов мы видим в том, что школьники данного возраста еще не достаточно сформированы в социальном плане. Они полностью находятся на обеспечении родителей. Для них еще не стоит вопрос о выборе профессии (в отличие от старшеклассников).

Подтверждением данных выводов может служить и ответ на вопрос: *Ты уже задумывался о том, какую профессию выберешь?* Большинство не смогли дать точного ответа (62% от общего числа информантов). Наиболее частый ответ «Нет».

(1) Не задумывалась о профессии я//.

(2) Я не знаю/ не думал//.

(3) Нет/ так иногда думаю/ еще не знаю//.

(4) Я думала об этом, но пока не решила/ рано еще//.

(5) Да, я думала/ много раз// хотела быть врачом/ еще думала продавцом/ думала буду все есть//.

(6) Мне папа все время говорит/ ты будешь судьей/ это как бы хорошая работа/ она мне нравится/ я уже как бы привыкла//.

Важнейший социальный фактор, участвующий в формировании языковой

личности, – это семейные традиции: культурные, этикетные (речевые). Но, как показал опрос, большинство школьников 85% затруднилось ответить на вопрос о семейных традициях:

(1) *Традиции?/ не знаю...//*

(2) *Традиций нету//*

(3) *Нет, нет/ нету/ смотрим телевизор//*

Либо в качестве семейных традиций предлагались следующие:

(1) *Только праздники все вместе отмечаем/ а так традиций никаких нет//.*

(2) *У нас в семье традиция/ покупать друг другу подарки/ сувениры всякие/ на праздники/ мне мама дает деньги / и я им с папой покупаю//.*

(3) *Мы .../ ну/ к бабушке все ездим//.*

Таким образом, мы видим, что устойчивого представления о семейных традициях у школьников-подростков еще не сформировано. Скорее всего, причиной этому является семейное воспитание. На вопрос: *Чем любят заниматься в вашей семье в свободное время?* наиболее частые ответы: «Смотрим телевизор» – 48% или «Играем на компьютере» – 37%.

(1) *Мы смотрим ТВ / когда мама приходит с работы/ помогаем ей по хозяйству/там.../ готовим кушать все вместе/ еще любим ходить в гости//.*

(2) *Телек всегда смотрим/ любим ходить в гости/ к бабушке ездим часто//*

(3) *Папа, в основном, слушает радио/ мама/ сидит в Интернете/ брат и я/ играем//.*

(4) *В компьютер режемся/ я и папа/ мама тоже иногда//.*

Считаем необходимым отметить и тот факт, что большинство детей пришли в школу, умея читать (58%), многие говорили о том, что у них дома немало книг, но лишь 2% сказали, что в свободное время любят читать (и в основном это были

девочки). Более глубокий анализ семейного воспитания наших информантов мы не можем дать по ряду причин: во-первых, это не входило в задачи нашего исследования, а во-вторых, материал для анализа мы получали только со слов детей: их родители не участвовали в наших беседах.

В формировании ребенка как личности решающую роль играет его образ жизни: интересы, увлечения, привычки. «Современный подросток... он ищет себя, меняет интересы, отличается самостоятельностью и независимостью. По каждому вопросу у него может быть свое мнение. Его суждения, выводы удивляют своей зрелостью, а порой и практичностью. Его интересуется многое – спорт, музыка, политика» [Ладыженская 1999: 3].

Мы заметили, что большинство детей на первое место ставят не учебную деятельность, а внеурочную. Свободное время школьники проводят по-разному: кто-то предпочитает компьютерные игры (их большинство – 68,2%), кто-то любит гулять, смотреть телевизор, слушать музыку, петь. Но в то же время многие школьники занимаются в различных спортивных секциях: каратэ, дзюдо, футбол, легкая атлетика, гимнастика; музыкальных и художественных школах; кружках: вышивки, бисероплетения, тестопластики, танцевальных, народного творчества и т.д.

В ходе исследования установлен тот факт, что разнообразный круг увлечений и занятий повлиял и на характер лексикона школьников. В их речи много лексики, связанной с разными видами деятельности.

(1) *...Гулять люблю// Ну.../танцевать там// Э-э-э.../хореографией то есть//*

(2) *Я вот люблю/ в художку ходить// эту.../школу художественную//*

(3) *Я люблю на каратэ ходить/ и ну.../ на «Чудеса»// (танцевальный ансамбль – С.М.).*

(4) *Я занимаюсь спортом/ хожу на тренировку//*

Всем школьникам, с которыми мы

беседовали, присущи такие черты характера, как общительность и непосредственность, одним словом, – экстравертность (по К.-Г. Юнгу). Они легко вступали в разговор, не стеснялись. При этом чаще всего говорили ровным и сдержанным голосом, но если какой-то предмет разговора их особенно заинтересовывал, то речь становилась сбивчивой, торопливой. Из этого можно сделать вывод, что у школьников данного возраста наблюдается смещение признаков, свойственных темпераменту сангвиника и флегматика (по И.П. Павлову) (см. [Пентенгова 1999]).

В речи информантов очень часто возникали паузы размышления и поиска слов, свойственные флегматикам. В качестве пауз-хезитации в основном использовались их разговорные заполнители: *ну, вот, как бы, значит*.

(1) *За рубеж куда-нибудь.../э-э-э/ ну там посмотреть /как другие люди живут//*

(2) *Ну.../ про спорт люблю/ и-и-и*

там/ это.../ про животных//

(3) *М-м-м.../ можно.../ общий язык найти/ да.../наверное/ можно//.*

(4) *Ну.../это.../ сказки/ про этих.../ про принцесс//.*

Паузы-хезитации, конечно, присущи устной речи. Но их частотность в речи школьников говорит и о недостаточной сформированности механизма поиска слов.

Таким образом, коллективная языковая личность школьников-подростков характеризуется следующими социальными и психологическими факторами, совокупность которых влияет на процесс становления коммуникативной компетенции и в конечном итоге на характер их речевого портрета: социальный статус семьи, передача культурных и речевых традиций семьи, привычки и навыки образа жизни, широкий круг интересов, внеучебная деятельность, экстравертный тип личности со смещением темпераментов сангвиника и флегматика.

Литература

Гамперц Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. Социолингвистика. – Вып. 7. – М., 1975. – С. 299–319.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989. – С. 120–164.

Ладыженская Т.А., Зельманова Л.М. Практическая методика русского языка. 5 класс: кн. для учителя. – М., 1999. – 328 с.

Пентенгова О.Ю. Влияние темперамента человека на его речь // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 1999. – С. 108–114.

Полякова В.Н. Экстралингвистические и интралингвистические факторы формирования русской языковой личности (на материале произведений художественной литературы): дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2002.

Псих

УДК 81'23

Н.Н. Рогозная, Чэньчэнь Ли

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЫБОРА
НОВОГО ИМЕНИ
КИТАЙЦАМИ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ**

В данной статье рассматриваются причины появления нового антропонима на территории Китая. Современная тенденция переименования индивида претерпевает «бум». Описаны причины спроса на переименование, приведены статистические данные, описан семантический компонент выбора нового китайского антропонима.

Ключевые слова: антропоним, новое имя, омонимия, отрицательная коннотация, ономастический анализ, переименование личности, ономастическая культура социума.

Nina N. Rogoznaya, Chenchen Li

**PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF CHOOSING
A NEW NAME
BY CHINESE ON THE TERRITORY OF CHINA**

The article deals with the new anthroponym coming into existence on the territory of China. Modern tendency of choosing a new name for a person is becoming more and more popular. The article describes reasons for choosing a new name, gives statistical data and the semantic component of choosing a new name.

Key words: anthroponym, new name, homonymy, negative connotation, honomastic analysis, choosing a new name, social honomastic culture.

Имена собственные (антропонимы) являются важной составляющей частью любой национальной культуры, входя в ее концептосферу. Получение данных, отражающих национальную историко-культурную специфику функционирования антропонима в обществе, его трансформацию, современные тенденции спроса со стороны личности и социума возможно благодаря анализу и интерпретации психолингвистического эксперимента как одного из инструментов обнаружения его функционирования.

Эксперимент позволяет получить богатую информацию о появлении, восприятии, интерпретации, интеграции антропонима в языковом сознании личности.

Имя собственное, в отличие от имени нарицательного, связывается не с классом предметов, а с индивидуальным предметом или с несколькими одноименными объектами, каждый из которых воспринимается индивидуально.

Собственные имена и фамилии людей давно уже являются предметом исследования такого раздела лингвистики как ономастика и в лингвистике называются «антропонимами».

В зависимости от принадлежности именуемого объекта в ономастике различают разные типы онимов, их насчитывается около 60, но главные из них:

1. Антропонимы – имена собственные людей, псевдонимы, прозвища, клички.

2. Топонимы – название любых географических объектов.

3. Зоонимы – собственные имена (клички) животных [К вопросу о слове 1954: 3–9].

Важность изучения антропонимии как одного из разделов ономастических исследований обусловлена тем, что современные тенденции социума, получив неограниченные возможности для творческого подхода к образованию личного имени, не всегда учитывают отрицательные факторы при номинации.

В данной статье рассматриваются китайские антропонимы нового образования,

которые очень часто связаны с явлением омонимии. **Омонимы** – разные по значению, но одинаковые по написанию единицы языка (слова, морфемы и др.). В лексикологии изучаются два вида лексических омонимов: полные и неполные (частичные) и три типа: омофоны, омографы и омоформы [Омонимы. Очерки по общей и русской лексикологии 1957].

В данной статье рассмотрены некоторые примеры неудачных китайских имен, приводящих к отрицательной коннотации вследствие омонимии.

Например, учителя по дисциплине «Котлы тепловой обработки» зовут 吴嫣梅 У Яньмэй, он получил исконное имя 嫣梅 Яньмэй и фамилию 吴 У, и при этом имя звучит точно так же, как 无烟煤 у янь мэй, что означает «антрацит» или «бездымный уголь», и соответствует его профессии. Или учителя музыки зовут 管风琴 Гуань Фэнцин, этот человек получил имя 风琴 Фэнцин, обыкновенную фамилию 管 Гуань, но 管风琴 Гуань Фэнцин означает «органола», что ассоциируется с музыкальным инструментом. Учителя туризма зовут 陈亚玲 Чэнь Ялин, этот человек получил имя 亚玲 Ялин, обычную фамилию 陈 Чэнь, но при этом имя 亚玲 Ялин звучит точно так же, как 哑铃 я лин, что означает «гантель» или «гирия» и имеет ассоциацию со спортом. Обычное имя 达 Да и распространенная фамилия 马 Ма (звучат точно так же, как «конь, лошадь»), значение имени «двигатель» или «мотор» соответствуют натуре именуемого. Школьного врача зовут 段珍 Дуань Чжэнь, существует исконная фамилия 段 Дуань, имя 珍 Чжэнь, что в переводе обозначает «клад» или «сокровище». Но проблема возникающей омонимии в том, что 段珍 Дуань Чжэнь звучит точно так же, как 断针 дуань чжэнь, что означает «досл. игла для подкожных впрыскиваний ломается».

Вот еще некоторые примеры выбора неудачных китайских имен, ведущих к омонимии. Существует фамилия 杨 Ян, которая иногда используется с именем 伟 Вэй, что в переводе обозначает «великий» или «могу-

щественный». Но проблема в том, что 杨伟 Ян Вэй звучит точно так же, как 阳痿 ян вэй, что означает «импотенция». Другой пример неудачного китайского имени связан с использованием фамилии 朱 Чжу (звучит точно так же, как «свинья»), которое в сочетании с тем же 伟 Вэй может быть воспринято, как 猪尾 чжу вэй, что будет означать «свинчий хвост».

По нашим наблюдениям такие ситуации нередки. Так, например, в сочетании имени и фамилии 朱娟 Чжу Цзюань обнаруживается, что первый компонент, обозначающий фамилию, 朱 Чжу, второй – имя 娟 Цзюань, переводятся как «красивый», но 朱娟 Чжу Цзюань звучит точно так же, как 猪圈 чжу цзюань, что означает «свинарник». Другие примеры: 晏刚 Янь Ган, существует фамилия 晏 Янь, имя 刚 Ган, что в переводе обозначает «железный», но 晏刚 Янь Ган звучит точно так же, как 烟缸 янь ган, и имеет значение «пепельница»; 朱逸群 Чжу Ицунь, существует фамилия 朱 Чжу, имя 逸群 Ицунь, но 朱逸群 Чжу Ицунь звучит точно так же, как 猪一群 чжу и цунь, что означает «стадо свиней»; китайское имя связанное с использованием фамилии 杨 Ян (звучит точно так же, как «козел»), фамилия в сочетании с тем же 宜知 Ичжи может слышаться, как 羊一只 ян и чжи, что означает «один козел»; 秦寿生 Цинь Шоушэн, существует фамилия 秦 Цинь, имя 寿生 Шоушэн, но 秦寿生 Цинь Шоушэн звучит точно так же, как 禽兽生 цинь шоу шэн, что означает «зверь».

Еще имя 吴安全 У Аньцюань – это исконное китайское имя, распространенная фамилия 吴 У (звучит точно так же, как «без и нет»), имя 安全 Аньцюань в переводе обозначает «безопасность», поэтому проблема в том, что 吴安全 У Аньцюань означает «опасность».

刘学生 Лю Сюешэн – это имя и фамилия человека, где фамилия 刘 Лю, имя 学生 Сюешэн, в переводе оно обозначает «студент», а 刘学生 Лю Сюешэн звучит точно так же, как 留学生 лю сюе шэн, что означает «студент, обучающийся за границей».

宋秋波 Сун Цюбо – это настоящее имя, фамилия 宋 Сун звучит точно так же, как и 送 сун, что означает «подать», имя 秋波 Цюбо в переводе обозначает «чарующие очи», а 宋秋波 Сун Цюбо означает «смотреть влюбленными глазами».

矫厚根 Цзяо Хоугэнь – фамилия и имя человека, в котором фамилия 矫 Цзяо, а имя 厚根 Хоугэнь означают «плотная основа», а омофон 矫厚根 Цзяо Хоугэнь звучит точно так же, как 脚后跟 цзяо хоу гэгь, что означает «пятка».

В имени собственном 段明 Дуань Мин – фамилия 段 Дуань, имя 明 Мин, что в переводе обозначает «светлый», но проблема возникает в том, что омофон 段明 Дуань Мин звучит точно так же, как 断命 дуань мин и означает «испустить последний вздох».

胡月 Ху Юе – это невымышленное имя, существует фамилия 胡 Ху, имя 月 Юе, что в переводе обозначает «луна», но оно звучит точно так же, как 曰 юе, что означает «говорение», проблема в том, что 胡月 Ху Юе звучит точно так же, как 胡曰 ху юе, что означает «говорить вздор».

В имени 赵铸仁 Чжао Чжужэнь, первый компонент фамилия 赵 Чжао, второй – имя 铸仁 Чжужэнь, которые в переводе обозначают «гуманность» или «человечность», но лексема 铸仁 Чжужэнь звучит точно так же, как 主任 чжу жэнь, что означает «начальник», а это не всегда нравится людям, и они негативно воспринимают обладателя этого имени.

杜子腾 Ду Цзытэн, первая фамилия 杜 Ду, имя 子腾 Цзытэн в переводе обозначает «взлет» или «сделать блестящую карьеру», но проблема в том, что 杜子腾 Ду Цзытэн звучит точно так же, как словосочетание 肚子疼 ду цзы тэн и означает «живот болит».

苟学玘 Гоу Сюецзи – фамилия 苟 Гоу (звучит омонимично с нарицательным именем «собака»), имя 学玘 Сюецзи в переводе обозначает «мелкий жемчуг», но проблема возникает в том, что 苟学玘 Гоу Сюецзи звучит точно так же, как и 狗学鸡 гоу сюе цзи, что означает «собака учится у курицы», что имеет отрицательную коннотацию.

吴兴志 У Синчжи, обычные имя и фамилия человека, в котором фамилия 吴 У звучит точно так же, как «без, нет», имя 兴志 Синчжи, звучит так же, как 兴致 син чжи, что означает «увлечение», но 吴兴志 У Синчжи звучит, как 无兴致 у син чжи, что означает «нет увлечения».

穆森林 Му Сэньлин – фамилия 穆 Му и имя 森林 Сэньлин в переводе обозначают «лес», но дело в том, что антропоним 穆森林 Му Сэньлин звучит точно так же, как 穆斯林 Му Сылин, что означает «мусульманин», а это определенный маркер.

В антропониме 费彦 Фэй Янь, фамилия 费 Фэй, имя 彦 Янь, но проблема возникает в том, что 费彦 Фэй Янь звучит точно так же, как 肺炎 фэй янь, что означает «пневмония», что является названием заболевания; также имя 费红忠 Фэй Хунчжун, звучит как 肺红肿 фэй хун чжун, что означает «эмфизема легких».

庞光大 Пан Гуанда – фамилия 庞 Пан, имя 光大 Гуанда, в переводе обозначают «славный и великий», но проблема в том, что 庞光大 Пан Гуанда звучит точно так же, как 膀胱大 пан гуан да, что означает «большой мочевой пузырь», а это вновь отрицательная коннотация.

В имени собственном 严丽 Янь Ли, фамилия 严 Янь, имя 丽 Ли, что в переводе обозначает «красивый» или «пригожий», но проблема в том, что 严丽 Янь Ли звучит точно так же, как 严厉 янь ли, что означает «строгий» или «суровый».

В имени 王复周 Ван Фучжоу первый элемент фамилия 王 Ван, второй – имя 复周 Фучжоу, но 复周 Фучжоу звучит точно так же, как 覆舟 фу чжоу, что означает «опрокидывать судно».

史定一 Ши Дини – фамилия 史 Ши, имя 定一 Дини, если прочитать это имя с конца 一定史 и дин ши, то 一定史 и дин ши звучит точно так же, как 一定死 и дин сы, что означает «верная смерть». Согласитесь, это мрачное значение.

朱传宗 Чжу Чуаньцзун, фамилия 朱 Чжу (звучит точно так же, как «свинья»), имя 传宗 Чуаньцзун в переводе обозначает

«продолжаться из поколения в поколение», что кажется нормальным и красивым, но проблема в том, что 朱传宗 Чжу Чуаньцзун звучит точно так же, как 猪撞种 чжу чуань цзун, что означает «гибридная свинья». Данный омофон красоты не добавляет, а полностью перечеркивает положительную коннотацию.

В антропониме 张面柄 Чжан Мянбин первый элемент – фамилия 张 Чжан, второй – имя 面柄 Мянбин, что звучит точно так же, как 面饼 мянь бин, но означает «пампушка».

曹达脑 Цао Данао, фамилия 曹 Цао, имя 达脑 Данао в переводе обозначает «развитый головной мозг», но 达脑 Данао звучит точно так же, как 大脑 да нао, что означает «большой мозг».

Ономастический анализ показал, что лексические омонимы представлены омоформами, омофонами и омографами, но характеризуют в широком смысле явление так называемой стилистической омонимии: 1) совпадение звучания и написания одной или нескольких форм слов – омоформы (胡 Ху, 胡月 Ху Юе – это невымышленное имя, в котором фамилия 胡 Ху, а словосочетание 胡曰 ху юе означает «говорить вздор»); 2) омофоны, имеют различное написание слов или словосочетаний, но одинаково звучат: (в 费彦 Фэй Янь, фамилия 费 Фэй, имя 彦 Янь, а 肺炎 фэй янь означает «пневмония», т. е. заболевание легких; так же имя 费红忠 Фэй Хунчжун, а 肺红肿 фэй хун чжун означает «эмфизема легких»); 3) одинаковое написание, но разное произнесение слов – омографы (单, 单田芳 Шань Тяньфан – например, китайское известное имя мастера искусства, по фамилии 单 Шань и 单独 дань ду имеет значение «отдельность»; 娜, 安娜 Ан На – женское имя, а 婀娜 э но – это словосочетание означает «нежный и грациозный»).

Таким образом, коннотативные значения антропонимов могут нести не только положительную семантику, но и трансформироваться, приобретая отрицательную. Вот почему при выборе имени собственного следует учитывать не только прагматиче-

ский выбор имени собственного, но и подчас скрытый от обывателя, «закодированный лингвистический элемент» [Имя, социум, культура 2008: 215-217], представленный омонимом. Ведь часто говорят: «Имя – это характер, а характер – это судьба».

В последние годы изменение имени стало модным, и люди стараются изо всех сил выбрать такое новое имя, чтобы оно не дублировалось, или добавить в состав имени больше слов. Таким образом, имя из пяти слов уже не редкость. Например, имя одного пекинского мальчика 孙藤翹楚同 Сунь Тэн-цяочутун, фамилия 孙 Сунь (фамилия отца), имя 藤翹楚同 Тэнцяочутун – 藤 Тэн фамилия матери, 翹楚 Цяочу означает «галантливый и особенный», 同 Тун означает дословно «кристальное сотрудничество родителей».

Некоторые люди, которые болевают, исходя из «современного суеверия» надеются изменить судьбу и победить болезнь путем переименования, т.е. путем изменения первичного имени.

Переименование часто сопровождается многочисленными проблемами. Если менять ранее зарегистрированное имя и исправлять документы, то надо менять имя во всех документах: удостоверении личности, водительской книжки, сберегательной книжки, пенсионном страховании, медицинском страховании, документах права собственности на недвижимое имущество, архивных документах, рабочей биографии, дипломе об окончании вуза и т.д. В соответствии с требованием оформления документов нужно это сделать в самое короткое время, менее, чем за полгода. На это уходит много времени, поэтому официальные органы правы, что не соглашаются и не разрешают людям часто и без весомой причины менять свое имя. Вообще надо сказать, что оформление при переименовании может осуществляться официально только в случаях, если: 1) имя или дата рождения имеют ошибку; 2) антропоним имеет отрицательную коннотацию; 3) в роду есть родственник, обладающий таким же именем (полный тезка); 4) фамилия или имя неблагозвучны [哈尔滨日报:2009].

Но психология людей такова, что они, не довольствуясь существующим именем, пытаются изменить его, а вместе с ним и свою судьбоносную линию.

Психолингвистический анализ по переименованию первичного имени собственного показал, что официальные правила по переименованию и стремления индивида получить новое имя не совпадают, индивид требует более широкого подхода к направлению возникшей проблемы имени. Так, нами выделено 7 причин:

Причина 1. Одно и то же имя носят два человека, которые близко знакомы и встречаются в одном и том же социальном кругу.

В Китае, в соответствии с «Байцзясин» (указанный официальный список «Сто фамилий»), хотя сейчас их намного больше), распространенными китайскими фамилиями являются следующие: 李 Ли, 王 Ван, 张 Чжан, 刘 Лю, 陈 Чэнь, 杨 Ян, 赵 Чжао, 黄 Хуан, 周 Чжоу, 吴 У, которые в сумме носят около 40% китайских людей [黑龙江新闻网—生活报 2010]. Поэтому фамилия 李 Ли, 王 Ван, 张 Чжан, 刘 Лю и имена к ним часто имеют много «тезок», если состоят только из двух лексем (двух иероглифов), но если добавляется третья лексема (иероглиф), то фамилия и имя, называющие данного человека, исключают появление «тезки», приобретающая более редкую встречаемость.

Например, имя собственное 张伟 Чжэнь Вэй – фамилия 张 Чжан, которая иногда используется с именем 伟 Вэй. По данным опроса на одном заводе работают три человека, которые носят имя 张伟 Чжэнь Вэй, одна из них – девушка. Для того, чтобы отличать их друг от друга, товарищи называли их 大张伟 да Чжан Вэй (*большой Чжан Вэй*), 小张伟 сяо Чжан Вэй (*маленький Чжан Вэй*), 女张伟 нюй Чжан Вэй (*женщина Чжан Вэй*), что, естественно, вносит негативный характер при общении и психологически оказывает отрицательное воздействие.

Причина 2. Неблагозвучность.

В русском языке также существует пословица: «Как корабль назовешь, так он и

поплывет», что означает: Какое имя будет носить человек, таким он и будет. Когда некоторые родители дают ребенку имя, иногда слишком поспешно или непродуманно, а иногда даже безответственно, возникают проблемы.

Например, один человек получил имя 范剑 Фань Цзянь, фамилия 范剑 Фань, имя 剑 Цзянь, но проблема возникла потому, что 范剑 Фань Цзянь звучит точно так же, как и 犯贱 фань цзянь, что означает «бесчестный и подлый», что несет отрицательную коннотацию. В составе имени 胡丽静 Ху Лицзин, фамилия 胡 Ху, имя 丽静 Лицзин, но 胡丽静 Ху Лицзин может слышаться, как 狐狸精 ху ли цзин, что означает «распутница», поэтому обладательнице такого имени не позавидуешь. Еще пример неудачного китайского антропонима – имя 刘芒 Лю Ман, фамилия 刘 Лю, имя 芒 Ман, но 刘芒 Лю Ман звучит точно так же, как 流氓 лю ман, что означает «хулиган». Безусловно, возникающая омонимия приводит к двусмысленному звучанию, что вызывает неприятную ситуацию. Отрицательная сторона «игры слов» психологически негативно действует на имидж человека, оказавшегося в таком неприятном положении.

Причина 3. Включение в состав имени редких слов, влияющих на неразборчивость при произнесении (фонетическая неблагозвучность).

Сегодня стремление к индивидуальности и избеганию дублированных имен уже стало традицией, родители стараются дать своим детям именно такие имена. Поэтому рождаются различные многосложные имена. Например, когда господин Шэнь давал своей дочери имя, в словаре он нашел одно редкое слово 晶 сяо, что в переводе обозначает «чистый, ясный и светлый», поэтому решил составить такое имя: 沈晶 Шэнь Сяо, фамилия 沈 Шэнь, имя 晶 Сяо, но проблема возникла в том, что 晶 Сяо передается точно таким же иероглифом как 晶 Цзин, поэтому 沈晶 Шэнь Сяо всегда будет при назывании звучать как 沈晶 Шэнь Цзин, но может слышаться и как 神经 шэнь цзин, что означает

«невропатия». Следовательно, и здесь мы встречаемся с отрицательной коннотацией при выборе имени собственного.

Причина 4. Развод родителей и смена имен и фамилий.

В Китае большинство детей носят фамилию отца, если родители развелись и в дальнейшем предполагается, что ребенок будет жить с матерью, то большинство матерей стремятся записать ребенка на свою фамилию. Если мать вторично выходит замуж, возникает проблема в изменении фамилии ребенка на фамилию отчима или, возможно, даже изменение имени.

Причина 5. Суеверие.

Родители некоторых детей просят магов или «гадателей» дать детям имя, чтобы они имели социальный успех, были здоровыми, и всегда у них все было хорошо. Многие взрослые тоже обращаются к экстрасенсам для выбора удачного имени при вторичной номинации для благополучной судьбы и т. д.

В древней китайской традиции существует «пять стихий» (в космогонии: земля, дерево, металл, огонь, вода). Многие люди, желая следовать законам предков, выбирают для своего имени данный символ для преодоления отрицательных воздействий со стороны судьбы. Например, 于得水 Юй Дэшуй, фамилия 于 Юй, имя 得水 Дэшуй, но 于得水 Юй Дэшуй звучит точно так же, как 鱼得水 юй дэ шуй, что означает «рыба попала в воду» (т.е. рыба живет только в воде, где лучше выживает).

Причина 6. Разночтение подписей и официального имени при оформлении документов.

Некоторые люди, когда дают о себе более подробную информацию, должны остерегаться использования омофона, т. к. в результате этого звучащее имя и официальные документы могут не совпадать, поэтому возникает дополнительная проблема по идентификации личности. Например, 方 фан и 芳 фан, произносятся одинаково, но 方 фан означает «прямой и честный», а 芳 фан означает «ароматный и душистый» или 林

линь и 琳 линь – это омофоны 林 линь означает «лес и дерево», а 琳 линь означает «драгоценный и превосходный».

Причина 7. Эффект «звезды» – выбор одинакового имени с популярной личностью (артиста, художника и т.д.)

Некоторым молодым людям нравятся имена популярных людей, поэтому они хотят получить одинаковое с выбранной звездой имя, но часто человек из-за совпадения своего имени с именем звезды попадает в неприятное положение [现代快报 2009]. Например, мальчик по имени 李文 *Ли Вэнь*, совпадающему с именем одной известной певицы, часто подвергался насмешкам друзей, поэтому он поменял свое имя на новое 李卫东 *Ли Вэйдун*.

Проведенный социологический эксперимент, проходивший на территории Китая, показал, что из 90 респондентов-китайцев, принявших участие в опросе, 50 имеют новое имя. Сам опрос проводился по схеме, представленной ниже, и содержал следующие пункты: первичное китайское имя, пол, возраст, новое имя (китайское), социальный

статус, прагматическая направленность (зачем, с какой целью сделан выбор нового имени). Нижеприведенная таблица раскрывает причины выбора нового имени собственного в Китае.

Статистический анализ проведенного эксперимента показал, что:

I. Наличие нового имени у китайцев, проживающих на территории Китая, имеет несколько объяснений:

Эксперимент также показал, что из 50 респондентов, имеющих новое китайское имя, 20 женщин – 40% и 30 мужчин – 60%. Следовательно, мужчины чаще выбирают новое имя, что говорит о большей степени социализации мужской половины китайского общества.

Как следует из вышеизложенного, новое имя выбирается для использования большим количеством людей, и социальный спрос на него огромен. Выбор обусловлен рядом указанных выше причин и поощряется со стороны государства в целом ряде случаев. Ономастический анализ показал, что в большинстве случаев китайцы выбирают

Таблица 1. Семантический выбор нового китайского антропонима китайцами на территории Китая

номер	первоначальное имя	настоящее имя	пол	лет	социальный статус (кто)	зачем нужно переименоваться
1	张磊 Чжан Лэй	张御风 Чжан Юйфэн	м	24	таможенный контролёр	не нравилось первоначальное имя
2	陈敏茹 Чэнь Миньжу	韩思颖 Хань Сыин	ж	23	мелкий бизнесмен	мама вторично вышла замуж
3	何淑芬 Хэ Шуфэнь	何溪安 ХэСиань	ж	29	рабочий	первоначальное имя имело много тёзок
4	陈洪涛 Чэнь Хунтао	陈纹辉 Чэнь Вэньхуй	м	27	служащий	по рекомендации «Книги перемен (Ицзинь)»
5	金瑛 Цзинь Ин	金琪英鸿 Цзинь Циинхун	ж	26	преподаватель	по рекомендации «Книги перемен (Ицзинь)»
6	孙传泽 Сунь Чуаньцзэ	孙伟 Сунь Вэй	м	26	магистр	по родословной таблице семьи
7	周树人 Чжоу Шужэнь	鲁迅 Лу Сюй	м	1881 – 1936	литератор, мыслитель, революционер	псевдоним, ставший именем
8	李庆超 Ли Цинчао	李本超 Ли Бэньчао	м	25	студент	допущена ошибка в анкете для прописки
9	甄丹 Чжэнь Дань	甄强 Чжэнь Цян	ж	27	мелкий бизнесмен	не нравилось первоначальное имя, значение нового имени – сильное
10	李东哲 Ли Дунчжэ	李伊正 Ли Ичжэн	м	21	студент	нравится звучание нового имени

себе новое китайское имя собственное неслучайно. Прагматическая направленность предполагает, прежде всего, лучшую адаптацию в социуме, успешность личности, карьерный рост. Возрастная категория людей, имеющих «новое имя», относится к репродуктивному возрасту от 18 лет до 50 лет. Необходимость выбора нового имени диктуется социальными условиями современной жизни индивида и происходит по опреде-

ленным ономастическим и психолингвистическим законам.

Таким образом, ономастические исследования помогают изучению причин переименования личности, его идентификации, определению ономастической культуры нации, раскрывают психолингвистические аспекты функционирования и выбора имени собственного в социуме.

номер	причины выбора	человек	процент (%)
1	не нравилось первоначальное имя	23	46%
2	мама вторично вышла замуж	2	4%
3	по рекомендации «Книги перемен (Ицзинь)»	7	14%
4	по родословной таблице семьи	1	2%
5	нравится звучание нового имени	6	12%
6	псевдоним, ставший именем	6	12%
7	первоначальное имя имело много тёзок	3	6%
8	допущена ошибка в анкете для прописки	2	4%

Литература

- Ахманова О.С. Омонимы. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957. – 448 с.
- Вишнякова О.В. Паронимия в русском языке. – М., 1984. – 281 с.
- Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. – М., 1962. – С. 175–203.
- Рогозная Н.Н. Семантическая структура имени собственного в сказочной действительности // Имя, социум, культура, Улан-Удэ, 2008. – С. 215–217.
- Смирницкий А.И. К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова») // Труды института языкознания АН СССР. – М., 1954. – Т. 4. – С. 3–9.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – 280 с.
- 田雪婷 Тянь Сюэтин «现代快报».
- 王晓晨 Ван Сяочэнь, 杨慧 Ян Хуй «黑龙江新闻网—生活报».
- 张巍 Чжан Вэй «哈尔滨日报».

А.А. Степанова

УДК 81'23

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА

В работе излагаются результаты исследования фразеологических единиц русского языка в психолингвистическом аспекте. Описываются особенности порождения фразеологических единиц в речи, типы возможных редуций и трансформаций, стратегии порождения фразеологических единиц, выдвигаются предположения о способах их хранения в языковом сознании носителей русского языка.

Ключевые слова: фразеологические единицы, порождение, редукции, трансформации, структурный тип

Anna A. Stepanova

PSYCHOLINGUISTIC APPROACH TO THE DESCRIPTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The paper presents the main results of the research of Russian phraseological units from a psycholinguistic perspective. The author describes some peculiarities of their production, types of reductions and transformations, production strategies, considers the way of their storage in language consciousness.

Key words: phraseological units, production, reductions, transformations, structural type.

Фразеологические единицы (далее ФЕ) – это сложные семантические комплексы, процессы восприятия и воспроизводства которых значительно отличаются от соответствующих процессов свободных словосочетаний или слов. ФЕ заслуживают более детального изучения в рамках психолингвистики.

Мы описываем ФЕ, отобранные методом сплошной выборки из РАС, так как этот словарь, как известно, представляет собой отражение языкового сознания современных носителей языка, соответственно, ФЕ, представленные в РАС, можно считать актуальными для русских. Было отобрано 3074 ассоциативные пары, актуализирующие ФЕ, с частотностью более единицы. Единичные реакции требуют отдельного изучения, так как в большей степени отражают индивидуальные черты языкового сознания испытуемых в отличие от повторяющихся ассоциативных пар, которые моделируют усредненное языковое сознание носителей русского языка.

Фразеологической единицей мы называем пару «стимул-реакция», на основе которой возможно восстановить соответствующую ФЕ. При этом пары «стимул-реакция» могут представлять собой несогласованное словосочетание или трансформированную ФЕ.

Понятие «трансформация» мы используем в широком смысле: для обозначения любой модификации ФЕ, как закреплённого в словарях, так и случайного, вызванного ошибкой или намеренным стилистическим преобразованием, так как, на наш взгляд, широкое понятие более адекватно для нашего исследования. Оно охватывает все изменения ФЕ, полученных в результате ассоциативного эксперимента и отличающихся большой изменчивостью состава, потому что испытуемые часто воспроизводят ФЕ не в традиционной форме. Таким образом, трансформацией мы называем любое изменение канонической формы ФЕ, а редуцией – сокращение компонентного состава.

У многокомпонентных ФЕ в большинстве случаев происходит овнешнение только ключевых компонентов, которые мы назвали

семантическими опорами. Семантических опор достаточно носителю языка для восприятия соответствующей ФЕ. Они актуализируют образ ФЕ, в виде которого, по-видимому, ФЕ хранятся в языковом сознании носителей русского языка. Семантические опоры могут быть как слабо, так и сильно идиоматизированными компонентами. Если она сильно идиоматизированна, то для овнешнения ФЕ достаточно только одной семантической опоры, например, такие компоненты, как *баклуши, гуж, денно, камо*. В случае, если семантическая опора слабо идиоматизированна, для актуализации ФЕ необходима как минимум пара таких компонентов, например, *иголка – сено, кот – мешок*.

В результате сплошной выборки из РАС было получено 1397 трансформированных и редуцированных ФЕ, которые мы разделили на две группы в зависимости от того, достраивает ли реакция стимул до ФЕ (например, *чудеса*→*решето 4*, ср. *чудеса в решете*), или ФЕ является частью ассоциативной пары: задана в виде стимула или получена в виде реакции (например, *пожениться*→*выйти замуж 4*).

Первую группу составили ассоциативные пары, и стимул и реакция которых являются компонентами ФЕ. В данную группу вошли 1279 единиц, которые были разделены на 4 подгруппы в зависимости от типа трансформации. Модификация происходит в отношении компонентов ФЕ (изменение грамматической формы, замена или пропуск компонента) и порядка слов.

1. Изменение грамматической формы компонента (162 единицы).

а) **Трансформация падежной формы.** В эту группу входит довольно большое количество ФЕ (101 единицы), трансформация которых заключается в изменении падежа управляемого компонента. В парах S→R чаще (в 94%) выявляется именительный падеж вместо косвенного. Другими словами, наблюдаются несогласованные сочетания, например, *играть*→*кукла 3* (ср. *играть в куклы*); *входить*→*доверие 3* (ср. *входить в доверие*); *ход*→*конь 7* (ср. *ход конем*); *сесть*→*тюрьма 7* (ср. *сесть в тюрьму*).

Можно предположить, что в данных случаях слово-стимул активизирует в языковом сознании испытуемого образ ФЕ. Этот образ актуализируется посредством лексемы, но сочетательная способность лексемы не актуализируется. Возможно, причина того – условия ограниченного времени, в которых находится испытуемый.

В нескольких случаях в S→R паре сочетательная способность лексемы актуализируется, но не та, которая принята в традиционной форме ФЕ, например, *палка*→*с двух концов* 2, *палка*→*двух концов* 2, *палка*→*с двумя концами* 3 (ср. *палка о двух концах*).

Испытуемый старается передать образ «подручными средствами», то есть современным языком, а в ФЕ *палка о двух концах* – архаичная грамматическая форма. Поскольку ассоциативно-вербальная сеть отражает предречевую готовность современного носителя языка, постольку естественным является стремление испытуемых обновить грамматическую форму, а с ней и устойчивую единицу, адаптировать ее к современным условиям. С другой стороны, можно предположить, что испытуемый неточно помнит устойчивое сочетание и перед нами примеры не модернизации, а припоминания.

б) Изменение грамматической формы числа (19 единиц), например, *взятка*→*гладка* 6 (ср. *взятки гладки*); *куриный*→*мозг* 5 (ср. *куриные мозги*); *палка*→*елка* 6 (ср. *елки-палки*); *запутывать*→*след* 25 (ср. *запутывать следы*).

Каждое из трансформированных таким образом устойчивых сочетаний не является вариантом ФЕ. Причина порождения трансформации такого типа кроется, на наш взгляд, в стремлении испытуемых синхронизировать реакцию в соответствии со стимулом. Стимул вызывает образ ФЕ в языковом сознании испытуемого, но грамматическая форма стимула мешает этому образу актуализироваться в классической форме, другими словами, стимул «задает тон» реакции.

в) Трансформация формы предиката (18 единиц), например, *положить*→*руку на сердце* 5 (ср. *положа руку на сердце*); *ковать*→*железо, пока горячо* 2 (ср. *куй железо, пока горячо*); *гореть*→*все синим пламе-*

нем 12 (ср. *гори все синим пламенем*).

Как видно из примеров, в трансформациях такого типа предикат используется в форме инфинитива вместо необходимой формы традиционной ФЕ. Необходимо подчеркнуть то, что предикат-инфинитив в приведенных примерах задан в виде стимула, что объясняет отсутствие стандартной формы ФЕ, но в то же время подтверждает тот факт, что грамматическая форма слова-стимула не играет заметной роли при порождении ФЕ.

г) Изменение рода (24 единицы), например, *нечистый*→*сила* 10 (ср. *нечистая сила*); *магнитный*→*буря* 10 (ср. *магнитная буря*); *тищетный*→*попытка* 11 (ср. *тищетная попытка*). Стимул-прилагательное задается в большинстве случаев в форме мужского рода, активизирует некоторую ФЕ и достраивается соответствующим существительным. Грамматическая форма прилагательного при этом не влияет, видимо, на выбор существительного.

2. Замена компонента на сходный и изменение его морфологического облика (124 единицы).

Сходство может быть основано на:

а) смежности понятий, например, *грызть*→*науку* 5 (ср. *грызть гранит науки*); *дрожать*→*как осина* 2 (ср. *дрожать как осинновый лист*); *седина*→*в голову* 2 (ср. *седина – в бороде, бес – в ребро*).

б) синонимии, например, *гореть*→*синим огнем* (ср. *гореть синим пламенем*); *темно*→*хоть глаз выколи* 4 (ср. *темно хоть глаз коли*); *выносить*→*мусор из избы* 2 (ср. *выносить сор из избы*).

В ФЕ *темно*→*хоть глаз выколи* 4, *выносить*→*мусор из избы* 2 налицо стремление «осовременить» ФЕ, поэтому исходные компоненты *сор* и *коли* заменяются испытуемым на более современные *мусор* и *выколи*. Можно утверждать, что это адаптация ФЕ, если учесть, что ассоциативно-вербальная сеть отражает предречевую готовность именно современного носителя языка.

в) на тождестве фонетического оформления слов, например, *сито*→*крыто* 3 (ср. *иито-крыто*); *схожий*→*как две капли водки* (ср. *похож как две капли воды*); *усердие* → *прилагать* 3 (ср. *прилагать усилие*).

Часто подмена понятий происходит в результате неточности образа ФЕ, в результате испытуемый припоминает его, отсюда – различные вариации. В некоторых случаях испытуемый стремится достичь комического эффекта, как, например, в ФЕ *схожий*→*как две капли водки*.

г) изменение **морфологического облика** компонента, например, *рыло*→*в пуху 29*, *рыло*→*в пушку 5* (ср. *рыльце в пуху*); *дыра*→*от бублика 2* (ср. *дырка от бублика*).

3. Редукция компонентного состава (215 единиц). ФЕ с сокращенным компонентным составом мы разделили на 3 группы в зависимости от степени редукции.

1) К первой группе мы отнесли ФЕ с **пропуском одного из компонентов ФЕ**, например, *в оба*→*глаза 47* (ср. *глядеть в оба (глаза)*); *соль*→*на рану 2* (ср. *сыпать соль на рану*); *копейка*→*бережет* (ср. *копейка рубль бережет*).

Пропущенный компонент может нести различную функциональную нагрузку во ФЕ. Мы выделили следующие случаи:

а) пропуск **управляющего слова** (предиката), например, *зубы*→*на полку 3* (ср. *положить зубы на полку*); *в глаза*→*пыль 3* (ср. *пускать пыль в глаза*); *золотые*→*горы 9* (ср. *обещать золотые горы*).

б) пропуск **субъекта** ФЕ со структурой предложения, например, *мал*→*да удал 31* (ср. *сокол мал, да удал*); *дороже*→*денег 20* (ср. *уговор дороже денег*); *могила*→*исправит 4* (ср. *горбатого могила исправит*).

в) пропуск **атрибута**, например, *мерить*→*аршином 8* (ср. *мерить общим аршином*); *золотник*→*да дорог 2* (ср. *мал золотник, да дорог*); *дышать*→*грудью 4* (ср. *дышать полной грудью*).

г) пропуск **обстоятельства**, например, *пускать*→*пыль 6* (ср. *пускать пыль в глаза*); *выносить*→*сор 10* (ср. *выносить сор из избы*); *крутиться*→*как белка 4* (ср. *крутиться как белка в колесе*).

д) пропуск **объекта**, например, *тянуть*→*за рога 2* (ср. *тянуть быка за рога*); *в грязь*→*ударить 2* (ср. *ударить лицом в грязь*); *рай*→*в шалаше 6* (ср. *с милым рай в шалаше*).

е) пропуск **негатора не**, например, *прыгнуть*→*выше головы 2* (ср. *выше головы не прыгнешь*); *взять*→*в толк* (ср. *в толк не возьму*).

Самой многочисленной является подгруппа с пропуском управляющего слова (предиката). Предикат относится и к наиболее варьирующейся части ФЕ. Из этого можно сделать вывод, что предикат не занимает ключевых позиций при актуализации образов языкового сознания. Пропуск компонента вообще характерен для ФЕ ассоциативно-вербальной сети. Причина кроется, с одной стороны, в ограниченном времени проведения эксперимента, а с другой стороны, в том, что этот компонент часто необязателен для реконструкции образа, к которому апеллирует устойчивая единица.

2) Вторая группа ФЕ включает пары **S→R с большей степенью сокращения компонентного состава**, например, *несчастье*→*помогло 3* (ср. *Не было бы счастья, да несчастье помогло*); *в бороду*→*седина 16* (ср. *седина – в бороду, бес – в ребро*); *работа*→*не волк* (ср. *работа не волк – в лес не убежит*).

В эту группу вошли фрагменты более многокомпонентных ФЕ, чаще пословиц или поговорок, причем тенденция к такому типу сокращения прослеживается не только по результатам ассоциативного эксперимента, но и в живой речи носителей русского языка.

Известна ФЕ *старость не радость*, но значительно реже используется вторая часть этой пословицы, которая допускает вариативность: *Старость не радость, горб не корысть*; *Старость не радость, не красные дни*; *Старость не радость: либо горб, либо пила*; *Старость не радость, а молодость не корысть* [Даль 2005].

Сама структура пословицы предполагает такое сокращение. Обычно она состоит из двух частей. Первая часть лексически актуализируется и, действуя как стимул в ассоциативном эксперименте, активизирует в языковом сознании слушающего образ всей пословицы.

3) Третья группа включает ФЕ с **наибольшей степенью сокращения**

компонентного состава, например, *деготь*→*ложка* 9 (ср. *ложка дегтя в бочке с медом*); *рог*→*бараний* 2 (ср. *скрутить в бараний рог*); *кнут*→*пряник* 11 (ср. *политика кнута и пряника*).

Эта группа довольно многочисленна. На это повлияло, конечно, и условие ограниченного времени, что провоцировало испытуемых по возможности сокращать ответы-реакции. Но, на наш взгляд, эта причина не главная. Главная причина, вероятно, заключается в особом статусе ассоциативных пар, которые с трудом можно назвать ФЕ или свободными словосочетаниями в лингвистическом смысле. Это своеобразный промежуточный этап, «мостик» между внутренней и внешней речью. С одной стороны, произошло овнешнение в виде лексической единицы, но с другой стороны, еще сильна связь со словообразом. Это своеобразный код, расшифровать который возможно, лишь обладая достаточным знанием языка.

Например, в паре S→R *деготь*→*ложка* 9 наблюдаем сочетание не лексем, а образов, связанных в языковом сознании носителей русского языка посредством ФЕ *ложка дегтя в бочке с медом* и актуализированных при помощи компонентов ассоциативной пары. Для носителей русского языка эти два компонента достаточны для распознавания ФЕ.

4. Трансформация порядка компонентов ФЕ (546 единиц)

Ассоциативная пара образует полное по количеству компонентов и не измененное в отношении грамматической формы устойчивое сочетание. Для восстановления традиционной формы ФЕ необходимо изменить порядок слов, например, *железо*→*куй* пока горячо 7 (ср. *куй железо, пока горячо*); *беда*→*одна не приходит* 3 (ср. *беда не приходит одна*); *талант*→*зарыть в землю* (ср. *зарыть талант в землю*); *рыба*→*молчать как* (ср. *молчать как рыба*).

Испытуемый «составляет» значение ФЕ из блоков. На слово-стимул продуцируется готовое пояснение в виде реакции. Проще использовать готовый «коммуникативный блок», чем припоминать сочетательную способность лексемы. Реакции выступают здесь

как пояснения слова-стимула. Испытуемый старается дать ему определение, которое есть уже в языковом сознании в готовом виде.

Большую часть трансформаций такого типа составляют синтагматические реакции «справа налево», например, *помощь*→*скорая* 90 (ср. *скорая помощь*); *пик*→*час* 9 (ср. *час пик*); *палец*→*указательный* (ср. *указательный палец*). Таким образом трансформируются в основном коллокации.

5. Сочетание трансформации порядка слов и редукции компонентного состава (232 единицы)

Изменение порядка слов может сочетаться с редукцией компонентного состава, особенно это характерно для порождения многокомпонентных ФЕ в процессе ассоциативного эксперимента, например, *железо*→*куй* 9 (ср. *куй железо, пока горячо*); *овца*→*паршивая* 22 (ср. *паршивая овца все стадо портит*).

Ко **второй группе** относятся ассоциативные пары, в которых ФЕ выступает только в качестве стимула или только в качестве реакции (118 единиц). Трансформированными в данной группе мы считаем не ФЕ, а ассоциативные пары, так как они овнешняют не образ традиционной единицы, а его модифицированный вариант. На основе этой группы выделено 5 подгрупп:

а) стимул, который не является компонентом ФЕ, порождает реакцию-ФЕ, при этом ассоциативная пара составляет согласованное словосочетание (30 единиц), например, *мужчина*→*в возрасте* 8; *урок*→*английского языка* 13; *вызвать*→*скорую помощь* 4; *дорога*→*без конца* 3.

б) ФЕ дается в качестве стимула (14 единиц), например, *новый год*→*встречать* 4; *золотые руки*→*у него* 6; *золотые руки*→*у мамы* 3.

в) ассоциативные пары, где стимул и реакция находятся в синонимических отношениях (35 единиц). В 15 случаях между стимулом и реакцией возможно восстановить слово «это», например, *абзац*→*красная строка* 6; *город*→*населенный пункт* 4; *НЛО*→*летающая тарелка* 4; *суббота*→*выходной день* 5. В 20 случа-

ях возможно восстановить слово «значит», например, *до ручки*→*до лампочки* 4; *спросить*→*задать вопрос* 2; *сложна руки*→*бездельничать* 3; *золотые руки*→*умелый* 3.

г) слово-стимул порождает реакцию – ФЕ, при этом стимул и реакция обозначают смежные понятия (32 единицы), например, *ель*→*новый год* 12; *шампанское*→*новый год* 4; *МГУ*→*высшее образование* 2; *подарок*→*день рождения* 10.

д) стимул – компонент ФЕ, который порождает эту ФЕ (6 единиц), например, *за око*→*око за око* 3; *раздор*→*яблоко раздора* 2; *толки*→*без толку* 6.

Трансформации подвержена половина частотных ФЕ в РАС. Из этого можно сделать вывод, что устойчивые единицы языкового сознания носителей русского языка склонны к модификациям различного вида, что связано, вероятно, с особенностями их хранения в памяти. Зачастую ФЕ овнешняется только в виде ключевых компонентов – семантических опор – в то время как грамматическая сочетаемость этих компонентов не актуализируется или актуализируется в неканоническом виде.

Частеречная принадлежность компонентов ассоциативной пары рассматривается для того, чтобы проследить зависимость частеречной принадлежности слова-реакции от слова-стимула и описать наиболее частотные структурные типы ассоциативных пар при производстве ФЕ.

ФЕ в традиционной форме – это фразеологические единицы в канонической форме, закрепленной в словарях. Наряду с единицами в канонической форме в данной работе рассматриваются трансформированные и редуцированные ФЕ.

Методом сплошной выборки из РАС было отобрано 1675 ассоциативных пар, актуализирующих ФЕ в традиционной форме, которые были распределены на группы согласно частеречной принадлежности стимула и реакции ассоциативных пар, актуализирующих ФЕ. Полученные в результате 28 групп представлены в таблице.

№	S	R	Кол-во ед.
1	V	N	646
2	Adj	N	240

3	N	V	218
4	N1	N2	200
5	V	W/C	83
6	V	Adv	63
7	N	W/C	53
8	Adv	V	44
9	N	Adj	34
10	W/C	V	12
11	Adv	N	12
12	Adj	W/C	9
13	N	Adv	9
14	Adv1	Adv2	9
15	V	Adj	8
16	V1	V2	7
17	Adv	W/C	5
18	Prep	N	5
19	Prep	W/C	4
20	Adv	Adj	4
21	Num	W/C	2
22	Adj1	Adj2	2
23	V	Adj	1
24	W/C	N	1
25	Num	N	1
26	Num1	Num2	1
27	Num	Adj	1
28	Conj1	Conj2	1

Трансформированные и редуцированные ФЕ, как уже отмечалось, рассматриваются в данной работе в противопоставлении ФЕ в традиционной, канонической форме. Методом сплошной выборки из РАС отобрано 1399 единиц такого типа, которые были также проанализированы согласно частеречной принадлежности стимула и реакции.

№	S	R	Кол-во ед.
1	N	Adj	460
2	N1	N2	304
3	V	N	220
4	N	W/C	177
5	N	V	110
6	Adj	N	54
7	V	W/C	48
8	Adv1	Adv2	16
9	Adv	N	12
10	W/C1	W/C2	12
11	W/C	V	12
12	V	Adv	10
13	Adv	V	9
14	Adj	W/C	7
15	W/C	N	6
16	Adv	W/C	5
17	Adv	N	5
18	Adj1	Adj2	5
19	Num	N	5

20	N	Adv	4
21	Num	W/C	3
22	V1	V2	3
23	N	Num	3
24	N	Conj	1
25	Prep	W/C	1
26	Num	V	1
27	W/C	Adj	1
28	Prep1	Prep2	1
29	Conj	W/C	1
30	Adj	V	1

Таким образом, наиболее частотными структурными типами при порождении трансформированных ФЕ или ФЕ с редуцированным составом являются следующие: N→Adj, N1→N2, V→N, N→W/C. Эти структуры представляют собой те же наиболее распространенные типы, о которых уже упоминалось при описании ФЕ в канонической форме, но в этом случае компоненты расположены в обратной последовательности. Тем не менее, это такие же структурные типы, если учитывать трансформацию, которой подверглись анализируемые ФЕ. Таким образом, можно сделать вывод, что при производстве ФЕ первичен образ, при его овнешнении структура ФЕ может и не воспроизводиться, тогда производство ФЕ происходит на основе одного из частотных структурных типов.

Согласно нашей гипотезе, производство ФЕ в условиях ассоциативного эксперимента зависит от формы стимула ассоциативной пары. Рассмотрим все возможные формы стимула относительно ФЕ: стимул может быть компонентом ФЕ в канонической или трансформированной форме, может не относиться к компонентам ФЕ, но актуализировать ее в виде реакции, стимул может быть также представлен в виде ФЕ. Затем проанализируем стратегии, которые выбирают испытуемые, реагируя на вышеперечисленные стимулы, и уточним, насколько порождение ФЕ зависит от формы предложенного стимула.

Стимул – компонент ФЕ

Этот случай является наиболее распространенным при производстве ФЕ, что вполне объяснимо. Подобный стимул вызывает в языковом сознании носителей языка образ соответствующей ФЕ, которая актуализируется ассоциативной парой. При этом испытуемый достраивает стимул посредством реакции

до ФЕ. В результате ассоциативная пара может представлять собой ФЕ в канонической форме, трансформированную, редуцированную или одновременно трансформировано-редуцированную единицу. Итак, в этих случаях испытуемый избирает **стратегию достраивания стимула**.

Приведем примеры ФЕ в канонической форме, представленных в РАС, *запутывать→следы 112, ездить→верхом 130, губа→не дура 141, глаз→алмаз 58*.

Трансформированные ФЕ, актуализированные путем достраивания стимула, следующие: *палец→указательный 48, палка→два конца 4, табак→дело 58, нечистый→сила 10*.

К редуцированным ФЕ, полученным достраиванием стимула, относятся: *тень→на плетень 7, вопрос→ребром 4, театр→действий 5, ноги→в руки 7*.

При производстве трансформировано-редуцированных ФЕ с большой степенью редукции компонентного состава, то есть в случаях, когда ФЕ актуализируется в виде семантических опор, испытуемый избирает **стратегию дополнения стимула**. Носитель русского языка идентифицирует слово-стимул как компонент ФЕ, который чаще всего относится в таком случае к семантическим опорам этой ФЕ.

Вероятно, производство подобных ФЕ происходит следующим образом: семантическая опора, заданная в виде стимула, актуализируется в языковом сознании испытуемых образ ФЕ и в качестве реакции выводится другая семантическая опора ФЕ, она дополняет слово-стимул, маркируя принадлежность ассоциативной пары к разряду ФЕ.

Таким образом, по результатам ассоциативного эксперимента, порождаются особенно те ФЕ, которые в канонической форме имеют вид предложений или сильно распространенных словосочетаний, например, *море→по колено 8, баран→ворота 26, железо→куй 9, железо→ковать 29, иголка→в стоге 4, золотник→мал 15, золотник→дорогой 5*. Слова-стимулы *баран, море, иголка, железо* не явно соотносятся с ФЕ, реакция дополняет их и маркирует их принадлежность к ФЕ. Две семантические опоры достаточны для идентификации ФЕ носителями русского языка.

Анализируя случаи, где стимулом является компонент ФЕ, рассмотрим еще одну небольшую подгруппу, к которой отнесли ФЕ типа *око*→*око за око* 3; *раздор*→*яблоко раздора* 2. Как видно из приведенных примеров, слово-стимул вызывает в сознании испытуемого образ ФЕ, но не подлежит достраиванию или дополнению, а служит лишь мотивом, причем мотивом, явно идущим от экспериментатора. Слова-стимулы *око* и *раздор* обладают низкой степенью валентности, следовательно, являясь компонентами ФЕ, они с большой вероятности вызовут ФЕ в виде реакции, что и происходит. В данном случае, актуализируя ФЕ, испытуемые **следуют заданному мотиву**.

Анализ подобных ассоциативных пар показал, что слово-стимул дублируется в составе ФЕ, хотя есть исключения. Так, в ассоциативной паре *толки*→*без толку* 6 значение слова-стимула «сплетни, пересуды, разговоры» не воспринимается испытуемыми. Возможно, здесь имеет место вторичная ассоциация (*толки*→*толк*→*без толку*) или **ассоциации по фонетическому признаку** (созвучие слов *толки* – *толку*).

Стимул – трансформированный компонент ФЕ

В случае, когда стимул задан в виде трансформированного компонента ФЕ, испытуемый часто избирает **стратегию достраивания стимула** до ФЕ. Например, на стимул *дыра* получена реакция *от бублика*, на стимул *изба* – *на курьих ножках*. Формы деминутива слов *дыра* и *изба*, которые присутствуют в канонической форме выражений *дырка от бублика* и *избушка на курьих ножках*, необязательны для порождения в языковом сознании испытуемых соответствующих ФЕ. Трансформация семантики компонента ФЕ, в виде которого задается стимул, не препятствует актуализации образа ФЕ и их порождению.

В ассоциативных парах *рыло*→*в пуху* 29, *рыло*→*в пушку* 5 (ср. *рыльце в пуху*) трансформация также не мешает актуализации ФЕ *рыльце в пуху*, что в данных примерах можно связать с низкой степенью валентности слова-стимула, которое в силу своей семантики вызывает в сознании носителей языка ограниченное число ассоциаций. Во втором

примере (*рыло*→*в пушку*) возникает реакция в форме деминутива, что, вероятно, можно объяснить отсутствием уменьшительно-ласкательного суффикса в слове-стимуле, стремлением испытуемого компенсировать форму деминутива, имеющую место в каноническом виде ФЕ.

Трансформация грамматической формы компонента ФЕ, заданного в виде стимула, как показывают наблюдения, не препятствует в большинстве случаев порождению ФЕ. При этом испытуемый **достраивает** стимул до устойчивого согласованного сочетания, не являющегося каноническим, например, *куриный*→*мозг* 5 (ср. *куриные мозги*); *рукопись*→*не горит* 12 (ср. *рукописи не горят*); *стальной*→*нерв* 4 (ср. *стальные нервы*). Приведенные примеры говорят о том, что грамматическая форма слова стимула влияет на порождение реакции в плане выражения, но трансформация ее не препятствует актуализации образа ФЕ.

Достраивание стимула – не единственная стратегия испытуемых в случае трансформации грамматической формы компонента ФЕ, заданного в виде слова-стимула. Была выделена небольшая группа **ассоциаций по фонетическому признаку**, например, *взятка*→*гладка* 6 (ср. *взятки гладки*); *елка*→*палка* 18, *палка*→*елка* 6 (ср. *елки палки*); *сито*→*крыто* 3 (ср. *шито-крыто*).

Самая многочисленная группа ассоциативных пар с грамматически измененным компонентом ФЕ, заданным в виде стимула, отличается несогласованностью, например, *мыльный*→*опера* 11 (ср. *мыльная опера*); *магнитный*→*буря* 10 (ср. *магнитная буря*); *нечистый*→*сила* 10 (ср. *нечистая сила*). Испытуемый достраивает стимул до ФЕ, не принимая в расчет несогласованность в роде стимула и реакции. Таким образом, грамматическая трансформация в отношении рода компонента ФЕ, заданного в виде слова-стимула, не препятствует порождению соответствующей ФЕ в языковом сознании носителей русского языка.

Стимул не относится к компонентам ФЕ

Выявлены случаи, когда стимул не является компонентом ФЕ, но в эксперименте

порождается ФЕ. Ассоциативная пара может представлять собой синтагматическое или парадигматическое сочетание, причем парадигматические отношения наблюдаются намного чаще. Собственно, синтагматические представлены только в случае, рассматриваемом ниже.

Испытуемый выбирает **стратегию достраивания стимула до свободного словосочетания с компонентом в виде ФЕ**. В результате ассоциативная пара составляет свободное словосочетание, в составе которого присутствует ФЕ, например, *мужчина*→*в возрасте* 8; *урок*→*английского языка* 13; *дорога*→*без конца* 3; *вызвать*→*скорую помощь* 4.

Выбирая **стратегию дополнения стимула синонимом в виде ФЕ**, испытуемый дает реакции в виде синонимов стимула, например, *абзац*→*красная строка* 6; *НЛО*→*летающая тарелка* 4; *суббота*→*выходной день* 5; *спросить*→*задать вопрос* 2; *договориться*→*ударить по рукам* 2; *значить*→*иметь вес* 3; *помутился*→*сошел с ума* 3; *средний*→*так себе* 3. Таким образом, порождаются дефиниции предложенных стимулов. Кроме того, придается эмоционально-экспрессивная направленность ассоциативной паре в случае порождения образных ФЕ, например, *ударить по рукам*, *сошел с ума*, *летающая тарелка* и др.

В ассоциативных парах, где слово-стимул порождает реакцию-гипероним, испытуемый выбирает **стратегию обобщения**, например, *минерал*→*полезное ископаемое* 2; *газ*→*полезное ископаемое* 2; *город*→*населенный пункт* 4; *осень*→*время года* 2; *весна*→*время года* 3.

В этом случае испытуемый дает дефиниции слова-стимула, но без эмоционально-экспрессивной окраски в силу ФЕ, актуализирующихся в виде реакции, так как это необразные устойчивые единицы, коллокации, по определению А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского [Баранов, Добровольский 2008].

Рассмотрим еще одну стратегию испытуемых в случаях, когда слово-стимул, не относится к компонентам ФЕ, полученной в виде реакции. Эту стратегию мы назвали **тематической**. При порожде-

нии ФЕ в данном случае ассоциирование происходит по смежности понятий, выраженных словом-стимулом и словом-реакцией, например, *шлагбаум*→*железная дорога* 12; *полотно*→*железная дорога* 4; *шпалы*→*железная дорога* 4; *елка*→*новый год* 11; *ель*→*новый год* 11; *шампанское*→*новый год* 4; *Щелкунчик*→*новый год* 3; *подарок*→*день рождения* 10; *открытка*→*день рождения* 4. В перечисленных ассоциативных парах образ, обозначенный словом-стимулом, относится к неотъемлемым компонентам полученной реакции: *шлагбаум*, *шпалы* и отчасти *полотно* тесно связаны в языковом сознании носителей русского языка с *железной дорогой*; *подарок* и *открытка* связаны с *днем рождения*; *елка*, *шампанское* и *Щелкунчик* – с *Новым годом*.

Стимул задан в виде ФЕ

В РАС содержится небольшое число ассоциативных пар, в которых в качестве слова-стимула заданы ФЕ. Проанализируем эту группу на примере ассоциативных пар со стимулом *новый год*, *день рождения*, *железная дорога*. Эти ФЕ были получены также в качестве реакций в случаях, когда стимулом было слово, не относящееся к компонентам актуализированной в качестве реакции ФЕ.

Наиболее часто испытуемый выбирает **тематическую стратегию** при порождении ассоциаций на стимул в виде ФЕ, например, *новый год*→*елка* 12; *новый год*→*шампанское* 10; *новый год*→*Дед Мороз* 8. В случае обратной ассоциации (по отношению к примерам, приведенным в предыдущем разделе) реакции *елка* и *шампанское* сохраняются, что говорит о высокой степени устойчивости ассоциаций, о смежности этих понятий для носителей русского языка.

Приведем еще примеры тематических реакций: *железная дорога*→*поезд* 24; *железная дорога*→*рельсы* 11; *железная дорога*→*паровоз* 3; *день рождения*→*подарки* 4. Реакции вполне очевидны, что связано с тематической близостью понятий, выраженных стимулом и реакцией.

Достраивание стимула было обнаружено только в одном случае: *новый год*→*встречать* 5. ФЕ *новый год* достраива-

ется до более распространенной ФЕ *встречать новый год*.

Стратегия обобщения также представлена небольшим числом примеров: *новый год* → *праздник 43*; *день рождения* → *праздник 23*. В данном случае наблюдается реагирование гиперонимом на стимул, выраженный ФЕ.

День рождения → *мой 8*; *день рождения* → *мое 4* – примеры **стратегии персонификации**.

Таким образом, в случаях, когда стимул задан в виде компонента ФЕ в канонической или трансформированной форме, испытуемый стремится достроить ФЕ, компонент которой он видит в качестве слова-стимула. Грамматические изменения формы слова-стимула не препятствуют порождению соответствующей ФЕ. Семантические трансформации компонента ФЕ, заданного в виде стимула, в некоторой степени снижают вероятность порождения ФЕ, но в большинстве случаев не препятствуют.

Стратегию дополнения стимула можно назвать частным случаем стратегии достраивания стимула до ФЕ, но в случае дополнения достраивание происходит не на уровне словоформ, а на глубинном уровне языкового сознания, уровне образов.

Если в качестве стимула задается слово, не являющееся компонентом впоследствии актуализирующейся ФЕ, превалирует тематическая стратегия. В этом случае ассоциативные пары представляют собой парадигматические сочетания, и ассоциирование происходит по смежности понятий, выраженных стимулом и реакцией.

В случаях, когда в качестве стимула задана ФЕ, испытуемые также дают тематические реакции. При тематическом реагировании происходит взаимная ассоциация стимула и реакции: стимул порождает некую реакцию, которая при обратном ассоциировании может вызывать этот стимул в качестве

реакции. Это свидетельствует, по нашему мнению, о том, что, выбирая тематическую стратегию, испытуемый актуализирует тесно связанные понятия, и ассоциация возникает не на уровне словоформ, а на глубинном уровне словообразов.

Мы проанализировали трансформации ФЕ в РАС, основная причина появления которых кроется, как нам кажется, в промежуточной природе ассоциативной пары, в виде которой ФЕ представлены в РАС. С одной стороны, ассоциативная пара имеет словное выражение, с другой стороны, сохраняет свойства единиц внутренней речи, которые имеют свернутый характер. В большинстве случаев при производстве ФЕ актуализируются только ключевые компоненты, то есть происходит редукция компонентного состава. Такие компоненты мы определили как семантические опоры, ключевые компоненты ФЕ, которые прежде других актуализируются при производстве ФЕ, овнешняя ее образ и достаточны для восприятия ФЕ носителями русского языка.

Наиболее частотными структурными типами при производстве ФЕ в канонической форме оказались следующие: $V \rightarrow N$, $Adj \rightarrow N$, $N \rightarrow V$, $N1 \rightarrow N2$; для ФЕ в трансформированной форме: $N \rightarrow Adj$, $N1 \rightarrow N2$, $V \rightarrow N$, то есть те же структуры, только в трансформированном виде. Они соответствуют наиболее распространенным структурным типам словосочетаний русского языка, что говорит о том, что при производстве ФЕ актуализируются частотные для словосочетаний русского языка структурные типы независимо от структуры самой ФЕ. Таким образом, первичным является овнешнение образа ФЕ, которые, вероятно, именно в виде образов хранятся в языковом сознании носителей языка, а грамматика вторична, поэтому часто актуализируются частотные структурные типы русского языка, а не воспроизводится структура ФЕ при ее производстве.

Литература

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М., 2008. – 656 с.
Даль В.И. Пословицы русского народа. – М., 2005. – 752 с.

Д.Н. Чернов, Ю.Ю. Игнатов

УДК 81'23

ВЫРАЖЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ В КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЯХ РЕЧИ

В статье излагаются результаты экспериментального исследования выражения психологических особенностей в количественных характеристиках речи. Установлено, что такие лингвистические показатели, как а) количество словообразований в тексте и б) отношение количества прилагательных к количеству глаголов являются коррелятами особенностей темперамента и личности. Обсуждается их диагностическая ценность для исследований психологических особенностей при помощи тестовых процедур, актуализирующих языковую активность испытуемых.

Ключевые слова: лингвистические показатели психологических особенностей, личность, психодиагностика, психолингвистика, речь.

Dmitry N. Chernov, Yuri Y. Ignatov

EXPRESSION OF PSYCHOLOGICAL FEATURES IN SPEECH QUANTITY INDICATORS

The article presents the results of an experimental research of expression of psychological features in quantitative characteristics of speech. It is established that such linguistic indicators as a) quantity of word-formations in the text and b) the relation between the of quantity of adjectives and the quantity of verbs correlate with features of the temperament and the personality. Their diagnostic value for psychological features studies by means of test procedures actualizing language activity of respondents is discussed.

Key words: linguistic indicators of psychological features, personality, psychodiagnostics, psycholinguistics, speech.

Речь как способ выражения индивидуальных психологических особенностей говорящего периодически привлекает внимание исследователей. Однако количественная оценка речевых коррелятов психологических характеристик разработана слабо. Известны некоторые примеры использования таких лингвистических показателей (объем речевой продукции, средний размер предложений, коэффициенты словарного разнообразия, глагольности, логической связности и засоренности речевого высказывания междометиями и вульгаризмами) для оценки психологических свойств и состояний индивида (вербального интеллекта, эмоциональной напряженности) при психографическом анализе письменной речи. О некоторых особенностях мышления (недостаточность аналитических операций, заторможенность и скачкообразность мыслительных процессов) можно сказать по характеру реакций в ходе выполнения ассоциативного теста: в случае недостатков мышления преобладают периферические логические (например, *армия – танец*) и синтагматические грамматические (например, *дождь – идет*) реакции. Эти показатели описаны во многих психодиагностических сборниках, например [Крылов, Маничев 2004].

За рубежом получила распространение стандартизованная методика свободных ассоциаций Кента – Розанова, которая на основе определения удельного веса нестандартных реакций позволяет выявить степень эксцентричности, необычности мышления испытуемых [Kent, Rosanoff 1910]. В исследовательской практике распространен индекс Буземанн – Шлиссманн: считается, что отношение числа глаголов к количеству прилагательных хорошо коррелирует с эмоциональной устойчивостью и активностью говорящего [Глухов 2005]. Некоторыми авторами показано, что использование в речи более «сложных» слов, очевидным выражением чего является большее количество слогов в слове, характеризует речь харизматической личности [Dowis 2000]. При этом не указывается, насколько индивидуально

стабильными являются предложенные лингвистические показатели. Неизвестна воспроизводимость связи этих показателей с психологическими особенностями человека. Таким образом, используемые лингвистические характеристики слабо удовлетворяют современным требованиям исследовательской практики.

На наш взгляд, изучение лингвистических коррелятов индивидуальных психологических особенностей должно включать в себя ряд этапов:

- необходимо выделить индивидуальные характеристики речи, подающиеся количественному анализу, и обеспечить их адекватную регистрацию;
- требуется выяснить внутрииндивидуальную стабильность выбранных лингвистических параметров;
- необходимо понять, отражают ли (и насколько стабильно) выделенные индивидуальные особенности речи какие-либо психологические характеристики говорящего.

Руководствуясь этими этапами и учитывая исследовательский опыт предшественников, мы предприняли попытку выявить лингвистические корреляты психологических характеристик индивидуальности на отечественной выборке.

Выборка. В исследовании участвовали 20 девушек-студенток в возрасте 19–31 г. ($X_{\text{средн.}} = 21$ г.). Для каждого испытуемого исследование проводилось индивидуально 4 раза каждые 1–7 дней (далее – 4 сессии).

Методики. Материалом для выделения лингвистических параметров послужили тексты испытуемых, которые были посвящены жизни человека в городе. Испытуемых просили составлять целостные законченные по смыслу рассказы, основываясь на наборе изображений, репрезентирующих, в основном, предметы. Например, *батут, автобус, песочница* и т.п. (всего 21 слово). Изображения всех объектов одновременно демонстрировались на экране монитора. Под каждым изображением испытуемому экспонировались первая и последняя буквы слова. Перед началом сессии испытуемому показывались картонные карточки, которые полностью

повторяли изображения и буквенные маркировки к ним, предъявляемые на экране монитора. Таким образом, участники исследования настраивались на использование в рассказах только необходимых слов без употребления синонимов. Стимульный материал был разбит на группы по 7 слов. От испытуемых требовалось составить 3 рассказа, каждый раз используя только предъявленный на экране набор слов: в каждой сессии и внутри одной пробы сочетания из 7 слов не повторялись, однако общий список слов внутри каждой сессии был неизменен. Такая организация стимульного материала позволила избежать применения в рассказах штампов, наработанных за время исследования, и потребовала от испытуемых проявления творческой активности в семантическом структурировании рассказов.

Аудиозапись проводилась на магнитофон «Tascam MD-350» с использованием выносного микрофона «Арех 190». Все рассказы были переведены в письменные тексты и подвергнуты лингвистическому анализу. При записи естественной речи трудно установить границы предложений. К тому же группы из 7 слов не повторялись, каждую сессию объединял только идентичный набор слов. Поэтому параметры подсчитывались для 3 рассказов одной сессии. В итоге мы получили 4 оценки каждого лингвистического параметра.

Подсчитывались следующие абсолютные величины: суммы слогов, слов, словообразований (количество морфем, играющих функцию словообразования: префиксы, суффиксы и флексии), синтаксических структур (наличие сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций, причастных и деепричастных оборотов, сравнительных конструкций, прямой речи и т.п.), личных местоимений, существительных, прилагательных, глаголов (в том числе, причастий и деепричастий) и служебных слов (предлогов и союзных слов). Поскольку основная задача испытуемых состояла в продуцировании текстов с использованием заданного набора слов, их языковая активность была ограничена рамками поставленной цели. Таким

образом, испытуемые были «вынуждены» выполнять задание в определенных условиях. Поэтому мы считаем данные лингвистические показатели оправданными, но только в рамках предложенной экспериментальной процедуры.

Вычислялись следующие относительные показатели: отношение числа слов к общему кол-ву слогов, отношения числа словообразований, личных местоимений, существительных, прилагательных, глаголов и служебных слов к общему количеству слов. Кроме того, использовался аналог индекса Буземанн–Шлисмана. Как правило, в текстах количество прилагательных меньше числа глаголов; в предельном варианте испытуемые могут обходиться при построении рассказов без прилагательных, что приводит к невозможности арифметического действия деления на ноль. Поэтому вычислялось отношение суммы прилагательных к количеству глаголов.

В первый день исследования испытуемых просили пройти ряд психологических методик. Для установления особенностей темперамента участников эксперимента использовался опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) В.М. Русалова. Устойчивые психоэмоциональные характеристики изучались при помощи опросника агрессивности Басса–Дарки (ОА) (адаптация А.К. Осницкого) и шкалы самооценки тревожности Ч.Д. Спилбергера (ШСТ) (в адаптации Ю.Л. Ханина). ШСТ заполнялась только в первый день исследования каждого испытуемого, поэтому нами рассматривался только показатель личностной тревожности, степень реактивной тревожности испытуемых не учитывалась. Опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) использовался для исследования личностной диспозиции «Интернальность – экстернальность». Для изучения особенностей личности испытуемых применялся Миннесотский многоаспектный личностный опросник в адаптации Ф.Б. Березина с соавт. (стандартизованный многофакторный метод исследования личности, СМИЛ). Целостные паттерны лично-

сти нами не рассматривались. Для нас важно было установить, является ли тот или иной лингвистический параметр коррелятом отдельных личностных особенностей, выражающихся в шкалах СМЛЛ.

Подсчитывались дескриптивные статистики (средние и стандартные отклонения). Связи между параметрами устанавливались при помощи непараметрического корреляционного анализа r_s – Спирмена. Подсчеты проводились при помощи статистического пакета Statistica 6.0.

Результаты и их обсуждение. Испытуемые успешно справились с поставленной задачей: для построения текстов ими использовались только изначально заданные слова. Порождаемые рассказы в целом обладали всеми основными признаками текстов как макроединиц языка: тематическим, смысловым и структурным единством, композиционным построением и грамматической связностью.

По выделенным лингвистическим показателям наблюдались существенные индивидуальные различия. Однако не все характеристики оказались индивидуально стабильными. Значимые корреляционные связи между суммарными лингвистическими показателями, подсчитанными отдельно для каждой сессии, наблюдались для кол-ва слогов ($r_s=0,50-0,74$; $p \leq 0,05-0,0005$), слов ($r_s=0,54-0,80$; $p \leq 0,05-0,00005$), словообразований ($r_s = 0,50-0,68$; $p \leq 0,05-0,001$), синтаксических структур ($r_s = 0,51-0,66$; $p \leq 0,05-0,005$), личных местоимений ($r_s = 0,47-0,77$; $p \leq 0,05-0,0001$), существительных ($r_s = 0,51-0,72$; $p \leq 0,05-0,0005$), прилагательных ($r_s = 0,50-0,82$; $p \leq 0,05-0,00001$) и глаголов ($r_s = 0,52-0,67$; $p \leq 0,05-0,001$). Рассматриваемые абсолютные величины лингвистических показателей можно считать устойчивыми особенностями речи говорящего только в рамках предложенной экспериментальной процедуры. Стабильными оказались и ряд относительных лингвистических показателей: удельный вес числа прилагательных ($r_s = 0,52-0,74$; $p \leq 0,05-0,0005$) и глаголов ($r_s=0,45-0,90$; $p \leq 0,05-0,0000001$) в общем кол-ве слов, а также отношение числа при-

гательных к кол-ву глаголов ($r_s = 0,62-0,78$; $p \leq 0,005-0,00005$). Относительность данных лингвистических показателей позволяет рассматривать их в качестве устойчивых особенностей речи не только в рамках примененного экспериментального контекста, но и в отношении к текстам, порождаемым людьми в иных контекстуальных условиях.

На следующем этапе изучались связи между стабильными лингвистическими параметрами речи и психологическими характеристиками: учитывались значимые корреляции, воспроизводимые для 4 сессий. Остальные корреляционные связи признавались случайными и далее не рассматривались. Стабильные связи лингвистических показателей обнаружили только с отдельными характеристиками ОФДСИ, опросника УСК и СМЛЛ.

Сумма словообразований ($X_{\text{средн.}} = 77,9-96,4$; вариативность в стандартных отклонениях $S = 19-34,4$) оказалась устойчиво отрицательно связана с таким показателем темперамента (по ОФДСИ) как «Индекс интеллектуальной активности» (ИИА) и, в частности, его составляющей – шкалой «Интеллектуальная скорость» (СИ) (в обоих случаях $r_s = - 0,45 - - 0,52$; $p \leq 0,05$). Таким образом, индивиды, характеризующиеся высокой интеллектуальной активностью (высокой скоростью умственных процессов при осуществлении интеллектуальной деятельности) в предложенной экспериментальной ситуации склонны решать поставленную задачу, используя в рассказах относительно простые слова с минимальным кол-вом морфем, играющих функцию словообразования (префиксов, суффиксов и флексий).

Сумма словообразований оказалась устойчиво отрицательно связана со шкалами ипохондрии (HS) ($r_s = - 0,46 - - 0,55$; $p \leq 0,05$) и депрессии (D) ($r_s = - 0,45 - - 0,47$; $p \leq 0,05$) СМЛЛ. Такое сочетание шкал указывает на снижение настроения, ощущение испытуемым угрозы и недостаточности внимания со стороны окружающих, на затруднения в социальных контактах в сочетании с раздражительностью и тревогой за состояние своего здоровья. Именно такими особенностями

личности характеризуются индивиды, стремящиеся к минимальному использованию словообразований в рассказах, продуцируемых в заданном экспериментом контексте.

Эта тенденция подтверждается и устойчивой связью суммы словообразований со шкалой «Интернальность в сфере межличностных отношений» опросника УСК (I_M) ($r_s = 0,46-0,48$; $p \leq 0,05$). Испытуемые, использующие в рассказах «бедные» в словообразовательном плане конструкции, характеризуются тем, что не считают себя способными активно формировать свой круг общения; свои отношения с окружающими они склонны считать результатом действия своих партнеров. Можно сказать, что такие люди отличаются стремлением добиваться в межличностном общении своих целей, избегая «богатой» в словообразовательном плане речи. В случае неудачи в общении они склонны считать причиной этого неумение общаться, присущее своим партнерам.

Интересно, что показатель I_M оказался не связан со шкалами СМЛН HS и D ($r_s = -0,17$ и $r_s = -0,20$ соотв.; *n.s.*), но значимо коррелировал с показателями темперамента ИИА и СИ ($r_s = -0,48$ и $r_s = -0,49$ соотв.; $p \leq 0,01$).

Устойчивых связей психологических характеристик с другими абсолютными лингвистическими показателями не обнаружено. Таким образом, индивиды, которые в рамках предложенной экспериментальной ситуации склонны составлять рассказы, используя малое число словообразований (префиксов, суффиксов и флексий), характеризовались целым паттерном индивидуальных психологических особенностей: высокой умственной активностью и скоростью мыслительных процессов, сниженным настроением, раздражительностью и тревожностью в сочетании с затруднениями в построении межличностных отношений. При этом ответственность за неудачи в социальных контактах возлагаются испытуемым на окружающих.

Все стабильные относительные лингвистические показатели обнаружили устойчивые корреляционные связи с такими ха-

рактеристиками темперамента, как «Индекс психомоторной активности» (ИПА) и его составляющей, – шкалой «Психомоторная эргичность» (ЭРМ). Отношение числа прилагательных к количеству слов отрицательно ($r_s = -0,57 - -0,61$; $p \leq 0,01-0,005$ и $r_s = -0,49 - -0,83$; $p \leq 0,05-0,000005$ соотв.), а отношение числа глаголов к общему количеству слов – положительно ($r_s = 0,54-0,64$; $p \leq 0,05-0,005$ и $r_s = 0,45-0,55$; $p \leq 0,05$ соотв.) коррелировали с данными темпераментальными характеристиками. Отношение числа прилагательных к количеству глаголов устойчиво отрицательно коррелировало с ИПА ($r_s = -0,50 - -0,68$; $p \leq 0,05-0,005$) и ЭРМ ($r_s = -0,50 - -0,76$; $p \leq 0,05-0,0001$). Отметим, что все три лингвистические характеристики оказались взаимосвязаны между собой, поэтому мы выбрали для дальнейшего анализа показатель, аналог индекса Буземанн–Шлиссманн, – соотношение в тексте прилагательных и глаголов ($X_{\text{средн.}} = 0,17-0,21$; $S = 0,13-0,17$). Существенное число участников эксперимента использовали в речи малое количество прилагательных (либо обходились без них) относительно глаголов. Однако в каждой сессии встречалось достаточное количество случаев, когда отношение достигало $0,5-0,7$. Испытуемые, которые в своих рассказах использовали малое число прилагательных и большое количество глаголов (причастий и деепричастий), характеризуются высокой психомоторной активностью, мышечным напряжением и постоянным стремлением к деятельности; они показывают высокую работоспособность. Этот факт соответствует данным о том, что индивиды, которые на письме демонстрируют увеличение удельного веса глаголов (причастий и деепричастий) в общем количестве слов, обнаруживают готовность к немедленным действиям; они находятся в возбужденном состоянии.

Укажем еще на один факт: все стабильные относительные лингвистические показатели устойчиво коррелировали со шкалой «Интернальность в семейных отношениях» опросника УСК (И). Остановимся на анализе связи отношения числа прилагатель-

ных к количеству глаголов с I_c : обнаружены стабильные положительные корреляции ($r_s = 0,46-0,48$; $p \leq 0,05$). Отношения в семье можно рассматривать в качестве вершины межличностных отношений. Именно в рамках семьи неудачи и успех в коммуникации с окружающими проявляются наиболее ярко. В контексте данного исследования можно считать показатель I_c выражением интернальности в сфере интимных межличностных отношений. Таким образом, испытуемые, которые при решении поставленной экспериментальной задачи обходились малым количеством прилагательных (т.е. избегая качественной, зачастую, эмоциональной оценки объекта или субъекта в рассказе), характеризуются стремлением считать причиной неудач в построении значимых межличностных отношений не себя, а близких людей.

Отметим, что показатели суммы словообразований и отношения числа прилагательных к кол-ву глаголов не связаны друг с другом ($r_s = -0,26-0,27$; *n.s.*), а значит, они независимо друг от друга характеризуют психологические особенности индивидуальности.

Итак, обнаружены экспериментальные подтверждения того, что многие абсолютные и относительные показатели частоты встречаемости в тексте частей речи, словообразований и синтаксических структур мо-

гут рассматриваться в качестве устойчивых индивидуальных характеристик речи говорящего. Вместе с тем, данные факты получены в определенной экспериментальной ситуации, когда от испытуемых требовалось составить целостный по смыслу рассказ, используя определенный набор слов. Необходима дополнительная проверка изученных лингвистических показателей на стабильность при продуцировании текстов в иных контекстуальных условиях.

Установлено, что некоторые абсолютные (количество словообразований в тексте) и относительные (отношение количества прилагательных к количеству глаголов) лингвистические показатели являются коррелятами особенностей темперамента и личности, а значит, – могут иметь диагностическую ценность в исследованиях психологических характеристик человека при помощи тестовых процедур, актуализирующих языковую активность испытуемых. В перспективе успешные исследования в этом русле могли бы привести к созданию нового психодиагностического инструментария.

Заметим, что работа выполнена на небольшой выборке девушек и носит пилотажный характер. Необходима последующая проверка воспроизводимости установленных закономерностей а) на мужской выборке и б) на выборках большего объема.

Литература

- Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.
- Психографологические характеристики письменной речи // Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии / Под общ. ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. – СПб.: Питер, 2004. – С. 199–202.
- Dowis R. The lost art of the great speech: how to write it, how to deliver it. – N.-Y.: AMACOM, 2000. – 272 p.
- Kent H.G., Rosanoff A.J. A study of association insanity // Amer. J. of Insanity, 1910, 67. – P. 37–96.

А.И. Цой

УДК 81'23

**РАЦИОНАЛЬНОЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ
В СФЕРЕ ДЕЛОВОЙ / ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Представлены результаты анализа эмоционального содержания текстов бизнес-общения. Эмотивность рассматривается как универсальная коммуникативная категория в текстах делового общения. Показана специфическая форма эмотивности – эмотивная вкрапленность в рациональную ткань бизнес-коммуникации.

Ключевые слова: бизнес-коммуникация, рациональность, эмоциональность, эмотивность, эмотивная вкрапленность.

Alla I. Tsoy

**RATIO AND EMOTIO
IN BUSINESS / PROFESSIONAL COMMUNICATION**

The paper presents the results of the analysis of the emotional component in business communication. Emotivity is considered the universal communicative category in texts of business communication. Emotive penetration into the ratio of business communication is introduced.

Key words: business communication, ratio, emotion, emotive, emotive penetration.

Сфера делового общения была предметом изучения многих лингвистических исследований (Т.В. Анисимова, З.И. Гурьева, Ю.В. Данюшина, Д.Д. Костяев, С.П. Кушнерук, С.В. Мкртычян, Т.А. Милехина, В.А. Митягина, О.П. Сологуб, А.А. Романов и др.). Однако на сегодняшний момент в связи со стремительной глобализацией и интеграцией всех сфер общественной жизни актуальность приобретает изучение данного типа общения в новых, ранее не изученных аспектах. В данной статье речь пойдет о бизнес-коммуникации (БК) в аспекте эмотиологии – лингвистики эмоций.

Согласно концептуальному положению лингвистики эмоций, целостное понимание коммуникативного процесса вне изучения эмоциональной стороны ее бытования невозможно. Роль эмоций в управлении поведением человека велика. Практически все лингвисты (П.С. Волкова, В.В. Жура, С.В. Ионова, Н.А. Красавский, Т.В. Ларина, О.И. Матяш, Т.Г. Ренц, Н.А. Сребрянская, С.С. Тахтарова, О.Е. Филимонова, Е.К. Черничкина, В.И. Шаховский и др.), пишущие об эмоциях, отмечают их мотивирующую роль в поведении человека, в том числе и коммуникативного.

Являясь объектом психологии, эмоции и чувства продолжают привлекать внимание лингвистов с точки зрения их языкового оформления и функционирования. Психологические знания являются фоном для разработки лингвистических проблем эмоций и чувств в человеческой коммуникации.

Методологической основой нашего исследования стали концептуальные положения психологов о доминирующей роли эмоций и чувств в человеческом поведении и взаимодействии [Веккер 2000; Вилюнас 2007; Додонов 1978; Изард 2009; Ильин 2002; Рейковский 1979; Симонов 1981 и др.]. Одной из важнейших функций эмоций является регулятивно-побуждающая. Ее суть заключается в том, что эмоции могут определять и регулировать поведение человека, направляя психическую и физическую силу на конкретное действие. Эмоции человека

регулируют его мотивы, побуждение.

Другой теоретической основой осуществляемого исследования особенностей эмотивности в бизнес-коммуникации послужили идеи психолингвистов о том, что любое слово обладает эмоциональной нагрузкой, что эмоциональный компонент есть в значениях не только слов, которые традиционно считались эмоциональными, но и в нейтральных с точки зрения эмоциональности лексемах [Гридин 1976; Кинцель 2000; Мягкова 1990 и др.].

Выше сказанное позволяет нам утверждать, что даже в традиционно признанных нейтральными с точки зрения эмоциональности и чувственности логически-рациональных сферах человеческого общения реализуется эмотивный компонент. В данном случае имеется в виду деловое общение. Стилистами, документоведом и в некоторых случаях коммуникативистами отмечаются такие черты делового общения, как стандартизированность в оформлении и употреблении языковых средств, клишированность оборотов, фактуальность, доминирование логически-информативного содержания, недопущение использования иностилевых черт (И.В. Арнольд, Н.А. Баландина, П.В. Веселов, И.Р. Гальперин, Г.В. Колшанский, В.В. Калужная, Е.В. Комлева, Д.Э. Розенталь и др.). Указанные характеристики касаются, прежде всего, сферы письменной бизнес-коммуникации. Однако, как показывают результаты нашего исследования, и эта сфера, стилистически являющаяся рациональной, подвержена проникновению в нее эмоционально-чувственного компонента.

Цель данной статьи – показать выявленные особенности проявления эмотивности как универсальной коммуникативной категории в текстах бизнес-общения. Анализу подвергались тексты деловой переписки российских и зарубежных (англоязычных) фирм, документы (контракты, договора), используемые в бизнесе. Основным методом исследования является исследование эмоционального содержания текста, который является одним из вариантов качественно-

количественного анализа (В.И. Шаховский). Предметом анализа в данной работе являются эмотивы – языковые единицы (вербальные и невербальные) текста, выражающие эмоции и чувства адресанта или воздействующие на эмоции и чувства адресата. При обработке данных учитываются форма выражения/воздействия на эмоции и чувства, количество эмотивов, частота их употребления, интенсивность эмоций и чувств.

Изучение фактического материала позволило сделать вывод о том, что эмотивная вкрапленность является одной из специфических форм реализации эмотивности в БК. Отметим, что термин «эмотивные вкрапления» довольно редко встречается в некоторых работах по лингвистике текста. Однако мы предлагаем содержательно новое толкование данного понятия. Остановимся на этом подробнее.

Термин «эмотивные вкрапления» представлен в языкознании в контексте изучения текста. Анализ текстов официально-делового стиля на предмет установления особенностей проявления эмотивности был проведен в 1998 году С.В. Ионовой. Было установлено, что эмотивный фон и эмотивная тональность являются неотъемлемыми характеристиками деловых текстов. Однако использование одновременно эмоций, эмотивного фона и эмотивной тональности не характерно для текстов данного типа, т.к. является семантически и прагматически избыточным. Эмотивность в деловых текстах носит «фрагментарный характер и проявляется в виде вкраплений в рациональную ткань текстов» [Ионова 1998: 10]. Особенно ярко это проявляется в форме деловой корреспонденции. «Элементы диалогичности в деловом общении часто сопровождаются иностилевыми вкраплениями (преимущественно разговорного характера) и дают возможность для проявления в тексте индивидуальных черт речи автора и его эмоциональности» [Ионова 1998: 107]. Однако автор не останавливается на раскрытии понятия «эмотивные вкрапления».

О.Е. Филимонова рассматривает понятие «эмотивные вкрапления» как текстовую

категорию, присущую мемуарам. «Эмотивные вкрапления – это краткий комментарий субъекта речи о своих или чужих чувствах и впечатлениях в структуре неэмотивных фрагментов текста» [Филимонова 2007: 270]. Важным моментом в исследовательской позиции Филимоновой является то, что в художественном тексте эмотивные вкрапления появляются в неэмотивных повествовательных фрагментах этого текста (мемуаров). Иными словами, одной из базовых черт эмотивных вкраплений является проникновение эмотивности в неэмотивное поле коммуникации. Экстраполяция данного положения на реальную профессиональную коммуникацию позволяет нам представить качественно иное видение эмотивных вкраплений.

Анализ фактического материала, прежде всего текстов письменной БК, позволяет нам утверждать, что в деловой коммуникации эмотивные вкрапления встречаются там, где по своей стилистической принадлежности должно отсутствовать явное проявление эмоций и чувств. Например, научная коммуникация, в частности, научная английская проза [Разинкина 1972], обладает эмотивными вкраплениями. Автор не использует термин «эмотивные вкрапления» напрямую, а, по сути, говорит об их функционировании в рамках научной прозы. В более поздних работах Н.М. Разинкиной мы находим упоминание об эмоциональности и экспрессивности как «иностилевых вкраплениях», как «яркое проявление индивидуальности», как «переключение на другой стиль» [Разинкина 1989: 15].

Для выявления сущности понятия «эмотивные вкрапления» обратимся к значению слова «вкрапления» и трактовке понятия «эмотивность». Лексема «вкрапление» происходит от глаголов «вкрапливать», «вкрапливаться», которые обозначают «делать в чем-либо крапины; вставлять, помещать что-либо отдельными небольшими кусками, частями в инородной массе; включаться, входить во что-либо в небольшом количестве в виде крапин» [ССРЛЯ 1954: 419]. Другими словами, вкрапление и вкрапленность подразумевают ненавязчивое, небро-

ское присутствие в чем-либо.

В рамках настоящего исследования эмотивность рассматривается как языковое средство воздействия на сознание адресата. Эмотивность как тактика обладает прагматическим эффектом высказывания, при котором адресат действует в соответствии с замыслом адресанта, что достигается за счет применения эмотивных средств коммуникации (скрытой эмотивности, эмотивных вкраплений и явных эмотивов).

Отметим, что прагматическая функция эмотивного компонента в коммуникативном поле побуждения представлена на примере художественных текстов [Маслова, Кадыркова 2010]. Однако указанная функция не достаточно изучена в профессиональном общении, стилистически признанном рационально-логическим и эмотивно-нейтральным.

Опираясь на выше сказанное и на анализ фактического материала, определим эмотивную вкрапленность как оптимально-минимальное использование средств эмотивности с воздействующим эффектом. Оптимальность употребления эмотивов обусловлена стилистической ограниченностью в выборе языковых средств выражения бизнес-текста. Тексты официальных документов не могут содержать большое количество маркеров эмотивности. В противном случае они утрачивают свою специфику и теряют иллокутивную силу.

Особенностью эмотивных вкраплений является минимальность их употребления, вкрапленность в рациональную ткань БК. Чем меньше плотность эмотивных средств, чем менее незаметно их употребление, тем более эффективна воздействующая сила эмотивных вкраплений. Эмотивность вкрапливается в рационально-логические высказывания, не нарушая при этом жанрово-стилевую принадлежность.

Приведем пример из переписки российской и зарубежной фирм. В целях профессиональной этики имена собственные не указываются.

Dear XXXX

Many thanks for your Account Sales,

which we received yesterday. We are more than a little concerned to note that your sales show a drop on the April quarter, which in turn was down on the quarter before that.

In May you wrote briefly that the sales in the April quarter was only seasonal, but you make no explanation of this latest decrease. You will appreciate that unless you send us a full report on your activities, we are in no position to help or advise.

Please let us have your comment, on receipt of which we will write you more fully.

Your faithfully, XXXX

Употребление слов more than a little concerned направлено на выделение недовольно-обеспокоенного тона письма. Адресант взволнован снижением продаж, но так как бизнес ведется на международном уровне и является высоко статусным, то адресант вынужден сдерживать и анализировать свое реальное эмоциональное отношение к данной ситуации. Выражение чувств и эмоций осуществляется за счет эмотивной вкрапленности лексического уровня, то есть использования слов, называющих эмоции (согласно классификация эмотивов В.И. Шаховского).

В ходе исследования было установлено, что эмотивные вкрапления в тексты БК могут носить имплицитный характер и при этом они близки к понятию «детали» текста. Проявление скрытого механизма воздействия на эмоциональное переживание адресата через детали художественного текста представлено в науке на примере англоязычной психологической прозы [Щирова 2003]. Деталь трактуется с позиции качественного преобразования языковых единиц в художественном тексте. Автор опирается на общепризнанный в науке факт: передаваемая в реальности информация всегда представляет собой синтез, нерасчлененное по сути содержание чувственного и рационального. Эмоционально-образный потенциал детали проявляется через «овнешнение» внутренних процессов, которые имплицитно индивидуально-личностные, психологические характеристики человека [Щирова 2003: 14].

Анализ выше обозначенных бизнес-текстов показывает, что эмотивные вкрапления в текст по своей природе близки к деталям, но не тождественны ей. Их сближает общий имплицитный механизм воздействия на адресата. Однако результаты такого воздействия могут варьироваться. В художественном тексте «при расшифровке детали однозначности нет», содержание детали может быть воспринято адресатом по-разному в зависимости от его личных качеств, условий восприятия [Кухаренко 1988: 111]. По нашим наблюдениям, эмотивные вкрапления в деловые тексты всегда однозначны с точки зрения воздействия на эмоции и чувства адресата. Адресант четко представляет себе, какие чувства и эмоции должны возникнуть у адресата при прочтении текста контракта или другого официального документа. Как правило, это чувство обязанности, долга перед выполнением пунктов контракта, чувство напряженности и опасения при форсмажорных обстоятельствах. Примером служит следующий отрывок из контракта международного формата.

Любая из Сторон не должна считаться не выполнившей или нарушившей свои обязательства по КОНТРАКТУ в той степени, насколько выполнение таких обязательств задерживается или прекращается в связи с форсмажорными обстоятельствами.

Под форсмажорными обстоятельствами понимаются любые обстоятельства, не поддающиеся контролю Сторон, включая стихийные бедствия, действия любого правительства, войну, боевые операции, массовые беспорядки, волнения, мятежи, пожар, поджог, взрыв, забастовки и другие преступные действия третьих сторон.

Вкрапленность эмотивности в данный текст документа достигается с помощью

ссылок на внешние факторы, вызывающие те или иные эмоции: «стихийные бедствия, действия любого правительства, войну, боевые операции, массовые беспорядки, волнения, мятежи, пожар, поджог, взрыв, забастовки». При этом актуализируется чувство обязанности, долга перед выполнением пунктов контракта, чувство напряженности и опасения при форсмажорных обстоятельствах. Иное толкование указанных эмотивных вкраплений недопустимо в силу жанрово-стилистического назначения документа.

Таким образом, являясь составной частью делового общения и будучи рациональной по своему функционально-стилистическому назначению, БК тоже обладает эмотивными признаками, несмотря на значительную ограниченность в выборе языковых средств выражения эмоциональности. Одной из специфических форм реализации эмотивности в данной коммуникации является эмотивная вкрапленность в рационально-логическое поле делового общения. Оптимальная минимальность использования средств эмотивности в текстах БК позволяет сохранить стилевые признаки данного типа общения. Использование эмотивных вкраплений может рассматриваться в качестве одной из коммуникативных тактик воздействия на адресата в сфере делового общения.

Сфера рационального в человеческом взаимодействии претерпевает значительные изменения под влиянием психологических состояний человека. Так называемый «человеческий фактор» все более доминирует во всех профессиональных деятельности, проникает в рациональное, порождая новые формы проявления эмоциональности на языковом уровне.

Литература

- Вилюнас В.К.* Психология эмоциональных явлений. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2007. – 124 с.
- Гридин В.Н.* Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976. – 162 с.
- Додонов Б.И.* Эмоция как ценность. – М. : Политиздание, 1978. – 272 с.
- Изард К.* Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2009. – 250 с.
- Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2002. – 752 с.
- Ионова С.В.* Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 1998. – 197 с.
- Кинцель А.В.* Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 2000. – 152 с.
- Костяев А.П.* Вербальная агрессия в профессиональной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук – Тверь, 2011. – 457 с.
- Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
- Маслова А.Ю., Кадыркова Ю.В.* Прагматическая функция эмотивного компонента в коммуникативном поле побуждения. // Вестник Томского гос. университета. – 2010. – № 339 – С. 19–23.
- Матьяш О.И., Погольша В.М. и др.* Межличностная коммуникация: теория и жизнь. – СПб. : Речь, 2011. – 560 с.
- Мяжкова Е.Ю.* Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории: дис. ... д-ра филол. наук. – М.: Российская академия наук, Институт языкознания, 2000. – 244 с.
- Разинкина Н.М.* Стилистика английской научной речи (элементы эмоционально-субъективной оценки). – М.: Наука, 1972. – 167 с.
- Разинкина Н.М.* Функциональная стилистика английского языка. – М.: Высш. шк., 1989. – 182 с.
- ССРЛЯ* – Словарь современного русского литературного языка. Т. 2. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1954. – 1393 с.
- Филимонова О.Е.* Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук. – СПб.: Российский гос. пед. ун-т, 2001. – 382 с.
- Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.
- Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 418 с.
- Щирова И.А.* Психологический текст: деталь и образ. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 120 с.

Е.Г. Свинчукова

УДК 81'23

**РУССКИЕ В КАЗАХСТАНЕ:
ВЛИЯНИЕ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЯЗЫКОВОЕ
СОЗНАНИЕ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ**

На примере образов языкового сознания русских в России и Казахстане и казахов в Казахстане описываются особенности языковой картины мира трех групп испытуемых: русских в России, русских в Казахстане и казахов в Казахстане. В качестве основной группы для анализа выступают русскоязычные жители Казахстана. В данной статье приводятся итоги свободного ассоциативного эксперимента и основные результаты исследования.

Ключевые слова: языковое сознание, свободный ассоциативный эксперимент, диаспора, культура.

Elena G. Svinchukova

**RUSSIANS IN KAZAKHSTAN:
THE INFLUENCE OF KAZAKH CULTURE ON LANGUAGE
CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN DIASPORA**

The particularities of the world view of three groups of respondents (those of Russians in Russia and in Kazakhstan and of Kazakhs in Kazakhstan) are described through the content of their images of language consciousness. The author's central focus is the group "Russians in Kazakhstan". The paper presents the results of an associative experiment and the main conclusions of the research.

Key words: language consciousness, associative experiment, diaspora, culture.

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей диаспорного языкового сознания носителей русского языка и русской культуры, проживающих на территории Казахстана.

Объектом исследования послужили ассоциативные поля, которые были получены при помощи методики свободного ассоциативного эксперимента (см. [Свинчукова 2011 (1, 2)]). В качестве экспериментальной группы выступали 135 русских жителей Казахстана, а в качестве контрольных групп выступали 110 казахов и 193 русских респондента, жителя России. В процессе обработки данных на первом этапе были отобраны 129 анкет русских жителей Казахстана (далее «группа К»), 187 анкет россиян (далее «группа Р») и 100 анкет казахов.

По половозрастным характеристикам три указанные группы респондентов практически одинаковы, большую часть испытуемых составляли студенты различных курсов высших учебных заведений России и Казахстана.

Так как в данной статье мы рассматриваем именно диаспорное языковое сознание, мы начнем с определения понятия диаспоры. Как полагают многие исследователи, для представителей диаспоры характерна двойная идентичность, т.к. они занимают не единственное культурное пространство. Диаспора предполагает, по определению В.Д. Попкова, «коктейль из разнообразных культурных, социальных, экономических и других сфер, характерных одновременно как для страны происхождения, так и для страны проживания» [Попков 2003: 85]. Поэтому диаспоре приписывается двойная, а иногда и множественная лояльность. Причем особо подчеркивается, что культурная идентичность страны исхода и диаспорная идентичность не одно и то же. По мнению В.Д. Попкова, диаспорная идентичность представляет собой конструкт разнообразных идентичностей, в основе которых лежит представление о

едином культурном базисе, на который накладываются идентичности регионов, принимающих общины диаспоры. В этом случае в качестве базовой идентичности как связующего элемента выступают основные компоненты этнической идентичности страны исхода, приобретаемые с самого детства в ходе социализации индивидов.

Многие члены диаспоры долгое время живут в принимающей стране и одновременно с этим поддерживают связь со страной исхода. Таким образом, эти люди живут сразу в двух культурах, образуя транснациональные сообщества.

Далее необходимо рассмотреть явление аккультурации, которое понимается как «процесс долговременного взаимодействия представителей различных культур, в результате которого наблюдается культурное изменение в одной или обеих группах» [Там же: 54]. Это то изменение, которое может происходить как на уровне индивида, так и на уровне группы. Причем именно от индивидуальных особенностей группы или индивида зависит выбор направления аккультурации. При выборе направления индивид (группа) отвечает для себя на два вопроса: 1) важно ли поддерживать собственную культурную идентичность и культурную характеристику; и 2) важно ли сохранять отношения с другими этническими группами.

В результате ответа на эти два вопроса определяется одна из четырех стратегий аккультурации: интеграция, сепарация, ассимиляция или маргинализация [Там же: 57].

Каков же статус русских в современном Казахстане? После распада СССР и образования независимой республики Казахстан статус русских казахстанцев резко изменился. Закон о языке, принятый в 1989 году, утвердил казахский язык в качестве государственного, а русский – в роли языка межнационального общения. Таким образом, русское население Казахстана впервые столкнулось с необходимостью изучения казахского языка. Тем не менее, большин-

ство русских предпочли или переселиться, или просто не идти в госсектор, где требовалось знание казахского языка. В итоге, к 2000 году только 1% русского населения мог изъясняться на государственном языке.

В 1996 году был принят документ «Концепция языковой политики республики Казахстан» с целью успокоить волнения по поводу складывающейся этнолингвистической ситуации. За казахским языком признавался принципиальный статус «основы национальной культуры», чтобы сохранить межэтническое согласие», а также содействовать взаимному обогащению в этнокультурной среде. По программе «Концепции» казахский язык был призван стать языком общения между всеми национальностями и в этом качестве заменить русский. За русским языком признавалась определенная социальная роль, которая четко ограничивалась определенными областями: русский язык как источник научной и технической информации, средство общения с другими странами СНГ. В профессиональной сфере, как отмечалось ранее, проявляется языковая дискриминация (представители определенных профессий должны знать казахский) [Ларюэль, Пейруз 2007].

Все усилия отеснить русский язык и поддержать казахский пока мало что изменили. Как и прежде, русский язык является доминирующим в науке, средствах массовой информации и в большой политике. Спор о языках является не межэтническим русско-казахским конфликтом, а, скорее, внутриэтническим конфликтом разных поколений казахов, а также проявлением разницы между городом и деревней, разделяющего Казахстан на два лагеря.

М. Ларюэль и С. Пейруз называют русских жителей Казахстана «русским миром». Это понятие включает в себя русскоязычных и тех, кто ориентирован на русскую культуру, и «выходит далеко за пределы этнических рамок» [Ларюэль, Пейруз 2007: 301]. «Русский мир – это результат сложной российской истории, когда мощные вол-

ны эмиграции унесли из страны миллионы подданных Российской империи, затем граждан Советского Союза. Русский мир объединяет все слои российской диаспоры нового и старого зарубежья» [Русское слово 2003: 18]. Термин не носит территориального или политического характера, а отражает духовное и культурное родство.

Русское население современного Казахстана само по себе не является сплоченной диаспорой, наподобие уйгурской, чеченской, ингушской и т.д., что позволяет говорить о некоей политической индифферентности русских Казахстана. Большинство исследователей считает основной причиной данного явления государственное вмешательство. В. Р. Легойда полагает, что политика руководства республики «не позволяла... создавать полноценные диаспоральные общности», второй причиной автором был назван относительно небольшой возраст диаспоры. Его точку зрения разделяет и С.А. Панарин говоря о «низком уровне политической активности русскоязычных», также видя в этом определенное влияние со стороны государства. По мнению М.Н. Губогло, все же основной причиной является «слабая политическая мобилизация русского населения». Согласно приведенным им статистическим данным – 85,8% русских испытывают серьезные затруднения при определении своего отношения к созданию политической организации для русскоязычного населения. Б. Эшмент утверждает, что здесь играют свою роль «сильные отличия по социальному, экономическому и культурному уровню» среди русского населения Казахстана, именно поэтому «успешное представительство своих интересов затрудняется для русских, что они до сих пор не нашли новой идентичности, не могут осознать себя в качестве единой группы» [Русские в современном Казахстане: Эл. ресурс].

В исследованиях В.Н. Резникова по новой русской диаспоре было выявлено, что в норме в групповом сознании существует

прочная устойчивая связь между позитивной этнической идентичностью и этнической толерантностью, связь, подтверждаемая тесными корреляциями и являющаяся социально-психологическим законом. В неблагоприятных социально-политических условиях данная связь может разрушаться или становиться обратной, активизируя механизмы психологической защиты, что выражается в росте негативных гетеростереотипов, этнической интолерантности, этноцентризма (в понимании Н.М. Лебедевой) [Резников 2007: 35].

Проживая на одной территории республики Казахстан, русские и казахи находятся в постоянном культурном контакте. В исследовании Н.М. Лебедевой, проведенном в г. Алма-Аты в 1994 году, опрошенные русские и казахи отмечают, что русские заимствовали у казахов образ жизни и обы-

чай (62%), а именно: восточное гостеприимство, уважение к старшим, трудолюбие, терпимость к чужим обычаям и обрядам. Казахи, по мнению опрошенных, заимствовали у русских язык, элементы «европейской культуры», тягу к образованию, интеллигентность, отношение к труду, постоянную работу в городах, совершенствование специальности; негативные заимствования: снижение морального уровня, бюрократизм, безалаберность, нахальство, медлительность, склонность к спиртному, мат [Лебедева 1995 (1): 43].

Кроме того, в системе ценностных ориентаций респондентов довольно большое место занимают такие этнические ценности как: остаться русским (важно для 31,3% респондентов), жить среди русских (6,3%), мир и межнациональное согласие (49,7%). Таким образом, русские в

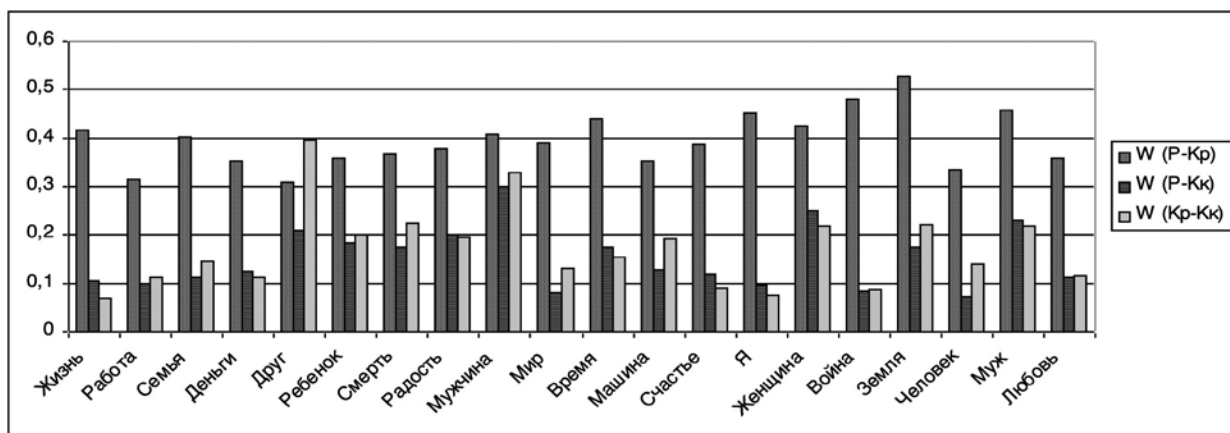
Таблица 1. Близость ассоциативных полей русских россиян, русских казахстанцев и казахов

Стимул	близость ассоциативных полей русских россиян и русских казахстанцев	близость ассоциативных полей русских россиян и казахов	близость ассоциативных полей русских казахстанцев и казахов
Жизнь	0,4168	0,105	0,07
Работа	0,3158	0,0992	0,113
Семья	0,4008	0,115	0,1446
Деньги	0,353	0,124	0,114
Друг	0,3096	0,21	0,3948
Ребенок	0,3586	0,1848	0,1996
Смерть	0,3682	0,174	0,2236
Радость	0,3798	0,2016	0,194
Мужчина	0,4072	0,3	0,3296
Мир	0,3914	0,081	0,1298
Время	0,4384	0,175	0,154
Машина	0,352	0,129	0,1932
Счастье	0,3864	0,12	0,091
Я	0,4506	0,096	0,0756
Женщина	0,4264	0,25	0,2178
Война	0,4804	0,085	0,0884
Земля	0,5274	0,174	0,2224
Человек	0,3346	0,074	0,1388
Муж	0,4568	0,229	0,2186
Любовь	0,3568	0,1138	0,116

Казахстане надеются сохранить позитивную этническую идентичность, не уезжая из республики. А что же значит для респондентов «быть русским»? Для 21,9% опрошенных это значит – жить в России, для 53,1% – говорить на русском языке, для 68,8% – жить русской культурой, для 37,5% – исповедовать православие, для 9,4% – быть представителем России в другой стране. Можно сделать вывод о том, что территориальная принадлежность к Российской Федерации не является главным критерием русскости, а именно культура определяют национальность живущих в Казахстане русских. Тем не менее, по данным Н.М. Лебедевой, наблюдается тесная внутренняя связь с Россией. Так, при ответе на вопрос «Что вас больше эмоционально задевает?» 53,2% респондентов ответили «когда оскорбляют Россию в целом» (гораздо меньше ответов «оскорбляют меня лично», «меня как русского») [Там же: 47].

Обратимся к результатам нашего исследования. По итогам анализа ассоциативных полей россиян (респондентов группы Р), русских казахстанцев (группы К) и казахов был вычислен коэффициент близости ассоциативных полей (W) трех указанных групп, который представлен в таблице 1 (о коэффициенте близости см. [Григорьев, Кленская 2000]).

График 1. Близость ассоциативных полей русских россиян, русских казахстанцев и казахов

Указанные данные можно представить в виде графика 1, где

W (P-Kp) – близость ассоциативных полей русских россиян и русских казахстанцев;

W (P-Kk) – близость ассоциативных полей русских россиян и казахов;

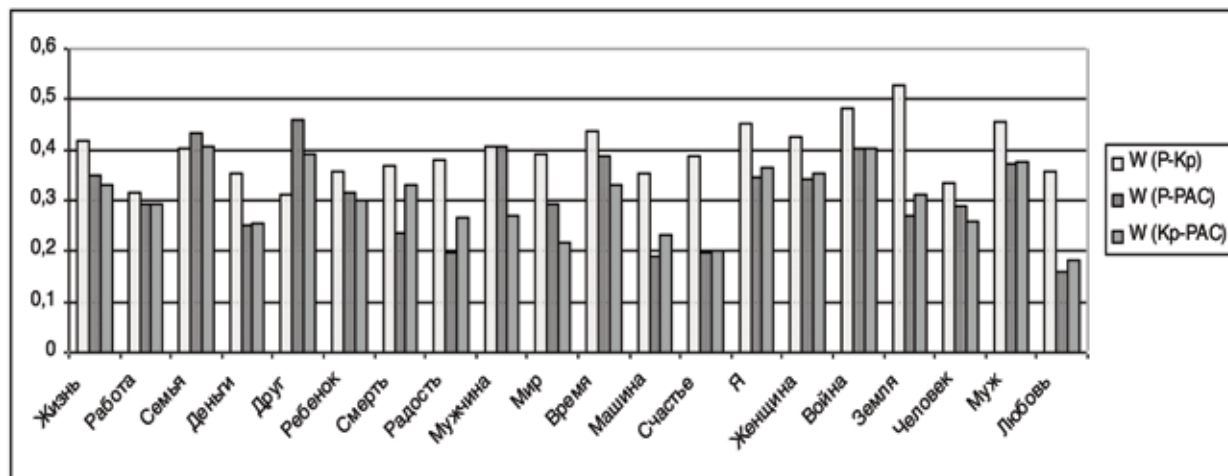
W (Kp-Kk) – близость ассоциативных полей русских казахстанцев и казахов.

На основе приведенных в таблице и в графике данных можно сделать вывод о том, что в данном случае на языковое сознание не влияет место проживания, а влияет этническая принадлежность: лишь в одном случае (при ответе на стимул «друг») близость ассоциативных полей респондентов, проживающих в Казахстане, оказалась на порядок выше, чем в случае «русские в России и в Казахстане» и «русские россияне и казахи».

Таким образом, даже без анализа конкретных реакций и их удельного веса очевидна высокая степень совпадения в двух группах русских по сравнению с казахами.

Помимо трех вышеописанных групп испытуемых, мы рассматривали словарные статьи «Русского ассоциативного словаря» для 20-ти исследуемых слов-стимулов, т.е. данные которые собирались на протяжении 10 лет (с 1988 по 1998 годы). Это диахроническое исследование позволило обнаружить некоторые особенности языкового сознания русских разных поколений,

График 2. Близость ассоциативных полей русских россиян, русских казахстанцев и респондентов РАС

W (P-Kp) – близость ассоциативных полей русских россиян и русских казахстанцев

W (P-PAC) – близость ассоциативных полей русских россиян и респондентов РАС

W (Kp-PAC) – близость ассоциативных полей русских казахстанцев и респондентов РАС

несмотря на то, что ядро языкового сознания остается стабильным, образы, стоящие за теми же стимулами, которые присутствуют в «Русском ассоциативном словаре» и которые использовались в наших исследованиях, отличаются. При этом наблюдается большая разница в таких образах, как *работа, деньги, смерть, радость, машина, счастье, любовь* (См. График 2). Одновременно с трансформацией описанных образов русского языкового сознания в языковом сознании группы К наблюдаются те реакции, которые присутствуют в «Русском ассоциативном словаре» и которые либо занимают более низкий ранг в группе Р, либо отсутствуют вообще.

Из этого можно сделать вывод о том, что за последние 20 лет языковое сознание русских в России подверглось большому изменению по сравнению с языковым сознанием русских в Казахстане, которые в ответ на возможное влияние принимающей страны с ее языком и культурой по некоторым показателям сохранили сознание на уровне советского времени, когда была другая политическая и языковая ситуация.

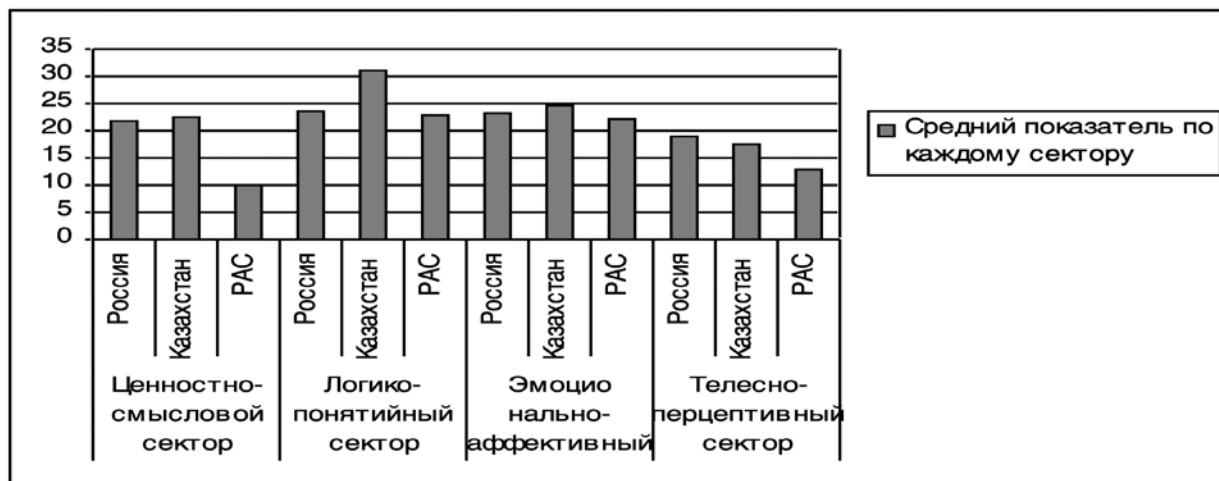
Если мы рассмотрим количество ответов в двух группах русских в соответствии

с логико-понятийной моделью А.В. Иванова [1994], то увидим, что показатели по двум группам отличаются применительно к отдельным стимулам (эти значения выделены в таблице жирным шрифтом). Логико-понятийная модель сознания представляется А.В. Ивановым в виде круга, куда вписан крест, делящий его на четыре части.

В нашем исследовании мы следуем модели А.В. Иванова, разделяя реакции на 4 поля, вписанные в прямоугольник с выделенной 5-й зоной, предназначенной для тех реакций, которые, по нашему мнению, не вошли ни в одну из указанных зон в силу того, что в некоторых случаях трудно отнести ту или иную реакцию в какую-либо конкретную зону из-за многозначности слов и невозможности определить, какое именно значение было выявлено в ходе эксперимента.

В целом процентное количество реакций по трем секторам практически совпадает в группах Р и К, и разница наблюдается лишь в логико-понятийном секторе, на который в среднем приходится 23,75% в группе Р и 31,03% в группе К. При этом, количество ответов в ценностно-смысловом секторе для группы респондентов «Русско-

График 3. Средний показатель по каждому сектору

го ассоциативного словаря» заметно меньше, чем в ответах испытуемых наших исследований. (см. Таблица 2 и График 3)

В целом, русскоязычные респонденты, отвечая первым пришедшим в голову словом, описывают понятия, относящиеся именно к этому стимулу (перечисляя характеристики этого понятия) или дают реакции по принципу антонимии, причем в этом случае синонимичные варианты также присутствуют, но встречаются намного реже, чем в ответах казахов, которые, пользуясь богатыми синонимическими рядами казахского языка, дают реакции синонимического характера.

Наше исследование показывает, что в отличие от приведенных выше точек зрения других авторов (М.Н. Губогло, В.Н. Резников, С.А. Панарин, М. Ларюэль, С. Пейруз), которые не считают русских полноценной диаспорой, мы полагаем, что это утверждение справедливо только в политическом ракурсе. Вместе с тем, русские казахстанцы не стали казахами только лишь потому, что живут на территории Казахстана. В данном случае происходит как бы «консервация» языкового сознания, а, следовательно, и образа мира русских казахстанцев. Так, при ответе на некоторые стимулы респонденты группы К дают реакции, зафиксированные в «Русском ассоциативном словаре» (матери-

ал для которого был собран с 1988 по 1998 год), и которые практически отсутствуют в ответах современных русских россиян (см. подробнее [Свинчукова 2011]).

Проделанный анализ позволяет сделать следующие выводы.

С политической и социальной точек зрения русскоязычные жители Казахстана в силу сложившихся исторических предпосылок еще не могут считаться в полной мере диаспорой, которая, осознавая свою идентичность, старается отделиться от титульной нации: 20 лет независимости Казахстана не успели коренным образом переменить языковую ситуацию, хотя и наметилась тенденция к укреплению статуса казахского языка и культуры на территории независимого Казахстана.

С другой стороны, языковое сознание русских в Казахстане можно охарактеризовать как диаспорное в том смысле, что русские в этой стране, безусловно, характеризуются общими чертами, при этом во многом схожими с особенностями россиян. Вместе с тем, именно территориальная изолированность русских казахстанцев от страны исхода явилась тем пусковым механизмом, который позволил им сохранить культурные особенности, характерные для русской культуры в целом, а иногда даже и для предыдущего поколения рус-

Таблица 2. Количество ответов по секторам в трех группах русских (в процентах) на каждый стимул и средние значения по каждому сектору для трех групп

Слово-стимул	Ценностно-смысловой сектор			Логико-понятийный сектор			Эмоционально-аффективный сектор			Телесно-перцептивный сектор		
	Россия	Казахстан	РАС	Россия	Казахстан	РАС	Россия	Казахстан	РАС	Россия	Казахстан	РАС
Мир	16	16,3	11	29,4	44,9	18	25,7	19,4	23	11,8	15,5	11
Земля	6,4	9,3	8	35,3	36,4	29	6,4	10	13	41,7	41	18
Смерть	13,4	14	5,4	22,5	35	18	29	29,5	17	26,2	18,6	18
Счастье	38,5	33,3	17	16	24,8	6	16	18,6	56	19,3	17,1	25
Муж	26,2	22,5	3,6	26,8	32,6	24	20,3	30	31	10,7	5,4	11,8
Семья	45	43	32	24,6	32	26	7	8,5	3,4	12,3	14,7	10
Война	25,1	28,6	11	30,5	32,6	32	18,2	15,5	13	13,9	14	13
Женщина	28,8	26,2	12	21	28	21	22,5	26,4	29	16,6	17,8	6,5
Машина	6,5	15,5	1	7	21,8	16	20,8	22,5	5	43,8	31,7	19,7
Я	8	22	7,4	36,9	47,2	35	20,9	20	8,8	16,6	7	7,4
Время	17,6	22,5	18	26,7	37	24	35,8	28,7	33	4,8	7,8	11
Человек	26,9	19,4	7,8	27,4	28	12	27,8	28	22	17	17	9,1
Жизнь	35,3	31	17	17,6	23,3	15	28,9	33,3	21	9,1	13,2	8,6
Радость	10,2	22,2	7	29,9	34	18	11,2	11,7	32	37,5	31,8	31
Ребенок	25	23,3	7,2	25,6	31	28	16,6	25,5	13	19,3	14,7	20,4
Работа	33,2	27	13	15	34	12	31	29,5	32	12,8	5,4	7,8
Любовь	13,4	11,6	20	16	23,3	24	26,2	37	27	22,5	22,5	17
Мужчина	27,3	20,2	5,7	24	27	30	26,2	31	24	17,2	20,2	9
Друг	18,7	14	4,3	20,9	27	25	35,8	33,3	34	16,6	24	12,3
Деньги	17,1	29,5	4	21,4	20	17	34,8	33,3	24	11,8	10	10,7
Средний показатель по каждому сектору	21,9	22,61	10	23,75	31,03	23	23,06	24,51	22	19,08	17,51	13

ских, причем эти особенности постепенно утрачиваются современными молодыми россиянами.

Статус русского языка остается еще довольно высоким, а престиж русского языка осознается даже молодым поколением казахов, жителей городов, которые, по на-

шим наблюдениям, предпочитают общаться даже между собой на русском языке, в следствие чего влияние казахского языка на русскоязычных жителей Казахстана либо не осуществляется вообще, либо очень мало (чаще всего русские даже не говорят на казахском языке): в проведенных нами

экспериментах русские жители Казахстана всегда отвечали на русское слово-стимул по-русски, в то время как казахи на казахское слово-стимул часто давали перевод или реакцию на русский языке.

Среди казахов отмечается очень большое единодушие при ответе на стимулы в ассоциативном эксперименте, т.е. большинство ответов входит в «смысловое ядро», в отличие от русских, для которых характерна большая «размытость» языкового сознания.

В целом в ответах казахов стимулы характеризуются как понятия, приводятся многочисленные синонимы слов-стимулов, в ответах русских двух стран большую роль играет эмоциональный компонент, хотя для русских казахстанцев понятийный сектор сознания (в терминах А.В. Иванова) важнее, чем для россиян.

Представляет интерес тот факт, что казахская культура повлияла на консолидацию русских казахстанцев (например, большая ориентированность на другого по сравнению с русскими в России и казахами), к тому же в языковом сознании респондентов группы «русские в Казахстане» преобладает понятийный компонент в большей степени, чем эмоциональный, что сближает их с казахами, а не с россиянами.

Можно говорить о том, что интеграция (в терминах Дж. Берри) выбрана в качестве стратегии аккультурации, эта стра-

тегия определяется гибкостью личности. Возможно, русское население Казахстана и не является полноценной диаспорой с политической точки зрения, с одной стороны, в силу общего советского прошлого двух независимых в настоящее время стран – принимающей страны и страны исхода, с другой стороны, с точки зрения культурных особенностей русскоязычное общество имеет свои характерные черты, которые подвергаются лишь незначительному влиянию казахской культуры. Русская диаспора неосознанно, а в силу сложившихся экономических, социальных и политических условий предпочла интегрироваться с казахской культурой, при этом сохранив русский язык и, следовательно, русскую культуру. При этом русские осознают необходимость мирного сосуществования (поэтому стратегией аккультурации является именно интеграция, а не сепарация). Вспомним исследование Н.М. Лебедевой, которая продемонстрировала важность для русских казахстанцев сохранить мир (что также подтверждается и нашими исследованиями, в которых «мир» – это «дружба», которая очень важна). Кроме того, для представителей русской диаспоры также очень важно «остаться» русским, что, по мнению самих респондентов, означает «жить русской культурой» (т.е. говорить на русском языке и исповедовать православие).

Литература

- Григорьев А.А., Кленская М.С.* Проблемы количественного анализа в сопоставительных исследованиях ассоциативных полей // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 313–319.
- Иванов А.В.* Сознание и мышление – М., 1994. – 129 с.
- Казахско-русский словарь.* – Алма-Ата, 1987. – 507 с.
- Ларюэль М., Пейруз С.* «Русский вопрос» в независимом Казахстане: история, политика, идентичность / Пер. с фр. Т.Н. Григорьевой – М., 2007. – 359 с.
- Лебедева Н.М.* Новая русская диаспора: социально-психологический анализ. – М., 1995 (1). – 385 с.
- Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. – М., 1995 (2). – 195 с.
- Попков В.Д.* Феномен этнических диаспор. – М., 2003. – 278 с.
- Резников В.Н.* Задачи этнической психологии // Этническая психология и общество: материалы 1-ой конференции секции этнической психологии при Российском психологическом обществе. – М., 2007. – С. 26–39.
- Русские в современном Казахстане (XX – начало XXI)* // эл.ресурс <http://kz.ethnology.ru/win/rus-now.html>
- Русский ассоциативный словарь:* [В 2 т.] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин. – М., 2002.
- Русский семантический словарь* (опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову) / Ю.Н. Караулов, В.И. Молчанов, В.А. Афанасьев, Н.В. Шихалев, отв. ред. С.Г. Бархударов. – М., 1982. – 563 с.
- Русское слово.* – 2003. – №1.
- Свинчукова Е.Г.* «Мир» глазами русских, казахов и русских казахстанцев: межкультурный диалог (по материалам ассоциативного эксперимента) // Языковой дискурс в социальной практике: материалы междунар. научно-практ. конф. 1–2 апреля 2011. – Тверь, 2011 (1). – С. 239–244.
- Свинчукова Е.Г.* Человек в русской культуре (по материалам ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. – №1 (13) 2011 (2). – С. 174–181.

О.А. Мельничук, Т.А. Мельничук

УДК 165.192 81'42

СТРАТЕГИИ ДЕТЕКТИВНОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ А. КРИСТИ)

Статья посвящена исследованию стратегий детективного дискурса в произведениях А. Кристи. Под стратегиями понимается серия тактик и приемов, используемых автором для программирования восприятия читателем основной идеи произведения, авторской картины мира и авторских интенций. В детективном дискурсе авторы статьи выделяют два типа интригообразующих стратегий и интригозавершающую стратегию, выявляют лингвистические, архитектурные, композиционные и жанровые средства, приемы и тактики, формирующие их. В конце статьи предлагается вывод о том, что стратегии детективного дискурса стимулируют речемыслительную деятельность читателя иным образом, чем другие стратегии художественного дискурса.

Ключевые слова: текст, дискурс, художественный, детективный, интрига, стратегия, прием, тактика, читатель.

Olga A. Melnichuk, Tatiana A. Melnichuk

STRATEGIES OF THE DETECTIVE DISCOURSE IN A. CHRISTIE'S NOVELS

The article deals with the detective discourse strategies in the novels by A. Christie. Strategies are understood as a number of tactics and devices used by the author of a novel to program the reader's perception of the main idea of a novel, the author's world model and the author's intentions. In the present article a suspense closing strategy and two types of suspense shaping strategies are distinguished, as well as the linguistic, architectonic, compositional and genre devices and tactics used to form the named strategies. The authors of the article come to the conclusion that the detective discourse strategies stimulate the speech and mental activity of a reader in a manner that differs from other literary discourse strategies.

Key words: text, discourse, literary, detective, suspense, strategy, device, tactics, reader.

–...просто удивительно, как все встало на свои места после его объяснений.

– Как в головоломке, когда все мелкие кусочки находят свое место и получается цельная картинка.

[Кристи А., Убийство на рождество, с.180]

Целью данной статьи является выявление стратегий, используемых в детективных произведениях Агаты Кристи «Сверкающий цианид», «Убийство в Месопотамии» и «Смерть на Ниле». Выбор произведений Агаты Кристи обусловлен тем, что именно в ее романах наиболее последовательно и явно прослеживается соответствие одному из требований классического детектива, состоящему в том, что и сыщик и читатель должны иметь равные возможности разрешения загадки. Поэтому в произведении должна быть представлена информация, которая «дает внимательному читателю, и только ему, возможность без чрезмерных усилий самостоятельно "вычислить" преступника» [Юстес]. А.Кристи затевает игру с читателем, предоставляя ему информацию при помощи текстовых или дискурсивных стратегий.

Вопрос о разграничении текста и дискурса является дискуссионным: с одной стороны, ученые сходятся на том, что текст – это результат, а дискурс – процесс; с другой – во многих исследованиях термины «текст» и «дискурс» становятся взаимозаменяемыми. Существует также точка зрения, согласно которой дискурсом называют те уровни, которые накладываются на повествование, т.е. текст делится на историю/интригу и дискурс (см., например [Есо; Словарь]). Считается, что в детективном тексте распределение и комбинация признаков, указывающих на преступника, относится к интриге, т.е. к фабуле (тексту), а нагнетаемая атмосфера страха – к дискурсу (к сюжету) [Словарь].

Это можно объяснить тем фактом, что, по словам И.Р. Гальперина, «текст обладает двойственной природой – состоянием покоя и движения» [Гальперин 2005: 19]. Однако

смысл существования текста состоит в том, чтобы его кто-нибудь прочел, чтобы он стал объектом «чужого сознания». А чтение – это процесс, не говоря уже о восприятии, понимании и интерпретации. Поэтому мы полностью согласны с В.З. Демьянковым, подходящим к дискурсу как к интерпретации текста и считающим, что «текст – не простой материальный объект, а интерпретируемый вербальный объект, за которым можно увидеть протекание дискурса» [Демьянков 2007].

Таким образом, в данной работе мы используем термины «текст» и «дискурс» как синонимы, понимая под ними художественный текст в процессе речемыслительной деятельности читателя, реконструирующей речемыслительную деятельность автора.

Теория текстовых/дискурсивных стратегий (которые являются одновременно и коммуникативными стратегиями) интенсивно разрабатывается в последнее время, однако до сих пор нет единого определения термина «стратегия», а также существуют сложности в определении типологии стратегий.

Т.А. ван Дейк и В. Кинч исследуют роль стратегий в построении модели понимания связного текста, определяя их как «знание о процессах понимания». Благодаря этим стратегиям происходит когнитивная обработка дискурса для его интерпретации, в результате в памяти реципиента конструируется ментальное представление данного дискурса. Т.А. ван Дейк и В. Кинч подходят к теории стратегий с позиций воспринимающего текст; другими словами, они говорят об общих читательских компетенциях. Тем не менее, авторы выделяют и продукционные стратегии, справедливо оговаривая, что хотя в своей работе они и конструируют модель, направленную на понимание текста, «все же полная модель когнитивной обработки текста должна включать в себя и продукционный компонент» [Дейк, Кинч]. Продукционные стратегии служат для создания семантического плана текста, состоящего из элементов общего знания и в особенности из элементов ситуационной модели (включая модель слушающего) [Там же].

Таким образом, ван Дейк и Кинч разграничивают стратегии, использованные при порождении текста автором, и стратегии, используемые реципиентом (в нашем случае читателем) при восприятии текста. Подобную же теорию выдвигает В.З. Демьянков, оперируя терминами «опорные пункты» и «инструменты интерпретации». Опорные пункты, под которыми понимаются находящиеся в тексте слова, конструкции, мысли и т.д., на которые опираются при использовании инструментов интерпретации, можно, на наш взгляд, соотнести с авторскими стратегиями. Стратегии интерпретирования (т.е. интерпретатора), являются одним из видов инструментов интерпретации, организуют реальный ход интерпретирования и соединяют между собой цели и средства интерпретации [Демьянков 2010].

Однако, поскольку текст является компонентом речевой коммуникации, то именно стратегии, использованные автором текста для программирования читательского восприятия, должны выйти на первый план, что и наблюдается в большинстве исследований.

С точки зрения представителей отечественной когнитивной лингвистики под стратегией понимается план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для «обработки» партнера, некоторая последовательность действий (в данном случае – речевых), организованных в зависимости от цели взаимодействия. Посредством стратегии достигается и контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего (направленных на изменение модели мира адресата, трансформацию его концептуального сознания) в условиях недостатка информации о действиях партнера [Иссерс 2008: 100–102].

Таким образом, стратегия определяется как план речевых действий и его реализация для достижения коммуникативной цели. Что касается типологии стратегий, то исследователи обычно выделяют две большие группы стратегий, включающие в себя иерархически подчиняющиеся им частные стратегии.

Например, О.С. Иссерс предлагает выделять основные и вспомогательные стра-

тегии. Основные стратегии (семантические, когнитивные) направлены на достижение наиболее значимых целей и непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, его поведение (как физическое, так и интеллектуальное). Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата [Иссерс 2008: 106–108].

Французский нарратолог В. Жув, подходя к исследованию стратегий с точки зрения техник организации повествования, выделяет локальные и глобальные стратегии. Под локальными стратегиями автор понимает серию приемов, определяющих отношение читателя к миру художественного произведения. Глобальные стратегии способствуют пониманию смысла текста через способ координации различных точек зрения или перспектив [Jouve 1997: 107–111].

В.А. Сулимов, понимая под когнитивными стратегиями «способ выстраивания смысловой перспективы текста, которая основывается на качестве обнаруживаемой при интерпретации информации» [Сулимов 2007: 75–78], выделяет когнитивную стратегию информирования (используемую с целью придания тексту большей субъективной значимости) и когнитивно-концептуальную стратегию (обеспечивающую текстам наибольшую информационную ценность).

Таким образом, очевидно, что, независимо от типа текста текстовые стратегии делятся на две большие группы: основные/глобальные и вспомогательные/локальные. Однако не следует забывать, что они иерархически подчиняются общей коммуникативной стратегии автора. Мы понимаем под коммуникативной стратегией план речевых действий и его реализацию для достижения коммуникативной цели автора текста, которая состоит в воздействии на картину мира и систему ценностей читателя. Представляется, что реализация плана в художественном тексте и осуществляется с помощью текстовых/дискурсивных стратегий, под которыми мы понимаем серию тактик и приемов, используемых автором для программирования

восприятия читателем основной идеи произведения, авторской картины мира и авторских интенций.

Как показывает проводимый нами анализ художественных текстов, стратегии могут быть двух видов: семантические (концептуальные, содержательные) и формально-структурные.

Семантические стратегии подразделяются на стратегию выражения/формулирования основной идеи текста (или глобальную стратегию) и тематические стратегии, направленные на выражение/формулирование отдельных тем произведения. Глобальная стратегия может создаваться как отдельными тактиками и приемами, так и только за счет наложения или пересечения тематических и формально-структурных стратегий. Семантические стратегии формируются, в основном, при помощи комбинаций различных тактик (лексических, стилистических, синтаксических, композиционных, графических и др.)

Формально-структурные стратегии создаются при помощи одноуровневых средств, являющихся доминантными в произведении. Можно говорить о лексических стратегиях, стилистических, синтаксических (в том числе и пунктуационных), композиционных и т.д. Необходимо отметить, перефразируя утверждение И.Р. Гальперина о взаимообусловленности содержательных и формально-структурных категорий текста [Гальперин 2005: 5], что формально-структурные стратегии направлены на выражение/формулирование семантики текста, а семантические стратегии выражены структурными формами.

Представляется, что стратегии зависят от жанра и типа текста. Возможно, что в художественных текстах с полной креолизацией или в художественных гипертекстах выделяются другие типы стратегий.

Детективный дискурс также имеет свои особенности, он определяется как одна из разновидностей личностно-ориентированного дискурса, направленного на художественное общение между автором и читателем. Цели этого общения называются

разные: от психологической разрядки до развития эстетических и интеллектуальных способностей читателя при помощи логического анализа фактов, ведущего к захватывающему раскрытию загадочного преступления [Дудина 2008], от интеллектуального отдыха до формирования и структурирования художественной картины мира читателя и обращения к базовым категориям человеческой морали – добру и злу [Лесков 2005].

Основной особенностью детективных произведений являются его жанровые стереотипы. Жанр детективного романа, так же, как и жанр сказки, представляет инвариантность функций, выполняемых актерами, и в нем, так же, как и в сказке, возможно, описав функции (круги действий) актеров и различные классы актеров, установить набор основных типичных актантов. Основные круги действий классического детектива сложились давно: преступление, расследование преступления, установление преступника. Соответственно выделяются и два основных актанта – преступник и детектив, а также партисипанты (термин Греймаса) т.е. актанты, носящие вторичный характер [Греймас 2000: 162] и появляющиеся не в каждом произведении – жертва, подозреваемые, ассистент (помощник детектива).

Для большинства произведений А. Кристи характерно наличие партисипантов. Интригообразующие стратегии как раз и направлены на формирование и расширение определенного круга подозреваемых, интригозавершающие стратегии имеют целью сужение круга подозреваемых и выявление настоящего преступника (преступников). Можно выделить следующие группы стратегий и соответствующих им приемов, средств и тактик:

Ia. Интригообразующая стратегия I типа:

1. Лингвистические средства;
2. Композиционный прием «полископическая перспектива видения»;

Ib. Интригообразующая стратегия II типа:

1. Архитектонический прием – членение текста;
2. Лингвистические средства;
3. Композиционный прием «точка зрения»;

II. Интригозавершающая стратегия:

1. Тактика сужения круга подозреваемых персонажей;
2. Тактика отведения подозрения от персонажа;
  - 2.1. хорошая характеристика персонажа;
  - 2.2. тактика «отвлекающего маневра»;
3. Лингвистические средства;
4. Тактика умолчания;
5. Тактика (принцип) «совершенное алиби».

Рассмотрим подробнее, что представляют собой выделенные стратегии, и каким образом они реализуются в тексте.

Мы выделили два типа **интригообразующей стратегии**. Стратегия первого типа создает атмосферу таинственности, страха, витающего в воздухе преступления. При помощи стратегии второго типа очерчивается круг подозреваемых после совершения преступления, определяются мотивы для совершения преступления, либо круг персонажей – будущих подозреваемых до совершения преступления.

Интригообразующая стратегия первого типа.

Для создания соответствующей атмосферы используются:

1. Лингвистические средства:

- **тематическая лексика.** Так, в романе «Убийство в Месопотамии», при описании состояния будущей жертвы, миссис Лейднер, используются слова : страх, напугана, ужасы на нервной почве, онемела от ужаса, безопаснее, например, ‘She said she would feel very much safer’ [Christie 2008a: 11] «Сказала, что будет чувствовать себя намного безопаснее» [Кристи 1992: 189]; при описании атмосферы в экспедиции – необычно, странно, загадочно.

В романе «Смерть на Ниле» используется лексика, выражающая агрессивные действия по отношению к будущей жертве:

‘She’s sharp, Linnet is... but –’

Pennington went on softly: ‘I think there might be ways of – managing it.’ [Christie 1974: 26]

- Она смекалистая, Линнет, хотя...

- Я думаю, мягко продолжал Пеннинг-

тон, можно будет справиться – так или иначе... [Кристи 2008: 206].

‘She threatened to – well – kill us both.’ [Christie 1974: 46]

- Она грозилась... м-м... убить нас обоих [Кристи 2008: 228]

‘...– it all goes red – I want to hurt her – to stick a knife into her, to put my dear little pistol close against her head and then – just press with my finger –’ [Christie 1974: 51]

- Я лопаюсь от злости, мне хочется сделать ей больно, всадить в нее нож, навести на ее лоб револьвер и легонько так нажать [Кристи 2008: 232]

- **лексический повтор:** ‘Yes, there was something a little odd about it...’ [Christie 2008a: 35] «Да, было что-то не совсем обычное в этом...» [Кристи 1992: 203]; ‘...I thought it was very odd’ [Christie 2008a: 70] «...мне показалось это очень странным» [Кристи 1992: 225].

В романе «Смерть на Ниле» – повтор слова «ожидание»:

‘There was a feeling in the air of hush – of expectancy. (...) Was he wrong, or was there the same hush of expectancy there?’ [Christie 1974: 38].

В повисшей тишине зрело как бы ожидание чего-то. (...) Ошибался он (Эркюль Пуаро) или там тоже пребывали в некоем ожидании? [Кристи 2008: 220].

- **проспекция** в виде комментария повествователя от третьего лица:

‘It’s certainly not a matter of life and death,’ agreed Mrs. Otterbourne.

But there she was quite wrong – for a matter of life and death was exactly what it was. [Christie 1974: 29].

- Безусловно, это не вопрос жизни и смерти, – согласилась с ней миссис Оттерборн.

Тут она сильно ошибалась: это был именно вопрос жизни и смерти [Кристи 2008: 209].

2. Характеристика персонажа при помощи композиционного средства – переключившихся точек зрения или полископической перспективы видения, когда одно и то же событие рассказывается или

комментируется разными персонажами. Так, в романе «Убийство в Месопотамии» поведение миссис Лейднер характеризуется различными персонажами следующим образом:

‘She amuses herself by setting other people by the ears.’ [Christie 2008a: 17] «...развлекается тем, что сталкивает людей» [Кристи 1992: 192]; ‘Anything to get attention, to have everybody hovering round her, making a fuss of her!’ [Christie 2008a: 24] «На все готова, лишь бы привлечь внимание, чтобы все вертелись вокруг нее, носились с ней» [Кристи 1992: 197]; ‘...she fancied it all’ [Christie 2008a: 45] «...выдумывает она все это» [Кристи 1992: 210]; ‘A dangerous woman, I think. (...) ‘I think she is ruthless’ [Christie 2008a: 54] «...я думаю, опасная женщина (...) я думаю, она жестокая» [Кристи 1992: 215–216]; ‘Had Mrs Leidner conceivably written those letters herself?’ [Christie 2008a: 83] «А что, если мисси Лейднер написала эти письма сама?» [Кристи 1992: 233] и т.д.

В романе «Смерть на Ниле» из реплик персонажей можно узнать об отношении к будущей жертве, Линит, некоторых людей и мотивах их возможной мести:

‘What a lot of enemies you must make, Linnet’ [Christie 1974: 9].

- Сколько же врагов ты наживаешь себе, Линит! (после расстройтва замужества горничной Линит, Мари) [Кристи 2008: 187].

‘And I believe he’s quite venomous about her (...) Can’t forgive her for having given him an absolutely top price for the worm eaten family estate.’ [Christie 1974: 22].

- Он, по-моему, затаил злобу на нее (...) Не может простить, что за источенное червями родовое гнездо она выложила немислимые деньги [Кристи 2008: 202].

Не будем также забывать, что Линит вышла замуж за жениха своей лучшей подруги Жаклин.

Интригообразующая стратегия второго типа образуется при помощи следующих тактик:

1. Архитектоника романа, т.е. членение текста. Так, первая книга романа «Сверкающий цианид» разделена на шесть глав,

каждая из которых посвящена отдельному персонажу, например, «Айрис Марл», «Руфь Лессинг», «Антони Браун» и т.д. В этих главах представлены воспоминания персонажей о жертве (Розмари, официально покончившей жизнь самоубийством), об их отношениях с ней, чувствах, которые они испытывают по отношению к ней.

Из повествования от третьего лица и несобственно-прямой речи персонажей читатель может самостоятельно сформулировать мотив преступления для каждого из шести персонажей. Например, младшая сестра Айрис могла убить из-за наследства:

‘She had known since she was a child that Rosemary had inherited Uncle Paul’s money, that Rosemary was rich whilst she herself was comparatively poor. But until this moment she had never questioned what would happen to that money on Rosemary’s death... But here it was, set down in black and white, in Rosemary’s own hand. At Rosemary’s death the money came to her, Iris.’ [Christie 2008: 12].

«Еще будучи ребенком, Айрис знала, что Розмари завещаны деньги дядюшки Пауля, что Розмари будет богатой, а она сама почти бедной. Но до этой минуты Айрис никогда не задавалась вопросом, что произойдет с этими деньгами в случае смерти Розмари... Но вот перед ней написанное черным по белому, рукой Розмари. После смерти Розмари она, Айрис, становится наследницей» [Кристи 1992а: 8].

Любовник Розмари, Стефан Фаррадей боялся, что их связь получит огласку и навредит его карьере:

‘He must think of something – some way of keeping Rosemary quiet... A glass of poisoned champagne was about the only thing that would keep Rosemary quiet.’ [Christie 2008: 87].

«Нужно что-то предпринять – как-то заставить Розмари замолчать... Бокал отравленного шампанского заставил бы ее замолчать» [Кристи 1992а: 53].

Муж Розмари, Джордж Бартон, мог убить ее из ревности:

‘He understood in that moment just what Othello had felt... He’s like to choke the life

out of her!» [Christie 2008: 99].

«...Чувства Отелло сразу стали понятны ему... Ему захотелось задушить ее!» [Кристи 1992а: 59].

Александра Фаррадей также могла убить из ревности («She hated Rosemary Barton. If thoughts could kill, she would have killed her» [Christie 2008: 95]. «И она ненавидела Розмари Бартон. Если бы мысли могли убивать, Розмари уже не было бы в живых» [Кристи 1992а: 57]), Антони Браун – потому что Розмари стало известно его настоящее имя, Руфь Лессинг – из желания выйти замуж за Джорджа Брауна.

В романе «Смерть на Ниле» в главах первой книги описываются действующие лица, которых объединяет одно – поездка в Египет, и которые окажутся в момент преступления на корабле. Разумеется, о мотивах преступления говорить преждевременно, но поездка некоторых персонажей, в частности, Джима Фанторпа и Эндрю Пеннингтона, связана с пребыванием в Египте Линит Риджуэй, будущей жертвы.

2. Лингвистические средства. При описании отношения персонажей к жертве используются лингвистические средства, помогающие читателю в формулировке мотивов преступления :

- **оценочная лексика** – ‘Had she been thinking that it was unfair for Rosemary to get *all* Uncle Paul’s money? She supposed that, deep down, she must have been feeling just that. It *was* unfair [Christie 2008: 13]. «А справедливо ли, что все деньги дядюшки Пауля достались Розмари? Эта мысль давно таилась в глубине души. Несправедливо» [Кристи 1992а: 9];

- **лексика, выражающая чувства подозреваемых персонажей по отношению к жертве:** ненависть, ненавидеть (Руфь Лессинг, Александра Фаррадей), мучения, страдания, переживания (Александра Фаррадей);

‘She had hated Rosemary Barton that afternoon. She still hated Rosemary Barton on this day a year later.’ [Christie 2008: 54]

В этот день она [Руфь] возненавидела Розмари. Спустя год она с той же силой продолжала ее ненавидеть [Кристи 1992а: 34];

ненавидеть, не любить:

‘Miss Johnson clearly didn’t like her chief’s wife (...) and unless I was much mistaken Mrs Mercado fairly hated her. Another person who didn’t like Mrs Leidner was Sheila Reilly.’ [Christie 2008а: 67]

- Совершенно очевидно, что мисс Джонсон недолюбливает жену шефа (...) и я вряд ли ошибусь, если скажу, что миссис Меркадо просто ненавидит ее. И еще один человек, который не любит миссис Лейднер, – это Шийла Райлли [Кристи 1992: 223]; Это характеристика подозреваемых персонажей с точки зрения повествователя-персонажа Эмми Ледеран.

- **лексика, выражающая страх, беспоконство** Стефана Фаррадея – frighten, be watchful, be suddenly cold, impatient, disaster, ruin [Christie 2008: 83] напугать, насторожиться, похолодеть, беспокойный, катастрофа, крушение [Кристи 1992а: 50-51],

- **бранная лексика:**

‘The incredible little fool! [Christie 2008: 59] Silly little fool [Idem: 61] Чудовищная дура! Безмозглая дурочка [Кристи 1992а: 36-37] (отношения Антони Браун – Розмари); ‘A lovely creature with the brains of a hen! The little fool! The silly clinging fool! [Christie 2008: 84-85] Очаровательное создание с куриными мозгами. Набитая дура! Навязчивая идиотка! [Кристи 1992а: 51] (отношения Стефан Фаррадей – Розмари);

- **экспрессивное использование пунктуации**, в частности, многократное использование восклицательного знака:

– ‘Rosemary always had everything! [Christie 2008: 13] «Всегда все доставалось Розмари!» [Кристи 1992а: 9]. Восклицательный знак свидетельствует о чувствах (возмущение, зависть), которые испытывала Айрис по отношению к своей сестре.

– ‘Just like that! Disaster! Ruin!’ [Christie 2008: 83] «Вот только этого ему и не хватало! Катастрофа! Крушение!» [Кристи 1992а: 51].

В данном случае восклицательные знаки передают панический ужас Стефана Фаррадея перед перспективой публичного разоблачения его связи с Розмари.

3. Композиционный прием «точка зрения» – формулировка мотивов преступления персонажами, не имеющими отношения к убийству или расследующими его.

Полковник Рейс, к которому Джордж Бартон обращается за помощью, включает в круг подозреваемых:

- младшую сестру ('Did she come into any money on your wife's death?' [Christie 2008: 137] «...Айрис полагалось какое-то наследство в случае смерти вашей жены?» [Кристи 1992а: 82]);

- самого Джорджа ('...remember Othello and Desdemona' [Christie 2008: 140] «... припомните Отелло и Дездемону» [Кристи 1992а: 84]);

- Александру Фаррадей ('...she comes into it, if her husband was having an affair with your wife... It's a type that will do murder at a pinch' [Christie 2008: 139] «...она бы не потерпела, если бы ее муж завел интригу с вашей женой... Такая женщина при случае и убить может» [Кристи 1992а: 83]);

- Руфь Лессинг ('He could imagine that this 'dearest girl in the world' might have a very decided reason for wanting the removal of Mrs George Barton to another world' [Christie 2008: 140] «Не составляло труда предположить, что это "милейшее на свете создание" имело весьма веские основания желать, чтобы миссис Бартон поскорее убралась на тот свет» [Кристи 1992а: 83]).

Причем, Рейс, как бы подводя итоги содержанию первой книги, формулирует мотивы, которые могли привести к убийству именно тех персонажей, которые меньше всего вызывают подозрение у читателя в первой книге: Айрис, потому что в главе, посвященной ей, не показаны негативные чувства по отношению к сестре; Джордж любил Розмари, Руфь Лессинг – преданный семье секретарь.

Инспектор Кемп, ведущий расследование после убийства Джорджа Бартона, включает в список подозреваемых тех же персонажей с теми же мотивами:

- Стефана и Александру Фаррадей ('Count them both in as possibles. She for jealousy. He for his career.' [Christie 2008:

168] «Она могла совершить преступление из-за ревности. Он – ради своей карьеры» [Кристи 1992а: 100]);

- Руфь Лессинг ('She's a possible. Might have been sweet on George Barton.' [Christie 2008: 168] «Не исключена эта возможность. Вероятно, она питала к Джорджу Бартону нежные чувства» [Кристи 1992а: 100]);

- Айрис ('Then the sister came into a peck of money – one's got to remember that.' [Christie 2008: 168] «...сестре миссис Бартон также причиталась солидная сумма – этого тоже не следует забывать» [Кристи 1992а: 100]);

- Антони Брауна, о котором мало что известно ('Remarkable little – but what there is isn't too good.' [Christie 2008: 168] «До обидного мало, но и то, что известно, вызывает некоторые подозрения» [Кристи 1992а: 100]).

В романе «Убийство в Месопотамии» свою точку зрения и точку зрения жертвы высказывает сестра Ледеран:

- 'I remember her saying to Dr Leidner that he was unlike any priest she had ever known' [Christie 2008а: 158] «Я помню, как она говорила доктору Лейнднеру, что он (отец Лавиньи) не такой, как другие священники» [Кристи 1992: 278];

- 'But in my opinion little Mrs Mercado fairly hated her!' (...) 'I've seen her look at her as though she'd have liked to kill her...' [Christie 2008а: 159, 160] «Ну, по-моему, крошка миссис Меркадо прямо ненавидела ее. (...) Я видела, какими глазами она на нее смотрела, как будто убить хотела» [Кристи 1992: 278, 279] и т.д.

Свои версии высказывает и Эркюль Пуаро:

- 'What is she afraid of little Madame Mercado? I saw fear in her eyes.' [Christie 2008а: 195] «Чего она боится, маленькая миссис Меркадо? Я видел страх в ее глазах» [Кристи 1992: 299].

- 'That, ma soeur, is either an extremely simple young man or a very remarkable actor.' [Christie 2008а: 198] «Этот, ма соеур, либо очень глуп, либо редкостный актер» [Кристи 1992: 301].

Интригозавершающая стратегия

При помощи интригозавершающей стратегии автор позволяет читателю самостоятельно вычислить преступника. Здесь читатель должен руководствоваться, в первую очередь, принципами классического детектива, сформулированными Э. По, которого строго придерживается и Агата Кристи: «преступник – тот, на кого меньше всего падает подозрение» и «преступник – тот, у кого самое совершенное алиби».

1. Одной из тактик интригозавершающей стратегии является **сужение круга подозреваемых** персонажей. Так, в романе «Сверкающий цианид» подозрение снимается с Джорджа, которого отравили; с Антони Брауна, поскольку обнаруживается, что он является работником спецслужб, и с Айрис, поскольку на нее организовано покушение. Остается чета Фаррадеев и Руфь Лессинг.

В романе «Убийство в Месопотамии» из списка подозреваемых вычеркивается мисс Джонсон, которую отравили. В «Смерти на Ниле» – устраненные как свидетели преступления Луиза Бурже и миссис Оттерборн.

2. Тактика отведения подозрения от персонажа.

2.1. Это может быть **хорошая характеристика персонажа**. Так, Руфь Лессинг в «Сверкающем цианиде» характеризуется как ‘Good looking in a severe black-and-white kind of way, she was the essence of efficiency combined with tact’ [Christie 2008: 36] «привлекательная, пунктуальная во всем, она сочетала колоссальную работоспособность с врожденной тактичностью» [Кристи 1992а: 23], ‘She was devoted to George Barton’, ‘Ruth, he felt, was absolutely right’ [Christie 2008: 43, 44] «Она была предана Джорджу», «В ней не было недостатков» [Кристи 1992а: 27]. Создается весьма симпатичный персонаж, таким образом, от него отводится подозрение.

Не попадает под подозрение и доктор Лейднер, поскольку он из-за смерти жены, по словам Эркюля Пуаро, теряет, а не выигрывает, к тому же его любовь к жене «была всепоглощающей страстью» его жизни.

2.2. Тактика «отвлекающего маневра». Эта тактика одновременно может относиться и к интригозавершающей и к интригообразующей стратегии, поскольку, отводя подозрения от настоящего преступника, она заставляет читателя подозревать других персонажей. В качестве отвлекающего маневра могут служить как «параллельные» преступления, так и детали.

В качестве параллельных преступлений выступают:

- в романе «Смерть на Ниле» попытка уронить огромный валун со скалы на голову Линит, которая чудом избегает смерти. Поскольку ее муж Саймон в этот момент находился рядом с ней, он – вне подозрения. Кроме того, Пуаро раскрывает кражу и подделку жемчужного ожерелья Линит, преступления, не связанные с ее убийством, но бросающие тень подозрения на Тима Аллертона.

- в романе «Убийство в Месопотамии» деятельность преступной группы во главе с «отцом Лавиньи», похищающей археологические ценности.

В качестве деталей можно привести пример с револьвером Жаклин, который она демонстрирует Пуаро; предмет, выброшенный мисс Оттерборн за борт в ночь, когда было совершено преступление («Смерть на Ниле»), и пакетик с лекарством от головной боли, переданный жертве в вечер ее смерти в романе «Сверкающий цианид».

3. Лингвистические средства, показывающие изменение, произошедшее с Руфь Лессинг после ее встречи с Виктором Дрейком:

- **метафора** – ‘That interview with Victor had been the beginning of it all, had set the whole train in motion. [Christie 2008: 43] «Та беседа с Виктором положила начало всему, привела "поезд" в движение» [Кристи 1992а: 27];

- **парантетическое внесение** – ‘Don’t fool yourself, Ruth. If anything happened to Rosemary, George would marry you like a shot. (Yes, that was it. That was the beginning of it all.)’ [Christie 2008: 52] «Руфь, не глумитесь. Случись что-нибудь с Розмари, и он тут же на вас женится. (Вот оно начало всего)». [Кристи 1992а: 32].

Это парантетическое внесение можно рассматривать и как реакцию Руфь на слова Виктора Дрейка, и, что вероятнее, как авторский комментарий, поскольку функцией парантетических внесений является особая реализация двуплановости повествования, актуализация содержания переносом его в другую смысловую плоскость и созданием, таким образом, второй, субъективно-авторской линии изложения;

- **лексический повтор** – начало (положила начало), начало (вот оно начало), началось – ‘Yes, that was how it started – that chance meeting with the man...’ [Christie 2008: 52] «Да, вот с этого все и началось – со случайной встречи с человеком (...)» [Кристи 1992а: 33].

4. Тактика умолчания. В романе «Смерть на Ниле» ведущие расследование Пуаро и Рейс составляют два списка. В одном – фамилии подозреваемых пассажиров, в другом – вне подозрения. Ни в том, ни в другом списке не обозначены ни муж Линит – Саймон, ни его бывшая невеста Жаклин. Тот факт, что они не включены в список пассажиров вне подозрения, привлекает к себе внимание читателя. Точно так же, в романе «Убийство в Месопотамии» Эркюль Пуаро не включает ни в список подозреваемых, ни в список персонажей вне подозрения доктора Ленднера, по крайней мере, эксплицитно.

5. Совершенное алиби. В романе «Сверкающий цианид» самое совершенное алиби у персонажа по имени Виктор Дрейк, родственника Розмари, после встречи с которым Руфь Лессинг «потеряла голову». При чтении романа читатель узнает, что Виктор Дрейк находится в Южной Америке. Но упоминания о нем являются одним из приемов авторской стратегии, раскрытым в романе устами персонажа Антони Брауна:

‘All along, from the very start of the case, there have been references to Victor, mentions of Victor.’ [Christie 2008: 299] «Не случайно мы с самого начала слышим бесконечные упоминания о Викторе» [Кристи 1992а: 178], также, как и утверждение о его пребывании за границей:

‘...all the evidence for Victor’s being in South America depends on Ruth’s word. None of it was verified because it was never a main issue!’ [Christie 2008: 299] «...вся наша уверенность о пребывании Виктора в Южной Америке основывалась на словах Руфи Лессинг. Ее утверждения не вызывали сомнений, и никто их не проверял!» [Кристи 1992а: 178].

Именно Виктор является идейным вдохновителем и вместе с Руфь исполнителем преступления, мотивом которого является наследство Розмари, перешедшее к Айрис.

В романе «Убийство в Месопотамии» самое совершенное алиби у доктора Лейднера. Во время убийства он находился на крыше и не спускался во двор. Именно он и совершил преступление.

В романе «Смерть на Ниле» тщательно продуманный спектакль с истерикой Жаклин и ранением Саймона обеспечивает им безукоризненное алиби, однако гениальному сыщику Эркюлю Пуаро удается решить загадку и предъявить им обвинение в преднамеренном убийстве.

Автор детективов-бестселлеров «Парк Горького» и «Красная площадь» американец Мартин Круз Смит в интервью сказал, что главное при сочинении детективов – «правильно определить динамику раскрытия изначальной тайны» [Американец, пишущий о России 2011: 46].

В произведениях Агаты Кристи динамика раскрытия загадки или интриги осуществляется при помощи интригообразующих и интригозавершающих стратегий. Типы интригообразующих стратегий зависят от композиции произведения, от того, с чего оно начинается: с совершенного преступления или готовящегося. Интригообразующие и интригозавершающие стратегии могут переплетаться, взаимно дополнять друг друга. В формировании стратегий принимают участие разноуровневые средства, приемы и тактики: жанровые (принцип детектива – виноват тот, у кого самое совершенное алиби), архитектурные (членение текста), композиционные (полископическое по-

вестование, точка зрения, умолчание и др.) и лингвистические (тематическая лексика, повторы, средства экспрессивного синтаксиса и др.).

Наряду с интригообразующими и интригозавершающими стратегиями в детективных произведениях А. Кристи применяются и другие тематические стратегии, направленные на выражение идей о человеческой алчности, зависти, взаимоотношениях людей, любви и ненависти. Однако интригообразующие и интригозавершающие стратегии не просто требуют сотворчества читателя и его усилий для интерпретации авторских интенций, как все другие стратегии художественного дискурса, а вовлекают читателя в интеллектуальную игру.

Дело в том, что, как отмечают исследователи (см., например [Lits 1999: 74–78], с повествовательной точки зрения детективные романы включают не одну, а две истории: историю преступления (назовем ее

история 1) и историю расследования (история 2). История преступления сама по себе в романе не представлена, она восстанавливается в истории расследования (история 2), которой и посвящено произведение. Детективный роман-игра (например, произведения Агаты Кристи, Джо Алекса, Джеймса Хедли Чейза) позволяет внимательному читателю проводить параллельное расследование, т.е., опираясь на дискурсивные стратегии, сформированные автором, самостоятельно моделировать, корректировать и, в конце концов, реконструировать историю преступления (историю 1), даже раньше самого детектива, ведущего расследование.

Интригообразующие и интригозавершающие стратегии являются семантически стратегиями, формирующими наряду с другими тематическими глобальную стратегию детективного произведения, выражающую нравственную проблему – раскрытие и наказание зла.

Литература

- Американец, пишущий о России, – аномалия // Огонек. – 2011. – № 23 – С. 46.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: УРСС, 2005. – 144 с.
- Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 2000. – С. 153–170.
- Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. URL <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm>
- Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка. 2007 // URL <http://www.infolex.ru>
- Демьянков В.З. Интерпретация как инструмент и как объект лингвистики. // URL <http://www.infolex.ru/Interpret.html> 22.04.2010
- Дудина И.А. Дискурсивное пространство детективного текста: на материале англоязычной художественной литературы XIX-XX вв. АКД, 2008 // URL <http://www.dissercat.com/content/diskursivnoe-prostranstvo-teksta-na-materiale-angloyazychnoi-khudozhestvennoi-l>

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд.5-е. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.

Лесков С.В. Лексические и структурно-композиционные особенности психологического детектива. Дисс. канд.филол. наук. – СПб, 2005// URL <http://www.dslib.ru/germanskie-jazyki/leskov.html>

Словарь терминов французского структурализма. Русский гуманитарный Интернет-университет// URL http://www.i-u.ru/biblio/archive/skripnik_semiotika/05.aspx

Сулимов В.А. Когнитивные стратегии в современном русском литературном тексте // Вестник международной академии наук (русская секция). – 2007. – № 2 – С.75–79.

Юстес Р.Б. Двадцать правил для пишущих детективы. В современной редакции (фактически, написанные заново). // <http://villanovastrisaili.homestead.com/GiallografiaTwentyRules.html> Текст предоставлен А.А. Брусовым.

Eco U. Lector in fabula. Le rôle du lecteur ou la Coopération interprétative dans les textes narratifs – Paris: Grasset, 1985. – 315 p.

Jouve V. La poétique du roman. – Saint-Just-la-Pendue: SEDES, 1997. – 190 p.

Lits M. Le roman policier: introduction à la théorie et à l’histoire d’un genre littéraire. – 2-ème edition complete. – Liège: Éditions du CÉFAL, 1999. – 208 p.

Использованные художественные тексты

Кристи А. Убийство на рождество // А. Кристи. Сочинения, вып. II, том 7. – М.: Новости, 1992. – С.3–181.

Кристи А. Сверкающий цианид – Сочинения, вып. II, том 8. – М.: Новости, 1992. – С. 3–183.

Кристи А. Смерть на Ниле: Детективные романы / Агата Кристи; [пер. с англ.]. – М.: Эксмо, 2008. – С. 181–410.

Christie A. Sparkling Cyanide [= Сверкающий цианид / А. Кристи]; коммент. Т.Ю. Логачевой. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 352 с.

Christie A. Murder in Mesopotamia [= Убийство в Месопотамии / А. Кристи; комментарий Е.В. Угаровой]. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 352 с.

Christie A. Death on the Nile. – FONTANA/Collins, 1974. – 222 p.

О.Н. Баранова

УДК 81'23

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *СПРАВЕДЛИВОСТЬ* КАК ОСНОВА МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается содержание субъективного значения слова *справедливость* в языковом сознании современной русской молодежи, анализируются факторы, влияющие на содержание субъективных значений слов, обозначающих морально-нравственные ценности. Описываются результаты эксперимента.

Ключевые слова: языковое сознание; субъективное значение слов; морально-нравственные ценности; современная русская молодежь.

Olga N. Baranova

THE PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF THE SUBJECTIVE MEANING OF THE WORD *JUSTICE* AS THE BASIS OF THE MORAL VALUES IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF MODERN RUSSIAN YOUNG PEOPLE

The article deals with the changes that are taking place in the minds of Russian modern young people and also shows how the subjective meaning of the words that describe moral values forms. The results of certain research work are also described.

Key words: linguistic consciousness; subjective meaning of words; Russian modern young people; moral values.

Смыслы, стоящие за значениями слов, обозначающих морально-нравственные ценности и составляющих неотъемлемую часть языкового сознания личности, во многом обусловлены национальной культурой, «врастание» в которую происходит постепенно в процессе социализации человека. Однако в период кардинальных перемен, для которых характерно отрицание устоявшихся ценностей, многополярность мнений, активно транслируемых через самые различные социальные институты, баланс «культура – социум» оказывается нарушенным, а способность к анализу поступающей информации приобретает особую важность. Именно в такое «смутное время», когда основным ориентиром стал «Запад», противопоставленный «нецивилизованной России», формировалась иерархия нравственных ценностей у сегодняшней молодежи, а поэтому проблема изучения смыслового содержания слов, обозначающих морально-нравственные ценности, в языковом сознании молодых носителей русской культуры представляется актуальной.

Цель работы – проследить изменения в смысловом содержании слов *справедливость, совесть, честь, стыд, долг, репутация* и выявить степень влияния каждого из основных факторов, определяющих их актуальное содержание.

Согласно **гипотезе исследования**, смысловое содержание слов, обозначающих морально-нравственные ценности, в языковом сознании индивида обусловлено несколькими факторами:

- национальной культурой, которая через язык на бессознательном уровне влияет на понимание феноменов, стоящих за словом;

- содержанием информации, транслируемой через различные социальные институты;

- когнитивными способностями, в частности, уровнем развития психометрического интеллекта, обеспечивающим, поддерживающим и определяющим характер мыслительной деятельности.

Основным методом исследования явился метод ассоциативного эксперимента (АЭ), результаты которого позволяют нам приблизиться к содержанию ментального лексикона, вербальной памяти и культурным стереотипам человека.

Респондентами в нашем эксперименте выступили носители русского языка и русской культуры – учащиеся средней общеобразовательной школы в возрасте от 13 до 17 лет и студенты московского университета в возрасте от 18 до 22 лет. По нашему мнению, исследование субъективных значений слов, обозначающих морально-нравственные ценности, в таком возрастном диапазоне позволяет не только выявить их содержание, но и проследить динамику значений и выявить факторы, определяющие смысловое наполнение данной лексики.

В общей сложности опрошено 205 человек. Все респонденты разделены на три возрастные группы: в первую группу включены учащиеся 6 – 9 классов (возраст от 12 до 14 лет, $n = 77$), во вторую – учащиеся 10 класса – студенты 1 курса института (от 15 до 18, $n = 72$) и, наконец, в третью группу вошли студенты, обучающиеся на 2 – 4 курсах института (19 - 22 года, $n = 56$).

Исходя из того, что одной из задач нашей работы является проверка гипотезы о том, что на формирование субъективного значения слова в сознании человека, помимо социума и культуры, значительное влияние оказывает уровень его психометрического интеллекта (ПИ), каждая из возрастных групп была разделена на три подгруппы в соответствии с этими показателями, выявленными экспериментально при помощи теста «Стандартные прогрессивные матрицы Равена» [Raven 1985].

В первую возрастную подгруппу ($n = 77$) вошли респонденты с высоким и выше среднего ПИ ($n = 8$), со средним ПИ ($n = 66$), и низким ПИ ($n = 3$).

Во второй возрастной подгруппе ($n = 72$) также было выявлено несколько подгрупп: респонденты с высоким и выше среднего ПИ ($n = 12$), со средним ПИ ($n = 59$) и низким ПИ ($n = 1$).

И наконец, в третьей возрастной подгруппе респондентов по количественному показателю ПИ были выделены группа с высоким и выше среднего ПИ ($n = 8$), группа со средним ПИ ($n = 46$), группа с низким ПИ ($n = 2$).

Вся проанализированная лексика позволяет реконструировать отдельный фрагмент языкового сознания, касающийся морально-нравственной сферы современного молодого человека – носителя русской культуры, и определить тот комплекс факторов, который обуславливает его содержание.

В качестве примера в данной статье представлен анализ содержания субъективного группового значения слова *справедливость*.

Предварительные замечания

Поставленная в работе цель потребовала, прежде всего, обращения к толковым словарям [Большая Энциклопедический Словарь. <http://www.slovo.ru/index.php>; Брокгауз, Ефрон Энциклопедический словарь. <http://www.slovo.com/10/209/980993.html>; Толковый словарь Дмитрия Ушакова. <http://ushakova-slovar.ru/description/spravedlivyi/73471>; Толковый словарь русского языка. <http://www.vedu.ru/ExpDic/33474>] для выявления конвенционального значения слова *справедливость* и моделирования его семантического поля. Изучение словарных статей позволило представить семантическое поле исследуемого слова следующим образом: *беспристрастие, истина, обоснованность, воздание должного, соблюдение равенства в границах деятельности и неравенства в результатах деятельности, равноценность всех людей, охрана прав человека государством (строгое/цивильное/гражданское право), закон, элемент правосознания, соответствие морали*. В качестве интегрального признака, конструирующего полученное семантическое поле, можно назвать **морально-этическую характеристику деятельности человека или общественного института**. Среди дифференциальных признаков нами были выделены следующие:

Законность (+/-)

Морально-этические принципы (+/-)

Контроль гарантий норм (+/-)

Беспристрастие - <+> <-> <+>

Обоснованность - <+> <-> <+>

Равноправие - <+> <-> <+>

Соответствие морали <-> <+> <->

Истина - <+> <-> <+>

Охрана прав человека государством <+> <-> <+>

Элемент правосознания <-> <+> <->

Соблюдение равенства в границах деятельности и неравенства в результатах деятельности <+> <-> <+>

На следующем этапе работы исследовались материалы, полученные в ходе АЭ, причем анализ характера связи между стимулом и ассоциативными реакциями включал в себя несколько стадий, каждая из которых вела к разграничению типов и видов связи между компонентами ассоциативной пары слов [Залевская 2011: 138].

На заключительном этапе был проведен сравнительный анализ семантической структуры слова *справедливость* и его ассоциативного поля, что позволило выявить, насколько совпадают или рознятся индивидуальные значения исследуемого слова с конвенциональным значением, зафиксированным в словарях.

Результаты АЭ

В данном разделе приводятся данные эксперимента, полученные в старшей возрастной подгруппе (19 - 22 года, $n = 56$).

Группа 1

(ПИ высокий и выше среднего)

Справедливость 8: закон 2, торжествует 1, честность 1, демократия 1, борьба 1, объективность 1, суд/белый цвет 1.

- основной источник, отвечающий за поддержание справедливости в обществе 4 (закон 2, суд/белый цвет 1, объективность 1);

- форма государственного правления, обеспечивающая поддержание справедливости в обществе 1 (демократия 1);

- внутренние качества личности, лежащие в основе справедливых действий 1 (честность 1);

- отношения между справедливостью в обществе и деятельностью человека 1 (борьба 1);

- эмоционально-оценочное восприятие 1 (торжествует 1).

В целом количество парадигматических отношений составляет 50%, синтагматических – 12,5%, переходных – 25%, тематических – 12,5%.

В процессе группировки ассоциативных ответов было установлено, что сема *основные источники, отвечающие за поддержание справедливости в обществе и форма государственного правления, обеспечивающая поддержание справедливости в обществе* коррелирует с семой *законность (охрана прав человека государством)*; сема *эмоциональное восприятие* коррелирует с семой *морально-нравственные принципы*; сема *отношения между справедливостью в обществе и деятельностью человека* коррелирует с семой *контроль гарантии норм (обоснованность и соблюдение равенства в границах деятельности и неравенства в результатах деятельности)*; сема *внутренние качества личности, лежащие в основе справедливых действий* коррелирует с семой *контроль гарантии норм (соответствие морали, истина, правосознание)*.

Группа 2 (ПИ средний)

Справедливость 4б: закон 6, правда 5, честность 4, торжествует 2, весы 2, труд 2, ее нет 2, прочерк, фемида, общество, порядочность, хорошо, дети, существует, иллюзия, уважение, ветераны, утопия, редко, порядок, патриотизм, школа, оценки, так должно быть, аккуратность, свет, надежда, суровая, истина, пустота.

- основной источник, отвечающий за поддержание справедливости в обществе 8 (закон 6, порядок 1, истина 1);

- внутренние качества личности, лежащие в основе справедливых действий 6 (честность 4, порядочность 1, уважение 1);

- общественные основания деятельности, обеспечивающие поддержание справедливости 5 (правда 5);

- эмоционально-личностная оценка 18 (торжество 2, ее нет 2, хорошо 1, существует 1, иллюзия 1, редко 1, так должно быть 1, суровая 1, пустота 1, оценки 1, дети 1, труд 2, ветераны 1, патриотизм 1, аккуратность 1);

- несформированность значения в языковом сознании 1 (прочерк 1);

- сфера 3 (жизнь 1, общество 1, школа 1);

- метафора/образ 5 (весы 2, фемида 1, свет 1, надежда 1);

В целом реакции, полученные в данной группе, распределились следующим образом:

- парадигматические реакции, отражающие операции логического мышления – 21,7%

- синтагматические отношения – 15,2%

- переходные отношения – 24%

- тематические – 39,1%

- отсутствует – 2,2%

Экспериментальные данные, полученные во второй группе, показывают, что сема *основной источник, отвечающий за поддержание справедливости в обществе* коррелирует с семой *законность*; сема *эмоционально-личностное восприятие* коррелирует с семой *морально-этические принципы*; семы *общественные основания деятельности, обеспечивающие поддержание справедливости*, и *внутренние качества личности, лежащие в основе справедливых действий*, коррелируют с семой *контроль гарантии норм (соответствие морали, истина, правосознание)*.

Группа 3 (ПИ низкий)

Справедливость 3: Друзья, жизнь, в отношениях.

- эмоционально-личностное отношение 2 (в отношениях 1, друзья 1);

- сфера 1 (жизнь 1).

В целом количество парадигматических отношений составляет 0%, синтагматических – 33,3%, переходных – 0%, тематических – 66,7%.

Сема *эмоционально-личностное отношение* коррелирует с семой *морально-этические принципы*.

Обсуждение полученных результатов

Качественный анализ ассоциативных реакций в первой группе респондентов (высокий ПИ) показывает преобладающее количество семантически обусловленных ассоциаций парадигматического типа. Примечательно в этом случае, что смысловое значение слова *справедливость* формируется за счет реакций, составляющих ядро семьи *основной источник, отвечающий за поддержание справедливости в обществе*. Другими словами, респонденты в данной группе отождествляют справедливость с *законом* и *судом*, теми феноменами, которые, будучи теснейшим образом переплетены в русском языковом сознании, одновременно находятся в весьма неоднозначных отношениях.

Сразу следует подчеркнуть, что закон и его представители в народе на протяжении вековой истории России рассматривались ее жителями как нечто противопоставленное, а часто и враждебное, простому человеку.

С одной стороны, достаточно ярким свидетельством негативного отношения к закону являются многочисленные пословицы русского народа: *Законы святы, да законники (или: судьи) супостаты. Где закон, там и преступление. Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет. Закон – дышло: куда захочешь, туда и воротишь* и т.д. [Даль 1984: 191].

С другой стороны, неприятие закона как одну из определяющих черт русской ментальности отмечали в своих произведениях великие русские поэты и писатели, в частности Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, а еще ранее В.А.Жуковский, отразивший это в следующих своих строках:

*Закон – на улице натянутый канат,
Чтоб останавливать прохожих средь
дороги,*

*Иль их сворачивать назад, или им
путь ног!*

*Но что ж? Напрасный труд! Никто
назад нейдет!*

Никто и подождать не хочет!

Кто ростом мал, тот вниз проскочит,

А кто велик – перешагнет! [Жуковский 1959. http://az.lib.ru/z/zhukowskij_w_a/text_0000.shtml]

Размышляли об истоках этой особенности этноса и многие выдающиеся представители русской философской мысли.

Так, вслед за Ф.М. Достоевским, глубокий анализ причин отрицания закона дает Н.А. Бердяев. Именно ему принадлежат слова о русском нигилизме как радикальной форме русского просветительства, диалектическом моменте в развитии русской души и русского сознания [Бердяев 1990: 159]. Замечая, что русский нигилизм обвиняется многими в аморальности, философ подчеркивает, что как раз он заключает в себе «сильный моральный пафос, пафос негодования против царящего в мире зла и неправды, пафос, устремленный к лучшей жизни, в которой будет больше правды: в нигилизме сказался русский максимализм. ... Нигилистическое оголение, снятие обманчивых покровов есть неприятие мира, лежащего во зле» [там же: 43 – 272; 162 – 163].

Не менее известный мыслитель прошлого столетия И.А. Ильин, связывая наступивший в XX веке кризис правосознания, характерный для всего современного человечества, с великим процессом «секуляризации культуры, происходившем в Европе на протяжении нескольких веков» [Ильин 2006: 186], пишет: «Самое большее, о чем помышляет современный человек, – это о своих личных правах и привилегиях, а именно, как бы их закрепить за собою и расширить во все стороны, по возможности не подвергаясь судебным неприятностям» [там же: 183]. Единственный путь выхода из этого кризиса, полагает автор, – это воспитание здорового творческого правосознания как реального и живого духовного органа, не приходящего «извне», а обращенного «к внутреннему миру человека, а именно к тем слоям души, в которых слагаются мотивы человеческого поведения и, сложившись, порождают живой поступок человека» [там же: 191] (курсив автора – О.Б.).

По Ильину, как и другие философы учитывающему склонность к исканию прав-

ды, столь характерную в народной жизни России, принятие закона для русского сознания означает включение запретов во внутренние процессы мотивации поведения, подчинение законам не формально, а «по чувству свободно признанной обязанности» [там же].

Очевидно, что такое понимание законности связано, прежде всего, с высшим судом и высшей справедливостью как равновесием между добром и злом (см., например, [Шмелев 2002: 451]). Это не рациональное понятие, основанное на беспристрастном взвешивании всех обстоятельств, оно предельно эмоционально, поэтому в целом сближается с моральными качествами человека, в частности с честностью.

Совершенно иное отношение к закону складывалось в Европе, где к 19 веку оформилась юриспруденция, не учитывающая право совести, столь важное для русского сознания. Напротив, в смысловом содержании *справедливости* в европейских языках смысловый акцент ставится именно на беспристрастном соблюдении закона, и это обстоятельство позволяет большинству исследователей говорить о коренных отличиях в понимании *справедливости* в русском и западном сознаниях [Lazari 1995. Цит. по: Шмелев].

Результаты современных работ дают основания утверждать, что противопоставление *законности* и *справедливости*, глубоко укорененное в культуре народа, до сегодняшнего дня продолжает оставаться актуальным для русского языкового сознания (см. об этом, например: [Шмелев 1996: 144; Селиванова 2005 и др.]). В то же время можно предполагать, что в ряде случаев понимание феномена *справедливости* определяется совокупным влиянием культуры, социума и особенностями когнитивной деятельности индивидов, взаимодополняющими друг друга.

Именно такое влияние, по нашему мнению, проявляется в смысловом содержании субъективного значения слова в группе респондентов с высоким ПИ, объединяющим

в понятии *справедливость законность*, обеспечиваемую государством и его институтами, с одной стороны, и моральные качества людей (*честность*), с другой. Косвенным подтверждением этому служат и ассоциации, относящиеся к переходной между парадигматическими и тематическими реакциями зоне. С одной стороны, они не могут быть признаны чисто парадигматическими, с другой, безусловно, они отражают именно операцию логического мышления – отождествление *справедливости* с *демократией*, подразумевающей идеи *равноправия*, *равенства* (перед законом) граждан и их свободу. Ключевым в данном контексте можно признать понятие *равноправия*, коррелирующее с понятием *законности* и являющееся неизменным атрибутом *справедливости*. Кроме того, выделение *равноправия* и в семантическом поле исследуемого нами слова позволяет говорить о том, что *демократия* в сознании этой группы респондентов является неким выражением справедливого беспристрастного и объективного суда в общественной и политической жизни общества. Не менее важным, как уже отмечалось выше, является соотнесение *справедливости* с *честностью*, поскольку это не просто логическое отождествление двух понятий, относящихся к базовым моральным ценностям, это явно культурно обусловленная реакция. *Честность* подобно *законности* предполагает обращение к некому прописанному или устному кодексу. Основная идея здесь – это *незапятнанность*, *непорочность* и строгое следование определенным правилам. Кроме того, *честность* требует апелляции к внутреннему чувству, проверке соответствия намерений и побуждений требованиям морального кодекса [Шмелев 2002: 453].

В целом, как нам представляется, смысловое содержание слова *справедливость* в группе респондентов с высоким и выше среднего ПИ непротиворечиво: формальное выражение слова *справедливость* как *законность* опирается на *честность* как внутреннюю основу ее существования. Таким образом, можно утверждать, что в анализи-

руемой группе респондентов феномен *справедливость* является базовой этической ценностью, свойственной для русской языковой картины мира. Более того, мы полагаем, что в этом случае возможно говорить о чувстве живого правосознания (по И.А. Ильину) – наличии внутренних качеств, ориентированных на следование нормам и принципам поведения в обществе, признании закона как высшей инстанции, способной вершить справедливый суд – существование которого обеспечивается индивидуальной способностью к анализу разнообразной информации, поддерживаемой высоким ПИ.

Респонденты со средним уровнем ПИ выделяют значительно больше отдельных неконвенциональных значений слова, чем респонденты с высоким ПИ. Примечательно, что значительная доля реакций приходится на реакции, входящие в сему *эмоционально-личностная оценка* (39,1%), в то время как показатель семы *основной источник, отвечающий за поддержание справедливости в обществе*, составляет лишь 17,4%, а сема *внутренние качества личности, лежащие в основе справедливых действий*, – 13%. Совершенно очевидно, что в данной группе, в отличие от первой, сема *законность*, сформированная парадигматическими АР, не является ядром смыслового содержания слова *справедливость*. Прежде всего, испытуемые данной группы делают акцент на собственные эмоциональные состояния и личный опыт, а не на *закон*, гарантирующий поддержание справедливости. Данное предположение подтверждает и качественный анализ АР, показывающий наличие незначительного числа парадигматических ассоциаций (21,7%). Этот факт, в свою очередь, позволяет говорить о том, что смысловое содержание слова в языковом сознании в значительной степени обусловлено не рефлексией над содержанием феномена, а восприятием личностью конкретных жизненных ситуаций либо общим ощущением своей полной зависимости от внешнего окружения. Причины такого явления могут быть различными. С одной стороны, фактором, влияющим

на формирование индивидуального значения в сознании, может выступать особенность протекания мыслительных процессов, определяющих уровень психометрического интеллекта (*оценки, школа, труд, существование, хорошо, так должно быть* и др.). С другой стороны, нельзя исключать влияние ближайшего окружения, референтных групп и социума в целом. Ведь в данном случае речь идет о современных молодых людях, в наибольшей степени подвергающихся агрессивному воздействию внешних факторов, таких как СМИ, Интернет и социальные группы, в которых они в силу своей предметной учебной деятельности вынуждены находиться ежеминутно. Многие АР (*патриотизм, ветераны, общество, труд*) могут объясняться современным напряженным состоянием социума, в котором патриотизм, не подкрепленный верой в правовую организацию, может привести к отрицанию права как свободного и осознанного выбора. В то же время стоит отметить, что смысловое содержание слова *справедливость* в значительной степени формируется и за счет АР, относящихся к переходному типу отношений, в частности, *привычная смежность и координация*. Здесь особое значение имеет выделение семы *внутренние качества личности, лежащие в основе справедливых действий*, и *общественные основания деятельности, обеспечивающие поддержание справедливости*. Соотношение *справедливости* происходит не только с морально-нравственными ценностями, такими как *честность, порядочность и уважение*, но и с *правдой* как культурно обусловленным элементом. В данном случае выделение реакции *справедливость* – *правда* явно противопоставлено реакции *справедливость* – *истина*, поскольку *истина* известна только Богу и относится к «горнему» миру, в то время как *правда* относится к «дольнему» миру, присутствует в жизни людей и является морально-нравственным компонентом, близким по своей сути к *справедливости* (*судить по правде, жить по правде*) [Шмелев 2002: 445]. Таким образом, для 24% респондентов формальное выраже-

ние значения слова *справедливость* основано на *правде* и морально-нравственных ценностях, как элементах, составляющих ее основу. Данное положение может свидетельствовать о сохранении культурных доминант, которые при принятии того или иного решения заставляют личность апеллировать к *справедливости* как высшей ценности.

Кажется достаточно интересным появление семы *сфера* (6,7%), наполнение которой еще раз напоминает о планетарности мышления, присущей русскому языковому сознанию. В семе *метафора/образ* (11%), отражающей понимание феномена *справедливость* в индивидуальном сознании, наиболее примечательной представляется реакция *справедливость – фемида, справедливость – весы*. На первый взгляд данные образы/метафоры позволяют отнести такие реакции к тематическому типу. Однако это не просто образы, обусловленные индивидуальным опытом испытуемых. Фемида и весы – это, несомненно, символы, свидетельствующие об определяющем влиянии универсального кода культуры на формирование субъективного значения. Примечательно так же, что для 2,2% испытуемых со средним показателем психометрического интеллекта слово *справедливость* остается семантически пустым.

Итак, проведенный анализ показывает, что полученные реакции представляют собой в большинстве случаев тематические и переходные ассоциации. Как и в первой группе самыми низкочастотными оказались синтагматические ассоциации, отражающие неактуальность речевых клише в сознании испытуемых. В свою очередь число парадигматических отношений сравнительно невелико, что является подтверждением тому факту, что большая часть испытуемых не соотносит *справедливость* с рациональностью и разумом, как рефлексивной оценке множества ситуаций и событий. *Справедливость* воспринимается эмоционально, как некий нравственный абсолют, входящий в один ряд с *правдой* и *честностью*, что полностью соответствует русскому языковому сознанию

[там же: 454]. Таким образом, основным фактором, обуславливающим смысловое содержание слова *справедливость*, является культура, определяющая на бессознательном уровне ту рамку, через которую происходящие события воспринимаются и оцениваются «душой и сердцем». Однако такое положение, по мнению некоторых исследователей, может иметь и отрицательную сторону, поскольку в данном случае присутствия справедливости релятивизм превращает данное понятие в типичный инструмент «социальной демагогии» [там же: 450] и своего рода механизм воздействия на сознание молодежи.

В группе испытуемых с низким уровнем ПИ доминируют экстралингвистические тематические отношения (66,7%). В целом преобладают отношенческие ассоциации, отражающие эмоциональную оценку явления респондентами. Примечательно, что ни один испытуемый не дает ассоциации парадигматического типа, то есть не использует операции логического мышления при определении понятия *справедливость*, и, как следствие, не связывает ее с нормами взаимоотношений в обществе, установленными в законодательном порядке. В фокусе внимания респондентов оказывается, прежде всего, сам индивид, в чьей жизни (сфере) доминирует эмоция. Количество синтагматических отношений остается так же невелико (33,3%) в данной группе испытуемых.

Подводя краткий итог, следует отметить, что:

1) Для респондентов с высоким уровнем психометрического интеллекта характерно наличие большого количества семантически обусловленных ассоциаций парадигматического типа, характеризующих уровень логического мышления и высокий уровень абстракции. В смысловом содержании субъективного значения слова *справедливость* превалирует сема *основной источник, отвечающий за поддержание справедливости в обществе*. В совокупности эти факты являются свидетельством того, что респонденты с высоким уровнем ПИ отождествляют

понятие *справедливость с законом и нормами*, поддержание которых должно обеспечиваться в обществе на основании морально-нравственных ценностях, то есть выявляют наиболее абстрактный компонент значения, представленный во всех словарных статьях. При этом следует отметить, что в содержании субъективного значения проявляется и культурное понимание данного феномена, а целостный смысл значения практически полностью сбалансирован за счет способности респондентов анализировать и структурировать всю получаемую информацию.

2) Смысловое содержание субъективного значения слова *справедливость* оказывается наиболее ярко представлено в группе респондентов со средним уровнем психометрического интеллекта, поскольку здесь оно формируется благодаря наличию сем, отражающих личное неконвенциональное значение. Особенно обращают на себя внимания значения, выражающие эмоциональную оценку (39,1%). Такое смысловое наполнение большинства полученных сем обусловлено, прежде всего, личным опытом респондентов, референтной средой и навязываемыми ценностями (СМИ и др.). Большое число тематических отношений (39,1%) в сравнении с парадигматическими

отношениями, количество которых не превысило 27,1%, является подтверждением тому факту, что многие испытуемые сильно подвержены влиянию агрессивной социальной среды и склонны формировать значение либо через призму личностных отношений, либо социальных и культурных стереотипов, не подвергая эту информацию критическому анализу.

3) Для респондентов с низким ПИ понятие *справедливости* не соотносится с правом, то есть социальным институтом, призванным обеспечить беспристрастное соблюдение законов, которые будут основываться на морально-нравственных ценностях. Для испытуемых данной группы в фокусе внимания оказываются личные качества индивида, характеризующие отношение к тем или иным явлениям действительности через призму эмоций и личностных отношений. Совершенно очевиден акцент на субъективном смысле, который искажается в силу неспособности к анализу и децентрации.

4) Количественный показатель AP подробно представлен в следующей таблице:

Типы ассоциаций	ПИ высокий и выше среднего 8 человек	ПИ средний 46 человек	ПИ низкий 3 человека
Парадигматические ассоциации	50%	21,7%	0%
Синтагматические ассоциации	12,5%	15,2%	33,3%
Переходные ассоциации	25%	24%	0%
Тематические ассоциации	12,5%	39,1%	66,7%
Отсутствие реакций	0%	2,2%	0%

Литература

Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О РОССИИ и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43 – 272

Большой Энциклопедический словарь // URL: <http://www.slovo.ru/index.php>, дата обращения 28. 02. 2012

Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь // URL: <http://www.slovopedia.com/10/209/980993.html>, дата обращения 28. 02. 2012

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира: (На материале рус. грамматики). – М.: Школа мастера рус. культ.: Кошелев, 1997. – 574 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2001. – 397 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т.1. / Вступ. слово М.Шолохова; Худож. Г. Клодт. – М.: Худож. лит., 1984. – 383 с. – С. 191

Жуковский В.А. Собр. соч. в 4-х т. Т. – М.: Худ. лит., 1959. // URL: http://az.lib.ru/z/zhukowskij_w_a/text_0000.shtml, дата обращения 28.02.2012

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

Ильин И.А. Путь духовного обновления. – М.: Русская книга – XXI век, 2006. – 336 с.

Селиванова О. В., Улезько В. В. Российская правовая культура и российский менталитет // Социально-политические институты и процессы в России: История, современность, моделирование. Томск: ТГУ, 2005. – 108 с.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н.В.Уфимцева.– М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 24–32.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 7–22.

Толковый словарь Дмитрия Ушакова // URL: <http://ushakova-slovar.ru/description/spravedlivyi/73471>, дата обращения 28. 02. 2012

Толковый словарь русского языка // URL: <http://www.vedu.ru/ExpDic/33474>, дата обращения 28. 02. 2012

Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: Сб. ст. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1998. – С. 135–170.

Шмелев А.Д. Драма российского закона. – М.: Изд-во Юрид. книга ЧеРо, 1996. – С. 144

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

Raven J. Raven's progressive matrices tests: their origin and contribution to society // Психодиагностика в социалистических странах. Психодиагностический бюллетень. I – IX. Братислава, 1985. – С. 27–31.

А.В. Жиганова

УДК 81'246.2 – 81'27

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДА КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ

В данной статье рассматривается переключение языкового кода в контексте глобализации на материале рекламного дискурса. В ходе анализа исследуется, как переход на английский язык в рекламе помогает расширить целевую аудиторию, вызывает ассоциации современности и престижности, а также выполняет ряд стилистических функций, усиливая запоминаемость рекламируемого товара и повышая эффективность рекламного сообщения.

Ключевые слова: переключение кода, реклама, глобализация.

Anna V. Zhiganova

ENGLISH IN ADVERTISING: CODE-SWITCHING AS A UNIVERSAL TENDENCY

The article examines code-switching in the context of globalization and focuses on advertising. It investigates how code-switching to English in advertisements helps target a larger audience, creates the effect of modernity and prestige, and serves as a stylistic device, which increases the message recall of the advertised product and enhances advertising efficiency.

Key words: code-switching, advertising, globalization.

Динамика подходов к изучению переключения кода

Актуальными вопросами современной лингвистики остаются социальные аспекты функционирования языка в глобальном мире. Современное общество становится экономически ориентированным, что ведет к уплотнению языковых контактов и увеличению случаев переключения языкового кода. В связи с происходящими процессами меняется фокус лингвистических исследований и возникает необходимость в разработке новых подходов к изучению кодовых переключений.

Активный интерес к явлению переключения кода как перехода с одного языка на другой в одном процессе речепроизводства возник в 1950-е годы. В этот период анализ кодового переключения происходит в контексте исследования языковых контактов и пока еще не рассматривается как отдельная дисциплина. В скором времени внимание к переключению кода возрастает в силу всё большего распространения данного лингвистического феномена, который воспринимается как явление, несущее социальное и коммуникативное значение и способное дать более глубокое представление о языковых процессах [Auer 1998: 1]. Исследователи начинают интересоваться разными аспектами кодового переключения, и оно рассматривается в морфосинтаксическом [Poplack 1980], социолингвистическом [Blom & Gumperz 1972] и психолингвистическом ключе [De Bot & Schreuder 1993].

С наступлением нового века, когда глобализация, характеризующаяся интенсификацией социальных, культурных и политических отношений [De Bot & Schreuder 1993], играет значительную роль в жизни общества, переключение кода приобретает новые особенности. Под влиянием интернета «массовые коммуникации перестают быть пространственно ограниченными» [Иванов 2002: 4], что ведёт к расширению сферы взаимодействия языков, а также росту масштаба и роли явления переключения языкового кода в современном обществе. Изменение социально-экономических

условий, связанных с активной миграцией, развитием новых технологий, выходом национальных компаний на международный рынок, широким распространением произведений культуры (кино, музыки) по всему миру свидетельствует о том, что переключение кода необходимо рассматривать не только как явление, сопутствующее билингвизму, но и как одну из тактик обращения к массовому адресату. Английский язык при этом играет первостепенную роль.

Роль английского языка в современном обществе

Английский язык выступает в качестве одного из главных механизмов глобализации. С одной стороны, он вступает в языковой контакт практически со всеми языками мира, с другой, – претерпевает изменения и приобретает вследствие этого взаимодействия новые характеристики. Д. Кристал отмечает, что английский язык достиг статуса глобального языка, поскольку приобрел особую роль, которая признается во всем мире [Crystal 2003: 3]. На английском языке сегодня говорят как на первом языке около 300 миллионов человек, а как на втором или официальном языке – около 375 миллионов человек на планете [Bhatia 2004: 519]. Он является языком глобального общества, в том числе в профессиональной и бизнес-сфере, сфере образования, туризма, международных отношений.

Английский язык выполняет функции средства глобального общения также при переключении кода, которое представляет собой не просто интересный лингвистический феномен, но явление, ярко иллюстрирующее современную реальность. В данной работе предпринимается попытка рассмотреть на примере рекламы, какие особенности имеет переключение кода в современном обществе. Обращение к рекламному дискурсу представляется целесообразным и показательным, поскольку в настоящий момент реклама является важной частью коммуникации и практически повсеместно может быть рассмотрена как «одно из самых заметных глобальных манифестаций

использования английского языка» [Graddol 2000: 86]. По мнению А. Куппенс, английский язык становится популярным рекламным приемом [Kuppens 2009: 115], повышающим ее эффективность. Л. Эдельман и Д. Гортер обращают внимание на то, что в любой стране, не являющейся англоговорящей, реклама, содержащая какой-либо английский слоган, например, мобильной компании “Orange” («The Future’s bright, the future’s Orange») по сути обращена к тем, кто владеет английским языком. Но даже люди, не знающие английского, тем не менее, способны идентифицировать его как язык будущего и ассоциируют рекламируемый продукт в соответствии с этим социальным стереотипом [Edelman & Gorter 2010: 97].

По мнению Д. Кристала, свой исключительный статус английский язык приобрел в силу исторических и социально-культурных причин. [Crystal 2003: 59]. Большую роль в его распространении сыграла колониальная политика Британской империи XIX века, а также экономический подъем США как лидирующей державы в XX веке. Более того, в XX веке английский язык выходит на международную арену и играет существенную роль в политической сфере: Лига Наций, созданная в 1920 году, а затем и ООН в 1945 году провозгласили английский язык одним из официальных языков. К 1995–1956 годам в мире насчитывается около 12500 международных организаций, 85% из которых используют английский в качестве официального языка [Crystal 2003: 86-87]. В связи с исключительным статусом английского языка намечаются две тенденции его развития: доминирующее положение и воздействие на другие языки мира, равно как и образование его национальных вариантов, «новых английских» (широко известный пример – «Spanglish»).

Переключение кода на английский язык в рекламе

Лингвистические исследования рекламного дискурса [Bhatia 2004, Martin 2010] подтверждают, что, во-первых, английский язык широко используется для рекламы раз-

личных товаров во многих языковых сообществах и, во-вторых, локальные языковые практики оказывают на него существенное влияние.

Английский язык является неотъемлемой составляющей рекламного дискурса, в частности, в тех случаях, когда продукция производится локальными компаниями для международного рынка. Так, Дж. Ли приводит в своей статье следующий пример: корейская компания “Orion” производит хорошо известный шоколадный десерт “Choco Pie”. Несмотря на то, что это печенье, а не пирог, продукт с таким запоминающимся названием на английском языке оказался вполне конкурентоспособен на мировой промышленной арене [Lee 2010: 117].

В то же время представляется важным заметить, что при включении английского языка в иноязычную рекламу, как правило, происходит процесс его адаптации. Так, например, Т. Бхатия и У. Ричи отмечают, что в испанской рекламе “Diet Coke” называется “Coca-Cola Light”, – это делается с целью разрешения синтактико-дистрибутивного конфликта между английским и испанским, поскольку в испанском языке прилагательное находится в постпозиции по отношению к существительному [Bhatia & Ritchie 2004: 540]. Также, к примеру, добавление русского суффикса к английскому слову: «Отдохни – *сникерсни!*», – является вариантом такой адаптации. Локальные языки, с которыми контактирует английский язык, привносят в него дополнительные черты: «Системные и структурные различия дают основание говорить о существовании локальных вариантов английского языка, так называемой нативизации английского языка» [Лалетина 2010: 75]. Рекламодатели используют подход, позволяющий им «мыслить и действовать и в глобальном, и в локальном русле одновременно» [Bhatia 2000: 161]. Как отмечает Э. Мартин, несмотря на то, что французское правительство старается контролировать современный медийный дискурс, стремясь ограничить использование английского языка в рекламе, и требует перевода английских слоганов, рекламодатели находят пути

обращения к аудитории путем внедрения в рекламное сообщение английского языка, в связи с положительными коннотациями, которые он вызывает. Но, по ее наблюдениям, реклама, тем не менее, по духу остается французской и сохраняет привычные французам образы и культурные реалии. Таким образом, английский язык используется для привлечения внимания потребителей, но вместе с тем происходит его адаптация под местные рынки [Martin 2010: 94]. Можно сказать, что английский язык наделяет товар образом космополитичности, а местный язык – образом достоверности и подлинности [Edelman & Gorter 2010: 108]. Глобальные процессы коррелируют с местным укладом жизни и особенностями развития. По мнению Ван Эльтерена, глобализацию нужно воспринимать как организацию разнообразия («organization of diversity»), а не как тиражирование единообразия («replication of uniformity») [Van Elteren 1996: 58].

Прагматический потенциал английского языка в рекламе определяется экономическими факторами: возможностью охватить более широкую аудиторию и проинформировать ее о рекламируемом продукте, что в итоге ведет к достижению первостепенной цели рекламодателя – получению максимальной прибыли. Английский язык служит инструментом решения поставленных задач и выполняет следующие функции:

- расширение целевой аудитории;
- создание образа узнаваемости товара;
- осуществление символической роли.

Включение английского языка в рекламу является своего рода стратегией [Kuppens 2009: 116], позволяющей рекламодателям обратиться к большему количеству людей. В своей статье Т. Бхатия и У. Ричи приводят следующий пример: прогуливаясь по Мехико с группой друзей, Т. Бхатия обратил внимание на рекламу «Este colchó box spring» (This box spring mattress). На вопрос, зачем продавец рекламирует продукт наполовину по-английски, наполовину по-испански, последовал ответ, что без использования английского языка он продаст только половину товара [Bhatia & Ritchie 2004: 517].

Роль английского языка как механизма глобализации проявляется, например, в том, что рекламодатели не переводят названия брендов, логотипов и слоганов в силу утилитарных причин – для запоминания и узнавания их по всему миру:

Erwischt! Sie starren gerade den neuen Infiniti FX an. Geben Sie es ruhig zu, denn der atemberaubende Crossover ist jeden Blick wert.

Infiniti. Inspired Performance. (Focus, January 2011).

Путешествуя, люди видят те же самые названия товаров: знакомые марки будут всегда привлекательны для покупателей, вне зависимости от места их пребывания.

Использование английского языка в рекламе связано с его исключительным статусом как языка современных технологий и международного общения, с транслируемыми им культурными ассоциациями и коннотациями, с так называемым «социопсихологическим эффектом», который он производит [Bhatia & Ritchie 2004: 537]. Таким образом, язык не просто несет некоторую информацию, но и имеет символическую функцию, передает культурные ценности.

Несмотря на то, что и в других языках можно найти слова, соответствующие английским, например, «new», «design» – рекламодатели отдают предпочтение именно английским вариантам. Согласно словарю Hobson-Jobson, слово «shampoo» заимствовано из хинди от «champi», тем не менее, именно английский вариант превалирует в индийской рекламе [Bhatia & Ritchie 2004: 527].

Также интересен тот факт, что в текстильной промышленности Индии в 1980-ых годах, в рекламе сари использование английского языка не поощрялось. Сейчас довольно часто можно заметить переключение кода на английский язык («a feast of elegance») с целью передачи стиля и изысканности сари [Bhatia & Ritchie 2004: 538]. Таким образом, следует констатировать, что в современном обществе английский язык лучше всего выражает понятия качества, престижа. Даже когда реклама адресована азиатским, европейским и латино-американским потребите-

лям, рекламодатели расценивают использование английских слов, предложений и даже целых текстов как эффективную стратегию продажи брендов [Kuppens 2009: 115].

В том числе немецкий язык, который всегда ассоциировался с надежностью, должен, по мнению рекламодателей, сосуществовать с английским для обеспечения успеха рекламного сообщения:

Shoppen Sie noch sicherer online mit Ihrem MasterCard SecureCode, der prüft, dass Sie auch wirklich Sie sind. Ganz entspannt auf Einkaufstour: überzahlbar. (Focus, January 2011).

Еще одной важной целью переключения кода является предоставляемая им возможность для реализации творческого потенциала рекламодателей. Переключение кода выполняет стилистическую функцию – создает игру слов, рифму: «Trentenaire On Air» – реклама французской радиостанции [Bhatia & Ritchie 2004: 539], русская телевизионная реклама – «Кноп – вкусен и скор!», «Ваша киска купила бы Whiskas!».

Бытует мнение, что переключение кода воспринимается негативно как самими билингвами, так и получателями информации. Однако если бы данное явление вызвало только подобные эмоции, то его вряд ли бы стали так часто использовать в рекламе. Во многом креативность, достигаемая посредством употребления английского языка, помогает побороть негативное отношение к переключению кода и позволяет глубже реализовывать творческие и инновационные потребности рекламодателей при создании эффекта убедительности рекламного сообщения.

Вместе с тем, экспансия английского языка не совсем однозначна. Исключитель-

ная роль, которую он играет в контексте глобализации в современном обществе, тем не менее, не означает, что ему доступны абсолютно все домены. В некоторых случаях переключение кода на другие языки можно встретить и в англоязычной рекламе:

Ocean Reef Club

The vintage weekend: Thursday, December 1 – Sunday, December 4, 2011

Experience three unforgettable days in one unique place.

Antique and classic yacht rendezvous.

Concours d'élégance of automobiles.

Antique and classic airplane fly-in (The New York Times, November 2011).

Переключение кода на французский язык в данном примере помогает создать образ изящности, элитарности, утонченности и роскоши.

Таким образом, изменение социальных условий диктует потребность в рассмотрении явления переключения кода в контексте экономических отношений и глобальных процессов, происходящих в обществе. Использование английского языка в рекламе является следствием и механизмом процесса глобализации, с помощью которого рекламодатели могут провести более успешную рекламную кампанию. Английский язык позволяет обращаться к потребителям по всему миру, используя глобальные и локальные стратегии, и, тем самым, регулируя тенденции локализации и глобализации. В дальнейшем представляется интересным проанализировать, как переключение кода влияет на обратную связь производителя с потребителем и как потенциальные покупатели воспринимают англоязычные составляющие поликодового рекламного текста.

Литература

- Иванов Д.В.* Эволюция концепции глобализации // Телескоп, 2002. – №4. – С. 3 – 14.
- Лалетина А.О.* Английский язык в глобализирующемся мире: определение предмета и перспектив изучения // Вестник НГЛУ: Язык и культура, 2010. – № 11. – С. 72 – 80.
- Auer P.* Introduction: Bilingual Conversation Revisited. Code-Switching in Conversation: Language, Interaction and Identity / By P. Auer. – London: Routledge, 1998. – P. 1 – 2.
- Bhatia T.K.* Advertising in Rural India: Language, Marketing, Communication and Consumption. Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa. – Tokio: Tokio Press, 2000. – 333 p.
- Bhatia T.K. & W. C. Ritchie.* Bilingualism in Media and Advertising // The Handbook of Bilingualism / Ed. Bhatia, T. K. and W. C. Ritchie. – Blackwell Publishing Ltd, 2004. – P. 513 – 546.
- Blom J.P. & J. Gumperz.* Social Meaning in Linguistic Structures: Codeswitching in Norway. Directions in Sociolinguistics / Eds. Gumperz, J. and D. Hymes. – New York: Holt, 1972. – P. 407 – 434.
- Crystal D.* English as a Global Language (Second Edition). – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 212 p.
- De Bot K. & R. Schreuder.* Word Production and the Bilingual Lexicon // The Bilingual Lexicon / Eds. De Bot K. & R. Schreuder. – Amsterdam: John Benjamins, 1993. – P. 191 – 214.
- Edelman L. & D. Gorter.* Linguistic Landscapes and the Market // Language and the Market / Eds. Kelly-Holmes H. and G. Mautner. – Basingstoke and New York: Palgrave-MacMillan, 2010. – P. 96 – 108.
- Graddol D.* The Future of English? [Электронный ресурс интернет] URL: <http://www.britishcouncil.org/learning-elt-future.pdf> (дата обращения: 28.02.2012).
- Kuppens An H.* English in Advertising: Generic Intertextuality in a Globalizing Media Environment // Applied Linguistics. – Vol. 31. Issue 1, 2009. – P. 115 – 135.
- Lee J.S.* Commodified English in East Asian Internet Advertising // Language and the Market / Eds. Kelly-Holmes H. and G. Mautner. – Basingstoke and New York: Palgrave-MacMillan, 2010. – P. 109 – 120.
- Martin E.* Language Policy and Multilingual Advertising in France // Language and the Market / Eds. Kelly-Holmes H. and G. Mautner. – Basingstoke and New York: Palgrave-MacMillan, 2010. – P. 83 – 95.
- Poplack S.* Sometimes I'll Start a Sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL: Toward a Typology of Code-switching // Linguistics. – Vol. 18. Issue 7/8, 1980. – P. 581 – 618.
- Van Elteren M.* Conceptualizing the Impact of the US Popular Culture Globally // Journal of Popular Culture. – Vol. 30. Issue 1, 1996. – P. 47 – 89.

Д.Н. Макарова

УДК 81'23+811.111+811.112.2+811.161.1

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РУССКИХ, НЕМЦЕВ И АНГЛИЧАН

В статье приведены результаты исследования национально-культурной специфики языкового сознания носителей русской, немецкой и английской культур и особенностей ее отражения в ассоциативных реакциях на слова-стимулы, объединенные тематическим полем «пространство».

Ключевые слова: языковое сознание, национально-культурная специфика, пространство, ассоциативный эксперимент.

Dariya N. Makarova

INDIVIDUAL AND CULTURAL REPRESENTATIONS OF THE CONCEPT "SPACE" IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS, GERMANS AND THE ENGLISH

The article presents the results of the research devoted to the national and cultural peculiarities of language consciousness of the English, Germans and Russians. It shows the ways these reflections are marked in the responses obtained through associative experiments and associative thesauri for the concept "space".

Key words: language consciousness, national and cultural peculiarities, space, associative experiment.

В последние годы в отечественной психолингвистике основные онтологические и гносеологические проблемы исследования речевых процессов решаются в рамках научной парадигмы, известной как «языковое сознание» [Уфимцева, Тарасов 2009: 22], которое является главным признаком языковой личности. Жизнь индивида отражается в языке, а значение слов конструируется в процессе жизни, таким образом, речевая деятельность выступает как анализ жизни в форме языка, а лингвистическая реальность определяется тем, что человек может выразить через язык.

Межкультурное общение - это феномен, который является новой онтологией анализа языкового сознания. Именно она создает оптимальные условия для описания национальных языковых сознаний [Тарасов 2006: 7].

Обыденное сознание – это совокупность представлений, знаний, установок и стереотипов, основывающихся на непосредственном повседневном опыте людей и доминирующих в социальной общности, которой они принадлежат. Обыденное сознание отличается от *сознания*, основу которого составляют научные знания, полученные при применении объективных методов исследования и обеспечивающие проникновение в сущностные связи, характеризующие природу и общество. Обыденному сознанию свойственны ошибки, которые могут препятствовать научному познанию мира, способствуя сохранению укоренившихся предрассудков. Вместе с тем фиксация многократно повторяющихся связей между вещами и людьми, характерная для обыденного сознания, дает возможность делать правильные выводы, что проверяется практикой повседневной жизни.

Поскольку идентичных национальных культур не существует, то нет и одинаковых образов сознания: образ предмета, перенесенный из одной культуры в другую, непременно несет в себе элементы национально-культурной специфики.

Одной из основных характеристик менталитета является восприятие пространства.

Пространство – одна из центральных категорий культуры. Остановимся подробнее на представлениях русских, немцев и англичан о пространстве, которые непосредственно связаны с особенностями ландшафта, географическим положением и историей их стран. Представления о пространстве нашли свое отражение в реакциях на 36 слов-стимулов этого тематического поля.

Ассоциативное поле стимула Даль\ Weite\ distance.

Даль	Weite	distance
горизонт 12	Wueste 7	far 17
дальняя 9	Ferne 4	mile 14
словарь 7	die Naehе 4	miles 11
синяя 6	der Steppe 4	long 7
несусветная 3	Ebene 4	length 6
голубая 3	Landschaft 3	away 4
дорога 3	Enge 3	Speed 3
небо 2	Meer 3	train 3
невообразимая 2	der Praerie 3	travel 3
лес 2	Des Himmels 2	feet 2
близь 2	Blick 2	from 2
	Des Horizonts 2	lorry 2
	Sehnsucht 2	near 2
		space 2

Для русских «ДАЛЬ» – это, прежде всего, далеко расположенное место, далекое пространство, видимое глазом (горизонт (12), небо (2), лес (2), дорога (3)). Для немцев же Weite прежде всего широта, протяженность, распространение в пространстве, что обуславливает такие реакции как Wueste (7), Meer (3), Ebene (4), der Praerie (3), Landschaft (3), der Steppe (4), des Himmels (2), des Horizonts (2). Как у немцев, так и у русских стимул и реакция связаны отношениями оппозиции: даль – близь (2), Weite – die Naehе (4), Enge (3), однако у немцев данная реакция более частотна, т.е. более устойчива в сознании немцев. Немцы осознают, что у них отсутствуют протяженные участки суши, поэтому они используют чужестранные объекты: der Praerie (3), Wueste (7), der Steppe (4). Следует отметить, что в немецком языке даны два антонима на стимул Weite, один соответствует непосредственно значению «Даль – близь», другой же значению «ши-

рота – узость», что понятно, поскольку слово «Weite» имеет два значения: даль и широта. В русском, в отличие от немецкого, обнаруживается ассоциат, указывающий на прецедентный источник: словарь (7), который отражает национально-культурную специфику образа, поскольку слово стимул «Даль» совпало с фамилией Владимира Ивановича Даля – русского ученого и писателя, прославившегося как автор «Толкового словаря живого великорусского языка». В немецком в отличие от русского стимул и реакция связаны отношениями близости (синонимии) Weite – Ferne (4), в русском отношения близости представлены лишь однокоренными словами Даль – дальняя. У немцев присутствует ассоциат с переносным значением кругозор, горизонт Er hat einen weiten Blick (2) — у него широкий кругозор. Реакция Sehnsucht (2) в немецком передает значение временного промежутка, которое должно пройти, прежде чем получить желаемое. В русских реакциях множество признаков – характеристик стимула «Даль» (синяя(6), несусветная (3), голубая (3), невообразимая (2)). Синий и голубой как цвет неба и моря символизирует безграничные дали и бесконечные глубины. В переносном значении синий цвет часто используется в таких распространенных выражениях повседневной речи, как “голубые дали” (импульс тяги к дальним странствиям, например, выражение “уехать в голубую даль”). «Несусветный» – крайний, необычный в своем проявлении, невообразимый, «невообразимый» – невозможный, чрезвычайный исключительный, обе эти реакции принадлежат с разным стилям речи, но выражают усиление и добавляют стимулу «даль» компонент значения «очень». Для англичан distance – 1) пространство между двумя пунктами, (from (2) – от \ из) обычно географическими, которое, как правило, измеряется по прямой линии, т.е. протяженность, длина: long (7), length (6). Единицей длины в Америке и Британии является миля, отсюда mile (14), miles (11), мерой длины также являются футы – feet (2); 2) видимое вдалеке пространство space (2), отсюда far (17), away (4). В английских реакциях мы наблюдаем speed (3), как одно из средств преодоления расстояния, поскольку скорость – степень бы-

строты движения кого-, чего-либо или распространения чего-либо; train (3) и lorry (2), также являются средствами преодоления больших расстояний и, таким образом, позволяют связать два удаленных объекта, или же переместить индивида из одного пункта в другой. Преодоление больших расстояний связано также с путешествиями travel (3). По принципу оппозиции со стимулом distance связана реакция near (2).

Ассоциативное поле стимула куда-нибудь \ irgendwohin \ somewhere.

куда-нибудь	irgendwohin	somewhere
пойти 11	gehen 8;	nowhere 18;
уйти 10;	urlaub 4;	anywhere 9;
идти 9	ungewiss 3;	else 8;
уехать 8;	ziellos 3;	here 6;
ехать 4;	egal wohin 3;	where 6;
далеко 3;	Freiheit 3;	place 5;
неопределенность 3;	fahren 3;	elsewhere 4;
бежать 2;	Ziellosigkeit 3;	home 3;
вдаль 2;	weg 3;	there 3;
сюда 2;	ins Blaue 2;	everywhere 2;
убежать 2;	reisen 2;	lost 2;
никуда 2;	fliegen 2;	over 2;
подальше 2;	ins Nirgendwo 2;	rainbow 2;
	ist egal 2;	somehow 2;
	muss es gehen 2;	
	unabhaengig 2;	
	unbestimmt 2;	

Для русских «куда-нибудь» – означает в какое-либо место (точнее не известно в какое), безразлично куда, в каком-либо направлении (точно не известно в каком) и предполагает движение, поэтому в качестве реакции на стимул мы видим глаголы движения (пойти (11), уйти (10), идти (9), уехать (8), ехать (4), бежать (2), убежать (2)). В вышперечисленных стимулах можно проследить направление движения (от говорящего или к говорящему), движение может быть различной степени интенсивности и харак-

теризоваться наличием \ отсутствием каких-либо средств передвижения. Несмотря на то, что в немецком языке «irgendwohin» также подразумевает направление движения и поэтому первой реакцией является «gehen» (8), и дальше fahren (3), reisen (2), fliegen (2), у немцев «irgendwohin» ассоциируется также с «Urlaub» (4), поскольку подразумевает предпринимать поездку и находиться «в каком-либо месте», поэтому реакции выраженные глаголами движения являются менее частотными, чем в русском языке и количество их гораздо меньше. Как у русских, так и у немцев в данном стимуле присутствует компонент неопределенности: либо неизвестно куда, либо безразлично куда (неопределенность (3), далеко (3), вдаль (2), подальше (2), сюда (2), ungewiss (3), ziellos (3), egal wohin (3), Ziellosigkeit (3), ist egal (2), unbestimmt (2) ins Blaue (2), muss es gehen (2), однако следует отметить, что у немцев он выражен гораздо более разнообразно и широко, в частности у немцев неоднократно есть указание на отсутствие цели (ziellos (3), Ziellosigkeit (3), ins Blaue (2)), «Weg» (3) тоже имеет значение неопределенности и в то же время указывает на направление действия от говорящего, Freiheit (3) и unabhaengig (2) указывают на свободу от каких-либо принуждений и обязанностей, и подразумевают возможность действовать по собственной воле, выбирать самому. Реакции далеко (3), вдаль (2), подальше (2), сюда (2) выражают не только значение неопределенности, но и расстояние от объекта, направление действия. Как у русских, так и у немцев среди реакций можно выделить противоположные стимулу реакции или точнее связанные с ним по принципу оппозиции: никуда (2) и ins Nirgendwo (2).

Следует обратить особое внимание на полисемию английских стимулов и такую отличительную особенность английского языка как совпадение форм слова разных частей речи, что значительно повлияло на реакции респондентов. В английском языке «somewhere» взятое единично не подразумевает направление движения, поскольку может означать 1) где-нибудь и 2) куда-нибудь и обретает конкретное значение только в

контексте, поэтому в английском мы видим указание на местоположение, а не на движение \ перемещение в пространстве. Также как в русском и английском «куда-нибудь \ somewhere» имеет значение неопределенности в каком-то \ какое-то неопределенное или неизвестное место place (5), отсюда nowhere (18) и anywhere (9), where (6), everywhere (2). На то, что место неопределенно также указывают реакции lost (2) – потерянный \ потерявшийся где-то и somehow – как-то, но непонятно как. Некоторые реакции являются частями словосочетаний: somewhere else (8) – где-нибудь в другом месте – elsewhere (4), somewhere here (6) – где-то здесь, somewhere there (3) – где-то там, home (3) – somewhere home – где-то дома. Реакции over (2) и rainbow (2) указывают на прецедентный источник песню Judy Garland «Somewhere Over The Rainbow».

*Ассоциативное поле стимула
восток \ der Osten \ east.*

восток	Der Osten	East
запад 30;	Westen 15;	west 84;
дело тонкое 10;	Russland 7;	Berlin 2;
Китай 6;	DDR 6;	wind 2;
запад 5;	Sonnenaufgang 4;	
Дальний 4;	Kalt 3;	
Ближний 3;	Sonne 3;	
север 2;	rot 3;	
солнце 2;	Krieg 2;	
сторона света 2;	Himmelsrichtung 2;	
	Asien 2;	
	entfernt 2;	
	Europas 2;	

Первая реакция у русских, немцев и англичан одинаковая и связана со стимулом отношениями оппозиции: запад (30), Westen (15), west (84). Во многом реакции определило географическое положение двух стран и их историческое развитие. Для русских на востоке находится Китай(6), дальний (4) Восток самый удаленный от Москвы на восток регион России, представляющий Дальневосточный федеральный округ Российской Федерации, сюда же следует отнести и «север» (2). Север – это не только часть света (с точки зрения математической географии), но и

районы Крайнего Севера и местности, приравненные к районам Крайнего Севера, т.е. часть территории России, расположенная главным образом к северу от Полярного круга. Территория Крайнего Севера – это арктическая зона, тундра и лесотундра, а также тайга, полярные пустыни – равнины и горы. В европейской части страны Север протягивается сравнительно узкой полосой, а за Уралом его граница круто отклоняется к югу, в него входит почти вся Восточная Сибирь, а на Дальнем Востоке Север в некоторых местах спускается до государственной границы. Север – это почти две трети территории Российской Федерации. Для немцев на востоке, который располагается далеко entfernt (2), находится Russland (7) и DDR (6), Asien (2), страны восточной Европы Europas (2). Для англичан east (который может выступать не только как существительное, но и как прилагательное) ассоциируется с Берлином, который находится относительно Великобритании на востоке, а точнее с Восточным Берлином, бывшей ГДР. Как известно, после Второй Мировой Войны, в которой русские и англичане были союзниками, Берлин был поделен на 2 части: западный и восточный. Как русские, так и немцы обратили внимание на суровые климатические условия, север (2), kalt (2). Вторая мировая война, в которой главными противоборствующими сторонами были Германия и СССР, обусловила немецкие реакции got (3) и Krieg (2). Кроме того, появление реакции «rot» объясняется коммунистическим прошлым Восточной Европы и СССР и представляет собой идеологизированный термин. Русские как и немцы отметили, что восток является стороной света (2), Himmelsrichtung (2), и что солнце (2), Sonne (3), Sonnenaufgang (4) восходит на востоке, что свидетельствует об укоренении представлений научной картины мира в профаном сознании. Восток дело тонкое (10) и Ближний (3) представляют собой устойчивые словосочетания, первое из которых указывает на прецедентный источник (советский кинофильм 1970 года «Белое солнце пустыни», повествующий о приключениях красноармейца Сухова, спасающего от бандита Абдуллы его гарем в годы гражданской войны, где он произносит эту ставшую в последствии крылатой

фразу и устойчиво вошедшую в разговорный русский язык), второе же является названием региона, расположенного в Западной Азии и Северной Африке. Следует отметить, что данное название было дано европейцами ближайшему к ним восточному региону. Как часть словосочетания предстает реакция wind (2). East wind (восточный ветер) – ветер, который дует с востока в направлении запада. В Западной традиции его обычно считали не благоприятным и ассоциировали со злом.

*Ассоциативное поле стимула
zapad\ Westen\ west.*

запад	Westen	west
восток 33;	Osten 26;	east 41;
Европа 8;	Amerika 7;	end 9;
Америка 3;	Cowboy 6;	wild 7;
часть света 3;	der wilde Westen 5;	coast 4;
стабильность 3;	Himmelsrichtung 4;	country 4;
США 2;	nichts Neues 3;	riding 3;
ковбой 2;	Der goldene 2;	wind 3;
сторона 2;		America 2;
жить хорошо 2;		north 2;
		south 2;
		U.S.A. 2;

Первая реакция у русских, немцев и англичан одинаковая и связана со стимулом отношениями оппозиции: восток (33), Osten (26), east (41). Реакции на стимул «запад», так же как и на стимул «восток» во многом определило географическое положение трех стран. Для русских на западе находится Европа (8), Америка (3), США (2), для немцев, поскольку Германия является европейским государством, расположенным западнее России, на западе находится только Amerika (7), для англичан на западе находится America (2), U.S.A. (2). Как у русских, так и у немцев есть реакция ковбой (2), Cowboy (6) – название, употреблявшееся на Диком Западе США по отношению к пастухам скота.

Ковбой ездил верхом на лошадях, отсюда английское riding (3). Эпоха ковбоев началась с 1865, когда нужно было согнать в загоны гигантские одичавшие стада быков, преимущественно на территории Техаса. Закончилась эта эпоха около двадцати лет спу-

стя. После 1930-х в Америке вошел в моду ностальгический, прославляющий взгляд на ковбоев. Он нашел отражение в музыкальном стиле кантри, комиксах, рекламе, одежде, а также в кинематографе (Вестерн). У немцев и англичан в отличие от русских есть реакция *der wilde Western* (5), *wild (7) west* – Дикий Запад – исторический период между Гражданской войной в США и 1890 годом, название области, изначально включавшую зону освоения – Фронтир, расположенную на территории современных штатов Северная Дакота, Южная Дакота, Монтана, Вайоминг, Канзас, Небраска и Техас, которая постепенно расширялась и перемещалась на запад вплоть до Тихоокеанского побережья. Дикий Запад характеризовало первопроходческое настроение, с которым многие люди покидали все более густо заселенный восток США и направлялись на запад. Большую часть из них составляли новые иммигранты из Европы. После того, как в 1848 в Калифорнии и в 1860 году на территории Дакота было обнаружено золото, началась так называемая золотая лихорадка, усилившая поток переселенцев. Здесь сразу следует отметить немецкую реакцию *der goldene* (2).

В сознании русских и немцев укоренилось представление о том, что на Западе жить хорошо (2), стабильность (3), *der goldene* (2). На Западе процветает бизнес, благодаря чему происходит постоянное, опережающее других, развитие, что порождает избыток товаров, услуг, культурного предложения. На Западе, все легче – жить, покупать, передвигаться. Легкость и простота жизни определяются четким распределением ролей и функций всех членов общества, поэтому Запад – это система, в которой нет места для размышлений, сомнений и душевности. Все рационально предпрешено и запрограммировано на много лет вперед. Россия – это отсталая страна, а Запад – развитая. Германия стремиться вытеснить США с позиции мирового экономического лидера современности и занять ее место. Как русские, так и немцы отметили, что запад – это часть света (3), сторона (2) света, *Himmelsrichtung* (4), что свидетельствует об укоренении представлений

научной картины мира в профаном сознании. *Nichts Neues* (3) представляет собой устойчивое словосочетание, которое указывает на прецедентный источник (роман Эриха Марии Ремарка, одного из наиболее известных и читаемых немецких писателей двадцатого века, «На западном фронте без перемен» (нем. *Im Westen nichts Neues*). Для англичан *east* – одна из четырех сторон света наряду с *North* (2), *south* (2). Как части словосочетаний предстают реакции *country* (4), *end* (9), *coast* (4) и *wind* (3). *West Country* – это неофициальное название области на юго-западе Англии, приблизительно соответствующей современному региону Юго-Западная Англия. Название часто используется по отношению к прежним графствам Корнуолл, Девон, Дорсет и Сомерсет, а также городу Бристоль. В область часто включают графства Глостершир и Уилтшир. *West Coast* – 1) западное побережье, т.е. находящееся на западе; 2) западное побережье США, а именно штаты Калифорния, Орегон, Вашингтон, Аляска, Гавайи. К тихоокеанскому побережью причисляют также Неваду и Аризону, которые непосредственно не побережье не находятся. *West End* – западная часть Лондона, в которой сосредоточена театральная и концертная жизнь (кварталы Сохо и Ковент-Гарден), музеи (Южный Кенсингтон), правительственные учреждения (Вестминстер), университеты и колледжи (Блумсбери), а также элитная недвижимость (Белгравия, Кенсингтон) и фешенебельные магазины (Оксфорд-стрит, Риджент-стрит, Бонд-стрит). Его принято представлять как антипод рабоче-пролетарского восточного Лондона – *East End*. *West wind* (западный ветер) – ветер, который дует с запада в направлении востока. В Западной традиции его обычно считали самым умеренным и наиболее благоприятным из всех ветров.

***Ассоциативное поле стимула
равнина\Ebene\plain.***

Равнина	Ebene	Plain
степь 12;	flach 18;	Jane 11;
бескрайняя 8;	Landschaft 6;	fancy 6;
поле 8;	Berg 4;	chocolate 5;
долина 7;	glatt 3;	simple 5;

зеленая 6;	in Dordeutschland 3;	coloured 3;
Восточно-Европейская 4;	Tal 2;	flour 3;
пустыня 4;	durchlaufen 2;	pretty 3;
безжизненная 3;	schief 2;	desert 2;
зеленая трава 3;	Poebene 2;	dull 2;
простор 2;	die Weite 2;	flat 2;
море 2;	Blumen 2;	girl 2;
горы 2;	flaches Land 2;	mountain 2;
ровная 2;	die Flaechе 2;	ordinary 2;
плоскость 2;		ornate 2;
		sailing 2;
		speaking 2;
		tree 2;
		truth 2;
		ugly 2;

В немецком, русском и английском стимул и реакция связаны отношениями оппозиции: равнина – горы (2), Ebene – Berg (4) и Ebene – schief (2), plain – mountain (2). Кроме того, в немецком, русском и английском стимул и реакция также связаны отношениями близости: равнина – степь (12) – обширное, безлесное, ровное пространство в полосе сухого климата с травянистой растительностью и животным миром, поле (8) – безлесная равнина, долина (7) – равнина вдоль речного русла, пустыня – далеко простирающееся пространство, обширная засушливая область с небольшим количеством осадков, резкими колебаниями воздуха и почвы и скудной растительностью (4), простор (2) – свободное обширное пространство, ровная (2), плоскость (2), Ebene – die Flaechе (2), flaches Land (2), Tal (2), die Weite (2), plain – desert (2), plain – flat (2). Следует отметить, что одно из устаревших и сейчас неупотребительных значений plain – (мат.) плоскость; на сегодняшний день в этом значении употребляется flat, что и позволяет говорить о их связи отношениями близости. Равнина – 1) обширный участок суши без значительных повышений и понижений поверхности: – степь (12), поле (8), долина (7), пустыня (4), desert (2), отсюда же бескрайняя (8). 2) участок дна моря, океана без резких колебаний высот: море (2). Равнины представляют собой участки поверхности суши, для которых характер-

ны травянистая или лесная растительность, имеющая зеленый цвет, кроме того, на картах равнины обозначены зеленым или светло-желтым цветом, отсюда зеленая (6), зеленая трава (3), Blumen (2). В зависимости от абсолютных высот различают: низменные (до 200 м); возвышенные (200 – 500 м); нагорные или высокие (более 500 м) равнины и плоскогорья. Безжизненной равнину называют тогда, когда ее растительный покров чрезвычайно ничтожен или полностью отсутствует по ряду причин: безжизненная (3). У русских также есть реакция восточно-европейская (4): восточно-европейская равнина, или Русская равнина – одна из крупнейших равнин земного шара, вторая по величине после Амазонской низменности, расположенная в большей, восточной части Европы. Она относится к низким равнинам. На севере омывается водами Белого и Баренцева, а на юге – Черного, Азовского и Каспийского морей. На северо-западе ограничена скандинавскими горами, на западе и юго-западе – горами Центральной Европы (Судеты, Карпаты и др.), на юго-востоке – Кавказом и Крымскими горами, на востоке – Уралом и Мугоджарами. На территории равнины полностью или частично расположены Россия, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Польша, Германия, Украина, Молдавия, Приднестровье и Казахстан. На восточно-европейской равнине находятся такие города, как Великий Новгород, Москва, Смоленск, Кострома, Псков, Санкт-Петербург и прочие. Это центр начала и основания русской культуры. Для немцев Ebene одна из форм ландшафта Landschaft (6), характеризующаяся небольшим колебанием высот (до 200 м) и незначительным уклоном местности (до 5°), т.е. плоская flach (18), ровная glatt (3). Северная часть Германии представляет собой сформировавшуюся во время ледникового периода низменную равнину (Северо-Германская низменность, самая низкая точка – Нойендорф-Саксенбанде в Вильстермарше, 3,54 м ниже уровня моря), отсюда реакция in Norddeutschland (3). Обширные участки суши, которые представляют собой равнины можно пересекать durchlaufen (2). Также в немецких реакциях

мы видим Роебене (2) – паданскую (падано-венетскую) равнину. Это равнина на севере Италии, между Альпами, Апеннинскими и Адриатическим морем, преимущественно в бассейне реки По. Поверхность преимущественно плоская, постепенно понижается с запада на восток от 300 – 400 м до уровня моря. В центре Паданской равнины – глинистые низкие равнины с плодородными почвами, по краям – песчано-галечные высокие равнины. Появление Роебене среди немецких реакций можно объяснить следующим образом: во-первых, немцы в школе изучают географическое положение Европы, во-вторых, Паданская равнина самая ближайшая к Германии часть территории Италии. В английском как части устойчивых словосочетаний, не характеризующих пространственные отношения выступают реакции Jane (11), girl (2) – plain Jane \ plain girl – дурнушка, простушка, которые связаны отношениями близости с реакцией ugly (2), и отношениями оппозиции с реакцией pretty (3). Выступая в роли прилагательного plain, имеет значение «простой, обыкновенный, явный», что объясняет следующие реакции, связанные со стимулом отношениями близости: simple (5); ordinary (2); dull (2); tree (2) – plain tree – дерево; flour (3) – plain flour – (обычная) пшеничная мука; sailing (2) – plain sailing – что-л. легкое, простое; chocolate (5) – plain chocolate – горький шоколад; speaking (2) – plain speaking – прямота, откровенность; truth (2) – plain truth – чистая правда; в этом значении следующие реакции связаны со стимулом отношениями оппозиции: fancy (6), coloured (3), ornate (2).

Ассоциативное поле стимула граница \ Grenze \ border.

Граница	Grenze	Border
рубеж 8;	Land 3;	Scotland 14;
пограничник 7;	ueberschreiten 3;	edge 10;
страны 7;	DDR 3;	line 10;
на замке 5;	Staat 3;	country 9;
государства 5;	andere Laender 3;	raid 5;
между странами 4;	offen 2;	raids 4;
закрыта 3;	Pass 2;	war 3;

Чечня 3;	Zoll 2;	clash 2;
Край 2;	Mauer 2;	county 2;
предел жизни 2;	Kontrolle 2;	fight 2;
раздела 2;		guards 2;
столб 2;		town 2;
застава 2;		Wales 2;

В русском и английском стимул и реакция связаны отношениями близости: граница – рубеж (8), край (2), border – edge (10). Граница – 1) условная линия (line (10)) раздела между территориями; рубеж: страны (7), государства (5), между странами (4), Чечня (3), country (9), county (2), Wales (2), Scotland (14), Staat (3), andere Laender (3), Land (3), DDR (3), Земля (нем. Land) в Федеративной Республике Германия является «государством-членом» (Gliederstaat) федерации. Для отличия от «земли» в обычном значении слова часто употребляется термин Федеральная земля (Bundesland), но в юридических документах, таких как Основной закон ФРГ или конституциях земель, он не используется. Исторически на территории Германии до середины XIX века существовало множество отдельных мелких государств, в течение веков ее географическая карта значительно менялась. Земли в их нынешнем виде сформировались после 1945 года. При этом частично учитывались как традиционная общность землячеств, так и исторически сложившиеся границы. Земли, сформированные в американской, британской и французской зонах оккупации, вошли в состав ФРГ; земли в советской оккупационной зоне образовали ГДР и утратили статус земель вплоть до объединения Германии в 1990 г.

В конституционном праве Германии подчеркивается, что земли не являются административными единицами ФРГ (то есть производными от федерации), а наоборот, ФРГ является объединением земель. Земли считаются субъектами конституционного права, а также обладают ограниченной международной правосубъектностью. Земли несут «государственную ответственность». Три земли используют термин «свободное государство» (Баварии, Саксонии и Тюрингии), однако особые права по сравнению с

другими землями с этим не связаны. Из немецких земель 11 относятся к так называемым «старым», входившим в состав ФРГ еще до объединения. 5 восточных земель, составлявших территорию ГДР, неофициально называются «новыми». Реакции DDR (3) и Mauer (2) непосредственно связаны с историей Германии. Германская Демократическая Республика (ГДР, Восточная Германия; нем. Deutsche Demokratische Republik) – социалистическое государство, основанное 7 октября 1949 года в советской оккупационной зоне Германии и восточном (советском) секторе Берлина. 9 июня 1945 года на территории, где находились советские войска, была образована Советская военная администрация в Германии (СВАГ прекратила свое существование в октябре 1949 г. после провозглашения ГДР и вместо нее была образована Советская контрольная комиссия). Провозглашение ГДР состоялось спустя пять месяцев в ответ на создание на территории трех западных оккупационных зон ФРГ, 7 октября 1949 провозглашена Конституция ГДР. Одной из важнейших вех в истории ГДР является возведение 13 августа 1961 г. берлинской стены, которая представляла собой инженерно-оборудованную и укрепленную государственную границу Германской Демократической Республики с Западным Берлином. Республика официально прекратила существование и была объединена с ФРГ 3 октября 1990 года, и Берлинская стена была за несколько месяцев снесена. Лишь малые части ее решено сохранить как памятник для последующих поколений. Великобритания состоит из 4 административно-политических частей (исторических провинций): 1) Англия (39 графств, 6 метрополитенских графств и Большой Лондон) – адм. центр Лондон; 2) Уэльс (Wales (2) (22 унитарных образования: 9 графств, 3 города и 10 городов-графств) – адм. центр Кардифф; 3) Шотландия (Scotland (14) (12 областей: 9 округов и 3 основных территории) – адм. центр Эдинбург; 4) Северная Ирландия (26 округов) – адм. центр Белфаст. County (2) – (графство) основная административно-территориальная единица Англии. В русском, английском и немецком мы также видим реакции, которые характеризуют все, что относится

к данному значению: пограничник (7), guards (2) – военнослужащий войск, предназначенных для охраны границ; застава (2) – пограничная охрана; место ее расположения; town (2) – приграничный город; столб (2) – бревно, толстый брус, крепленные вертикально, стоймя, использовавшийся для обозначения территориальной границы; Pass (2) – документ необходимый для пересечения границы ueberschreiten (3); Kontrolle (2) – при пересечении границы необходимо пройти проверку; Zoll (2) – в частности нужно пройти через таможенную, ведающую контролем провоза через границу грузов, багажа, почты и собирающую пошлину за такой провоз. Граница может быть закрыта (3), offen (2), на замке (5) – надежно защищена. В английском реакции raid (5), raids (4), war (3), clash (2), fight (2) обусловлены тем, что в Средневековой Англии и Шотландии количество малых войн, вооруженных конфликтов и столкновений между рыцарями измерялось сотнями, хотя и не все из них оказали столь существенное влияние на развитие страны, как, например, война Алой и Белой розы, Столетняя война или любая из двух мировых войн XX века. Граница раздела (2) – термин, используемый в основном в физике и химии поверхности. В общем случае химия поверхности рассматривает свойства трех состояний вещества – твердого (Т), жидкого (Ж) и газообразного (Г) и дает описание вещества как фазовой системы. Однако если два различных состояния (две фазы) мгновенно смешать, получается система, для описания которой требуется знание не только характеристик массы или объема составляющих фаз, но и свойств пограничной области между ними, т.е. границы раздела фаз, что и является предметом изучения науки о поверхностных явлениях, которая включает в себя физику и химию поверхности. У «границы» есть и еще одно значение: то, что отделяет, отличает одно от другого, отсюда реакция предел жизни (2), т.е. граница, отделяющая жизнь от смерти.

Русские никогда не испытывали недостаточности жизненного пространства и путем освоения относительно малонаселенных северных и восточных территорий стреми-

лись лишь утвердиться одновременно в Европе и Азии в течение долгих веков. Немцы, в отличие от русских, испытывая недостаточность жизненного пространства, стремились к расширению во все стороны. Учитывая, что территории Европы были плотно заселены другими народами, это сопровождалось войнами. Так, Германия неоднократно решала территориальные споры при помощи войны с Францией, а такие страны как Бельгия, Голландия, Австро-Венгрия и Польша вообще считала частью своей территории. В конце 20 века главной целью Германии также была консолидация своих территорий – объединение двух Германий – с целью воссоединения немецкой нации. Британия благодаря своему уникальному островному положению не вела войн непосредственно на своей территории, однако это не помешало ей вести колониальные войны на территории Северной Америки, Индии, юге Африки. «Удаленность» войны от этноса не имела масштабных культурных последствий и, как результат, не отразилась в языке и сознании англичан.

Пространство в немецком менталитете воспринимается как малое, узкое и тесное, как закрытое. Один из основных принципов восприятия пространства для немцев является принцип четкого разделения, границы. Другой важный принцип, который прослеживается это четкое обозначение функции

пространства. У немцев, как и у англичан, пространство более структурировано. Однако стоит отметить, что личное коммуникативное пространство у немцев и англичан шире по сравнению с русским и дистанция между говорящими должна быть намного больше, чем у русских.

Пространство у русских характеризуется атмосферой простора. Для русских широкие просторы (например, степи) отражают мотив свободы и контрастируют с замкнутостью и однообразием. Пространство понимается русскими как огромное и единое; охваченное пространство структурируется границами. Пространство наделяется огромной величиной, однако его бесструктурность очевидна. Для русских, в отличие от немцев, англичан, внутренняя структура территории не важна, поскольку является безразличной или несущественной. Также можно отметить оппозицию «Центр и граница», которая представляет собой экстремальные элементы региона. Пространство «между центром и границами», основное пространство страны, провинция оказывается бесструктурным, несущественным. Пространство страны наделяется высокой мерой целостности и отождествляется с государственной территорией.

В реакциях англичан пространственные отношения отражены в языке значительно слабее, нежели у русских и немцев.

Литература

- Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005. – 554 с.
- Замятин Д.Н.* Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. – 2000. – № 6 (46). – С. 255 – 275.
- Кубрякова Е. С.* Язык пространства и пространство языка, СЛЯ, 1997, т. 56, № 3, – С. 22 – 31.
- Тарасов Е.Ф.* Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания. // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996, – С. 7 – 22.
- Топоров В. Н.* Пространство // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 2. – С.341 – 342.
- Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф.* Проблемы изучения языкового сознания // Вопросы психолингвистики № 2 (10), – М., 2009, – С.22 – 29.
- Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
- Gruenbaum A.* Philosophical problems of space and time, [N. Y.], 1964, – pp. 448. *Ritter Alexander* (Hg.): *Landschaft und Raum*, in der *Erzählkunst*. Darmstadt 1975, S.17 – 35.

Н.Ю. Казакова

УДК 10.02.19

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ СЕМЬЯ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье на основе исследования научных и экспериментальных материалов определяется значение и особенности функционирования общечеловеческой ценности *семья* в русской и немецкой национальной культуре; даётся описание общечеловеческой ценности *семья* и её репрезентации в русском и немецком языковом сознании для выявления интернациональных особенностей и национальной специфики.

Ключевые слова: ценность *семья*, языковое сознание, межкультурный анализ, межкультурное общение, ассоциативное поле, свободный ассоциативный эксперимент.

Natalia Yu. Kazakova

UNIVERSAL VALUE 'FAMILY' IN THE RUSSIAN AND GERMAN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS

In this article the definition and peculiarities of the functioning of the universal value 'family' in Russian and German national culture is specified on the basis of the study of scientific and experimental material; description of the universal value 'family' and its representations in the Russian and German linguistic consciousness are given in order to reveal international features and national specificity.

Key words: universal value 'family', linguistic consciousness, cross-cultural analysis, cross-cultural communication, associative field, free associative experiment.

Общечеловеческая ценность (ОЦ) *семья* является одним из базовых концептов для любого национального сообщества и имеет особую значимость как конституирующий элемент большинства социумов. Семья, как первичная институционализируемая социальная форма совместной жизни людей и выполняющая важнейшую роль в воспроизводстве жизни, социализации индивида, его органической связи с обществом, имеет богатую историю и постоянно трансформируется. Передаваемые из поколения в поколение нормы семейного поведения становятся традициями, во многом определяют нравственно-эстетические, психологические, религиозные потребности личности и обладают национальной спецификой. «Множество семей разных социальных слоев и страт составляют в целом общество и отражают сложную палитру системы общественных отношений» [Любарт 2005: 9], которые актуализируются в национально-специфических характеристиках концепта.

Целью данной публикации является описание ОЦ *семья* и её репрезентации в русском и немецком языковом сознании для выявления интернациональных особенностей и национальной специфики на общественно значимом и обыденном уровнях.

ОЦ *семья*, являясь многоуровневым, устойчивым, обладающим социальной обусловленностью концептом, как мировоззренческая универсалия функционирует в различных типах дискурса. Общественно значимое содержание ОЦ *семья* в русском языковом сознании раскрывается через такие понятия как «семейные ценности», «обеспечение интересов семьи в процессе общественного развития», «экспертиза деятельности семьи», «функции семьи», «семья как социальный институт», «семейные проблемы жизнедеятельности детей и женщин», «репродуктивная функция семьи», «морально-правовой союз мужчины и женщины» [Дармодехин 2001: 397]. В немецком языковом сознании на общественном уровне ОЦ *семья* репрезентируется через близкие

понятия: Familienförderung, Familiengericht, Familiengesetz, Familiengründung, Familienminister, Familienplanung, Familienpolitik ‘меры, способствующие развитию и стабильности семей, семейный суд, закон о семье, институт семьи, министр по делам семьи, планирование рождаемости, политика государства в отношении семьи’ [DWDS: /F].

В исследовании языкового сознания последних лет выделяются два подхода: лингвистический, который описывает индивидуальное в языке, и психолингвистический, где при описании языковых фактов отражены результаты экспериментальных исследований [Попова 2007: 32, 33].

С целью описания значения ОЦ *семья*, которая имеет регулярную лексикализацию, нами был проведён семантический анализ словарных дефиниций. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» Г.А. Крылова слово *семья* образовано от *сьмь* – ‘работник, домочадец’ [Крылов 2009: /С]. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, происхождение слова *семья* связано с древнерусским *смиа* ‘челядь, домочадцы, семья; муж, жена’, *сьмьца* ‘младший член семьи’; с русско-церковнославянским *смь* ‘persona’, *смиа*, *сминь* ‘невольник, домочадец’. Согласно мнению российского языковеда-слависта Б.М. Ляпунова, *сьмь* представляет собой собирательный образ от *смь*, подобно ‘братия’. Интересно то, что слово *семья* является родственным древне-прусскому *seimins* ‘челядь’, готическому *haims* ‘селение’, д.-в.-н. *heim* ‘родина’ [Фасмер 1986: /С].

В DWDS-Wörterbuch происхождение *Familie / Семья* рассматривается как: – Die zu lat. *famulus* ‘Diener’ (s. *Famulus*) gebildete Ableitung lat. *familia* bedeutet ursprünglich ‘Gesinde, Sklavenschaft’, dann auch ‘die ganze Hausgenossenschaft’ (Freie und Sklaven). Die Bezeichnung wird zu Anfang des 15. Jhs. ins Dt. entlehnt und setzt sich im 16. Jh. allmählich durch ‘Восходящее к латинскому слову «*faulus*», что значит «слуги», понятие изначально обозначало «челядь, рабы», а потом и всех членов домовладения (вольных

и рабов). Первые упоминания в немецком языке встречаются с начала XV века, слово полностью укоренилось в языке в XVI веке [DWDS: /F]. Таким образом, мы видим, что источники происхождения слова *семья* в русском и немецком языках разные, но по смыслу очень близкие.

В «Толковом словаре» Ожегова дефиниция *семья* имеет три основных значения: 1. Группа живущих вместе близких родственников. 2. перен. Объединение людей, сплоченных общими интересами. 3. Группа животных, птиц, обособленная группа животных, птиц растений, языков [Ожегов 1987: /С]. Примерно такое же толкование *семьи* даёт «Современный толковый словарь русского языка» под редакцией Т.Ф. Ефремовой, выделяя ещё в переносном значении как «род», «поколение» [Ефремова 2006]. В толковом словаре Д. Н. Ушакова *семья* имеет два основных значения: 1. Группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и ближних родственников, живущих вместе. 2. перен. Организация, группа людей, дружная и сплоченная общими интересами [Ушаков 1986: /С].

«Большой Энциклопедический словарь» определяет *семью* как основанное на браке или кровно-родственных отношениях объединение людей, связанное хозяйственно-бытовой общностью и взаимной ответственностью. В современных условиях наиболее распространенной является нуклеарная семья, ядро которой составляют супружеская пара и их дети. [БЭС: /С]. Тип отношений в России между мужем и женой определяются как иерархические; доминирующую позицию занимает мужчина. Единственной лексической единицей в русском языке, предполагающей равноправие партнеров в браке, является супружество. Нуклеарная семья в русской лингвокультуре тесно вплетена в систему родственных отношений. В русском языке такие слова как *родные, близкие, домашние* употребляются всегда во множественном числе, в их семантической структуре присутствуют компоненты «совместное проживание» и «положительное

чувство». Семья как социальный феномен реализует свои основные функции через родственные отношения, брачные отношения, родительские отношения.

Словарь эпитетов даёт обширную палитру определения состава, степени состоятельности семьи, отношения членов семьи к работе, характера внутрисемейных отношений, отношения к окружающим, семейной морали [Словарь эпитетов: /С].

Согласно немецкому толковому словарю: Eine Familie ist soziologisch eine durch Partnerschaft, Heirat oder Abstammung begründete Lebensgemeinschaft, im westlichen Kulturkreis meist aus Eltern bzw. Erziehungsberechtigten und Kindern bestehend, gelegentlich durch weitere, mitunter auch im gleichen Haushalt wohnende, Verwandte erweitert. Die Familie ist demnach eine engere Verwandtschaftsgruppe 'Семьей с социологической точки зрения считается совместное проживание людей, основанное на партнерстве, браке или общности происхождения; в западных культурах семья состоит в основном из родителей или опекунов и детей, также и из родственников, ведущих совместное хозяйство. Таким образом, семья – это узкая группа, члены которой связаны родственными отношениями' [DWDS: /F].

Основными значениями семьи являются 1) в социологии: die kleinste Zelle der Gesellschaft, bestehend aus 'ячейка общества, состоящая из [a] Eltern und Kindern (Kernfamilie) 'родителей и детей (нуклеарная семья)' [b] Großeltern, deren Kindern und Enkeln бабушек и дедушек, их детей и внуков. 2) Klassifizierungskategorie nach bestimmten Kriterien in der [a] biologie, [b] sprachwissenschaft, [c] mengenlehre, [d] astronomie 'классификационные категории по определенным критериям в а) биологии, б) языкознании, в) теории множеств г) в астрономии' [Wikipedia: /F].

Синонимами Familie / Семья являются: 1a) Kernfamilie 'нуклеарная семья'; 1b) abwertend, salopp: Mischpoke 'сниж. родня, родичи'. [2] Abart, Art, Bereich, Departement, Dialekt, Fach, Gattung, Genus, Geschlecht, Gruppe, Kategorie, Linie, Rasse, Reihe,

Rubrik, Schlag 'разновидность, вид, сфера, отдел, диалект, предмет, порода, род, пол, группа, категория, линия, раса, ряд, рубрика, тип' [Wikipedia: /F].

Антонимами Familie являются: 1) Single, Junggeselle 'одинокый, одинокая, холостяк'. Семья в широком (родовом) понятии: 1) soziologische Einheit, Gemeinschaft 'социологическая единица, общность'; Klassifikation 'классификация'; Ordnung, Klasse, Stamm/Abteilung, Reich, Domäne 'отряд, класс, отдел, царство, область' [Wikipedia: /F].

Подчиненными понятиями Familie служат: [1] Arbeiterfamilie, Artistenfamilie, Arztfamilie Unternehmerfamilie, Völkerfamilie, Wirtsfamilie, Zirkusfamilie 'рабочая семья, творческая семья, семья врачей, семья предпринимателя, семья народов, семья хозяина, семья циркачей'; 2) Produktfamilie, Sprachfamilie, Wortfamilie 'ассортиментный набор, языковая семья, гнездо слов' 2a) Gattung, Sektion, Art 'порода, секция, вид' [Wikipedia: /F].

Немецкие семейные традиции проявляются в таком словосочетании: Sonntags sitzt die ganze Familie bei Tisch und ist gemeinsam 'по воскресеньям вся семья собирается за столом и обедает вместе'. Часто встречающиеся в немецком языке выражения: heilige Familie, aus guter Familie, in der Familie bleiben, in der Familie liegen 'святое семейство, из хорошей семьи, передаваться по наследству'; словосочетания: eine Familie ernähren, gründen, die Familie verlassen „denk an deine Familie!“ 'кормить семью, завести семью, уходить из семьи, «Подумай о своей семье!»' [Wikipedia: /F].

Таким образом, семантический анализ лексического материала позволяет описать понятийную составляющую ОЦ семья. К её универсальным характеристикам можно отнести сходный состав ядра поля, выделение эквивалентов в сопоставляемых языках для всех частей речи. Лексема семья представлена в виде трёх перекрещивающихся семантических полей. В семантическое поле родственные отношения, раскрывающее содержание и определяющее виды отно-

шений родства, входят: «дальнее родство / ближнее родство», «кровное родство / некровное родство». Семантическое поле брачные отношения включает: «брак», «женых / невеста», «муж / жена»; Семантическое поле родительские отношения: «родители / дети», «мать / отец», «другие члены семьи».

Национально-специфические черты ОЦ семья определяются влиянием этнокультурных характеристик самих социумов: разница в количественном составе исследуемых семантических полей, дробность приядерной и периферийной зон в русском и немецком языках. В целом, многочисленные варианты языковой репрезентации ОЦ семья, разработанность и активность лексики свидетельствуют о значимости данной универсалии в русском и немецком языковом сознании.

Далее рассмотрим данные результатов ассоциативных экспериментов и психолингвистических экспериментальных процедур, которые позволяют выявить психолингвистическое значение ОЦ семья в языковом сознании носителей языков, которое, как правило, существенно отличается по объему и структуре от его лексикографических описаний [Стернин 2010].

Анализируя данные «Русского сопоставительного ассоциативного словаря» (РСпАС), мы можем сравнить полученные реакции на слово-стимул семья в «Русском ассоциативном словаре» (РАС) и «Славянском ассоциативном словаре» (САС). В «Словаре ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ) под ред. А.А. Леонтьева ценность семья как слово-стимул не представлена. В РАС стимул семья был предложен 631 испытуемому, в САС – 593. Количество разных реакций, полученных на данный стимул, соответственно 198 для РАС и 171 для САС. Единичных реакций, то есть ответов, данных только одним из респондентов или с частотой 1, для РАС было 138, 115 для САС. Ассоциация ценности семья в РАС как большая занимает первую позицию, имеет частоту 82, что составляет 13,0% от всех ответов. В САС семья как моя

имеет частоту 57 (9,61%) [Черкасова 2008]. Слова-реакции *дружная*, *счастливая*, *крепкая* – это стереотипные комплиментарные определения, образующие устойчивые словосочетания со словом *семья*. Примечательно то, что в обоих случаях на слово-стимул *семья* на четвертой позиции ответов респондентов находится реакция *дом*. Проанализировав ответы-реакции на слово-стимул *семья* в ассоциативных словарях, можно разделить их по следующим критериям:

- по критерию членства в семье – «мама», «ребенок», «родители», «родня», «жена», «и дети», «мать», «член», «отец», «муж», «сын», «родственница»;
- по критерию величины – «большая», «маленькая», «многодетная»;
- по критерию полноты – «неполная», «полноценная», «куча народу»;
- по критерию сплоченности – «идеальная», «гармония», «крепкая», «единая», «прочная», «приличная», «раздор», «скандал», «распалась», «развод», «вместе»;
- по критерию переживаемых чувств и эмоций – «любовь», «веселая», «радость», «счастье», «тепло», «родная», «хорошая», «плохая»;
- по критерию материального обеспечения – «обеспеченная», «голодная»;
- по критерию синонимичности – «узы», «брак», «семейка», «дом», «опора», «ячейка общества», «наша жизнь», «половина», «совет», «мы», «очаг»;
- по критерию длительности совместного проживания супругов – «молодая»;
- по критерию основы семейных отношений в обществе – «традиция», «ячейка», «общество»;
- по наименованию семьи – «друга», «художника», «человека», «Ивановых».

Реакции «не моя», «не хочу», «неблагополучная», «ненавижу», «непонимание», «несчастливая», «нет», хотя и являются единичными, свидетельствуют о существующих сложностях в семейных отношениях

На основе анализа дендрограммы, построенной на основании психосемантического эксперимента, В.П. Синячкин делает вывод, что ОЦ *семья* в сознании современ-

ных русских непосредственно связана с ОЦ «комфорт», «любовь», «удовольствие», «творчество», и опосредованно с ОЦ «образование», «наука», «развитие», «прогресс» [Синячкин 2010: 19].

Проанализируем ОЦ *семья* на основе данных русско-немецкого ассоциативного словаря «Ассоциативные нормы русского и немецкого языка», для которого был выделен список 112 стимулов из САС и для которого проведен в 2002-2003 гг. сбор материала эксперимента среди школьников старших классов и студентов высших учебных заведений Германии в возрасте от 17 до 22 лет. Из 450 немецких респондентов было получено 149 различных реакций на слово-символ *Familie*, из них 149 – разных, 100 реакций были единичными. Приведем наиболее устойчивые реакции немецких испытуемых на слово-символ *Familie/ Семья* и проанализируем результаты исследования: *Geborgenheit*, *Liebe*, *wichtig*, *Eltern*, *Zusammenhalt*, *Zuflucht*, *groß*, *Kinder*, *zusammen*, *Gemeinschaft*, *Mutter*, *Verwandtschaft*, *Glück*, *Heimat*, *Heim*, *Freunde*, *Halt (der)*, *Verwandte*, *Wärme (die)*, *Freude*, *Streit*, *geborgen*, *Haus*, *zu hause*, *zusammen sein* ‘защищенность, любовь, важный, родители, тесная связь, убежище, большой, дети, вместе, общность, мать, родство, счастье, родина, домашний очаг, друзья, поддержка, родные, теплота, радость, ссора, защищенный, дом, дома, быть вместе’. Таким образом, на первом месте на символ *Familie /Семья* 14,67% с частотой 66 стоит реакция *Geborgenheit* ‘защищенность’, которую дали 14,67% немецких испытуемых. Если к этому прибавить сходные реакции *Zuflucht* ‘убежище’ (частота 16), *geborgen* ‘защищенный’ (частота 4), *beschützen* ‘защищать’, *Schutz (ein, der)* ‘защита’, *Sicherheit* ‘безопасность’ (частота 2), то становится очевидным, что ОЦ *семья* в немецком языковом сознании в первую очередь ассоциируется с защищенностью и безопасностью (28,44% от всех реакций) [Уфимцева 2004]. Разные реакции у немецких респондентов на слово-символ *Familie / Семья* составили 33,11%, а единичные

– 22,22%, среди них: adoptiert, Ahnen, Album, alle zusammen, allein, am wichtigsten, andere, angenehm, Beet (das)... grg... Wochenendausflug, Wohlbefinden, zersplittert, zerstört, Zwang 'усыновлять, предки, альбом, все вместе, один, самое важное, другие, приятный, молитва... бпр... поездка на выходные, хорошее самочувствие, развалившийся, разрушенный, принуждение' [Там же].

Таким образом, проведённый анализ реакций на слово-символ *Familie / Семья* из «Русского ассоциативного словаря», «Славянского ассоциативного словаря», «Русского сопоставительного ассоциативного словаря» и словаря «Ассоциативные нормы русского и немецкого языка» даёт возможность предположить, что ОЦ *семья* в русском и немецком языковом сознании актуализирует их национальную специфику и содержит дифференциальные, идиоэтнические признаки, по которым они отличаются количественно и качественно.

Основные теоретические дискуссии за послевоенное время относительно изменения общественных ценностей в развитых индустриальных странах ведутся вокруг теории Р. Ингельгарда, в соответствии с которой достигнутый уровень развития западного общества позволил создать такие условия для удовлетворения первичных базовых материальных потребностей, которые объективно приводят к формированию принципиально новой системы постматериалистических ценностей, отражающей более высокий уровень социальных запросов, касающийся повышения качества жизни, создания условий для самовыражения личности и ее более активного участия в общественной жизни. Степень удовлетворенности жизнью во многом влияет на формирование всей системы социальных ценностей, в том числе и на ОЦ *семья* [Лапин 2006]. Чтобы наглядно показать трансформацию социальных ценностей российской молодёжи в современных условиях, проанализируем результаты исследований, которые были проведены с разницей в 10 лет. Опрос студентов, проведённый в ноябре

1995 году в рамках совместного российско-немецкого учебно-научного проекта «Студент и политика» в г. Санкт-Петербурге и среди немецких студентов Билефельдского университета осенью 1994 года показал, что более 80,6 % студентов в России на первое место ставили стремление к материальному благам и самореализации (для сравнения в Германии – 37%) [Социология молодежи. СПб: 154-156]. Важность семьи для российской молодежи в сер. 1990-х гг. по сравнению с немецкой была оценена в 4,06 балла по пятибалльной шкале, а у немецкой молодёжи – в 3,3 балла, что свидетельствует об уменьшении роли института семьи в современном западном обществе. В условиях трансформации российского общества в семье как саморазвивающейся системе происходит изменение её функций, структуры, ролевого поведения членов семьи. Семейная среда стала рассматриваться не только как важнейшее условие формирования личности, но и в качестве защитной функции, снятия психологических стрессов, нервного напряжения человека (концепция семьи как «психологического убежища») [БЭС:/ С]. Согласно И. Г. Дубову, семья для подавляющего большинства респондентов (61 %), которые в материальном отношении живут, по их мнению, «трудно», является важным условием выживания [Дубов 2003]. По результатам общероссийского опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» в феврале-марте 2009 г., семью назвали самой важной ценностью уже почти две трети (62%) участников общероссийского опроса. Новое поколение 2000-х гг. стало более восприимчиво к традиционным, в том числе и семейным ценностям; главной ценностью для них становится семья, а не материальные ценности.

Остановимся более подробно на анализе данных исследования взаимосвязи базовых ценностей, которое проводилось в 2001 году в Томской области в рамках проекта «Томская инициатива» методом формализованного интервью с 1566 совершеннолетними жителями региона и было квотировано по полу, возрасту, образова-

нию.. Каждый такой «замер» социальных отношений отражает вектор общественных изменений и влияет на базовые ценности современных россиян [Дубов 2003: 208]. Ценностный профиль респондентов, полученный на основе линейного распределения, свидетельствует о ярко выраженной семейно-приватной ориентации. *Семья* (51% ответов) с большим отрывом от остальных ценностей, считающихся важными «для себя», занимает вторую позицию, уступив лишь ОЦ *здоровье* (65% ответов) [Дубов 2003: 211]. А вот среди ценностей, считающихся важными «для страны», ценность *семья* получила всего 7, 2% ответов [Дубов 2003: 335]. Для того чтобы, эмпирически зафиксировать и описать процессы социализации личности, «Томская инициатива» предприняла попытку вычленивать группы респондентов на основе преобладания активных или пассивных форм их жизнедеятельности. 61,1% респондентов активной группы, 48,3% пассивной группы выбрали ценность *семья*. При рассмотрении иерархии базовых жизненных ценностей у носителей различных ментальных типов обнаружено, что так называемые «анархисты», «либералы» отдадут значительное предпочтение ОЦ *семья*, а «традиционные консерваторы», «традиционалисты» и «нео-консерваторы» ОЦ *семья* фактически игнорируют [Дубов 2003: 66].

В условиях активизации взаимодействия между людьми совершенно разных ценностей, убеждений и верований и одновременно с этим учащающимися на почве культурных различий недоразумениями и конфликтами особую значимость приобретают сравнительные межкультурные исследования ценностей, использующие разнообразные методики. Многолетние исследования ценностей проводились Ф.Клакхоном и Ф.Стродтбеком, С.Моррисом, М.Рокичем, Р. Ингельхартом, Ш. Шварцем, М.Гудманом, В.А.Ядовым и мн. др. Но, как справедливо подчёркивает Т.В. Емельяненко, наиболее сложной является проблема выбора метода исследования ценностей представителей разных

культур, поиск оснований для сравнения и адекватная передача смысла. Так, по видимому, результаты, полученные на выборах студентов, не могут быть обобщены на всех представителей культуры из-за нерепрезентативности данных [Емельяненко 1977]. Для выявления общего и отличного ОЦ *семья* в русской и немецкой национальной культуре обратимся к результатам ведущего международного сравнительного проекта «Европейское социальное исследование» (ЕСС), который в 2006 году впервые был проведён и в России, носит мониторинговый характер и на сегодняшний день является наиболее авторитетным источником данных о динамике и векторах движения европейских обществ [Россия в Европе 2009]. Согласно антропосоциальному подходу, такой объект представляет собой взаимопроникающую связь культуры и социальности – социетальное целое как результат человеческой деятельности, взаимодействий между людьми. По мнению члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина символическое пространство духовной культуры, объективированное в ценностях и нормах поведения, не имеет физических границ; оно многослойно и включает несколько типов культур [Лапин 2006]. Анализируя комплексные данные ЕСС, попытаемся выявить сходство и отличие современных русских и немцев по комплексному набору социальных показателей, которые необходимы для раскрытия ОЦ *семья*. При этом необходимо учитывать, что Германия входит в первую группу стран, в которых ведущим стал постиндустриальный уклад, а Россия входит во вторую группу стран с преобладанием индустриального уклада. По 8 из 10 ценностных индексов Россия занимает крайние или близкие к краям позиции среди 20 европейских стран, Германия занимает не ниже среднего уровня [Европейское социальное исследование 2004: 66-68]. В сегодняшней России, как и в Германии, несмотря на то, что семья традиционно является объектом внимания всех религий, религиозность среди самых распространенных конфес-

сий не способствует укреплению семьи. Так, в России в официальном браке (45% – неверующих, 44% – верующих), в разводе – каждый десятый вне зависимости от степени религиозности и конфессиональной принадлежности. В гражданском браке состояли или состоят каждый четвертый православный и практически каждый 5-ый последователь ислама. Из 20 стран Россия оказалась единственной, где больше половины респондентов не имеют собственной полной семьи, основанной на фактическом браке, независимо от того, зарегистрирован ли он. Лишь у 40,9% россиянок есть мужья или партнеры. В Германии данный показатель составляет 58,4%. По показателю брачности Россия уступает Германии, а по доле когда-либо разведённых среди мужчин и женщин её опережает [Европейское социальное исследование 2004: 84].

В подтверждение положения о динамике базовых ценностей населения России сопоставим результаты всероссийского мониторинга «Ценности и интересы россиян», который с 1990 г. каждые четыре года осуществляет Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН, и материалы программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», также реализуемой по разработанной ЦИСИ методике. По мнению Н.И. Лапина, все ценности в определенной мере интегрируют и дифференцируют население страны. По данным пяти общероссийских мониторингов (1990, 1994, 1998, 2002, 2006 гг.) ОЦ *семья*, отнесённая к традиционному типу ценностей, вошла в верхний слой интегрирующего кластера [Лапин 2010: 29]. ОЦ *семья* по итогам проведённого исследования в 2006-2007 гг. по России и 8

её регионов в иерархии ценностей стала универсальной доминантой жизнеобеспечивающего кластера. Отсюда следует, что большинство российского населения придерживается ориентации на семью как один из смыслов жизни. Так, большинство населения Чувашской республики, где уже на протяжении 20 лет проводится грамотная семейная политика, напрямую связывает семью с благополучием [Лапин 2010: 33].

Таким образом, проанализировав ОЦ *семья* в русском и немецком языковом сознании и обобщая все вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

- ОЦ *семья* на уровне общественно-го и обыденного сознания представляет собой одну из самых важнейших культурных, ментальных, языковых пространственных констант в познании национального менталитета, аккумулирующую в себе важнейшие понятия материальной и духовной культуры нации. В русском и немецком языковом сознании ОЦ *семья* ассоциируется с *родственными, брачными, родительскими отношениями*.

- Слово *семья* активно используется в русском и немецком языках и имеет регулярную лексикализацию. Проведённое исследование свидетельствует о достаточной общности лексемы *семья* в русском и немецком языках, что, в частности, подтверждает статус концепта *семья* как общечеловеческой ценности.

- Несмотря на длительное существование, ОЦ *семья* окончательно не сформирована, изменения социально-экономических и культурных условий в условиях глобализации ведут к её трансформации, к возникновению новых средств вербализации.

- В русском и немецком языковом сознании просматривается тесная связь ОЦ *семья* с другими базовыми ценностями и, прежде всего, с ОЦ *дом*.

Литература

Дармодехин С.В. Семейная политика / С.В. Дармодехин // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энци. Словарь / Ред. кол.: Мчедлов М.П. и др. Авт. кол.: Андреев А.А. и др. – М., 2001. – 544 с.

Дубов И.Г. Анализ смыслового наполнения понятий, обозначающих ценности / И.Г. Дубов // Базовые ценности россиян: Социальные установки, жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. А.В. Рябов, Е.Ш. Курбангалеева. – М., 2003 – 448с.

Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований и ценностей / Т.В. Емельяненко // Социология. – М., 1977. – № 9. – С. 1 – 12.

Латин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования, 1996. – № 5 – С. 3–23.

Латин Н.И. Проблемы формирования современного социетального порядка в России // Вопросы философии, 2006. – № 11 – С. 3 – 13.

Любарт М.К. Семья во французском обществе XVIII-XX века. – М., 2005. – 296 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2007. – 226 с.

РАС: Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: около 7 000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.

Россия в Европе: по материалам международного социологического проекта «Европейское социальное исследование». Составление и общая редакция: А.В. Андреев и Л.А. Беляева. – М.: Academia, 2009. – 383 с.

Синячкин В.П. Психолингвистический и лингвокультурологический анализ общечеловеческих ценностей в русском языковом сознании. – М.: Российский университет дружбы народов, 2010. – 338 с.

Словарь ассоциативных норм русского языка (САНРЯ) / Под ред. А.А. Леонтьева, – М.: МГУ, 1977. – 192с.

Социология молодежи. – СПб, 1996. – С. 154 – 156.

Словарь синонимов русского языка. / Л.П. Алекторова, Л.А. Введенская, В.И. Зимин и др. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 333 с.

Стернин И.А. О новых возможностях лингвокогнитивного анализа (концептуальный анализ и описание психолингвистического значения слова) /И.А. Стернин // Лингвоконцептология и психолингвистика. – Воронеж, 2010. – Вып. 3. – С. 14–27.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е.Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – с. 24-32.

Уфимцева Н.В., Стернин И.А., Эккерт Х., Милехина В.И., Топорова В.М. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков. – М.-Воронеж: «Истоки», 2004. – 130 с.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Рус. яз. 4-е изд. стереотип. 1986. – 543 с.

Интернет-ресурсы

Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. – М.: ИЯз РАН, 2008. <http://www.philippovich.ru/projects/asis/rspas/zapusk.htm>

<http://www.dwds.de/?qu=haus>.

<http://www.wikipedia.org/wiki>.

БЭС:Большой Энциклопедический словарь. <http://www.slovopedia.com/6/209/771089.html>>СЕМЬЯ

Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте Россия и 25 стран Европы. Аналитический доклад 2008. <http://www.cessi.ru>.

Ефремова Т.А. Современный толковый словарь русского языка в 3 т. / под ред. Т. Ф. Ефремовой. – М.: Рус. яз., 2006. / С. <http://www.slovopedia.com/15/209/1583093.html>>СЕМЬЯ).

Крылов Г.А. Этимологический словарь русского языка. – М., 2009.

<http://www.ilikebooks.ru...yetimologicheskij-slovar-russkogo...>

Липин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и её регионов. <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-1/Lapin.pd>.

Российский Энциклопедический словарь (РЭС). Гл. редактор А.М. Прохоров. – М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия. 2001, с. 1415. <http://www.slovopedia.com/2/209/261087.html>>СЕМЬЯ

Словарь эпитетов

<http://www.slovopedia.com/24/209/1648428.html>>СЕМЬЯ

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. –М., 1986. / С. <http://www.slovopedia.com/22/209/1641587.html>>СЕМЬЯ

http://www.trud.ru/article...semja_dorozhe_deneg.html.

Симпозиум по китайской психолингвистике

16-18 декабря 2011 г. в Гуандонском университете иностранных языков и торговли (КНР) состоялся Симпозиум по китайской психолингвистике, посвященный созданию Всекитайского общества психолингвистов. Организатором Симпозиума выступил Центр зарубежной и прикладной лингвистики при Гуандонском университете иностранных языков и торговли. Тема симпозиума – «Психолингвистика в Китае».

16 декабря 2011г. был избран президент и члены правления Всекитайского общества психолингвистов, а 17 декабря состоялась торжественная церемония открытия Симпозиума, на которой психолог Чжоу Тинь ознакомила собравшихся с историей развития психолингвистики в Китае.

За 30 лет своего существования в Китае психолингвистика прошла три этапа. С 1981 г. по 1990 г. китайские ученые знакомились с зарубежной – в основном американской – психолингвистикой. С 1991 г. по 2000 г. китайские исследователи проводили психолингвистические эксперименты с носителями китайского языка; появились также монографии, ориентированные прежде всего на западную психолингвистическую теорию. В течение двадцати лет психолингвистические исследования в Китае возглавляли психологи, среди них – профессора Чжу Маншу, Зын Синьчжу, Пон Таньлень, Шухуа, Моли и др., работающие в педагогических университетах Китая. Широко известны также работы филолога и преподавателя английского языка Гуй Шычун.

С 2001 г. начинается третий этап развития психолингвистики в Китае. Появляются все новые монографии и статьи, растет число специалистов. Китайские русисты активно изучают теорию и методы российской психолингвистики, в частности проводятся сопоставительные исследования по результатам ассоциативных экспериментов.

I Симпозиум по китайской психолингвистике носил междисциплинарный характер. В его работе приняли участие ученые и аспиранты из 4 стран (всего 178 докладов), причем Китай был представлен 77 вузами и академиями. Среди участников симпозиума было 130 исследователей-филологов и аспирантов – в основном профессора и преподаватели английского языка, а также специалисты в области китайского языка, психологи, врачи.

За два дня работы Симпозиума было проведено 2 пленарных заседания, работало 28 секций и один круглый стол. Обсуждались актуальные проблемы психолингвистики: нейро-компьютерный механизм овладения лексикой китайскими детьми, развитие чтения на китайском языке у китайских детей, языковая активизация в переработке двуязычной лексики, организация и представление двуязычного ментального лексикона, экспериментальное исследование семантики и грамматики, психолингвистические аспекты перевода и метафоры, сопоставительное исследование языкового сознания китайцев и русских и т.д. Доклады вызвали огромный интерес слушателей и оживленную дискуссию. В завершении симпозиума был проведен расширенный круглый стол, посвященный проблемам психолингвистики в Китае. Обсуждались вопросы о границах психолингвистического и психологического исследования, об исследовательских задачах филологов и психологов, а также о достоинствах и недостатках традиционных и современных методов. В заключении президент общества психолингвистов Китая наметила задачи и перспективы психолингвистических исследований.

II Симпозиум по китайской психолингвистике состоится летом 2013 г. в Фузяньском педагогическом университете (КНР).

Чжао Цюе (КНР)

Чжао Цюе

**Исследование национально-культурной специфики эталона сравнения
в психолингвистическом аспекте
(на материале китайского и русского языков)**

В сообщении говорится о национально-культурной специфике эталона сравнения в психолингвистическом аспекте (на материале китайского и русского языков). Рассматриваются факторы, которые необходимо учитывать при обучении русскому языку китайской аудитории студентов-филологов.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, сравнение, эталон.

В наше время наблюдается переход от лингвистики «имманентной», структурной к антропологической, рассматривающей явления языка в тесной связи с культурной и духовно-практической деятельностью человека. Внимание ученых привлекают исследования национально-культурной специфики языкового сознания в психолингвистическом аспекте. В основе мироведения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем, поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено (если, конечно, эта обусловленность не преодолевается специально, но мы имеем здесь ввиду не научное, а обыденное сознание), и видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа [А.А. Леонтьев 1993: 20]. А.А. Леонтьев считает, что процесс обучения – это, в свою очередь, процесс формирования инвариантного образа мира – образа, социально и когнитивно адекватного реальностям этого мира. Образ мира, по мнению психологов [А.Н. Леонтьев 1983; Смирнов 1985], – это отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и подающееся сознательной рефлексии.

Очень показательны в этом отношении сравнительные устойчивые обороты.

Сравнительные устойчивые обороты исследуются довольно давно (см., например [Ройзензон 1968; Кунин 1967; Корнеев 1979]). По наблюдениям ученых, такие обороты показывают, с одной стороны, общие черты в характере жизни разных народов, а с другой – особенности быта, отражающиеся в образном мышлении данного коллектива. Так, признак «сладкий» выделяется при сопоставлении с денотатом «сахар» в русском, украинском, английском, монгольском, хинди и других языках. В то же время признак «тощий» соотносится со следующими денотатами: «тощий как скелет комара» (яп.), «тощий как высохшая цикада» (вьетнам.), «тощий как лестница» (туркм.), «тощий как бенберийский сыр» (англ.).

Поставив своей целью выявление национально-культурной специфики таких эталонов у носителей русского и китайского языков, мы провели ассоциативный эксперимент в китайской аудитории. Нас интересовали устойчивые сравнения китайского языка в их сопоставлении с адъективными устойчивыми сравнениями типа *прилагательное+как+существительное*. Испытуемые – шестнадцать студентов третьего курса факультета русского языка Ханойского педагогического университета. В качестве

¹ В скобках приводится количество реакций, соответствующих устойчивым сравнительным оборотам у носителей русского языка, что позволяет судить о частотности той или иной устойчивой фразеологической ассоциации.

экспериментального материала нами было выделено 26 компаративных фразеологических единиц (КФЕ) с союзом «как», взятых из русских источников [Даль 1959, 1998]. Для сопоставления выделено 26 адъективных КФЕ из китайских источников [Китайский фразеологический словарь 1981, 2010; Словарь сравнения 1986, 1988, 1992].

Устойчивые обороты русского и китайского языков были разделены на семь семантических групп в зависимости от того, какой признак положен в основу сопоставления. В ассоциативном эксперименте мы предложили испытуемым слова-стимулы русского языка, вызвавшие в качестве реакций устойчивые обороты-сравнения.

1. Сравнения, обозначающие физические характеристики человека.

а) нем как→рыба(5)¹, камень, дурак, гусь, пельмени в чайнике, утка (кит.). *Ср.* нем как рыба (руссск.)

б) глух как→смертный, дерево, утка, рыба (кит.). *Ср.* глух как тетерев, пень (руссск.)

в) худой как→нитка, спичка, обезьяна, палка, огурец, тень, кость (кит.). *Ср.* худой как→щепка (руссск.)

г) здоров как→бык (13), корова (кит.). *Ср.* здоров как бык (руссск.)

Среди сравнений этой семантической группы лишь одно свидетельствует об общности ассоциаций у носителей русского и китайского языков: *здоров как бык*. В остальных случаях один и тот же признак приписывается разным объектам.

2. Сравнения, отражающие физические характеристики предметов.

а) холодный как→лед (12), железо, ветряк (кит.). *Ср.* холодный как лед (руссск.)

б) острый как→нож, иголка, кинжал (кит.). *Ср.* острый как бритва (руссск.)

в) мягкий как→пух(1), перо, снег, вата, облако, хлопок (кит.). *Ср.* мягкий как пух (руссск.)

г) твердый как→камень(11), крепость, железо, сталь (кит.). *Ср.* твердый как камень (руссск.)

Эта группа имеет больше соответ-

ствий в сравнениях обоих языков: *холодный как лед; твердый как камень*.

3. Сравнения, отражающие черты характера людей и их умственные способности.

а) глуп как→осел (2), медведь, свинья, бык(кит.). *Ср.* глуп как сивый мерин (осел), пень (руссск.)

б) гордый как→орел, герой, тигр, лев, павлин, петух, бог (кит.). *Ср.* гордый как орел (руссск.)

Для этой группы в обоих языках характерно то, что денотатом является преимущественно животное, однако одно и то же качество в русском и китайском языках часто приписывается разным животным. То, что представители одной культуры подчеркивают одни свойства животных, а представители другой культуры — другие свойства, нередко объясняется «мифологическим контекстом» [Левицкий 1983].

4. Сравнения, характеризующие состояние духа, настроение людей.

а) зол как→черт (1), змея, зверь, волк (кит.). *Ср.* зол как черт (руссск.)

б) тихий как→вода, мертвый, девушка, гора, озеро, камень (кит.). *Ср.* тихий как мышь (руссск.)

в) беспомощен как→раненая птица, сирота, трава, ягненок, листья (кит.). *Ср.* беспомощен как ребенок (руссск.)

Интересно отметить, что в китайском языке эта группа сравнений довольно многочисленна, а в русском языке сравнений этой группы, построенных по данной модели, очень немного. В указанных источниках обнаружены лишь три такие группы.

5. Сравнения, обозначающие цвет, оттенки, интенсивность света.

а) черный как→уголь (10), ночь (2), земля (3), чернила (кит.). *Ср.* черный как сажа, вороново крыло, ворон, ночь, земля (руссск.)

б) белый как→молоко, снег (11), серебро, полотно, стена, бумага (кит.). *Ср.* белый как снег, лунь, плат, полотно, скатерть, стена (руссск.)

Эта группа представлена большим количеством параллельных фразеологизмов. Наличие общих для носителей двух языков

эталонов сравнения объясняется тем, что в этих языках имеет место почти одинаковое отражение общечеловеческой практики.

6. Сравнения, выражающие вкусовые характеристики веществ.

а) горький как→лекарство, желчь (кит.). Ср. горький как полынь (русс.).

б) сладкий как→мед, сахар (кит.). Ср. сладкий как мед (русс.).

В этой семантической группе сравнения параллельные: вкусовой признак в обоих языках приписывается схожим денотатам.

7. Сравнения, выражающие отношения между предметами.

а) сравнения, прямо передающие значения признака:

похожи как→две капли воды (б), руки, близнецы, братья (кит.). Ср. похожи как две капли воды (русс.).

б) сравнения, передающий смысл, обратный называемому признаку:

- похож как→небо на землю (кит.) (= не похож). Ср. похож как гвоздь на панихиду (русс.).

- нужен как→человеку хвост, змее нога, пощада в любом случае (кит.) (= не нужен). Ср. нужен как собаке пятая нога (русс.).

Таким образом, анализ адъективных КФЕ русского и китайского языков выявляет существенные различия в эталонах сравнения у носителей этих языков. Эти различия детерминированы различиями культур, образов мышления, наконец, различием языков. Так, китайские испытуемые не воспроизводят сравнения, соответствующие русским. Например, выражение «беден как церковная мышь» (русс.) не понимается китайскими испытуемыми: они дают следующие реакции: беден как→раб, нищий, голое дерево, ни одного гроша» (кит.).

Проведенный эксперимент позволяет сделать следующий вывод: в процессе обучения русскому языку китайской аудитории необходимо уделять внимание этнопсихолингвистическим параметрам, поскольку различные языковые явления в некоторых случаях объясняются особенностями культуры.

Таким образом, данные эксперимента позволяют утверждать о наличии в каждом языке определенной системы точек отсчета, через которые преломляется все дальнейшее формирование представлений у носителей соответствующих языков.

Литература

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык, 1998.
- Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993.
- Леонтьев, А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. – М., 1983.
- Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. – М.: Русские словари: АСТ Астрель, 2001.
- Сон Ёюнпы. Большой китайский словарь сравнения. – Изд-во Сычуан цышу, 1992.
- Хе Выйю. Китайско-фразеологический словарь. – Шанхай: Просвещение, 2010.

Памяти профессора
Константина Федоровича Седова

11 октября в Москве после тяжёлой болезни скончался доктор филологических наук, профессор Саратовского университета Константин Федорович Седов. 26 ноября ему бы исполнилось 57 лет. Он ушёл на взлёте своей яркой, целеустремленной и успешной научно-творческой работы, полный новых исследовательских замыслов и инициатив...

Константин Фёдорович родился в Ершове Саратовской области. В Балашове

окончил среднюю школу. Его несомненная гуманитарная одарённость проявилась ещё на студенческой скамье. В 1981 году Седов успешно завершил обучение на филологическом факультете Саратовского университета. Ему под силу было заниматься одновременно в двух спецсеминарах: литературоведческом и лингвистическом. В семинаре профессора В.В. Прозорова он написал и блестяще защитил дипломную работу на тему «Автор – герой – читатель

в структуре романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В спецсеминаре профессора Л.И. Баранниковой Константин Фёдорович с энтузиазмом работал над темой «Лингвистические взгляды М.М. Бахтина».

После университета три года Седов посвятил преподаванию русского языка и литературы в саратовской средней школе №1. По его собственному признанию, работа в школе повлияла на выбор предмета будущих научных занятий – речь и мышление детей школьного возраста.

С 1984 года Седов связывает свою судьбу с Саратовским пединститутом. Здесь начинаются его систематические занятия психолингвистикой, здесь защитил он свою кандидатскую диссертацию, здесь возглавлял кино клуб, здесь работал последовательно заведующим кафедрами дефектологии, теории речи и психологии, логопедии и психолингвистики.

Со времени интеграции пединститута в СГУ Седов по совместительству работает на университетской кафедре русского языка и речевой коммуникации. В пору интенсивной работы над докторской диссертацией «Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности» Константин Фёдорович сближается с выдающимися университетскими лингвистами профессорами Ильей Наумовичем Гореловым, Ольгой Борисовной Сиротининой, Марой Борисовной Борисовой. Их обаяние и авторитет во многом способствовали формированию личности Седова как неутомимого и талантливого ученого-педагога.

Поражает универсальность его научно-образовательных интересов. С не-

изменным успехом Седов читает лекционные курсы «История русской литературы XIX века (От Грибоедова до Чехова)», «Введение в нейролингвистику», «Психология речи», «Основы психолингвистики», «Теория речи», «Риторика», «Общая психология», «Возрастная психология», спецкурсы «Человек в повседневной коммуникации», «Поэтика повествования в художественной прозе», руководит работой аспирантов и соискателей, постоянно выступает на авторитетных международных и всероссийских конференциях и форумах, печатает свои широко признанные в гуманитарном мире труды, редактирует сборники статей, учебные пособия и монографии коллег по лингвистическому цеху.

Словно бы подводя итог своим самым значительным жизненным переживаниям, Константин Фёдорович писал о себе: «Наиболее ярким фрагментом моей жизни считаю детство до 13 лет. Каждый его день нёс открытия, светлые и незабываемые впечатления. Кроме этого, важнейшие события и эпизоды, отложившие отпечаток в душе: служба в рядах Краснознамённого Балтийского флота (1972 – 1975), женитьба (дважды имел возможность пережить это удовольствие – 1977 год и 1994 год), рождение сына (1978 год), издание первой книги («Основы психолингвистики» – 1997 год), возрастная депрессия (2004 год)».

Активно общительный, жизнелюбивый, ироничный, трогательно доброжелательный и нежный, настойчивый в желании докопаться до истины, инициативный, полный энергии полемического задора и научного созидания – таким останется Константин Фёдорович Седов в памяти всех, кому довелось его знать, кто уважал его и любил.

Филологи ИФиЖ СГУ

*К.Ф. Седов***ЯЗЫКОЗНАНИЕ. РЕЧЕВЕДЕНИЕ. ГЕНРИСТИКА.**Опубликовано в сб.: *Жанры речи.* – Саратов: «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык.

За последние три десятилетия облик науки, которую мы традиционно называем языкознанием, существенно изменился. И дело не в том, что в это время были сделаны какие-то существенные открытия, увеличивающие объем лингвистического знания. Изменились очертания границ лингвистики, представления о ее предмете, происходит ломка ее внутренних перегородок, перестройка всего ее старого и добротного здания. Первопричиной, толчком, который запустил процесс трансформации общего пространства науки о языке, стало смелое и энергичное вторжение некоторых ученых-языковедов в смежные области знания. Из науки кастовой, усилия которой были направлены на имманентное описание внутриязыковых отношений, лингвистика сейчас превращается в науку, которая все более решительно устремляется в жизнь, возвращая себе статус гуманитарной (от homo – человек) области знаний. В этом смысле сбываются пророчества Бодуэна де Куртене, предсказавшего, что со временем «языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией» [1963: 18].

Следствием этого стало появление у нас «новых» лингвистик (лингвистики речи, психо-, социо-, прагма-, онтолингвистики, лингвистики текста и т.д.), возрождение классической риторики и формирование на ее основе неориторики, практической области гуманитарного знания, призванной влиять на становление коммуникативной ком-

петенции индивида. Однако, как и прежде, все новые научные области, появившиеся на свет в последнее время, сторонниками традиционного языкознания квалифицируются как явления случайные, находящиеся на периферии ее пространства. Сама же лингвистика по-прежнему самоопределяется как «наука о естественном человеческом языке вообще и обо всех языках мира как индивидуальных его представителях» [Иванов 1990: 618].

В старые советские времена, в эпоху засилия только одного, лингвоцентрического, направления, бороться с теоретическим инакомыслием было легко, оперируя главным образом методами администрирования. Тогда любой новый подход можно было легко придушить, произнеся магическое заклятие «это – не лингвистика». Теперь же в атмосфере относительной теоретической свободы традиционалисты вынуждены терпеть на своей территории всевозможных вольнодумцев, открытия которых разрушают прочный каркас устоявшихся представлений о гуманитарном знании.

Пересмотр границ и основных категорий лингвистики не только необходим, но и неизбежен. Будет ли это сделано сейчас или чуть позже – это вопрос времени. В центробежных тенденциях, направленных на преодоление теоретического глобализма нашей науки, можно наметить два вектора. Во-первых, – это перемещение фокуса восприятия с языка как системного образования на индивидуального «человека говорящего» – личности, которая изучается в свете наиболее важных «человеческих» познавательных процессов – способности говорить и мыс-

лить, и вследствие этого, во-вторых, – переключение внимания на процесс и результат коммуникации.

В статьях и книгах по лингвистике все чаще звучит мысль о «человеческом факторе в языкознании», об антропоцентрическом полюсе в общем континууме науки о языке. В ядерной части этого научного направления располагается психолингвистика – молодая междисциплинарная область знаний, изучающая коммуникативную компетенцию человека в индивидуально-психологическом аспекте. Возникнув на магистральном направлении развития мировой гуманитарной мысли, стимулируемая практическими нуждами психологии, педагогики (включая сюда и методику преподавания родного и иностранного языков), речевого воздействия, медицины и т.п., психолингвистика за полувековую историю своего существования не только сумела «оттоптать» себе суверенное научное пространство, но год за годом настойчиво продолжает расширять пределы своей вотчины. Сейчас она все отчетливее осознает себя самостоятельной наукой, наукой со своим и только ей присущим предметом изучения, методами, кругом проблем и исследовательских задач, которые намечают границы, отделяющие ее от смежных сфер (подробнее см.: [Горелов Седов 2008; Седов 2007а; 2008а]). Достижения психолингвистики не просто расширяют границы языковедения, но и существенно меняют представления о его сути.

Вторая тенденция развития нашей науки привела к появлению коммуникативной лингвистики, лингвистики речи в ее многоликих формах, будь то лингвистическая прагматика, теория речевых актов, социолингвистика или лингвистика дискурса. Ее появлению на белый свет прежде всего способствовали успехи коллоквиалистики – науки о разговорной речи.

Отечественная коллоквиалистика возникла в недрах функциональной стилистики, которая до сих пор остается в рамках функциональной парадигмы традиционного языкознания и по-прежнему видит свой

предмет в «выразительных возможностях и средствах разных уровней языковой системы, их стилистических значениях и окрасках (иначе называемые коннотациями), а также закономерностях употребления языка в разных сферах и ситуациях общения» [Кожина и др. 2008: 28]. Феномен разговорной речи в нашей стране поначалу также исследовался с точки зрения языка. Это привело ученых академической школы к парадоксальному выводу о своего рода двуязычии в языковой ситуации в России. В серьезной монографии черным по белому было написано, что мы в повседневном общении используем два языка: разговорный и кодифицированный [Русская разговорная речь 1973]. Дальнейшее развитие науки о русской разговорной речи раздвинули границы отечественной стилистики, поставив перед ней проблемы лингвистики речи, что способствовало адаптации в отечественной науке многих импортных приобретений, и прежде всего – основных идей лингвистической прагматики, лингвистики текста и дискурса.

Другим фактором, стимулирующим интерес к законам и результатам коммуникации, стала попытка возрождения риторики, как практической системы формирования навыков эффективного общения. Обращение к классической традиции искусства красноречия привело к появлению новой отрасли коммуникативной лингвистики – теории речевого воздействия, или неориторики, которая стремится охватить практически все сферы социально значимого взаимодействия людей. Развитие основных проблем этой сферы языковедения, в свою очередь, привело к дифференциации риторики на общую и частные. Любая достаточно отчетливо выделяющаяся в этносе социальная область может породить одну из частных риторик. На сегодняшний день мы уже имеем гомилетуку, педагогическую (в рамках которой отдельно выделяется школьная риторика), деловую, юридическую, военную риторику; на стадии выделения риторики медицинская, политическая, рекламная, риторика средств массовой информации; все чаще высказываются мнения о существовании риторики

бытового общения и т.п. Как практическая дисциплина неориторика стремится использовать достижения разных наук, будь то психология общения, психо-, социо-, прагмалингвистика и т.п. (см., например: [Клюев 2002; Михальская 1996; Стернин 2001; Формановская 2007; Хорошая речь 2007]). Формирование системы частных риторик более всего нуждается в гибкой типологии коммуникативного континуума, которая способна отразить многообразие форм социального существования людей. Функциональная стилистика, предлагающая подразделять область литературного общения на публицистический, научный, официально-деловой, разговорный и художественный стили, решить поставленную проблему не в состоянии. Создание теоретической базы для создания практических моделей эффективной коммуникации в разных сферах общения – одна из насущных задач, которая сейчас выходит на первый план.

Достижения неолингвистики – лингвистики коммуникативной и антропоцентрической – очевидны. Однако наука наша по-прежнему самопрезентируется как языковедение, снисходительно рассматривая новые свои отрасли как маргинальные феномены. Понятно, что подобное представление не отражает существа дела и нуждается в пересмотре. Чтобы количество новых открытий перешло в качество – изменение основных ориентиров, категорий объекта, предмета, основных задач и т.п., – нужна дискуссия, диалог между учеными, работающими в разных отраслях языковедения. Но для этого необходимо понимание того, что делают «собратья по разуму» в иных целях и на иных площадках. Когда-то в своей знаменитой статье о филологии С.С. Аверинцев в качестве основного пафоса гуманитарного знания указал на понимание. «Как служба понимания, – писал ученый, – Филология помогает выполнению одной из главных человеческих задач – понять другого человека (и другую культуру, другую эпоху), не превращая его ни в исчислимую вещь, ни в отражение собственных эмоций» [Аверинцев 1987: 468]. Понимание, как счи-

тают современные психолингвисты, – это не пассивное запоминание, а встречная мыслительная активность, противопоставленная интенции собеседника. Это действие, на результат которого оказывает влияние весь предшествующий опыт человека, установка, определяющая стремление встать на точку зрения партнера коммуникации.

Идея тотального понимания как главной миссии гуманитарного знания в нашей науке все чаще подменяется идеей толерантности – терпимости к чужой точке зрения. Но без активного противопоставления своей правды правде другого, без стремления посмотреть на мир глазами собеседника толерантность порождает равнодушие, где законы приличия предполагают вместо понимания терпеливое и вежливое переживание, «когда закончит говорить оппонент». Толерантность подобного толка ведет к полнейшей центрации, научному эгоцентризму, когда ученые разного уровня, подобно гоголевской Коробочке, простодушно исключают из своего кругозора достижения ученых из соседних научных пространств. Все это создает парадоксальную ситуацию, где научный диалог превращается в полифонию, где различные голоса существуют независимо друг от друга. На место горячих споров, конфликтных (в хорошем смысле этого слова) дискуссий пришла вялотекущая толерантность, где за плохо скрываемым неприятием чужого мнения просвечивает неприязнь к новым подходам и страх перед свежими идеями. В основе этого часто лежит теоретический комплекс неполноценности, который в психоанализе называется комплексом «Лисы в винограднике», когда уозость собственного научного мышления оправдывается демонстрацией мнимой слабости позиции собеседника.

Первый шаг на пути создания жизнеспособной модели науки о языке (а точнее – о коммуникации), с нашей точки зрения, состоит в провозглашении теоретического антиглобализма в качестве основного принципа сосуществования. Иными словами, необходимо уравнивать в правах старые и новые, большие и малые отрасли языкознания. Для

последующего объединения территорий разных его областей нужно провести четкие границы. Чтобы объединиться, сначала нужно размежеваться. Трезвый же взгляд на современную отечественную лингвистику позволяет увидеть в ее пространстве четыре самостоятельные области, которые можно с определенной долей допущения квалифицировать в качестве самостоятельных гуманитарных наук. Основным критерием, позволяющим выделять подобные сферы, служит притяжение к иной научной стихии, влияние другой, соседней с лингвистикой науки.

Изобразим намеченную модель современной лингвистики в виде схемы:

Лингвистика			
Лингвистика языка	Лингвистика речи	Психолингвистика	Лингво-поэтика

Прежде всего, здесь нужно признать суровые очертания традиционной области **дескриптивного изучения языков**. Она наиболее удалена от гуманитарной идеи филологии и тяготеет к точным наукам (математике и семиотике). Это направление (назовем его лингвистикой языка) имеет солидную традицию и восходит к штудиям, которые были посвящены описанию мертвых языков. Как совершенно справедливо писал еще в конце 20-х годов прошлого столетия М.М. Бахтин, «в основе тех лингвистических методов мышления, которые приводят к созданию языка как системы нормативно тождественных форм, лежит практическая и теоретическая установка на изучение мертвых чужих языков, сохранившихся в письменных памятниках».

Нужно со всею настойчивостью подчеркнуть, что эта филологическая установка в значительной степени определила все лингвистическое мышление европейского мира. Над трупами письменных языков сложилось и созрело это мышление; в процессе оживления этих трупов были выработаны почти все основные категории, основные

подходы и навыки этого мышления» [Бахтин 2004: 89].

Другая сфера лингвистики – **лингвистическая поэтика** – область гуманитарного знания, исследующая закономерности построения художественных текстов. Эта сфера языкознания граничит с литературоведением, а вместе они соседствуют с философской эстетикой, и именно поэтому ее все чаще называют эстетикой словесного творчества.

Нас в большей степени будут интересовать новые молодые ветви отечественного древа гуманитарного знания, к числу которых нужно отнести психолингвистику (с примыкающей к ней когнитологией) и лингвистику коммуникативную, или лингвистику речи.

Как уже было сказано, **психолингвистика** – научная область, которая тяготеет к психологии и изучает коммуникативную компетенцию в индивидуально-психологическом аспекте. Несмотря на свою молодость, эта научная сфера имеет достаточно внятно определенный предмет; она оперирует категориями (языковое сознание, речевое мышление, речевая деятельность, речевое поведение и т.п.), которые отличают ее от других смежных областей. Было бы безответственным утверждать, что к нынешнему моменту облик отечественной психолингвистики имеет четкие контуры внешнего и внутреннего разграничения, что окончательно разработан и упорядочен ее категориальный и терминологический аппарат и мн. др. Но в то же время не следует преувеличивать степени их аморфности и релятивизма. Более того, наличие разных точек зрения, противоречий и т.п. создает особую романтическую атмосферу, когда глянец блеск устоявшихся истин еще не способен затмить яркого света новых научных идей. На фоне таких «пожилых» наук, какими выглядят языкознание и психология, психолингвистика смотрится юным растущим созданием, черпающим энергию для своего развития из противоборств и столкновений различных концепций.

В одной из своих публикаций мы подробно рассмотрели теоретическую модель современной российской психолингвистики (см.: [Седов 2007a]). В дальнейших своих рассуждениях обратимся к четвертой составляющей современной лингвистики – лингвистике коммуникативной.

Коммуникативная лингвистика, или лингвистика речи, – направление, которое включает в себя отрасли гуманитарного знания, исследующие внешние процессы и продукты коммуникации. Сюда нужно отнести лингвистическую прагматику, социолингвистику, теорию речевого воздействия (неориторику), генристику и мн. др.

На сегодняшний день эта отрасль языкознания выглядит наименее упорядоченной в смысле четкости определения ее границ, предмета, задач, методов, основных категорий и т.п. Отчасти это связано с тем, что в ее пространстве плохо уживаются отпрыски разных научных корней: с одной стороны, – это ветви таких импортных экзотических растений, как прагмалингвистика, теория речевых актов, социолингвистика, а с другой – отростки от мощной корневой системы отечественной науки.

Из многих подходов к построению модели коммуникативной лингвистики нам ближе всего концепция речеведения, разработка которой ведется в последнее десятилетие (см.: [Кожина 1998; Мишланов 1999; Формановская 2007]). Наиболее системно и непротиворечиво она представлена в интересных и содержательных работах Т.В. Шмелевой [1997; 1999; 2000; 2004]. Скажем сразу, что не все суждения ученого представляются нам одинаково продуктивными и справедливыми. В своих собственных построениях мы пытаемся полемически развить мысли автора, высказанные главным образом в небольших по объему статьях, где не всегда есть возможность детальной аргументации.

Обозначим свое первое несогласие с определением Шмелевой статуса психолингвистики: она явно недооценивает масштабы достижений этой области филологии. Подобное отношение есть проявление неко-

торой толики научной центрации, о которой мы писали выше: психолингвистика, как и психология, просто не входят в исследовательский кругозор Татьяны Викторовны. Понятно, что свое различие языковедение / речеведение она возводит к дихотомии Ф. де Соссюра [1977]. Однако уже Соссюр пытался преодолеть ограниченность бинарной оппозиции, развернуть ее до тетрарной: кроме категорий *langue* (язык) и *parole* (речь) швейцарский лингвист в качестве предмета исследования называл *faculté du langage* (речевую способность индивида), т.е. как раз то, что составляет предмет психолингвистики. Позже о «тройном аспекте языковых явлений» писал и Л.В. Щерба [1974], который предвидел вектор будущего развития отечественной лингвистики: именно такое представление об общем континууме лингвистики легло в основу концепции теории речевой деятельности А.А. Леонтьева – первого варианта отечественной психолингвистики (см.: [Леонтьев 1969]).

Психолингвистика ни по своим задачам, ни по предмету исследования никак не может быть частью речеведения. Это самостоятельная наука, составляющая отдельное княжество в диффузном пространстве пограничных владений лингвистики и психологии. См. об этом в: [Седов 2007a]; в своих последующих публикациях мы представим читателю более подробную аргументацию этого утверждения.

Возвратимся к речеведению. Удачен выбор термина: во-первых, он однословен, что дает возможность для создания производных – речевед, речеведческий и т.п. Во-вторых, он более других отвечает сути дела: именно речь – предмет, объединяющий разных исследователей в единое научное направление. Речь – понятие, которое диалектически сочетает в себе процесс коммуникации и результат этого процесса, т.е. речевые произведения в их когнитивном и коммуникативном своеобразии. В-третьих, само это слово русское (не заимствованное), что ориентирует на нашу отечественную традицию, или, как пишет Т.В. Шмелева, «использование внутренних ресурсов».

В российской науке эта традиция начала складываться еще на рубеже 19 и 20-го веков фундаментальными трудами И.А. Бодуэна де Куртене и продолжалась в исследованиях ученых первой половины 20-го века: работами М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, В.М. Жирмунского, Б.А. Ларина, Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского и мн. др. Однако причудливые зигзаги развития гуманитарной мысли в нашей стране, где не последнюю роль играло вмешательство сил далеких от науки, привело к тому, что традиция эта на время пресеклась. В результате подобного вмешательства в языкознании произошло воцарение лингвоцентрического (системоцентрического) направления, во главу угла ставившего изучение языка как имманентной структуры. И вот сейчас – самое время обратиться к животворным истокам нашей отечественной науки.

Прежде всего это относится к научному наследию Михаила Михайловича Бахтина, имя которого сейчас становится своего рода знаменем отечественной неолингвистики. Одной из многочисленных заслуг Т.В. Шмелевой стало то, что она одной из первых обратилась к трудам Бахтина и, прежде всего, к его знаменитой сейчас незавершенной статье о речевых жанрах [Бахтин 1996]. Энергия мысли, запечатленная в этой статье, оказалась настолько зиждательной, что она смогла породить в нашей стране целое научное направление, именуемое чаще жанроведением или генристикой (подробнее см.: [Антология речевых жанров 2007; Жанры речи 1-5, 1997-2007]).

Подчеркнем еще раз, категория «речевой жанр» – ключевая в построении модели речеведения. Кроме нее, Т.В. Шмелева намечает следующий набор характеристик речи: *сфера, фактура, поведение, роль, речевые стратегии и тактики*. Мы полностью разделяем справедливость и продуктивность приведенного набора: именно он создает специфическую речеведческую парадигму изучения речевого континуума.

Прежде чем мы рассмотрим эти категории более подробно, выскажем еще одно

полемическое дополнение к концепции Т.В. Шмелевой. Оно касается толкования базового для речеведения термина «речь» и принципов речевой системности. Разрабатывая систему категорий речеведения, намечая ее основные задачи, очерчивая границы ее влияния, Татьяна Викторовна никак не может оторваться от традиционного лингвоцентрического ракурса рассмотрения нетрадиционных предметов. «Если язык, – пишет Шмелева, – это, как всем известно, средство, инструмент общения, то речь – это и есть языковое общение, или механизмы, принципы пользования этим инструментом» [1999: 5]. Приведенное суждение не отличается большой оригинальностью: откройте любую популярную книжку по языкознанию – и вы встретите что-то подобное. Однако оно не годится для выстраивания концепции речеведения: такая теоретическая установка подрезает крылышки, держит исследователя на коротком приводе старого лингвоцентрического подхода, в основе которого заповедь – «язык и ничего, кроме языка; а все остальное – от лукавого». И не в том беда, что остракизму подвергаются все «неязыковые» составляющие общения (невербальные компоненты), роль которых в успешности коммуникации сопоставима с ролью языковых элементов. Беда – в нежелании выйти за пределы привычного круга категорий в соседние научные пространства.

Преодоление основного противоречия концепции Т.В. Шмелевой и, что гораздо важнее, – значительный шаг вперед к построению методологии речеведения видится нам в обращении к трудам все того же Михаила Михайловича Бахтина, к его лингвистической философии, которую он называл «социологическим методом в науке о языке». «Речевое сознание говорящих, – пишет Бахтин, – в сущности, с формой языка как такой и с языком как таким вообще не имеет дела. В самом деле, языковая форма, данная говорящему <...> лишь в контексте определенных высказываний, дана, следовательно, лишь в определенном идеологическом контексте. Мы, в действительности, никогда не произносим слова и не слышим слова, а

слышим истину или ложь, доброе или злое, важное или неважное, приятное или неприятное и т.д.» [Бахтин 2004: 88].

Иными словами, для продуктивного исследования речи – процесса и результата повседневной (в широком смысле этого слова) коммуникации – необходимо сменить точку зрения, танцевать, говоря фигурально, не от языка, а от социальной реальности, от закономерностей социального взаимодействия людей. И тогда сразу проявляют себя пограничные с речеведением науки, способные питать его энергией своих достижений – социология и социальная психология. Однако продолжим цитирование М.М. Бахтина.

«Организующий центр всякого высказывания, всякого выражения, – пишет наш великий соотечественник, – не внутри, а во-вне: в социальной среде, окружающей особь (Здесь и далее разрядка моя – К.С.) <...> Всякое высказывание, как бы оно ни было значительно и закончено само по себе, является лишь моментом непрерывного речевого общения (жизненного, литературного, познавательного, политического). Но это непрерывное речевое общение само, в свою очередь, является лишь моментом непрерывного всестороннего становления данного социального коллектива. Отсюда возникает важная проблема: изучение связи конкретного взаимодействия с внесловесной ситуацией, ближайшей, а через нее и более широкой. Формы этой связи различны, а в связи с той или иной формой различные моменты ситуации получают различное значение (так, различны эти связи с различными моментами ситуаций в художественном общении или общении научном). Никогда речевое общение не сможет быть понято и объяснено вне этой связи с конкретной ситуацией. Словесное общение неразрывно сплетено с общениями иных типов, вырастая на общей с ними почве производственного общения. Оторвать слово от этого вечно становящегося, единого общения, конечно, нельзя. В этой своей конкретной связи с ситуацией речевое общение всегда сопро-

вождается социальными актами неречевого характера (трудовыми актами, символическими актами ритуала, церемонии и пр.), являясь часто только их дополнением и неся лишь служебную роль» [Там же: 100-101].

В рамках подобных теоретических установок речь – это вовсе не то, «что мы делаем с языком» [Шмелева 1999: 5], а то, как мы общаемся друг с другом в ходе социально значимого взаимодействия. И первично здесь социальное бытие, а не язык с его жесткой структурой. А потому речевая системность есть отражение системности нашего социального существования. В каких же категориях можно измерять речь?

Конечно же, в категориях современной генристики, наиболее важной среди которых выступает **речевой жанр**, понимаемый как вербально-знаковое оформление типической ситуации социального взаимодействия людей. Главное, что подчеркивает данное определение, это первичность в предлагаемом подходе социально-психологического взаимодействия людей. Именно жанры речи – «приводные ремни от истории общества к истории языка» [Бахтин 1996: 165] – составляют тот промежуточный слой языкового сознания человека, в котором глубинные образно-когнитивные конструкты связаны с языковой репрезентацией накопленных знаний. К числу речевых жанров можно отнести *разговор по душам, болтовню, ссору, светскую беседу, застольную беседу, анекдот, флирт* и т.п. Речевой жанр – центральная единица предлагаемой нами типологии.

Мы совершенно не разделяем точку зрения таких ведущих жанроведов, как В.В. Дементьев и Т.В. Шмелева, о состоянии стагнации, которую якобы переживает современная отечественная генристика (см. [Дементьев, Фенина 2005: 6; Шмелева 2004: 30]). К началу нового столетия были высказаны, как нам представляется, не «программные идеи» теории речевых жанров (как пишет Т.В. Шмелева), а довольно поверхностные суждения «с позиции здравого смысла». Сейчас же построение прочного теоретического фундамента речеведения –

дискурсно-жанровой модели членения коммуникативного пространства – идет полным ходом. Напомним систему ее основных категорий.

Первая составляющая термина (*дискурсно-жанровой*) мотивирована активным вовлечением в перечень основных категорий речеведения категории «**дискурс**». В современной науке нет единства в толковании значения этого термина. Однако ныне в большинстве работ отечественных и зарубежных ученых (см.: [Арутюнова 1999; Карасик 2002; Макаров 2003; Седов 2008а; Шейгал 2000] и мн. др.) сложилась традиция, в рамках которой под словом **дискурс** понимается целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций. Мы не ставим своей задачей подробное реферирование и критический анализ всех накопившихся к настоящему времени точек зрения на рассматриваемый феномен. Расставим лишь некоторые акценты, необходимые для уточнения методологического фундамента речеведения. По нашему мнению, наиболее удобной рабочей дефиницией **дискурса** может быть определение с позиций феноменологического подхода. **Дискурс** – целостное знаковое построение (вербальное и невербальное), которое отражает и сопровождает процесс социального взаимодействия людей.

Подчеркнем интерактивную природу **дискурса**: он запечатлевает в себе взаимодействие, диалог (см.: [Макаров 2003]). В своей объективности **дискурс** напоминает многогранный кристалл, стороны которого способны отражать различные особенности этого взаимодействия: национально-этническую, социально-типическую (жанровую), прагмалингвистическую, формально-структурную и мн. др. Каждая из граней рассматриваемого феномена может стать основанием для выделения особого аспекта его рассмотрения, который, в свою очередь, способен сформировать самостоятельный раздел в общей теории речеведения.

Дискурс предстает как макроединица речевого континуума, отражающего речевое поведение носителей языка. При этом в качестве концептуальной базы формирования речеведения больше всего подходит социально-прагматический аспект теории **дискурса** (см.: [Карасик 2002; Олянич 2004; Шейгал 2000]). Такой «подход к **дискурсу** не противоречит структурно-стилистическому подходу, а переакцентирует внимание исследователей: в соответствии с основной задачей прагмалингвистики в центре внимания оказывается речевое действие, участниками которого выступают определенные типы языковых личностей, действующие в рамках определенных обстоятельств и условий общения» [Карасик 2002: 27.]. Социально-прагматическая концепция **дискурса** опирается на типологию сфер общения и коммуникативных ситуаций, которая строится на основе противопоставления личностно-ориентированного (персонального) / статусно-ориентированно (институционального) типов **дискурсов**. Каждая разновидность **дискурса** нуждается в более детальном членении, сочетающем в себе представления о специфике той или иной социальной сферы общения и индивидуальных особенностей языковых личностей, принимающих участие в интеракции. Возможность такой дифференциации дает система единиц генристики, где в качестве центральной категории, как уже было сказано, выступает категория «**речевой жанр**».

Для обозначения жанровых форм, представляющих собой одноактные высказывание, мы предлагаем термин **субжанр**. В конкретном внутрижанровом взаимодействии чаще всего выступают в виде **тактики**, основное предназначение которой – менять сюжетные повороты в развитии интеракции. Нужно особо отметить способность **субжанров** к мимикрии в зависимости от того, в состав какого жанра они входят. Так, *колкость* в *светской беседе* отлична от *колкости* в *семейной ссоре* и т.п. Логика подобной терминологической дифференциации жанровых форм подталкивает к выделению в общем пространстве жан-

ров бытового общения макрообразований, т.е. речевых форм, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров.

Такие образования мы предлагаем называть **гипержанрами**, или гипержанровыми формами. Так, например, можно выделить гипержанр *застолье*, в состав которого войдут такие жанры, как *тост*, *застольная беседа*, *рассказ* и т.п. Другая гипержанровая форма – *семейный гипержанр*; он включает в себя такие жанры, как *семейная беседа*, *ссора* и т.п. В рамках гипержанра *дружеское общение* можно выделить такие жанры, как *болтовня* и *разговор по душам* и т.д. Единый континуум повседневного общения представляет собой систему текучих, меняющихся во времени и в пространстве форм речевого поведения, которые способны мгновенно реагировать на любое изменение в структуре социального взаимодействия внутри того или иного этноса. Явления «житейской идеологии» (М.М. Бахтин), бытового социума, которые исчезают из жизни, заставляют отмирать или видоизменяться речевые жанры, отражающие эти типические социально-коммуникативные ситуации прошлого. Например, на периферию жанрового пространства уходит когда-то весьма актуальный гипержанр *общения на кухне* в коммунальной квартире; зато формируются новые жанры, связанные с новыми социально-типическими ситуациями, например: жанр *разборки при автомобильной микроаварии*, вызванной столкновением машин. Подобная текучесть, незавершенность норм внутрижанрового поведения позволяет выделить в рамках предлагаемой типологии переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве.

Такого рода жанровые образования мы предлагаем называть **жанроидами**. Так, можно, например, выделить жанроид, представляющий собой гибрид *болтовни* и *разговора по душам*, жанроид, сочетающий в себе элементы *ссоры* и *семейной беседы* (*конфликтная семейная беседа*) и т.п.

При том что жанр предписывает языковым личностям определенные нормы коммуникативного взаимодействия, каждое такое жанровое действие уникально по своим свойствам. Разные жанры дают участникам общения неодинаковый набор возможностей: так, одна степень языковой свободы – в *разговоре по душам* и совершенно другая – в *семейной ссоре*. Вариативность в выборе речевых средств выражения внутри жанра предопределяется стратегиями и тактиками речевого поведения. **Внутрижанровая тактика** – это речевой акт, обслуживающий транзакцию (в монологическом жанре это сверхфразовое единство, выступающее в роли минимальной текстовой единицы – микротекста), который обозначает сюжетный поворот в рамках внутрижанровой интеракции. В том случае, когда тактика существует в общении вне жанровой формы, она становится самостоятельным жанровым образованием – **субжанром**. Стратегии внутрижанрового поведения определяют общую тональность внутрижанрового общения. Они зависят от индивидуальных особенностей языковых личностей, вступающих в общение и влияют на тактические предпочтения говорящего.

Нужно сказать, что различные ситуации социального взаимодействия людей предоставляют говорящим разную степень стратегической и тактической свободы. Здесь прежде всего различаются письменные и устные жанры речи. Устный и письменный тексты находятся как бы на разном расстоянии от их создателя. Письменная речь вынуждена опираться на наиболее формальный, технический способ разворачивания мысли в слово, потому письменные жанры дают автору сообщения значительно меньшую свободу для языкового варьирования, нежели жанры речи устной, широко использующей преимущества и недостатки непосредственного общения. Так, в речевых жанрах *заявления*, *объяснительной записки*, даже письменного *научного отчета* значи-

тельно меньше проявляется индивидуальные стиль личности, чем, скажем, в жанре *светской беседы* или *публичной лекции*. Особенно стандартизированы жанры делового дискурса.

Сказанное позволяет противопоставить по степени вариативности (жанровой свободы) жанры официальной (публичной) / неофициальной (бытовой) речи. Можно, к примеру, говорить о разных стратегических возможностях у *научного доклада* или *интервью* и *болтовни* или *бытовой ссоры*. Разработка общей теории речевых жанров неизбежно сталкивается с целой серией вопросов о существовании и функционировании жанровых норм речевого поведения людей.

Жанровые нормы в меньшей степени подчиняются формализации, нежели ортологические нормы литературного языка. Как справедливо отмечает Е.Ф. Тарасов, поведение членов социума «определено социально-кодифицированными и некодифицированными нормами. Знание этих норм характеризует личность как общественное существо, и следование этим нормам составляет одну из существенных сторон бытия личности» [Тарасов 1974: 272]. Важнейшей характеристикой жанровой нормы и должно быть соответствие речевых форм социальной ситуации взаимодействия людей. Мера нормативности речевого поведения в разных жанрах зависит от степени жесткости, формализованности социальных отношений в разных сферах общения. К числу жестко нормативных можно отнести многочисленные ситуации делового, военного и т.п. институционального общения. Ненормативные ситуации социального взаимодействия индивидов (и прежде всего – многообразные ситуации повседневного бытового общения) предоставляют говорящему большую свободу в построении внутрижанровой интеракции. При этом категорию ненормативности следует понимать как относительную: разные ситуации устной коммуникации характеризуются неодинаковой степенью жесткости, и эта степень может расширять или сужать

меру вариативности в рамках нормативного речевого поведения. Здесь нужно иметь в виду только одну закономерность: чем больший спектр языковых возможностей предоставляет речевой жанр говорящему, тем больше языковая личность может проявить индивидуальные особенности в пределах нормативного речевого поведения. В рамках нежестких ситуаций речевого общения необходимо соблюдать общую тональность, задаваемую гипержанром, использовать разнообразные жанры речевого взаимодействия в рамках общего события, определяющего гипержанр, и наконец, гибко применять тактики внутрижанровой интеракции в ходе развития коммуникации. Результативное и эффективное разворачивание интеракции в типических ситуациях устного публичного официального общения предполагает использование многообразных тактик риторического общения (к их числу, например, можно отнести знаменитые топики красноречия).

Значительное теоретическое пространство речеведения располагается между проблемами «жанр и социальная группа» и «жанр и личность».

Первая из названных проблем чаще затрагивает область лингвокультурологии, определяющей круг задач генристики поисками **этнолингвистических** отличий в структуре и семантике одноименных жанров речи (см., например: [Дементьев Фенина 2005; Дементьев 2007а; 2007b; Ларина 2003; Седов 2006; Слышкин 2004]). В этой связи нам кажется чрезвычайно важной и продуктивной мысль о том, что разные культуры оказывают разные предпочтения разным жанрам, структурирующим коммуникативное пространство этноса. Как справедливо пишет В.В. Дементьев, существует «только один, действительно важный, признак, который может быть положен в основу лингвокультурологической / концептологической типологии РЖ: деление жанров и жанровых образований, используемых в коммуникативном пространстве внутри определенной речевой культуры, на поддерживаемые данной культурой и не поддерживаемые ею»

[Дементьев, Фенина 2005: 11].

Этнические отличия в построении внутрижанрового взаимодействия демонстрируют нейтральные жанры повседневного общения, которые в отечественной генрике часто называют терминами *болтовня* (*бытовой разговор*), *разговор по душам* и *светская беседа* (*светский разговор*). Все они выступают вариантами общего инварианта – жанра *разговор* – и могут различаться на основе эмоционально-концептуальных признаков (см.: [Седов 2006; Седов (в печати)]).

Эмоционально-концептуальные несоответствия жанровой лингвокультурной картины мира приводят к тому, что Г.Г. Слышкин предлагает называть концептуальным диссонансом. Именно этим объясняется то, что англичане считают русских или грубыми ((–) в жанре *бытовой разговор*), или навязчивыми ((–) в жанре *разговор по душам*); поляки приписывают нашим соотечественникам неумение строить «вежливое общение» и излишнюю откровенность ((–) в жанре *разговор по душам*); немцы считают нас излишне легкомысленными ((–) в жанре *бытовой разговор*). Соответственно, англичане кажутся нам отчужденными и фальшивыми, поляки – неискренними и хитроватыми, немцы – мнительными и ригидными. Определение своего/чужого по жанровому признаку можно назвать чувством жанровой идентичности.

Развивая мысль о воздействии социума на структуру жанра, мы приходим к выводу о том, что в рамках одного этноса разные социальные образования также способны поддерживать / не поддерживать разные речевые жанры или их варианты. Так, прежде всего необходимо поставить проблему территориальной и региональной жанровой идентичности языкового сознания. В докторской диссертации В.Е. Гольдина [1997] впервые была высказана мысль об отличии жанроворечевых картин мира села и города. Любой уроженец крупного областного центра испытывает некоторую неловкость в общении с деревенскими жителями. Автор этих строк был свидетелем коммуни-

кативного конфликта между студентками, проходившими под его руководством диалектологическую практику, и местными жителями небольшого села, причиной которого стало неумение городских девушек строить коммуникацию в соответствии с нормами сельского нейтрально-жанрового общения. Специфика жанрового мышления обитателей деревни относится к числу белых пятен речеведения. В еще большей степени это относится к жанровой картине небольших городков – районных центров, бывших уездных городов и т.п. – речежанровая идентичность которых определяет своеобразие языкового сознания их жителей.

Больше других социальных сфер, определяющих жанровую идентичность сознания, повезло в речеведении профессиональным большим и малым социальным группам. Основная заслуга здесь принадлежит Волгоградской школе дискурсивной лингвистики, известной у нас, как школа В.И. Карасика (см., например: [Жура 2008; Карасик 2002; Шейгал 2001] и др.). Довольно подробно изучены жанровые предпочтения политического, медицинского, педагогического дискурса. Другие профессиональные сферы ждут своих исследователей.

К числу неисследованных пространств речеведения относится и комплекс проблем онтогенеза жанрового мышления, жанровой компетенции. Во многих своих публикациях не раз мы ставили проблему изучения детского персонального дискурса, под которым мы понимаем коммуникативное пространство, отражающее каждодневное речевое поведение становящейся языковой личности. Формирование жанровой компетенции неизбежно оказывается в центре коммуникативной онтолингвистики. Если говорить об истоках жанрового мышления, то их следует искать уже в младенческом возрасте, в самом начале жизни человека. Здесь мы как бы сталкиваемся с парадоксом: жанровое мышление начинает формироваться значительно раньше первых вербальных проявлений, задолго до начала образования у ребенка языковой структуры. Повторяющиеся ситуации взаимодействия

ребенка с взрослыми уже закладывают протожанровую основу коммуникативной компетенции языковой личности, которая станет базой для формирования ее дискурсивного мышления. В ходе своего социального становления языковая личность «врастает» в систему жанровых норм. В свою очередь эта система «врастает» в сознание говорящего индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной компетенции, влияя на характер его дискурсивного мышления. При этом каждый возраст имеет свою жанровую идентичность: свои речевые предпочтения демонстрируют дошкольники, подростки и т.д. Молодежь, как возрастная и социальная группа, кроме возрастной речевых предпочтений, различается и по иным признакам социальной принадлежности.

Логика приведенных выше рассуждений предполагает все большее сужение социального пространства обитания человека до таких малых социальных групп как неформальные объединения по интересам (рыбалка, охота, фитнес, огородничество, баня и т.п.). Здесь мы тоже можем встретить речевую идентичность. Предпоследней ступенью в выделении критериев дифференциации коммуникативного пространства будет семья, семейная коммуникация, которая также уникальна по жанровым признакам.

Наконец, последним звеном в цепи проблем изучения жанровой компетенции будет индивидуальный человек, его созна-

ние, где жанровый слой выступает в виде «приводных ремней», соединяющих глубинный концептуальный подвал, где хранится социальный опыт, с верхним уровнем языковых сетей, где знания репрезентируются в вербальный дискурс. В этом случае речеведение вторгается в недавно сформировавшуюся область антропологистики, которая получила название **лингвоперсонологии, или лингвистики индивидуальных различий** (подробнее см.: [Карасик 2007; Седов 2008а]). Для моделирования жанровой компетенции индивидуального человека нами введено понятие «личностный комплекс», где в качестве критериев для создания речевого портрета личности через призму жанровой компетенции используются стратегические особенности речевого поведения, жанровые и тактические предпочтения в построении дискурса (подробнее см.: [Седов 2007b; 2008b]). Разные по коммуникативным чертам характера личности в сходных ситуациях социального взаимодействия будут демонстрировать различия в речевых предпочтениях.

Высказанные соображения не исчерпывают круг проблем современного речеведения. Они намечают лишь один из векторов ее развития – движение в сторону социальной психологии и социологии. Однако не в этом пафос статьи. Существование лингвистики в современной культурной ситуации невозможно в условиях самоизоляции от других сфер знаний. Обращение же к достижениям других наук позволит расширить ее пространство и открыть новые перспективы, возвращая ее к человеку и его социальному бытию.

Литература

- Аверинцев С.С.* Филология // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987.
- Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация / Под ред. К.Ф. Седова. – М., 2007.
- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М., 1998.
- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. – М., 1996. Т.5.
- Бахтин М.М.* Марксизм и философия языка // Общая психолингвистика: Хрестоматия. – М., 2004.
- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. – М., 2001.
- Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. Т.2.
- Гольдин В.Е.* Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. – Саратов, 1997.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики. [6-е пер. и доп. изд.]. – М., 2008.
- Дементьев В.В.* Аспекты проблемы «жанр» и «культура» // Жанры речи. – Саратов, 2007. Вып. 5. Жанр и культура. (Дементьев 2007а)
- Дементьев В.В.* Изучение речевых жанров в России: Аспект формализации социального взаимодействия // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. – М., 2007. (Дементьев 2007b)
- Дементьев В.В., Фенина В.В.* Когнитивная лингвистика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи. – Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
- Жанры речи. – Саратов, 1997–2007. Вып. 1-5.
- Жура В.В.* Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении. – Волгоград, 2008.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002.
- Карасик В.И.* Языковые ключи. – Волгоград, 2007.
- Клюев Е.В.* Речевая коммуникация: Успешность речевого взаимодействия. – М., 2002.
- Кожина М.Н.* Речеведческий аспект теории языка // *Stylistyka*. VII. Opole, 1998.
- Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка. – М., 2008.
- Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – Волгоград, 2003.
- Леонтьев А.А.* Язык. Речь. Речевая деятельность. – М., 1969.
- Макаров М.Л.* Основы теории дискурса. – М., 2003.
- Михальская А.К.* Основы риторики: Мысль и слово. – М., 1996.
- Мишиланов В.А.* Предмет речеведения и его отношение к лингвистике // Речеведение. Научно-методические тетради. № 1. – Новгород, 1999.
- Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса. – Волгоград, 2004.
- Русская разговорная речь. – М., 1973.
- Речеведение: Научно-методические тетради № 1-2. – В. Новгород, 1999-2000.
- Седов К.Ф.* Нейтральные жанры в коммуникативном пространстве современной России // *Stylistyka* XV. 2006. Opole, 2006.
- Седов К.Ф.* Принципы построения современной отечественной психолингвистики // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5. (Седов 2007а)
- Седов К.Ф.* Человек в жанровом пространстве современной коммуникации // Антология речевых жанров: Повседневная коммуникация. – М., 2007. (Седов 2007b)

- Седов К.Ф.* Теоретическая модель психолингвоперсонологии // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. (Седов 2008а)
- Седов К.Ф.* Онтопсихолингвистика. – М., 2008. (Седов 2008b)
- Седов К.Ф.* Жанровая компетенция личности и эмоции. (в печати).
- Слышкин Г.Г.* Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. – Саратов, 2005. Вып. 4. Жанр и концепт.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. – М., 1977.
- Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. – Воронеж, 2001.
- Тарасов Е.Ф.* Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // Основы теории речевой деятельности. – М., 1974.
- Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие: Коммуникация и прагматика. – М., 2007.
- Хорошая речь. – М, 2007.
- Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. – Волгоград, 2000.
- Шмелева Т.В.* Речеведение: в поисках теории // Stylistyka. VI. 1997. Opole, 1997.
- Шмелева Т.В.* Так что же такое речь? // Речеведение: Научно-методические тетради. № 1. – В. Новгород, 1999.
- Шмелева Т.В.* Речеведение'2000 // Речеведение: Научно-методические тетради. № 2. – В. Новгород, 2000.
- Шмелева Т.В.* Речеведение в современной русистике // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2004.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М., 1974.

Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матьяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матьяш. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с., ил.

*«Мы должны принять тот факт,
что либо мы умрем вместе,
либо будем жить вместе, и если мы
выбираем последнее,
то нам необходимо общаться».*

Элеонора Рузвельт

Коммуникативистика (в терминах рецензируемого учебника – коммуникологию) как лингвистическая парадигма, с одной стороны, очень наука древняя, а с другой стороны, сравнительно молодая. Древняя она, потому что еще в Древней Греции, Риме и России мыслители не раз высказывались о пользе красноречия, о необходимости правильно выражать свои мысли и адекватно владеть словом. «Кто владеет словом – тот владеет миром» (Демокрит).

Но, к сожалению, люди так и не научились совершенному общению друг с другом, что проявляется как в их коммуникативном поведении, так и в теории и практике номинации. Люди по-прежнему общаются на уровне приблизительных номинаций и интуитивных речевых практик, что приводит к различным видам коммуникативных помех, вплоть до провалов в общении.

Коммуникология – новая научная дисциплина из разряда хорошо забытых старых наук. Причина новой жизни этой дисциплины заключается в том, что лишь совсем недавно люди осознали, что они не умеют успешно общаться друг с другом ни на внутрикультурном, ни на межкультурном уровнях. Особенно заметно это стало в связи с бурным развитием лингвопрагматики (прагматики речи и текста) как одной из новейших языковедческих парадигм конца XX века. Люди, наконец, осознали, что за каждым текстом стоит человек, что прагматика говорящего не совпадает с прагматикой слушающего в одном и том же дискурсе, ибо семантика слов находится не в словаре, а в головах коммуникантов – речевых партнеров.

Путь коммуникологии проходил по тернистой тропе: от древних риторик к теории культуры речи, от нее к формулированию максимумов общения (Лич, Грайс, Формановская и др.) и, наконец, к правилам, учитывающим специфику речевого партнера – его гендер, возраст, профессиональный и культурный уровень, принадлежность к этносу и другие маркеры инакости (инаковости). Именно это инакость (инаковость) речевых партнеров и служит главным препятствием их беспроблемной коммуникации.

Несмотря на довольно бурное и успешное развитие теории коммуникации, в России до настоящего времени не было ни одного специального учебника по коммуникологии. Поэтому следует приветствовать появление такого внушительного, скрупулёзного энциклопедического учебного пособия, созданного по инициативе О.И. Матьяш в соавторстве с ее коллегами по РКА (Российская коммуникативная ассоциация). О.И. Матьяш – доктор философии (Ph.D., Сиракузский университет, США), кандидат педагогических наук (Москва), имеющая богатый опыт преподавания в высшей школе России и США (Новокузнецк, Волгоград, Сиракьюз, Индианаполис, Санкт-Петербург). О.И. Матьяш является основателем и учредителем РКА в России, ею проведено несколько успешных конференций Российской коммуникативной ассоциации в Пятигорске, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге. Отрадно, что идея О.И. Матьяш об основании и развитии РКА в России приобрела материальную форму в виде первого фундаментального учебника по коммуникологии.

Настоящий учебник отличается прежде всего особой методологией и методикой, одновременно он является конгломератом обширных сведений по коммуникатив-

ной теории, учитывающей практически все основные знания, добытые современной гуманитарной наукой прежде всего в США и в России. Материал книги сопровождается богатым иллюстративным материалом, поражающим своей современностью и превосходным знанием авторами учебника социальной и культурной ситуации в теперешней России.

Очень интересен и оригинален замысел данного учебника: теоретические рассуждения каждой главы, написанные ясным и понятным языком, приспособленным к обучающим целям, включают в себя необычный пока для русского учебника раздел «Говорят учёные» и следующий за ним раздел «Вопросы и задания для дискуссии и самопроверки».

Учебник содержит эмоционально привлекательное по своему содержанию приложение, в котором приводятся коммуникативные ситуации различных типов, предназначенные для анализа. Учебник завершается глоссарием терминопонятий коммунологии с их дефинициями и предметным указателем, по которому легко найти те страницы учебника, на которых упоминается то или иное ключевое слово. Такое методическое сопровождение учебника делает его фундаментальным и, практически, совершенным изданием, а учитывая широту рассматриваемых в нем проблем, – изданием просто уникальным. Достаточно взглянуть на оглавление рецензируемого учебника, чтобы убедиться в том, что его авторы не забыли ни одной мало-мальски значимой стороны того, как учить людей правильному общению. В этом учебнике наглядно демонстрируется дидактический принцип «наука без практики мертва». Более того, практические наблюдения авторов, отраженные в книге, делают саму теорию коммуникации более явственной и доступной для понимания: с одной стороны, дискурсы иллюстрируют теоретические положения, а с другой стороны, они их формируют.

Учебник состоит из 8 глав, написанных разными авторами: первые четыре главы написаны О.И. Матяш, автором 5 главы

является В.М. Погольша, шестая и седьмая главы выполнены Н.В. Казариновой, последняя (8 глава) подготовлена известным американским коммунологом Стивеном Арнольдом Биби в соавторстве с отечественным учёным Ж.В. Зарицкой.

Сама структура учебника, содержание его глав свидетельствуют об огромной, но, наверняка, все еще неисчерпанной проблематике современной коммунологии.

Так, в первой главе, подробно рассмотрено понятие человеческой коммуникации, дано ее определение, названы ее различные модели и виды (с. 15-88). Особое внимание уделено пониманию трансактной природы коммуникации, а также ее созидающе-преобразующей, конструирующей роли в социальной жизни. Еще один важный акцент этой главы – связь коммуникации с жизненным миром человека. Во второй главе рассматриваются проблемы межличностной коммуникации, диалектика личностного и безличностного в межличностных взаимодействиях, проблема диалога и диалогичности отношений, координирование действий и смыслов в межличностной коммуникации. Особое внимание в главе уделяется коммуникативной компетентности, ее составляющим и характеристикам, влияющим на успешность коммуникации (с. 91-145).

Третья глава книги посвящена проблеме «Я» и его образу в межличностной коммуникации, его конструированию и коммуницированию в разговорных взаимодействиях (с. 147-208). Особо рассматриваются такие непростые понятия, как множественность «Я», множественные идентичности, самопрезентация, идентификация, менеджмент впечатлений/идентичностей; на конкретных примерах подробно рассматривается, как именно происходит конструирование и согласование идентичностей во взаимодействиях с разными другими «Я».

Четвертая глава освещает проблемы языка в коммуникации, сложности, связанные с его символично-знаковой природой, а также проблемы взаимодействия языка и культуры. Рассматриваются понятия конфирмации и дисконфирмации, коммуника-

тивный климат (поддерживающий и защитный), вводится различие ассертивности и агрессивности в вербальной коммуникации. В главе получает дальнейшее обоснование принцип ориентации на Другого (объяснение этого принципа как ключевого в межличностной коммуникации проходит красной нитью через все главы учебника), отмечается наличие специфических правил адаптации к личности Другого в каждой новой дискурсивной практике, что представляет наибольшую сложность для субъекта говорения (с. 211-273).

В пятой главе обсуждаются психолингвистические проблемы механизмов порождения речи, ее восприятия и понимания (с. 275-342). Новым и интересным для отечественной коммуникативистики, особенно в научающем плане, является обсуждение социально-перцептивной компетентности и процессов формирования первого впечатления о речевом партнере при вступлении с ним в коммуникацию. Так, в выводах к изложенному материалу В.М. Погольша отмечает, что восприятие человека человеком – это процесс построения образа другого человека, разворачивающийся при непосредственном общении с ним, включающий в себя отбор, организацию и интерпретацию чувственных данных, концентрирующийся на особенностях его внешности, поведенческих реакциях и коммуникативных действиях (с. 336).

Проблеме эффективного слушания, как одной из теоретических и практических проблем общения людей, посвящена глава шестая (с. 345-384). Здесь рассматриваются коммуникативные барьеры слушания. Само оно рассматривается как коммуникативный акт, обсуждается проблема «неслушания» в различных коммуникативных ситуациях и его влияние на успешность протекания коммуникации. Плодотворным представляется вывод автора этой короткой главы о выделении двух векторов слушания: 1) слушания с целью точного восприятия содержания сообщения (информационное слушание); 2) слушания, управляющего межличностными отношениями (участвующее эмпатическое слушание) (с. 377).

Не один раз в учебнике внимание авторов обращается к адаптивной функции общения, т.е. функции приспособления, настройки коммуникантов друг на друга, на поиск совместной коммуникативной платформы. Эта идея во многом согласуется с разработанным нами пониманием адаптации и коммуникативного тьюнинга речевых партнеров [см.: Шаховский 2008].

Седьмая глава посвящена проблеме эмоциональной коммуникации в межличностном взаимодействии (с. 387-422). В целом, глава, посвященная эмоциональной коммуникации, достаточно информативна и интересна, автору раздела удалось осветить основные аспекты эмоциональной коммуникации, затронуть и вопрос об эмоциональной компетенции и эмоциональном интеллекте человека говорящего. В данной главе справедливо отмечается, что словами невозможно адекватно передать быстро меняющиеся в ходе межличностной коммуникации эмоции, поднимается вопрос об умении коммуникантов осознать свои эмоции и эмоции партнера в момент общения.

Правильно, по нашему мнению, автор отмечает и то, что существует связь между эмоцией и ее причинами, а также ее последствиями для обоих коммуникантов. Эти последствия могут быть совершенно неожиданными и даже противоположными ожидаемым. При этом одно и то же слово, одна и та же фраза может быть использована для выражения и вызывания различных, а порой и противоположных, эмоций. Такая ситуация указывает на наибольшую степень расхождения между переживаемыми эмоциями и их вербализацией, которая всегда довольно приблизительно, что часто приводит к коммуникативным помехам и даже провалам в общении.

Не забыты в данном разделе учебника и гендерные различия в экспрессии эмоций, что достаточно хорошо изучено и в отечественной лингвистике наукой, которая называется гендерологией.

Возможно, следует приветствовать стремление автора данного раздела расширить представления читателя об ино-

странном опыте изучения эмоциональной коммуникации, что отражено в ссылках на иностранные источники, большая часть из которых относится к сферам психологии, философии, социологии. Но в то же время в указанной главе заметна недооценка достижений лингвистики в области эмоциональной коммуникации, в том числе отечественной (см., например, исследования волгоградской школы лингвистики эмоций, в которой совместными усилиями ученых написано около 1000 научных работ). Отечественные эмотиологи отмечают, что без эмоций общение людей не существует, т.к. все люди – *homo sentiens* [Шаховский, 2009].

Продуктивным представляется раскрываемое в седьмой главе положение о том, что эффективность эмоционального общения зависит от синхронизации эмоциональных реакций коммуникантов в конкретном дискурсе. Действительно, эмоциональное общение не может быть успешным в состоянии эгоцентризма обоих коммуникантов, т.к. это приводит к игнорированию эмоционального состояния партнера. Отсюда возникает учебная задача: на практических занятиях по эмоциональному общению тренировать навыки эмоционального тьюнинга, или, как отмечает Н.В. Казаринова, необходим тренинг в саморефлексии своего эгоизма и его преодоление. Если же такого тренинга не проводить, то одних теоретических знаний будет недостаточно для развития эмоциональной / эмотивной компетенции коммуникантов, несмотря на имеющиеся знания, они останутся эмоционально незрелыми и будут находиться всего лишь на стадии поверхностного кодирования / декодирования своих и чужих эмоций, не достигая уровня эмоционального взаимообмена.

В указанной главе удачно приводятся несколько заданий для развития и совершенствования способности говорящих осознавать собственные эмоциональные состояния и эмоциональные состояния других (с. 406). Автор приводит также некоторые правила эмоционального общения, которым надо обучать коммуникантов. Заканчивается раздел

рассмотрением таких бурных эмоций, как зависть и ревность, их агрессивной природы.

Завершающей в рецензируемой книге является глава «Межличностная коммуникация и культурное разнообразие: ориентируясь на собеседника» (с. 425-489). Данная глава рассматривает общие и частные проблемы межкультурного общения, в ней делается упор на причины затруднений и межкультурные помехи в коммуникации. К таким межкультурным помехам авторы относят, например, межпоколенные стереотипы: через каждые 10-15 лет происходит смена межпоколенного кода (раньше эта смена происходила через 20-25 лет). Отсутствие общей базы (общих знаний) является сильнейшим препятствием межпоколенной коммуникации даже в пределах одной и той же культуры, еще более ощутимы эти трудности в межкультурной коммуникации. С этим мнением авторов раздела учебника никак нельзя не согласиться, поскольку каждый из нас имеет определенный опыт общения как со своими студентами на родном языке, так и с иностранными гражданами, например, на английском языке, и не всегда этот опыт успешный. Фактически, как отмечают авторы восьмой главы, происходит естественное отталкивание поколений друг от друга. Не зря говорят о разрыве межпоколенной связи как о серьезном препятствии в межкультурной (в смысле межпоколенной) коммуникации.

В учебнике рассмотрены и другие аспекты межкультурной коммуникации: гендерный, профессиональный, возрастной, этнический, институциональный и др. Как замечают авторы данного раздела учебника, внутри каждого поколения людей вырабатываются внутренние правила общения, которые не срабатывают на межпоколенном, этническом, возрастном и др. уровнях, что объясняется различными ментальными программами этих языковых общностей людей. Для адекватного общения необходима *co-culture*. Этот термин, так же, как и термин *bridging cultures* представляется правильным и полезным для теории межкультурной коммуникации (под таким названием

Волгоградский педуниверситет совместно с Ромапо колледжем (США), выпустил два сборника совместных научных трудов) [см.: Bridging cultures ..., 1996, 1997].

В рецензируемом учебнике приводится удачное образное сравнение культуры с айсбергом, подчеркивающим сходство его подводной части с культурными расхождениями и, соответственно, с трудностями межкультурного общения. На с. 437-441 говорится о параметрах культуры в измерении ценностей (по Г. Хофстеде), приводится список стран с высоким и низким индексом по каждому параметру, к которым дается подробный комментарий, что делает эту часть главы наглядно-информативной. Интересным представляется раздел о традиционных ценностях русской культуры (с. 444-449), о месте русской культуры в классификации культур (по Г. Хофстеде) (с. 442-443).

Читателям данного издания предоставляется возможность узнать о таких понятиях, как *низкоконтекстная* и *высококонтекстная культура* (с. 449 и след.), о коммуникативном стиле в различных культурах (с. 450 и след.), особенно в западной и восточной. Полезной для читателей будет и предложенная в книге информация об этнических предубеждениях, суевериях и стереотипах как о возможных помехах в межкультурной коммуникации. Интересен образ «культурных очков», которые необходимы для коррекции межкультурных различий в межкультурной коммуникации, а также информация о золотом и платиновом правилах общения: золотое – «Относись к другим, как Вы хотите, чтобы они относились к Вам», платиновое – «Относись к другим так, как они бы этого хотели» (с. 480-481).

Отрадно, что в этой главе авторы не обошли проблему эмоциональной коммуникации. В этой связи хочется вспомнить также внушительную, известную теперь всем работу А. Вежбицкой под названием «Emotions through cultures» и другие работы этого автора. Во многом углубили бы представленный в разделе материал также книги отечественных ученых [Дементьев, 2006; Кашкин, 2000; Леонтович, 2007; Макаров,

2003 и др.], написанные в XXI веке и посвященные в том числе обсуждаемым в книге вопросам.

Завершается этот фундаментальный учебник не менее интересным и оригинальным послесловием, которое фактически является краткой рецензией, высоко оценивающей труд О.И. Матяш и ее коллег. Автор послесловия, профессор М.В. Рац, справедливо дает высокую оценку изданию, указывая, что в России данная проблематика ждет своих новых исследователей. Можно согласиться с М.В. Рацем и в том, что данная книга является своеобразной нанотехнологией в обучающей коммуникации, а также с тем, что правильное общение как межличностное, так и институциональное, может самым серьезным образом способствовать модернизации России. К данному мнению можно добавить, что коммуникология (коммуникативистика) совершенно неожиданно стала экономической категорией, т.к. правильное общение способствует росту производительности труда во всех сферах человеческой деятельности, ибо Слово – тоже дело.

Восхищаясь прекрасным замыслом и воплощением учебника по новой учебной дисциплине «Общение людей» (таково может быть его приблизительное наименование), хотелось бы обратить внимание авторов на некоторые технические замечания, которые, возможно, могли бы быть учтены во втором издании книги. Литература, приводимая в конце каждой главы, в некоторой степени нарушает методическую стройность жанра учебника. В ней дается список научной литературы для выбора студентов без градации на основную и дополнительную, в то время как такое деление дало бы большие ориентиры тем, кто только осваивает основы этой дисциплины. Кроме этого, обращает на себя внимание тот факт, что авторскому коллективу не вполне удалось выработать единый стиль изложения учебного материала: главы, написанные О.И. Матяш, заметно отличаются более доверительной тональностью, легким и доступным языком. Впечатление очень и очень хорошее: читается легко, охвачено всё и вся в теории

и практике коммуникации. Многие конкретные факты человеческого общения описаны в этих главах впервые, хотя все они витают вокруг нас. О.И. Матяш, кажется, удалось их как бы налету схватить и вербализовать. Чувствуется громадная научная эрудиция, высочайшая информированность ученого, детализирующая наблюдательность и педагогически-дидактические способности, навыки и знания автора первых четырех глав. Это же относится, но в меньшей степени, к авторам других глав, которые стилистически в большей степени ориентированы на компетенцию опытного читателя, ученого: некоторые разделы написаны в жанре научной статьи или диссертации, что и препятствует, по нашему мнению, формированию единого стиля учебника. В целом же, несмотря на жанровое многообразие, язык книги является общедоступным. Похвальным является и обильный, современный, живой иллюстративный материал, коммуникативно ориентированные задания, обучающие саомониторингу и учету инакости речевого партнера. Очень важны для учебного пособия двуязычные задания (индивидуальные размышления с привлечением коммуникативных ситуаций из опыта жизни автора, а также групповые наблюдения). Методически обоснованным в рецензируемой книге является и воспроизведение ключевых слов и выражений разделов, обобщающих выводов в форме тезисного конспекта содержания всей главы. Этот прием повышает глубину понимания и запоминания учебного материала учащимися.

Хочется отметить скрупулёзную детализацию всех аспектов сложнейшего феномена – коммуникации – в главах учебника, которые могли бы быть дополнены информацией о языке тела и его роли в человеческом общении. Известно, что люди общаются не только словами, но и жестами, мимикой, просодией, фонацией, которые могут сопровождать человеческую речь, заменять ее, противоречить ей. И даже в межкультурной коммуникации семиотику телового языка нельзя не учитывать. Одни и те же теловые знаки могут передавать различные, и даже

противоположные смыслы. Отсюда возникает проблема перевода невербальной семиотики с одного языка на другой.

Хотелось бы обратить внимание авторов и на их общий тезис о том, что мы должны обязательно настраиваться на своего партнера для достижения успешного результата общения. Это требование справедливо, но до известных пределов: если мы будем действительно всегда говорить языком партнера, то, во-первых, мы утратим самоидентификацию, а, во-вторых, не сможем общаться, если наш партнер тоже в это время будет настраиваться на наш язык (речь идет о внутриязыковом общении). Одному из партнеров все-таки надо оставаться в пределах своего языкового пространства, чтобы другой партнер мог на него настроиться. Хотя, конечно же, по ходу взаимодействия оба партнера должны уметь осознавать и согласовывать позиции – свою и другого – и это обязательно. Видимо, необходим какой-то усредненный язык межличностного общения и общий эмоциональный и смысловой центр, иначе гармония в человеческом общении невозможна.

К новизне данного учебника относится ряд новых для отечественной коммуникативистики терминопонятий, которые вводятся в научный обиход: *коммуникалогия*, *коммуниколог*, *рефрейминг* (к сожалению, в глоссарии не приводится его дефиниция, хотя в тексте учебника он употребляется несколько раз), *(дис)конфирмация*, *конформность личности*, *оценочный слушательский отклик*, *псевдослушание*, *слушание «атакующее»*, *стигматизирование*, *фундаментальная ошибка атрибуции*, *эффект ореола*, *язык ответственности*, *co-culture*, «культурные очки» и др. (их дефиниции см. Глоссарий – с. 514-534).

Считаем, что авторам рецензируемого учебника удалось решить главную задачу – создать учебник совершенно нового типа по совершенно необходимому новому предмету, обучающему практике человеческого общения. В связи с этим стоит обратить внимание Министерства образования и науки РФ на данный учебник, а также на предложение

ввести предмет коммуникологии в учебные планы всех учебных заведений страны.

Поздравляем коллектив авторов под руководством О.И. Матьяш с созданием та-

кого фундаментального и содержательного учебника, а всех коммуникологов России – с энциклопедией по теории и практике обучения правильному общению.

Литература

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.

Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.

Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. – М.: Гнозис, 2007. – 368 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003.

Шаховский В.И. Эмоциональный тьюнинг в речевом общении // Язык – сознание – культура – социум: сб. докл. и сообщ. межд. науч. конф. памяти проф. И.Н. Горелова. – Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. – С. 478-481.

Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике // Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – С. 179-191.

Bridging Cultures: the next step: межд. сб. науч. статей. – Ramapo (USA)-Volgograd: Волг. гос. пед. ун-т (Russia), 1996.

Bridging Cultures: the next step: межд. сб. науч. статей. – Ramapo (USA)-Volgograd: Волг. гос. пед. ун-т (Russia), 1997.

В.И. Шаховский (г. Волгоград)

Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.–Калуга: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

Эта книга – результат многолетней работы автора над одной из самых неоднозначных и сложных психолингвистических проблем. Прошло немало времени с тех пор, как термин «языковое сознание» стал обычным хотя бы внутри самой психолингвистики. Стало, пожалуй, общепризнанным, что он охватывает по сути все, что связано с отражением (и выражением) человека в языке. Другое, в чем также сомнений мало, – понимание сущности феномена «языковое сознание» невозможно без тщательного и часто очень трудоемкого исследования многочисленных форм человеческого «бытия» в языке, без обращения к данным других наук, занимающихся человеческим (в том числе речевым) поведением, а главное – без обращения к самому человеку. Рецензируемая монография, небольшая по объему, но очень насыщенная содержательно, тому имеются убедительные свидетельства.

Книга включает в себя восемь небольших глав; ее логика – движение от частного к общему, от конкретного к глобальному; в то же время построение почти каждой главы отвечает классическим композиционным требованиям: проблема – анализ – обобщение. Такое расположение материала неслучайно: рассуждения о взаимосвязи языка, культуры и сознания, о структуре и содержании языкового сознания, о проблемах его описания опираются на весьма обширную базу разнообразных данных, становясь тем самым предельно наглядными и доказательными.

Первая глава, самая объемная, «**Лингвистический и психолингвистический анализ структуры падежной системы (на материале русского языка)**» содержит итоги теоретико-экспериментального исследования становления падежной системы в онтогенезе. От рассмотрения традиционного лингвистического представления падежной системы автор переходит к особенно-

стям ее становления и функционирования в норме и патологии. На материале усвоения значения конкретных падежей анализируется процесс генерализации грамматических отношений. Происходит это, как показывает автор, в предметной (и познавательной) деятельности, от значения – к форме его языкового выражения. Вот один из выводов работы: «Первые появляющиеся у ребенка падежи являются не адаптированным вариантом падежной системы взрослого, а представляют собой законченную (на каждом определенном этапе языкового развития ребенка) систему, имеющую свою внутреннюю логику. Появление новых падежей или нового значения падежа означает не просто ее количественное изменение, а качественную перестройку всей системы, все большее ее приближение к той, которая существует в языке взрослого носителя языка» (С. 64). Вторая глава «**Становление символической функции в онтогенезе**» также посвящена исследованию одного из важнейших аспектов овладения языком и представляет собой проблемный анализ концепций Л.С. Выготского, Ж.Пиаже, Х. Пютнэма, Ж. Мелера, Дж. Марголиса, А. Валлона и других.

В третьей главе «**“Присвоение” культуры и язык**» ставится проблема взаимосвязи слова и фрагмента означиваемой им реальности. В фокус внимания автора по-прежнему попадают и семантика, и грамматика слов, однако последние как традиционные единицы грамматических классов рассматриваются в ином, более широком, интерпретационном контексте: обозначение словом (наименование) понимается как необходимое условие развития связей знака и окружающей действительности, а также процесс (о)сознания этих связей. Положение о том, что в структуре значения слова отражаются результаты социализации человека, подтверждается далее в конкретном экспериментальном исследовании, включающим

три эксперимента – ассоциативный устно-письменный, на группировку и на определенные значения.

Объектом исследования здесь по сути является субъективное содержание знакового образа. Конкретно – анализируется формирование структур значения групп существительных, прилагательных и глаголов у детей разного возраста. Результаты исследования подтверждают, что значения единиц указанных классов формируются как принципиально разные структуры; собственно, можно говорить о формировании и когнитивной структуры, и структуры высказывания.

Глава четвертая «**Мотивация в речевом воздействии: проблемы и концепции (70-80 гг. XX в.)**» – теоретическое описание специфики мотивации, ее природы и места в структуре речевого воздействия, выполненное с опорой на положения зарубежной и отечественной психологии. Проблемные вопросы: как происходит становление и развитие специфически человеческих форм потребности? как возникают процессы (действия), предмет и мотив которых не совпадают? как соотносятся эмоции и смысл? – получают свое освещение в контексте органической взаимосвязи языка и общества. Наконец, формулируется сама суть анализируемого процесса: достижение цели посредством чужой деятельности предполагает учет системы социальных предписаний, существующих в конкретном обществе.

Глава пятая «**Порождение речевого высказывания: психолингвистический аспект моделирования**» представляет собой аналитический обзор исследований по указанной проблеме, предпринятых в свое время отечественными психологами. В числе поставленных целей – формулирование общих требований к модели речевого производства и выявление общих методологических принципов, которые должны быть положены в основу данной модели (они представлены списком в конце данной главы). В пятой главе обсуждается классическая концепция Л.С. Выготского, учение А.Р. Лурии (внутренняя динамическая схема высказы-

вания), модели речепорождения, предложенные А.А. Леонтьевым, Т.В. Ахутиной и И.А. Зимней. В процессе анализа ключевых положений указанных концепций подтверждается справедливость понимания речевого высказывания как особого вида деятельности. В главе предпринят также сравнительный анализ психологических и лингвистических подходов к моделированию процесса речепорождения.

Глава шестая «**Язык, культура и образ мира**» несколько отличается от предыдущих и по тематике, и по принципам изложения. В ней в виде четких, лаконичных формулировок звучат резюме конкретных исследований и наблюдений автора, с которыми знакомится читатель в предыдущих главах книги и которые, добавим от себя, часто цитируются в теоретической части психолингвистических работ.

В главе представлена краткая история развития этнопсихолингвистики в московской психолингвистической школе; формулируется сам термин «языковое сознание»; с привлечением материалов прямого и обратного словарей демонстрируются способы овнешнения его отдельных фрагментов. Еще несколько феноменов, также фигурирующих в психолингвистических исследованиях – «культурный стереотип», «культурный предмет», «системность культуры», – находят свое место в общей концепции. «За телом знака (словом в его звуковой или графической материальности) стоит живая клеточка образа мира конкретной культуры, – пишет Н.В. Уфимцева. – Системность же значений есть отражение системности самой культуры, той структуры космоса (образа мира), которая в ней сформирована» (С. 210-211). И еще одна цитата, напоминающая известную гумбольдтовскую, но в свое время, вызвавшая у преподавателей-практиков реакцию, какую обычно вызывает неприятное открытие. «Изучение иностранного языка, – пишет автор книги, – не дает автоматически тех знаний, которые стоят за словом у носителя данного языка, и мы по-прежнему пребываем в плену родной культуры, т.е. того образа мира, который сформировал-

ся у каждого из нас в процессе социализации... Но и это еще не все. Оказывается, мы не только “пленники” своей культуры, но в каком-то смысле и пленники своего языка...» (С. 211).

В главе седьмой, носящей название «**Языковое сознание: содержание и структура**», мы встречаем разные, если можно так сказать, ипостаси и трактовки сознания, в том числе и сознание этническое. С позиций оптимальности и адекватности изучаемому объекту предпочтительными оказываются экспериментальные методы получения данных о содержании образов языкового сознания. При этом важен непрменный фактор культуры. Здесь тезис о том, что человек находится в плену своего языка и культуры, получает свое развитие: «Представитель того или иного этноса воспринимает любой предмет не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении, а значения концентрируют в себе внутрисистемные связи объективного мира, – отмечает Н.В. Уфимцева. – В значениях, в отличие от личностного смысла, фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущий тому или иному этносу. Культурные стереотипы усваиваются в процессе социализации. В силу этого культура не может быть отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. этническая» (С. 219).

Автор обращается к анализу данных САНРЯ и РАС с целью проследить изменения, произошедшие в сознании русских за 20 лет. Ассоциативный тезаурус утверждается как модель языкового сознания человека. Еще один термин – «ядро языкового сознания» – органично встраивается в общий понятийный аппарат. В конечном счете ана-

лиз этой модели преследует более глобальную цель, нежели просто выявление и описание структуры ассоциативного значения, а именно – «через ассоциативный эксперимент и построение на его основе семантической сети усредненного носителя данной конкретной культуры можно выявить системность образа мира носителей той или иной культуры... и, вероятно, систему их культурных стереотипов, которые отражают и особенности национального характера» (С. 236).

Глава восьмая «**XXI век – лингвистика или психолингвистика?**» – завершающая, подводящая итог всему сказанному выше, статья полемического характера, приглашающая к осмыслению современного состояния лингвистики, к ее статусу как «антропоцентрической» науки.

Книга «Языковое сознание: динамика и вариативность» написана (наверное, иначе и быть не могло) в классических традициях и в классической научной манере: выводы, базирующиеся на большой доказательной базе, насыщенность фактами, выстроенными в соответствии с четкой концепцией, предельно ясная внутренняя логика и в то же время простота формулировок. Книга, несомненно, рассчитана на хорошо подготовленных читателей – местами у нее довольно плотная и сложная фактуальная ткань, – но очень хотелось бы, чтобы она нашла таких и среди аспирантов и студентов, пытающихся разобраться в сложных связях, существующих между языком и сознанием, – а таких людей, скажу по своему опыту, довольно много.

Но особенно интересна эта книга для нас, психолингвистов, так как проблемы, рассматриваемые в ней, не утрачивают своей актуальности и в настоящее время.

О. Балясникова

**Международная конференция
«Жизнь языка в культуре и социуме – 3»**

20-21 апреля состоялась международная конференция «Жизнь языка в культуре и социуме-3», организованная Институтом языкознания РАН совместно с Российским Университетом Дружбы Народов.

Вот уже третий год ученые из разных стран мира – России (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Архангельск, Сочи, Калуга, Нижний Новгород, Томск, Омск, Сыктывкар, Челябинск, Тверь, Славянск, Иркутск, Ульяновск, Владимир, Ростов-на-Дону, Новосибирск и многие другие), Украины (Киев, Одесса, Донецк, Луганск), Белоруссии (Минск), Казахстана (Алматы, Шымкент, Караганда), Киргизии (Бишкек), Грузии (Тбилиси, Батуми), Черногории (Подгорицы), Бельгии (Лован), Швеции (Лунд) – встречаются для того, чтобы поделиться своим опытом исследования языковых единиц и социального познания. Можно определенно сказать, что интерес к данной тематике непрерывно возрастает и с каждым годом становится всё более и более пристальным, около 200 докладов было прислано для публикации представителями различных российских и зарубежных вузов (Институт языкознания РАН, МГУ, РУДН, Государственный институт русского языка им А.С. Пушкина, Московский городской педагогический университет, Военный университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Воронежский государственный университет, Нижегородский государственный педагогический университет им К. Минина, Ярославский государственный университет им П.Г. Демидова, Сочинский государственный университет, Южно-Уральский государственный университет, Омский государственный университет им Ф.М. Достоевского, Иркутский государственный лингвистический университет, Пермский государственный национальный исследо-

вательский университет, Владимирский государственный университет им А.Г. и Н.Г. Столетовых, Ульяновский государственный университет, Саратовская государственная юридическая академия, Башкирский государственный университет, Киевский национальный университет им. Т. Шевченко, Тбилисский государственный университет им И. Джавахишвили, Казахский национальный университет им. аль-Фараби и многие другие). Непосредственно на конференции было сделано более 130 докладов.

По традиции первый день открывался пленарным заседанием, на котором выступили известные ученые. Е.Ф. Тарасов положил начало работе конференции докладом «Социальная лексика как объект анализа», В.Г. Бороботько рассказал о «Формах концептуализации идей как ценностей культуры в языковом сознании», А.В. Кирилина предложила вниманию слушателей «Некоторые аспекты формирования новой философии языка в эпоху глобализации», В.В. Красных обозначила «Место и роль культуры и лингвокультуры в культурной идентификации и самоидентификации», а Н.В. Уфимцева представила доклад на тему «Культура и особенности образованности: по следам И.В. Кириевского».

После перерыва участники конференции разошлись по секциям, где представляли свои доклады. Всего в первый день было проведено 5 секций («Проблема изучения социальной лексики», «Отражение содержания общечеловеческих ценностей/ антиценностей в русском языковом сознании», «Языковое сознание как парадигма анализа социальной лексики», «Социальный интеллект и его связь с языковой компетенцией», «Интер- и интракультурное общение: проблемы, подходы, перспективы») и один круглый стол («Лингвистика и аксиология: новые векторы исследования»). Темы сек-

ционных заседаний были сформированы не случайно, они явились попыткой отразить самые актуальные проблемы направления, интересующего собравшихся. После завершения работы секций их участники не торопились расходиться, а продолжали дискуссии в более узких кругах «по интересам».

На второй день продолжилась работа следующих заседаний: «Проблема изучения социальной лексики», «Языковое сознание как парадигма анализа социальной лексики», «Социальный интеллект и его связь с языковой компетенцией», «Интер- и интракультурное общение: проблемы, подходы, перспективы».

Завершилась конференция докладами И.А. Стернина – «Психолингвистическое значение слова как тип значения», И.В. Журавлева – «Противопоставление «образ – процесс»: семьдесят лет спустя» и Е.В. Харченко, которая рассказала слушателям о «Языковом существовании организации: опыте описания».

«Жизнь языка в культуре и социуме – 3» явилась продолжением конференций прошлых лет, она также позволила сделать предварительный вывод, что «последовате-

ли оперируют в основном понятиями психологического образа и концепта, стремясь выйти за пределы оперирования понятием «лексическое значение» для описания содержания слова» (Е.Ф. Тарасов). Стало понятно, что за всеми докладами стоит «стремление выработать познавательный инструмент, более адекватный реальному положению дел» (Е.Ф. Тарасов). Конференция прошла в очень дружественной и теплой обстановке, и даже за научными спорами, возникавшими в процессе обсуждения той или иной проблемы, стояло не желание озвучить свою точку зрения, но попытка анализа проделанной работы, стремление сопоставить свои результаты с результатами ученых других школ с целью более тщательного рассмотрения проблемы через призму триангуляционного подхода.

Участники конференции простились друг с другом до следующего года, в котором, как известно, состоится Десятый Международный конгресс ISAPL, совмещенный с долгожданным 17-ым Международным симпозиумом по психолингвистике и теории коммуникации.

А.Д. Арзамасцева

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арзамасцева Анастасия Дмитриевна, аспирантка Института языкознания РАН, e-mail: arznastya@yandex.ru

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: olgbalyasnikova@yandex.ru

Баранова Ольга Николаевна, ассистент кафедры зарубежной филологии Московского городского педагогического университета (МГПУ), Институт Гуманитарных Наук (ИГН), e-mail: Торо-пе@yandex.ru

Барина Анастасия Олеговна, аспирант кафедры английской филологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, e-mail: stacey84@list.ru

Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, e-mail: egritsenko@lunn.ru

Жиганова Анна Владимировна, ассистент кафедры иностранных языков факультета международных отношений, экономики и управления, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, e-mail: ann-zhi1@yandex.ru

Журавлев Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник сектора психолингвистики ИЯз РАН, e-mail: semiotik@yandex.ru

Игнатов Юрий Юрьевич, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории разработки технологий диагностики личности Российского национального исследовательского медицинского университета им. Н.И. Пирогова, e-mail: psy4life@yandex.ru

Казакова Наталья Юрьевна, аспирантка сектора психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: Kazakov_u_a@mail.ru

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по науке Московского института лингвистики, e-mail: alkira@list.ru

Колмогорова Анастасия Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры МПИЯ Национального исследовательского Томского политехнического университета, e-mail: nastiakol@mail.ru

Лалетина Александра Олеговна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета международных отношений, экономики и управления, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, e-mail: egritsenko@lunn.ru

Ли Чэньчэнь, Иркутский государственный технический университет, аспирантка кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, e-mail: 263032766@qq.com

Макарова Дарья Николаевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода РосНОУ, e-mail: daria.makarova82@mail.ru

Мамаева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, e-mail: mamaev@krasmail.ru

Мельничук Ольга Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета, e-mail: oam@sitc.ru

Мельничук Татьяна Александровна, старший преподаватель кафедры английской филологии, Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета, e-mail: oam@sitc.ru

Рогозная Нина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Национального исследовательского института Иркутского государственного технического университета, e-mail: g09@istu.edu

Свинчукова Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, e-mail: elena-neutral2@rambler.ru

Сергеева Марина Владимировна, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка переводческого факультета Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, e-mail: msergeyeva@mail.ru

Соснова Маргарита Львовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры культуры и дизайна Российского государственного социального университета, e-mail: art-Margo-1@yandex.ru

Степанова Анна Александровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела психолингвистики ИЯз РАН, e-mail: st.anna@bk.ru

Тарасов Евгений Федорович, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором психолингвистики Института языкознания РАН, e-mail: eft35@mail.ru

Цой Алла Игнатьевна, докторант проф. Шаховского В.И. (ВГСПУ), кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, НОУ ВПО «Волгоградский институт бизнеса», e-mail: alights@mail.ru

Чернов Дмитрий Николаевич, доцент, кандидат психологических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией факультета психологии Международного славянского института имени Г.Р. Державина, e-mail: chernov_dima@mail.ru

Чжао Цюе, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, e-mail: qiuyez@sohu.com

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания Волгоградского государственного педагогического университета, e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Шмульская Лариса Степановна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета дополнительного образования Лесосибирского педагогического института – филиала Сибирского федерального университета, e-mail: lara_sh1973@rambler.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ»

Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена в бумажном варианте и в электронном виде или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска по адресу: editorial-vpl@yandex.ru

На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в журнале.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

- название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
  - инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
  - аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
  - ключевые слова (обычно 5-7) на русском языке;
  - перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
  - аннотацию на английском языке;
  - ключевые слова на английском языке.
- Основной текст статьи должен содержать:

- введение, где необходимо указание на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;

- основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);

- заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;

- библиографический список.

Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере с полуторным интервалом между строками на одной стороне листа стандартного формата бумаги – А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами). Размер шрифта 12. Абзацный отступ – 1,25 см.

Все страницы рукописи в бумажном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

В электронном файле страницы не нумеровать!

Объем статьи – до 40000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом. Размер шрифта для аннотации и ключевых слов – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования.

Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

Особенности набора знаков, цифр, формул

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать O (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «i»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации принимают-

ся. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

Таблицы

Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц. Размер шрифта – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

При этом в тексте в квадратных скобках после цитаты указывается фамилия автора цитированного источника, год издания, если нужно – страница: [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий (подробнее см.: <http://www.bookchamber.ru/gost.htm>).

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сообщество психолингвистов нуждается в постоянной организации своей работы. Ранее таким средством служили только наши Симпозиумы. В настоящее время мы создали еще одно средство информационной поддержки работы нашего психолингвистического сообщества – это журнал «Вопросы психолингвистики», который издается Институтом языкознания РАН при поддержке Московского института лингвистики.

Для распространения журнала необходима коллективная поддержка. Мы обращаемся к Вам с просьбой организовать в Вашем научном подразделении подписку на журнал «Вопросы психолингвистики», чтобы сделать его доступным через ВУЗовские библиотеки как можно более широкому кругу исследователей. В первую очередь мы обращаем Ваше внимание на желательность ознакомления с журналом не только студентов старших курсов, но и преподавательского состава.

Как показывает практика последнего времени, круг людей, проявляющих интерес к журналу, постоянно расширяется. Подтверждением этому является высокий импакт-фактор Российского индекса научного цитирования «Вопросов психолингвистики» – 0,232 по данным 2009 г.

Напоминаем Вам, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс **37152**.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru.

